

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

КАРАГАНДИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. АКАДЕМИКА Е.А. БУКЕТОВА

ЦЕНТР ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ И ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**ГОРОДА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА
В 1950-1960-Е ГОДЫ:
ИСТОРИЯ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ**

Монография

Караганда
2017

УДК 94(574) «1950/1960»
ББК 63.3(2К)
Г42

Авторы

**Сактаганова З.Г., Веремченко В.А., Абдрахманова К.К., Досова Б.А.,
Козина В.В., Елеуханова С.В., Карсыбаева Ж.А., Утебаева А.Д.**

Рецензенты

Х.М. Абжанов, д.и.н., профессор;
Ж.Б. Абылхожин, д.и.н., профессор

Под общей редакцией

З.Г. Сактагановой, д-ра ист. наук, профессора,
директора Центра этнокультурных и историко-антропологических
исследований КарГУ им. Е.А. Букетова

*Монография подготовлена в рамках научного
проекта по гранту МОН РК*

Г42 **Города Центрального Казахстана в 1950-1960-е годы: история и повседневность:** монография / Сактаганова З.Г., Веремченко В.А., Абдрахманова К.К., Досова Б.А., Козина В.В., Елеуханова С.В., Карсыбаева Ж.А., Утебаева А.Д.; под общ. ред. З.Г. Сактагановой. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2017. — 224 с.

ISBN 978-9965-859-78-6

Коллективная монография посвящена истории городской повседневности Центрального Казахстана в 1950-1960-е гг. Авторы на основе архивных документов и других источников исследуют региональную историю и повседневность центрально-казахстанских городов послевоенных десятилетий. Предметом исследования стали: население региона, его качественные и количественные характеристики, благоустройство городов, жилище и быт горожан, качество жизни городского населения, образование, досуг и религия, девиации и преступность в повседневной городской жизни региона. Значительная часть документальных материалов из фондов казахстанских и российских архивов впервые вводится в научный оборот.

Книга рассчитана на профессиональных исследователей-историков, преподавателей вузов и школ, работников просвещения и культуры, краеведов, студентов и широкий круг читателей, интересующихся советской историей или историей Казахстана.

**УДК 94(574.3) «1950/1960»
ББК 63.3(2К)**

ISBN 978-9965-859-78-6

© Карагандинский государственный
университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (З.Г. Сактаганова)	4
Глава 1. Современная историография истории повседневности в России (В.А. Веремко).....	8
Глава 2. Города Центрального Казахстана в 1950-1960-е гг.: демографическая характеристика и здравоохранение (В.В. Козина, С.В. Елеуханова)	33
2.1. Население городов Центрального Казахстана: общая характеристика.....	33
2.2. Система здравоохранения и медицинское обслуживание	40
Глава 3. Особенности благоустройства и жилищно-коммунального обслуживания... ..	48
3.1. Облик городов Центрального Казахстана: благоустройство по-советски (З.Г. Сактаганова, В.В. Козина, С.В. Елеуханова).....	48
3.2 Жилищные условия и быт горожан (З.Г. Сактаганова, Ж.А. Карсыбаева, Б.А. Досова).....	70
Глава 4. Качество жизни городского населения Центрального Казахстана в 1950-1960-е гг. (З.Г. Сактаганова, К.К. Абдрахманова).....	86
4.1. Уровень жизни горожан	86
4.2. Общепит и домашняя кухня	95
4.3. Торговля	112
Глава 5. Социокультурные перемены в повседневной жизни горожан	123
5.1. Образование (А.Д. Утебаева)	123
5.2. Досуг горожан (З.Г. Сактаганова, Б.А. Досова)	133
5.3. Религия в повседневной жизни (З.Г. Сактаганова, Б.А. Досова)	156
Глава 6. Девиантное поведение и преступность в городах Центрального Казахстана в 1950-1960-е годы (З.Г. Сактаганова)	179
6.1. Девиантное поведение и преступность	179
6.2. Детская преступность и борьба с преступностью	194
6.3. Пьянство и алкоголизм	198
6.4. Темиртауские события 1959 года.....	203
Заключение.....	216
Список сокращений.....	219
Сведения об авторах.....	222

ВВЕДЕНИЕ

Коллективная монография стала результатом более чем двухлетней работы по грантовому финансированию МОН РК фундаментальных научных проектов. В рамках данного исследования авторам удалось поработать в фондах казахстанских и российских архивов, провести интервьюированию со старожилками-горожанами Центрального Казахстана и т.п., что и позволило написать предложенную читателям книгу.

За последние десятилетия история повседневности стала одним из перспективных направлений в современной исторической науке. Обращение историков к данной проблеме свидетельствует о расширении ракурса изучения исторического прошлого. В исторической науке становится все более заметной тенденция к «антропологизации», что связано с ростом интереса к отдельному, обычному человеку, как главному и самому важному компоненту социального организма. Огромное значение уделяется не только человеку, но еще и «среде его обитания», его повседневности. В исследованиях по повседневности разрабатываются общетеоретические и методологические аспекты истории повседневности, отслеживаются различные подходы, изучающие человека во всех взаимосвязях и ситуациях: в обществе, на работе, в семье, на отдыхе и др. Однако несмотря на явный рост интереса и публикаций по истории повседневности, «методологическая основа этого научного направления и сегодня не слишком внятна», – отмечает петербургский ученый Н. Лебина [1, с.6].

Историографический обзор исследований по истории повседневности позволяет говорить об отсутствии «терминологического единства», «универсального на все случаи пригодного понятия «повседневность»» [1, с.6]. Действительно, содержание дефиниций «повседневность», «история повседневности» весьма разнообразно представлены в словарях и современной историографии. В словаре С.И. Ожегова под повседневностью понимается быт, бытование, бытовая сторона жизни [2, с.529]. А.С. Ахизером понятие «повседневность» объясняется как «человеческая жизнь, включающая труд, быт, отдых, передвижения» [3, с.396]. Н. Лебина считает, что «в практике исследований чаще всего под повседневной жизнью понимается некий синтез элементов материальной и духовной культуры, изучение таких проявлений человеческой обыденности, как жилище, одежда, питание, частная жизнь и т.д.» [1, с.6]. По мнению академика Ю.А. Полякова «История повседневности – это сумма миллиардов судеб людей, живущих в далеком и близком минувшем, имеющих как общие глобальные черты, так и специфические, региональные, национальные, наконец, индивидуальные. Задача – обрисовать их образ жизни в историческом разрезе, выявляя общее и особенное, неизменное, сохраняющееся столетиями, и новое, ежедневно рождаемое буднями» [4, с.125]. Исследователь Н.Л. Пушкарева считает, что история повседневности – это «сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах» [5, с.3]. А.С. Сенявский приходит к выводу, что история повседневности – это история «подробностей жизни», насыщенная богатой конкретикой [6, с.27]. По мнению А.В. Курьяновича, история повседневности не ограничивается привычной констатацией, для нее важно выявить сложную эволюцию и логику развития внутреннего мира человека – этого средоточия человеческой специфики, активности, индивидуальности и мотивации его деятельности, рассмотреть возможности, движущие силы тенденции самосовершенствования / упадка человека, а также характер сотворенного им своего бытия, т.е. реконструировать повседневную жизнь [7, с.37].

Повседневная жизнь людей не только является отражением социальных, экономических, политических, культурных процессов, но и оказывает обратное воздействие на общество. Изучение и анализ этого взаимодействия позволяет отразить разнообразие исторического процесса, изменить фокус оценки прошедших событий. Без понимания «мелочей» жизни человека не может быть истинного понимания истории [1, с.6].

Как подтверждение актуализации данной проблемы – стремительный рост числа работ, посвященных истории повседневной жизни, в общей массе зарубежных, в том числе российских, исследований последних лет. В зарубежной, в том числе российской историографии, достаточно четко вырисовываются четыре направления в изучении истории

повседневности. Первое направление – историко-демографическое, в которой сфера интересов включает изучение населения и его характеристик (рождаемость, смертность, продолжительность жизни, здоровье, заболеваемости, состояние медицинского обслуживания и др.). Второе направление исследует вопросы семьи, брака, семейных и интимных отношений, взаимоотношений поколений, а также воспитание детей в семье. Третье направление сосредоточено на анализе повседневных условий жизни и быта (жилье, питание, одежда, транспорт, коммуникации, сфера услуг и т.д.). Четвертое – сосредоточено на изучении досуга (отдых, занятия спортом, соблюдение праздничных обрядов и т.д.).

В казахстанской исторической науке изучение повседневности не осуществлялось до последнего десятилетия XXI в., что отражено в кратком историографическом обзоре. Повышение интереса исследователей связано также и с региональным аспектом в изучении истории повседневности. В советский период Центральный Казахстан являлся одним из ведущих регионов как республиканского, так и общесоюзного значения. Здесь располагались крупные промышленные предприятия союзного подчинения: Карагандинский угольный бассейн, Карагандинский и Балхашский металлургические комбинаты и др. Высокие темпы урбанизации оказали огромное влияние на формирование городской инфраструктуры и развитие различных сфер жизнедеятельности городского населения. А проблемы повседневности влияли на настроение людей, зачастую срабатывая как факторы социальной напряженности, усиливая или уменьшая проявления девиантного поведения граждан, иногда создавая очаги социальных конфликтов, протестных настроений (таких, в частности, как события 1-3 августа 1959 г. в Темиртау).

Для казахстанской исторической науки история повседневности – новое научное направление, и фактически до 2000-х гг. даже не был очерчен абрис этих исследований в отечественной истории. Начало становления данной проблематики положено исторической школой карагандинских ученых КарГУ им. Е.А.Букетова, прежде всего, ученых Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований под руководством д.и.н., профессора З.Г. Сактагановой. Именно там и появились первые казахстанские диссертационные исследования, первые монографические работы.

Но в целом круг вопросов, рассматриваемых нами в контексте истории и повседневной жизни городов Центрального Казахстана, начал изучаться еще в контексте общих проблем экономической, социальной и демографической истории. Характеризуя казахстанскую историографию следует выделить три срез работ, пусть даже косвенно, но все же затрагивавших данные сюжеты: исследования советских историков, работы современных казахстанских авторов, изучавших общие проблемы социально-экономической, демографической, культурной истории городов Центрального Казахстана в послевоенный период и специальные исследования по истории казахстанской городской повседневности.

Первый срез – труды, составляющие советскую казахстанскую историографию 1950-х – 1980-х гг. Казахские исследователи Н.М. Битенова, Х.А. Куанова занимались разработкой вопросов по социальной истории, различным аспектам образа жизни рабочих Казахстана. Отдельные стороны повседневной жизни рабочих были изложены в трех томной работе, посвященной истории рабочего класса Казахстана. В ней анализируется объем заработной платы и доходов, уровень жилищно-бытовых условий рабочих и медицинское обслуживание. Вопросам становления и развития городов Центрального Казахстана посвящены работы А.Ф. Хавина, Т.Я. Барага, Е.М. Конобрицкой, А. Попова, Н. Зверева, И.В. Иванова, Л.А. Пинегиной, М.М. Мендикулова, Х.О. Оразбаева, Э. Эзеева, Ш.Р. Кушумбаевой, Ф.Н. Базановой, А.С. Елагина, А.Ш. Алтаева, а также академические труды по истории новостроек Казахстана. В них рассматриваются: история становления промышленного сектора городов, формирование структуры населения, развитие архитектурного комплекса культурно-бытовых и жилых сооружений, функционирование городского хозяйства, условия жизни рабочих, вопросы образования и культуры и т.д.

Второй историографический срез – публикации современных казахстанских авторов, где объектом их исследования стали города центрально-казахстанского региона (работы С.К. Досмагамбетова А.Ш. Алтаева и др.). В работах казахстанских демографов А.Н. Алексеенко, М.Х. Асылбекова, А.Б. Галиева, В.В. Козиной и др. рассматривались

вопросы демографического развития региона Проблемы истории культуры, науки, образования Центрального Казахстана послевоенного периода нашли отражение в монографии Р.М. Жумашева, работах А.К. Капышева и др. Вопросы уровня и качества жизни населения частично были затронуты в трудах Ж.Б. Абылхожина, З.Г. Сактагановой, посвященных социально-экономическому развитию Казахстана в изучаемый период [8]. В 2000-х гг. были опубликованы энциклопедии по истории Карагандинской области, монография по истории города Караганды, где отражались некоторые фрагменты интересующей нас темы [9].

Третья группа – исследования по истории казахстанской городской повседневности появляются лишь со второго десятилетия 2000-х гг. Первая диссертационная работа К.К. Абдрахмановой по истории повседневности в Казахстане была защищена в диссертационном совете КарГУ в 2010 г. А первой монографической публикацией в Казахстане, посвященной данной проблеме, стала совместная работа авторов З.Г. Сактагановой и К.К. Абдрахмановой по истории городской повседневности Центрального Казахстана в 1945-1953 гг. [10]. В исследовании был проведен анализ характерных особенностей, трансформаций в повседневной жизни городского населения Центрального Казахстана в 1945-е – 1953-е гг., изучена система благоустройства и жизнеобеспечения городов Центрального Казахстана; проанализирована демографическая ситуация; система здравоохранения и качество медицинского обслуживания, уровень заболеваемости населения; на основе анализа статей семейного бюджета выявлена структура потребления, уровень дохода и расхода городского населения; рассмотрены послевоенные продовольственные трудности, система развития торговых сетей и общественного питания; изучены жилищные условия городского населения. Авторами прослежено взаимовлияние материального и духовного в жизни казахстанцев на примере горожан центрально-казахстанского региона. В последние годы в Караганде изданы документальные сборники, включающие документальные материалы по повседневной жизни горожан Карагандинской области [11].

Популярность сюжетов по повседневной жизни казахстанцев в советский период подтверждают защищаемые в советах диссертации по историческим специальностям. В Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева была защищена диссертация Д.Б. Асымовой на тему «Повседневная жизнь Алматы XX в. 20-30 гг. в кино-, фото-, фоно-документах», в которой наряду с изучением социально-экономических, культурных и архитектурных аспектов развития города, получили освещение вопросы социально-демографического развития, состояние здравоохранения и качества оказания медицинской помощи. В 2014 г. была защищена диссертация Козыбаевой М.М «Повседневная жизнь городского населения Северного Казахстана в 1920-1930-е гг.», в ней исследовались особенности повседневной жизни городского населения северного региона республики. Определенный интерес для становления истории казахстанской повседневности представляет диссертационное исследование Е.А. Жалмагамбетова «Повседневная жизнь в период столицы города Кызыл-Орды в 1925-1929 гг.». В диссертации рассматривались вопросы о перенесении столицы в Кызыл-Орду, строительства и ремонта зданий, обслуживание населения, системы образования и здравоохранения, а также социального, экономического положения горожан, что создавало картину жизни простого советского обывателя в 20-х гг. XX в. В 2014 г. в диссертационном совете при КазНУ имени аль-Фараби была защищена диссертационная работа по истории советской повседневности Д.У. Хамидуллиной «Повседневная жизнь «спецконтингента» в Казахстане (XX век 30-50-е гг.)», посвященная изучению особенностей лагерной повседневности и стратегий выживания спецконтингента казахстанских лагерей ГУЛага. В исследовании использовались материалы устного интервью с бывшими заключенными ГУЛага о жизни в лагерях и после возвращения.

В современной отечественной историографии проблемы истории городской повседневности представлены преимущественно статьями, которые затрагивают отдельные аспекты повседневности. В современной казахстанской исторической науке, к сожалению, больше так и не появилось обобщающих исследований, изучающих: общее и специфичное в советской повседневности казахстанского населения, уровень и образ жизни, жилище и

питание, досуг казахстанцев, бытовую специфику жизни людей т.д. Данная книга – попытка продолжить начатое исследование.

Содержание работы выстроено на значительной источниковой основе. В монографии использованы документы из фондов казахстанских (Центральный государственный архив Республики Казахстан, Архив Президента РК, Государственный архив Карагандинской области) и российских архивов (Государственный архив РФ, Российский государственный архив экономики, Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный архив новейшей истории). Также привлекались материалы статистических сборников, опубликованных документальных сборников, советской казахстанской периодики (республиканских, областных, городских, районных газет и многотиражек предприятий), социологических опросов, проведенных в советскую эпоху. Отразить разнообразную палитру повседневной жизни горожан-казахстанцев позволили материалы интервьюирования, проведенные авторами монографии, их студентами и магистрантами в рамках работы над проектом среди жителей городов Караганды, Балхаша, Джезказгана, Сатпаева, Каркаралинска и др.

Текст монографии написан следующими авторами: введение и заключение – З.Г. Сактагановой; глава 1 – В.А. Верременко; глава 2 – В.В. Козиной и С.В. Елеухановой; глава 3 – З.Г. Сактагановой (3.1; 3.2), В.В. Козиной (3.1), С.В. Елеухановой (3.1), Ж.А. Карсыбаевой (3.2), Б.А. Досовой (3.2); глава 4 – З.Г. Сактагановой и К.К. Абдрахмановой; глава 5 – А.Д. Утебаевой (5.1), З.Г. Сактагановой (5.2; 5.3), Б.А. Досовой (5.2; 5.3); глава 6 – З.Г. Сактагановой.

Литература

1. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 488 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
3. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). – Новосибирск, 1998. – 420 с.
4. Поляков Ю.А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. – 2000. – № 3. – С. 125-132.
5. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. – 2004. – №5. – С. 3-19.
6. Сенявский А.С. Повседневность как методологическая проблема микро и макро-исторических исследований // История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. Под общ. ред. В.В. Керова. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – 416 с.
7. См. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований /URL: <http://www.perspektivy.info>
8. Абылхожин Ж. Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. – Алматы: Университет Туран, 1997. – 360 с.; Сактаганова З.Г. Экономическая модернизация Казахстана 1946-1970 гг. – Караганды: Глассир, 2012. – 364 с.
9. Караганды. Караганды облысы: Энциклопедия. – Алматы: Атамұра, 2006. – 584 с.; Караганда. Карагандинская область. – Алматы: Атамұра, 2008; Жумашев Р.М., Сактаганова З.Г. и др. Город славы трудовой. Очерки истории Караганды. 1934-2014 годы. – Караганда: Издательство КарГУ, 2014. – 480 с.
10. Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К. Повседневная жизнь городов Центрального Казахстана в 1945-1953 гг. – Караганды: Болашак-Баспа, 2010. – 252 с.
11. Повседневность городов Центрального Казахстана в 1946-1960 гг. сб. документов и материалов // Сост. З.Г. Сактаганова, К.К. Абдрахманова, Б.А. Досова и др.; отв. ред. З.Г. Сактаганова. – Караганда: Издательство КарГУ, 2016. – 277 с.; Жумашев Р.М., Сактаганова З.Г. и др. Хроника культурной жизни Карагандинской области 1936-2006 годов. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2008. – 320 с.

ГЛАВА 1. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РОССИИ

История повседневности стала в последние годы одним из ведущих направлений изучения прошлого в России. Важность его определяется, во-первых, междисциплинарным подходом к анализу исторических проблем, что находит свое проявление в широком использовании методов этнологии и антропологии, демографии и политологии, экономики, психологии и литературоведения. Во-вторых, актуальность истории повседневности обусловлена особым вниманием к человеку, его обыденным проявлениям во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах, что способствует преодолению схематизма и упрощения в процессе познания истории.

За последние двадцать лет в России были опубликованы сотни научных и научно-популярных трудов, написанных в данном историческом жанре. Подобную тенденцию демонстрирует, например, анализ опубликованных на сайте ВАК Министерства образования и науки РФ объявлений о защитах диссертаций по разным специальностям исторической науки. Так, в 2014 г. всего в России было объявлено о 330 планировавшихся к защите диссертаций на соискание ученой степени доктора/кандидата исторических наук, из них различным аспектам истории повседневности полностью или частично было посвящено 200 (60%) диссертаций. Не останавливаясь подробно на всех многообразных аспектах этого динамично развивающегося научного направления, выделим несколько отдельных сюжетов, анализ которых может дать представление о состоянии истории повседневности в российской исторической науке. В данной главе речь пойдет о методологических аспектах истории повседневности, а также о проблемах женской, детской, городской и советской повседневности. Очевидно, что отдельные исторические сюжеты вполне могут оказаться на пересечении выбранных нами для анализа направлений...

Несмотря на то, что понятие «повседневность» активно употребляется в российской исторической науке с 1980-х гг. и в настоящее время прочно в ней утвердилось, до сих пор ведется дискуссия о ее субъекте и о самом содержании понятия. Порой, «повседневность», «повседневная жизнь» трактуется очень широко, включает в себя все, что происходит в жизни людей. С другой стороны, часть исследователей пытается ограничить данные понятия только событиями частной жизни людей. В целом, резюмируя основные проблемы дискуссии, можно отметить, что наиболее острые споры связаны с такими вопросами как: Является ли субъектом исследования данного научного направления только конкретный человек или и социальные группы так же? Можно ли говорить о повседневности элит, выдающихся личностей или объектом исследования обязательно должен выступать именно «маленький человек»? Входит ли в содержание данного понятия только обыденная сфера частной жизни или можно говорить о трудовой, рабочей повседневности, повседневности экстремальной и даже праздничной (что очевидно противоположно обыденности)? Каковы критерии и параметры истории повседневности? Наконец, какую роль в повседневности, характеризуемой, прежде всего, как «форма непосредственной человеческой деятельности» [1, с. 260], играет субъективная интерпретация конкретным человеком его повседневного взаимодействия с окружающим миром [Об основных проблемах дискуссии см. подробнее: 2]?

На наш взгляд наиболее взвешенную оценку субъекта и категорий повседневности дают сегодня Н.Л. Пушкарева и С.В. Любичанковский. По мнению этих исследователей, «в самом узком, самом точном смысле слова субъектом повседневности по-прежнему может и должен рассматриваться отдельный человек во всех своих ипостасях (возрастной, семейной, профессиональной и т.п.). Однако при этом повседневность – это процесс, который становится видимым наблюдателю только в случае, если последний рассматривает в качестве субъекта своего изучения группу людей, выделенную по определенному признаку». Таким образом, авторы считают возможным рассматривать в качестве субъекта истории повседневности «и отдельного человека, и (очень часто) выделенные по определенным признакам группы людей» [3, с. 13–14].

В качестве же категорий повседневности Н.Л. Пушкарёва и С.В. Любичанковский определяют следующие: - «событийную область публичной повседневной жизни, прежде всего, мелкие частные события, пути приспособления людей к событиям внешнего мира; - обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле; - эмоциональную сторону событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей» [3, с. 9].

Площадкой для обсуждения указанных выше методологических проблем, а также более частных сюжетов истории повседневности, с 2012 г. является Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, где ежегодно проходят международные научные конференции в рамках данного научного направления. Центральными темами конференций становились, прежде всего, многообразные проблемы, связанные с повседневной жизнью общества в условиях военных конфликтов [4]; с влиянием на повседневность состояния общественного сознания [5]; взаимодействием повседневной жизни и уровня развития гражданственности и патриотизма в России [6], проблемы экономической повседневности и истории предпринимательства [7]. С 2016 г. ЛГУ им. А.С. Пушкина выпускает тематический журнал «История повседневности», уже завоевавший признание как в России, так и за ее пределами.

Серьезное место в российской историографии занимает история женской повседневности как одна из центральных тем женской и гендерной истории [8]. Основательницей данного направления в российской исторической науке явилась Наталья Львовна Пушкарёва. В настоящее время она возглавляет сектор этногендерных исследований ИЭА РАН, является создательницей и президентом Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ). Предметом ее научных интересов стала русская женщина доиндустриальной России [9]. Особое внимание она обратила на изучение обыденных проявлений жизни и эмоциональных переживаний женщин в данный исторический период. Ею был собран и проанализирован большой массив женских егодокументов, которые ранее относились к разряду второстепенных источников. Придерживаясь социально-конструктивистского подхода, Н.Л. Пушкарёва показала зависимость между социально-экономическими, политическими, культурными условиями и восприятием статуса женщины в обществе.

С начала XXI в. вышли сотни исследований по проблемам женской повседневности, при этом охватываются разные периоды российской, в том числе и советской истории, и различные социальные слои. Сюжеты рассматриваются как на материалах всей страны, так и отдельных регионов. Ежегодно проводимые с середины 2000-х гг. в различных городах России конференции РАИЖИ способствуют единению специалистов различных направлений и развитию междисциплинарности гендерных исследований. Изучение материалов сборников конференций РАИЖИ демонстрирует, что история повседневной жизни женщин вызывает устойчивый интерес ученых [10].

Современные работы в области женской повседневности и гендерных исследований позволили выяснить роль и степень участия женщины, а также проблемы адаптации и изменения ее статуса в процессе сохранения и трансформации традиционного уклада жизни [11]. Особое место среди авторов, разрабатывающих данные сюжеты применительно к пореформенному крестьянству занимает З.З. Мухина. В серии научных статей и защищенной в 2015 г. докторской диссертации, она аргументированно доказала вывод о том, что на меняющиеся под воздействием модернизации внешние условия жизни, крестьянское общество реагировало своеобразно [12]. Подобные реакции были обусловлены, во-первых, стремлением укрепить пошатнувшуюся стабильность традиционного общества; во-вторых, встроить новшества в старый уклад; наконец, внутренней логикой развития самого крестьянского социума. Автор акцентирует внимание на том, что под воздействием указанных факторов, помимо укрепления стабильности, с другой стороны, происходило размывание основ традиционного общества, особенно отчетливо проявлявшееся во влиянии отходничества на трансформацию статуса русской крестьянки.

Еще одна широко разрабатываемая тема женской истории повседневности – роль и место женщин в период крупных социальных катаклизмов. Авторы характеризуют участие женщин в революционных и военных событиях, особо акцентирую внимание на способах выживания, адаптации их к новым условиям существования, борьбе матерей за сохранение жизни и здоровья детей, изменениях внутрисемейных отношений и статусов [13]. В данной группе особо хотелось бы выделить труды Е.Ю. Волковой, А.Ш. Кабировой и П.Л. Щербинина [14].

Обращение к изучению повседневной жизни представительниц различных профессиональных групп в те или иные периоды российской истории помогает выделить как профессиональные, так и гендерные факторы в социальном положении людей, занятых в определенной сфере деятельности. Наиболее интенсивно разрабатываются проблемы организации частной жизни, условий труда и быта, самооценки и самоидентификации российских работниц и представительниц интеллигенции [15]. Вместе с тем, одна из наиболее крупных по численности групп профессионально занятых женщин в досоветский период – прислуга только начинает заявлять о себе на страницах научных трудов [16].

Анализ многообразных аспектов русской сексуальной культуры – процесс, напрямую связанный с сексуальной революцией, которая проявилась в России очень поздно, практически лишь в начале 1990-х гг. В эти годы начали выходить книги серии «Русская потаенная литература»: «Народные русские сказки не для печати» А.Н. Афанасьева, «Русский эротический фольклор» и др.; появились и первые научные труды по данной теме [17]. Выдающаяся роль в актуализации культурологических проблем сексуальности принадлежит И.С. Кону [18]. В последние годы в центре размышлений российских историков повседневности оказываются проблемы сексуальной культуры [19] и полового воспитания [20], брачной и внебрачной сексуальности [21], допустимости и широты использования практик абортирования и контрацепции [22]. Тему любви как критерия брачного выбора в рамках исследований семейной повседневности представителей различных социальных групп активно разрабатывают В.А. Веремеенко и З.З. Мухина [23].

Еще с конца 1980-х гг. ученые Института этнографии АН СССР обратили пристальное внимание на проблемы этнографии детства и родительства. Первоначально интерес исследователей привлекли традиционные практики деторождения и ухода за младенцами [24]. Т.Б. Щепанская впервые в российской науке выделила материнство в качестве самостоятельной субкультуры [25]. Данные исследования были новаторскими для отечественной этнографии. Репрезентируя субкультуру материнства, автор активно использовала собственный антропологический опыт, выступая в качестве объекта и субъекта изучения («носительницы традиции и ее исследователя»). Е.А. Белоусова рассматривала родовспоможение в качестве особого обряда и элемента городской культуры [26].

В 2001 г., по результатам, проходившего в 1998 г. в РГГУ круглого стола, в свет вышел научный сборник «Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры» (составитель Е.А. Белоусова) [27]. Авторы рассматривали родильные практики в пределах традиционных культур в качестве одного из обрядов переходного цикла, в результате которых происходило не только рождение ребенка, но и символическое рождение матери. В этом сборнике, как и в материалах, опубликованных по итогам, прошедшей в 2006 г. общероссийской конференции «Материнство и детство в России, XVIII–XXI вв.» [28], были представлены работы, в которых исследователи анализировали не только традиционную родинную обрядность, но и современные им родильные практики. В последующие годы в центре изучения традиционного материнства и детства оказались региональные особенности и обычаи отдельных, преимущественно, малочисленных народов [см., например, 29].

Проблемы модернизации материнства и ухода за детьми в пореформенный период и в рамках «советского гендерного контракта» нашли свое отражение в трудах В.А. Веремеенко, Н.А. Мицюк, Ю. Градской и др. [30]. К особой группе исследований материнства и детства следует отнести работы авторов, посвятивших свои труды анализу повседневной жизни представителей императорского дома и российской аристократии [31]. Изучая повседневную

жизнь российской элиты, историки, тем самым, вносят свой вклад и в развитие методологической дискуссии, закрепляя право на отдельное место в истории повседневности не только «маленьких людей», но и верхов общества.

В рамках активно разрабатываемой с 2000-х гг. «истории детства» авторы обращаются не только к повседневной жизни родителей и детей раннего возраста. Интерес исследователей вызывает повседневность детей и подростков разных возрастов как в учебных заведениях, так и дома, в столицах и провинции, в мирные и военные годы, этапы и эволюция их взаимоотношений с взрослыми и сверстниками [32].

Отдельным предметом изучения женской и детской повседневности стала и еще одна группа вопросов, ранее также мало затрагивавшаяся в исторических исследованиях. Речь идет о таком пласте жизни, как преступность [33], проституция [34], бытовое насилие и другие формы девиантного поведения в российской/советской повседневности [36]. Особый интерес исследователей вызывает анализ степени распространения подобных явлений в городской среде [37]. Слабый социальный контроль, невысокий уровень общественной помощи, утрата социальных ориентиров и надежд – именно эти черты городской жизни становились, по мнению большинства авторов, основными причинами широкого развития аномальных (отклоняющихся) форм поведения среди жителей российских городов, особенно в периоды крупномасштабных социальных перемен.

Отдельное внимание обращают исследователи и на такие формы девиантного поведения, особенно распространенные в городе, как пьянство и нищенство [38]. Городское пространство, включающее в себя новые типы образовательных и досуговых учреждений, специфические принципы организации территорий, определяло иные, «городские» ментальные установки и формы общественного поведения. Однако эти «новые» ментальные установки активно включали в себя традиционное принятие нищенства и, особенно, пьянства как «нормального» поведения [39]. Причины подобного явления оказываются в центре исследований авторов занимающихся, преимущественно, исследованием трудящейся, рабочей среды горожан [40]. Так, М.Э. Вильчинская-Бутенко, анализируя процесс формирования пролетариата как особой социальной общности, пишет о резком отрыве фабрично-заводских рабочих от деревенского образа жизни. Следствием этого стал перенос крестьянских традиций и обрядов в городскую среду обитания. Календарные традиции крестьянского сословия, связанные с годовым циклом, подвергались трансформации и переносились в промышленное производство. Ярким примером этого являлось искусственно созданное празднование «начала» и «конца» производственного цикла, сопровождавшееся специфическими обрядами «засидок» и «замочек машин». Еще одним компонентом производственного быта фабрично-заводских рабочих стал обычай «спрысок» («магарычей») при вступлении в профессию [41].

Переходя к анализу историографии городской повседневности в целом, необходимо отметить, что уже во второй половине 1980-х гг. в конкретно-исторических работах, посвященных истории российского города авторы касались вопросов их повседневной организации, условий жизни и быта населения, норм и аномалий в поведении жителей. В этом плане особо необходимо выделить труды В.Б. Жиромской и Б.Н. Миронова [42].

Первыми же комплексными междисциплинарными работами, затрагивающими среди других теоретических и практических вопросов городской истории советского периода и проблемы повседневности, стали монографии А.С. Сенявского [43]. Автор сосредоточился на раскрытии совершенно новых для отечественной исторической науки проблем, таких как: специфика российского города, отличавшая его от городов других республик СССР; город как элемент общественной системы и как фактор исторического процесса, значение города в процессе преобразования советского общества; влияние административно-командной системы на развитие российских городов в советский период; социально-демографические параметры урбанизации, ее социально-экологические последствия.

Исключительное значение для формирования особого научного направления – истории городской повседневности – имели теоретические работы, рассматривающие город

как феномен социокультурного развития, как сложную динамическую саморазвивающуюся систему, понимаемую в контексте синергетической парадигмы, где предметом исследования стали механизмы самоорганизации и их влияние на развитие города, роль урбанизации в организации и самоорганизации общества, факторы и динамика урбанизации, специфика российской, советской урбанизации. Первые научные труды в данном жанре появились еще в конце XX в. [44], в последующие годы направления исследований конкретизировались, ограничиваясь во временном и территориальном промежутках [45]. Так, например, Л.В. Кошман рассмотрела город как целостную систему, в широком культурно-историческом контексте, показывая, как русский город XIX в. в качестве центра инновационной культуры в различных ее областях становился важнейшим средством модернизации общества, формирования общественного мнения, обеспечивая возможность духовной жизни интеллигенции через университет, кружки, салоны, периодические издания. В то же время в городе была представлена и народная традиционная культура, тесно связанная с мещанской средой. Несмотря на развитие и усиливающееся значение города, на протяжении XIX в. аграрная Россия доминировала над городской. В силу этого город испытывал большое влияние сельской округи, как на экономический, так и на культурный быт населения. Это во многом определило близость культурно-бытовой ситуации в массе провинциальных городов с селами и поселками, что проявилось в характере жилища, условиях общественного и домашнего быта, отсутствии городского благоустройства, общности мировоззрения и отношения к духовно-нравственным традиционным ценностям [46].

Авторы, вписывающие историю городской повседневности в русло «новой локальной истории», активно используют интердисциплинарный подход, где опорным теоретико-методологическим инструментарием является, среди прочих, средовой и историко-культурный подходы [47].

Исследуя городскую повседневность, историки особое внимание обращают на характер и тип города, регион, к которому он относится. Выявляются отличительные черты, присущие повседневному укладу жизни столиц и мегаполисов, индустриальных и моногородов, малых и провинциальных центров в различные исторические эпохи [47, 48]. Так, например, О.В. Шабурова показала место градообразующих предприятий и их тружеников в формировании символического пространства индустриальных городов [49]. С.А. Хубулова заинтересовалась судьбой владикавказских обывателей в условиях революции и нэпа [50]. Развернутая картина лагерной повседневности, на фоне которой формировались северные города страны, представлена в работах А.А. Беловола, Л.В. Лямцевой, Л.А. Максимовой [51]. Осмыслению трансформации социального пространства монопрофильных городов Европейского Севера от советской модели общественного устройства к рыночной посвящена диссертация М.В. Корчинской [52]. Проведенное Н.М. Дмитриенко комплексное исследование сложных процессов в переломные периоды истории на материалах одного большого города, позволило ей сделать выводы о сущности и особенностях повседневной жизни населения в условиях индустриализации и урбанизации Сибири [53]. Многочисленные аспекты повседневной жизни жителей Москвы и Санкт-Петербурга (Ленинграда) нашли свое отражение в разнообразных научных и научно-популярных изданиях [см., например, 54]. Вместе с тем, сохраняет актуальность, высказанное А.Б. Каменским еще в 2008 г. утверждение. Говоря об изучении различных проблем в рамках истории русского города, историк указывал на то, что «наибольшее число работ написано по городам Урала и Сибири, и значительно меньше исследований, посвященных городам европейской России» [55, с. 12].

Подчеркивая важность вклада уральских и сибирских ученых в разработку проблем истории городской повседневности, особо бы хотелось отметить труды Е.Ю. Казаковой-Апкаримовой, Е. Косяковой, Е.И. Красильниковой и Н.В. Мельниковой [56]. Для одной из ведущих в России – Барнаульской – научной школы исторической урбанистики (градоведения), возглавляемой профессором В.А. Скубневским, основным направлением изучения стала история повседневности сибирских городов XVII – начала XX вв. Особое

внимания исследователи обратили на вопросы, связанные с условиями жизни населения, а также благоустройством и обликом городов различных демографических классификаций [57].

Последние годы XX – начало XXI вв. отмечены появлением значительного количества трудов российских историков, акцентирующих внимание на изучении «человеческого ресурса» российской/советской урбанизации [58]. Авторы обращают внимание на общие и специфические черты присущие повседневной жизни горожан, принадлежащих к разным сословным, национальным, конфессиональным, профессиональным и другим группам [59]. Об уровне интереса исследователей к подобной проблематике может свидетельствовать то, что только отдельным аспектам повседневной жизни петербургских немцев за последние четверть века посвящены десятки трудов [60]. При этом во многих исследованиях повседневная жизнь петербургских немцев изучается и на микроуровне (на примере отдельной семьи, конкретного человека), анализируется вклад конкретной личности или семьи в развитие Петербурга [61].

Особая группа в рамках данного направления изучения истории городской повседневности – анализ повседневной жизни элит, выдающихся людей, являвшихся таковыми как в глобальном, общегосударственном, так и просто в городском масштабе [62].

Обращаясь к ранее не рассмотренным сюжетам истории советской повседневности необходимо отметить, что наиболее разрабатываемым направлением исследований в указанной области в современной российской историографии является на данный момент проблема экстремальной, прежде всего, революционной и военной повседневности. На уровень интереса к теме указывает появление специальных историографических трудов, посвященных этим вопросам [63]. Важно выделить, что морально-психологические, эмоциональные стороны экстремальной жизни людей, рассматриваются большинством исследователей как неотъемлемая часть истории повседневности [64]. Повседневная жизнь, жизненные проблемы простых людей в чрезвычайных условиях военного времени раскрываются во взаимосвязи с массовым сознанием, душевными переживаниями, тревогой и надеждами, мотивами поведения и формами социального реагирования.

Характеризуя начальный период советской истории следует выделить значительное количество научных работ, в которых предпринимается попытка осмыслить мероприятия большевистского руководства в контексте их влияния на широкие слои и группы населения, а также реакции самого населения на проводимые мероприятия. Историки всё более активно исследуют особенности повседневной жизни человека в эпоху гражданской войны и «военного коммунизма», выявляя влияние политики на обыденность, и при этом широко привлекая региональные материалы [65]. Вместе с тем, исследователи пытаются проанализировать реакцию и способы адаптации сельского и городского населения на политические и социально-экономические мероприятия центральных и местных органов новой власти [66].

Исследуя вопросы военной повседневности времен Великой Отечественной войны, российские авторы все большее внимание уделяют положению гражданского населения в тыловых и оккупированных районах страны.

Современная историография истории тыла целенаправленно изучает стратегии выживания и формы поведения населения, характерные черты будничной жизни советского общества в экстремальной ситуации, через особенности повседневной жизни пытается показать многообразие и сложность военного лихолетья [67]. Важное место в ряду подобных работ, занимают публикации краеведческого характера, раскрывающие историю населенных пунктов, предприятий и учреждений, повседневную жизнь их обитателей и сотрудников в период суровых испытаний. Эти исследования способствуют воссозданию детальной картины повседневной жизни народа, отражению общего и особенного в жизни предприятий и учреждений, городов и поселков, сел и деревень в годы войны. Краеведы подробно, в деталях воспроизводят процесс напряженной, нередко на пределе возможностей, повседневной трудовой деятельности людей и особенности их домашнего быта [68].

Следует выделить и работы, которые хотя и не являются исследованиями собственно по истории повседневности, однако содержат обширный материал о каждодневных жизненных проблемах людей, социальной политике государства в период Великой Отечественной войны, раскрывают различные аспекты жизни и деятельности народа [69].

Значительное внимание российские историки стали уделять изучению положения лиц, привлеченных к принудительному труду. Речь идет о таких категориях населения, как депортированные и трудмобилизованные, спецпереселенцы, заключенные, военнопленные и др. [70]. Интерес вызывают такие аспекты повседневности, как характер и условия труда и быта, питание и одежда, морально-психологическая атмосфера и правила взаимоотношений с администрацией, досуг и внутренний мир. Эти сюжеты раскрываются на основе использования новых документальных комплексов, включая рассекреченные материалы архивов и свидетельства очевидцев. Особое место в данной группе исследований занимают труды о повседневной жизни депортированных народов и трудмобилизованных советских немцев. Эти вопросы получили освещение в работе ряда конференций, статьях и отдельных монографиях [71]. Вместе с тем, необходимо признать, что на исследование данных тем воздействует современная политика и идеология. Авторами нередко выступают непрофессиональные историки, что оказывает влияние как на оценку событий и их последствий, так и на характер, глубину и объективность освещения повседневной жизни депортированных и трудармейцев [72].

Особое внимание исследователей привлекает повседневная жизнь населения (как гражданского, так и военного) в блокадном Ленинграде, осажденной Москве и других прифронтовых районах [73].

Одной из первых комплексных работ о повседневной жизни населения на оккупированной территории России стала монография новгородского историка Б.Н. Ковалева, которая продолжила его предшествующие исследования по проблемам нацистского оккупационного режима и коллаборационизма в России в 1941–1945 гг. [74]. Автор постарался осветить различные стороны повседневной жизни – от устройства немецкой и коллаборационистской администрации на оккупированной территории до регистрации браков и организации публичных домов, оккупационных законов и распоряжений, питания и жилищных условий населения, преступлений и наказаний. В работе доказывается, что условия и характер повседневной жизни на оккупированной территории зависели от многих обстоятельств: периода войны и обстановки на фронте, региона, этнического и социального состава населения, активности движения сопротивления и особенностей оккупационных войск, характера оккупационного режима, определявшегося зонами оккупации и других факторов.

Вопросы повседневной жизни населения на оккупированной территории затрагиваются также в монографии И.Г. Ермолова, посвященной гражданскому коллаборационизму [75]. Условия жизни и быта советских граждан, депортированных в Германию стала предметом исследования В.И. Ковалева и Т.А. Котовой [76].

Обращает на себя внимание и начало обращения к теме повседневности людей, боровшихся с оккупантами в составе вооруженных партизанских формирований и участвовавших в подполье [77].

Проблемы повседневной жизни на оккупированной территории на материалах отдельных регионов и специфических групп населения (прежде всего, характер и масштабы Холокоста на территории СССР) нашли отражение в исследованиях И.А. Альтмана, С.Г. Веригина, А.М. Ермакова и др. [78].

Особую роль в разработке теоретико-методологических проблем военной повседневности сыграли труды Е.С. Сенявской [79]. На основе многочисленных архивных документов и материалов устной истории, историко-социологических и историко-психологических обследований, в них дан всесторонний анализ самоощущения человека на войне, факторов, влиявших на его поведение в экстремальных условиях, особенностей «фронтного быта», под которыми автор понимает «боевое снабжение и техническое

обеспечение войск, жилье, бытовое снабжение (продуктами питания и обмундирование), санитарно-гигиенические условия и медицинское обслуживание, денежное довольствие, а также связь с тылом» [80, с. 94–95].

Исследования Е.С. Сеньявской стали важнейшей вехой в научные разработки методологии военной повседневности. Их значение определяется не только постановкой и решением конкретных задач, но и созданием оригинальных методик исследования и формулировкой концептуальных подходов, глубокими и оригинальными выводами и обобщениями, нашедшими подтверждение в трудах других исследователей повседневной жизни человека на фронтах Великой Отечественной войны [81]. При этом необходимо заметить, что работ, специально посвященных анализу фронтовой военной повседневности значительно меньше, чем исследований, акцентирующих внимание на проблемах гражданского населения. Последнее, очевидно, связано с попытками историков закрыть существовавшие с советского времени лакуны. В результате, на наш взгляд, наблюдается определенный перекосяк в анализах военной повседневности времен Второй мировой войны.

История повседневной жизни населения СССР в межвоенный и, особенно, послевоенный период исследована пока еще недостаточно. Основная масса работ написана на региональном материале и посвящена повседневности отдельных социальных групп, преимущественно горожан (данные труды уже анализировались в разделе о городской повседневности). Среди наиболее разработанных проблем истории повседневности невоенной истории советского периода можно назвать вопросы адаптации населения к новому социальному строю, преимущественно связанные с бытовыми трудностями и лишениями, включением в обыденные практики новых морально-нравственных норм и установок, а также попытками сохранения в рамках советской модернизации старых традиций и правил поведения [82].

Таким образом, проблематика истории повседневности все чаще и больше привлекает внимание историков. Однако решение проблемы далеко от завершения и требует продолжения исследований. Прежде всего, это связано с нерешенностью многих вопросов в области методологии и методики изучения повседневности. Данное обстоятельство отражается на постепенных изменениях проблематики работ, попытках вычленивать и раскрыть новые направления, уточняя само понятие «повседневность». Появляются также труды, выполненные на основе устоявшихся, традиционных подходов. В отдельных работах проблемы повседневной жизни ограничиваются бытовой сферой, подменяются бытописанием.

В большинстве трудов наблюдается тенденция совмещения исследовательских перспектив в одной работе, что позволяет раскрыть повседневную жизнь людей и выявить мотивы поведения в разные периоды и в различных условиях. С другой стороны, в значительной части трудов проблемы повседневности представляют сопутствующие сюжеты.

Среди работ собственно по истории повседневности преобладают диссертационные исследования и статьи, при этом ключевой тенденцией является регионализация исследований повседневной жизни. Вместе с тем, нет исследований по ряду регионов, имевших существенные этнические, ментальные и конфессиональные особенности. Неравномерны степень охвата и глубина освещения повседневной жизни различных групп и слоев населения, особенно это касается межвоенного и послевоенного советского периода. До сих пор практически нет обобщающих фундаментальных комплексных исследований, в которых повседневная жизнь населения страны в целом была бы раскрыта во всей сложности и противоречивости, содержащих анализ влияния на нее общих, социальных, ситуационных и других факторов.

Важными условиями продолжения и развития разработки проблем истории повседневности являются расширение источниковой базы научных исследований и стремление переосмыслить произошедшие события с учетом накопленного в исторической науке богатого фактического материала.

Литература

1. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Диалектика повседневности: методологический подход. – Екатеринбург: УрГУ, 2007. – 268 с.
2. Банникова Е.В. Критерии повседневности: теоретико-методологические основы истории повседневной жизни // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. – 2011. – № 7 (13): в 3 ч. – Ч. II. – С. 22–23; Любичанковский С.В. Критерии и параметры повседневной жизни в историческом исследовании: возможные методологические «ловушки» // Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX – XX вв.: материалы междунар. науч. конф. 14-16 марта 2012 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2012. – С. 13–17; Любичанковский С.В. Проблема определения субъекта повседневности в историческом исследовании // Известия Самарского научного центра РАН. – 2012. – Т. 14. № 3. – С. 150–153; Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Как понимается «история повседневности» в европейской и российской историографии начала XXI в.? // Культура повседневности карельской семьи (конец XIX – первая треть XX в.). Исследования. Материалы. Документы / Составитель и редактор О.П. Илюха. – Петрозаводск: Карельский научный центр, 2014. – С. 11–28; Рабинович Е.Г. Риторика повседневности: Филологические очерки. СПб., 2000. <http://profilib.com/kniga/137817/elena-rabinovich-ritorika-povsednevnosti-filologicheskie-ocherki.php>; Мифология и повседневность. Материалы науч. конф. Вып. 2.– СПб., 1999; Яковлев А.А. Повседневная жизнь «не-маленьких людей»: новые подходы к истории повседневности // Диалог со временем. – 2014. № 48. – С. 292–308
3. Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный журнал. – Т. 4. – 2014. – № 1. – С. 7–21
4. Военная история России: люди и события (к 70-летию Великой Победы): материалы междунар. науч. конф., 12–14 марта 2015 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веремченко. СПб., 2015. – 456 с.; Война и повседневная жизнь населения России XVII – XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): материалы междунар. науч. конф., 14-16 марта 2014 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – 560 с.
5. Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX – XX вв.: матер. междунар. науч. конф. 14-16 марта 2012 г. / под общ. ред. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2012. – 324 с.
6. Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни Российского общества (XVIII – XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. 14-16 марта 2013 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцов, отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. – 300 с.
7. Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф., 17-19 марта 2016 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремченко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – 424 с.; Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): Сб материалов междунар. науч. конф., / под общ. ред. В.А. Веремченко; [отв. ред. С.В. Степанов]. СПб.: Культурн.-просв. товарищество, 2016. – 418 с.
8. Белова А.В. «Четыре возраста женщины». Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX вв. – СПб.: Алетейя, 2010. – 480 с.; Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 4. – С. 85–95; Вахромеева О.Б. Социально-экономическое положение женщин в Санкт-Петербурге в конце XIX– начале XX вв. Автореф. дисс. ... док. ист. наук. – СПб., 2009; Котлова Т.Б. Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX–XX веков. – Иваново: ИГУ, 2003. – 315 с.; Лебина Н. Мужчина и женщина: тело, мода, культура.

СССР – оттепель. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 208 с.; Мицюк Н.А. Женщины российской провинции XIX – начала XX веков: воспитание, образование, социокультурное пространство и повседневная жизнь (на материалах Смоленской губернии). Смоленск: «Свисток», 2013. – 416 с.; Подгайко Е.Г. Повседневная жизнь женщин в городах Южного Урала в конце XIX – начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2013; Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей. – М.: Литературное обозрение, 2013. – 864 с.

9. Пушкарёва Н.Л. Женщина в русской семье X– начала XIX в.: динамика социокультурных изменений. Дисс.... д-ра ист. наук. – М., 1997; Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). – М.: Ладомир, 1997. – 330 с.; Пушкарёва Н.Л. Мать и дитя в Древней Руси (отношение к материнству и материнскому воспитанию в X–XV вв.) // Этнографическое обозрение. – 1996. – № 6. – С. 72-79; Пушкарёва Н.Л. Материнство и материнское воспитание в российских семьях XVIII – начала XIX в. // Расы и народы / Ред. И.В. Власова. – М., 1998. – С. 104-136; Пушкарёва Н.Л. Мать и материнство на Руси X–XVII вв. // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. – М., 1996. – С. 311-347; Пушкарёва Н.Л. Мать и дитя в русской семье XVIII – начала XIX в. // Социальная история. 1997. – М., 1998. – С. 226-249; Пушкарёва Н.Л. Интимная жизнь русских женщин в XVIII в. // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 1. – С. 93-103; Пушкарёва Н.Л. Материнство как социобиологическое явление: психология, философия, история // Научно-практический ежегодник Запад-Восток. – 2014. – № 7. – С. 103-118

10. Гендерное равноправие в России. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Первого Всероссийского женского Съезда 1908 года. 21-23 марта 2008 года. – СПб.: Алетейя, 2008. – 320 с.; Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем: Материалы Третьей международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Череповец, 2010; Частное и общественное: гендерный аспект: Материалы Четвертой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20-22 октября 2011 года, Ярославль. – М.: ИЭР РАН, 2011; Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: Материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭР РАН, 4-7 октября 2012 г. – Тверь-М.: ИЭР РАН, 2012; «Российская гендерная история с «Юга» на «Запад»: прошлое определяет настоящее: материалы Шестой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭР РАН, 3-6 октября 2013 года, Нальчик. Т. 1-2. – Нальчик: Каб.-Балк. Ун-т, 2013; Пол. Политика. Поликультурность: гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: Материалы Седьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 9-12 октября 2014 г., Рязань: в 2-х томах / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, О.Д. Попова. – М.: ИЭР РАН, 2014; Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне): материалы Восьмой между науч. конф. РАИЖИ и ИЭР РАН, 8-11 окт. 2015 года, г. Старый Оскол. – М.-Старый Оскол: ИЭР РАН, СТИ НИТУ «МИСиС», 2015

11. Безгин В.Б. Бабыня доля (жизненный удел русской крестьянки) // Проблемы российской истории в исследованиях тамбовских ученых: сб. статей междунар. науч. конф. – Тамбов: Изд-во Тамб. ГТУ, 2010; Ванюшина О.В. Административно высланные в Тверскую губернию женщины (1881-1917 гг.): адаптация к условиям повседневной жизни. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2016; Волкова Е.В. Баба, мещанка, дворянка: социальный статус и жизненные роли русской женщины конца XIX – начала XX вв. // История в подробностях. – 2012. – № 11 (29). – С.78–81; Жулаева А.С. Повседневная жизнь сибирской деревни в первые десятилетия советской власти (гендерный анализ) // Перспективы науки. – 2014. – № 1. – С. 16–18; Лаухина Г.В. Женский труд в крестьянском хозяйстве Центрального Черноземья (60-е г. XIX-начало XX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тамбов, 2012; Литвин Ю.В. Повседневная жизнь карельской крестьянки во второй половине XIX – начале XX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2013; Максимова В.Н. Женская

политическая каторга и ссылка в Восточной Сибири (1907-1917 гг.). – Братск: БГУ, 2011. – 180 с.; Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия / Авторы: Д.А. Баранов, О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. – СПб.: Искусство-СПБ, 2005. – 688 с.; Привалова Т.В. Быт русской деревни 60-е гг. XIX – 20-е гг. XX в. (медико-санитарное состояние деревни Европейской России). – М.: Русское слово, 2000

12. Мухина З.З. О модели вхождения новаций в крестьянское пространство в пореформенной России // Историческая психология и социология истории. – Т. 6. – 2013. – № 1. – С. 181–191; Мухина З.З. Социальные и возрастные группы в традиционном русском крестьянском социуме пореформенного времени: гендерный аспект // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 2. – С. 99–115; Мухина З.З. Традиции и новации в социализации русской девушки-крестьянки Европейской России в пореформенный период // Бусыгинские чтения. – Вып. 1. – Казань, 2010. – С. 51–57; Мухина З.З. Трансформация статуса женщины в русской крестьянской семье середины XIX – начала XX в. Дисс. ... док. ист. наук. Спец. – М., 2014. (защищена в 2015 г.)

13. Газиева Л.Л. Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941-1944. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 428 с.; Гетманова Е.С. Участие женщин Ставропольского края в производственной деятельности в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 10-1. – С. 125-127; Гордина И.В. Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Дис. канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2005; Женщина и война. О роли женщин в обороне Ленинграда 1941-1944. Сборник статей. – СПб.: пра-во СПб., 2006; Запорожцева О.Г. Повседневная жизнь российской провинциалки в период Первой мировой войны // Семья. Общество. Государство. История и современность. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. –Ставрополь, 2014. – С. 152-159; Скрыбина Е.О. Проблемы материнства и детства в период блокады Ленинграда (1941-1944 года. (Историко-медицинский аспект): Дис... канд. ист. наук. – СПб., 2008; Соколова В.И., Харитоновна С.Б. Повседневная жизнь женщин в тылу и на фронте в годы Великой Отечественной войны (на материалах Чувашии) // Проблемы истории и образования народов России. Сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 180-летию со дня рождения И.Н. Ульянова. – Чебоксары: ЧГУ им. И.Н. Ульянова, 2012. – С. 170-177

14. Волкова Е.Ю. Решение повседневных проблем женщин в годы Великой Отечественной войны // Женщина в российском обществе. – 2008. – № 3. – С. 72–81; Волкова Е.Ю. Победа одна на всех: роль женщин России в создании прочного тыла в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – Ярославль, Кострома: Костр. гос. тех ун-т, 2006. – 207 с.; Кабинова А.Ш. Женщины Татарстана на фронте и в тылу. – Казань: ин-т языка, литературы и истории, 1995. – 174 с.; Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX вв. – Тамбов: Юлис, 2004. – 507 с.

15. Зубков И.В. «Женский вопрос» в земской школе (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. – 2007. – № 3. – С. 68-77; Илюха О.П. «Учащие»: учитель и учительница в русской деревне в конце XIX – начале XX вв. // Социальная история. Ежегодник. 2009 / отв. ред. Н.Л. Пушкирева. – СПб: Алетей, 2010. – С. 68-94; Казакова О.М. Провинциальное учительство в XIX – начале XX веков: на материалах Вятской губернии. Дис. ... канд. ист. наук. – Киров, 2009; Кулагина И.П. Русские женщины в медицине во второй половине XIX – начале XX века: правовые и практические проблемы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 2. – С. 19-23; Северцева О.В. Женщины и система штрафов на фабриках и заводах Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX вв. // История повседневности. – 2016. – № 1. – С. 77 – 84; Экштут С.А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. М.: Молодая гвардия, 2012. – 432 с.

16. Веретенко В.А. «Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX вв. // Альманах гендерной истории «Адам и Ева». – 2013. – (21). – С. 241–273; Клоц А. Шесть платьев и полуботинки // Родина. – 2011. – № 3. – С. 40–41
17. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки не для печати. – М.: Ладомир, 1997. – 736 с.; Русский эротический фольклор: Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / сост. А.Л. Топорков. – М.: Ладомир, 1995. – 648 с.; Секс и эротика в русской традиционной культуре. М.: Ладомир, 1996. – 535 с.; Топорков А.Л., Агапкина Т.А. Малоизвестные источники по славянской этносексологии (конец XIX – начало XX века) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. – СПб., 1991. – С. 307–318; Эрос и порнография в русской культуре / под ред. М. Левитта и А. Топоркова. – М.: Ладомир, 1999. – 740 с.
18. Кон И.С. Вкус запретного плода: сексология для всех. – М.: Семья и школа, 1997. – 464 с.; Кон И.С. Роль и место сексуальной культуры в становлении цивилизованного государства. Избр. лекции ун-та. Вып. 7. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 1999; Кон И.С. Клубничка на березке: Сексуальная культура в России. – М.: Время, 2010. – 608 с.
19. Лебина Н. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 208 с.; «А се грехи злые, смертные...» Русская семейная сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века. В 3 кн. – М., 2004. <http://www.rulit.me/books/pushkareva-a-se-grehi-zlye-smertnye-russkaya-semejnyaya-i-seksualnaya-kultura>; Добровольская В.Е. Запреты и предписания, связанные с обнажением человеческого тела // Традиционная культура. – 2010. – № 1. – С. 11–17; Баранов Д.А. Образ ребенка в предствалениях русских о зачатии и рождении. Дис... канд. ист. наук. – СПб., 2007; Мухина З.З., Пушкарева Н.Л. Женщина и женское в традиционной русской сексуальной культуре (до и после великих реформ XIX века) // Вестн. Пермского ун-та. – Серия: История. – 2012. – Вып. 3 (18). – С. 43–55
20. Веретенко В.А. Сексуальное воспитание юношей в дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // История повседневности. – 2016. – № 1. – С. 85–105; Веретенко В.А. «Страшный враг юношества» – борьба с онанизмом и половое просвещение подростков из привилегированных слоев российского общества во второй половине XIX – начале XX вв. // Столица и провинции: взаимоотношение центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.В. Карпова. – Вып. 7. – СПб., 2016. – С. 68–75
21. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). – М.: Ладомир, 1997. – 330 с.; Пушкарёва Н.Л. Интимная жизнь русских женщин в XVIII в. // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 1. – С. 93–103; Безгин В.Б. Прелюбодеяние и блуд в жизни русского села (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Проблемы российской истории в исследованиях тамбовских ученых: сб. статей междунар. науч. конф. – Тамбов: Изд-во Тамб. ГТУ, 2010. – С. 35–43; Безгин В.Б. Девиантность в интимной жизни русских крестьян (вторая половина XIX – начало XX века) // Белые пятна российской и мировой истории. – 2011. – № 1. – С. 32–47; Жеребкина И. Страсть: женское тело и женская сексуальность в России. – СПб.: Аллетейя, 2001. <http://www.a-z.ru/women/texts/zhereb1r.htm>; Пушкарева Н.Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. – 2008. – № 2 (47). – С. 3–17
22. Мицюк Н.А. Средства контрацепции в повседневной жизни дворянок на рубеже XIX–XX веков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2014. – № 2. – Вып. 14. – С. 49–68; Мицюк Н.А. Рождение матери. Субкультура материнства в высших слоях общества индустриальной России. – Смоленск: СГТ, 2015. – 384 с.; Мухина З.З. Плодоизгнание и контрацепция в традиционной крестьянской культуре

Европейской России (вторая половина XIX – 30-е гг. XX в.) // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 3. – С. 147–160

23. Веременко В.А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX–начало XX вв.). – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – 204 с.; Веременко В.А. Немного о любви... (дворянский брак и семья в России второй половины XIX – начала XX вв.) // Частное и общественное: гендерный аспект: Материалы Четвертой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20-22 октября 2011 года, Ярославль. – М.: ИЭР РАН, 2011. Т. 1 – С. 96-100; Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. – М.: ИЭА РАН, 2012. – 299 с.; Мухина З.З. «Девка на поре, не удержишь на дворе...» // Женщина в российском обществе. – № 3 (56). – 2010. – С. 58–68

24. Обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка. – М., 1995; Федоров В.А. Мать и дитя в русской деревне (конец XIX – начало XX в.) // Вестн. МГУ. – Сер. 8. История. – 1994. – № 4. – С. 3–21

25. Щепанская Т.Б. Мир и миф материнства // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 5. – С. 16

26. Белоусова Е.А. Родовая боль в антропологической перспективе // Arbor Mundi: Международный журнал по теории и истории мировой культуры. – 1998. – Вып. 6; Белоусова Е.А. Представления и верования, связанные с рождением ребенка: современная городская культура. Дис. ... канд. культуролог. наук. – М., 1999; Белоусова Е.А. Родильный обряд // Современный городской фольклор. – М.: РГГУ, 2003. – С. 339-370; Belousova E. The Natural Childbirth Movement in Russia: Self-Representation Strategies // Anthropology of East Europe Review. – 2002. – № 20 (1). – P. 11-18

27. Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова. М.: РГГУ, 2001. – 320 с.

28. Материнство и детство в России, XVIII–XXI вв.: всероссийская научная конференция: сб. науч. ст. (в 2-х ч.) / Ред. Ю.А. Поляков Ю.А. – М.: МГУС, 2006.

29. Егорова О.В. Обычай и обряды, связанные с родами, уходом за новорожденными и лечением детских болезней в среде саратовско-пензенских чувашей // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2008. – № 4 (23). – С. 162–165; Коляскина Е.А. Деторождение в традиционных представлениях русского населения Алтая // Женщина в российском обществе. – 2008. – № 1 (46). – С. 35–47

30. Мицюк Н.А. Рождение матери. Субкультура материнства в высших слоях общества индустриальной России. – Смоленск: СГТ, 2015. – 384 с.; Веременко В.А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX–начало XX вв.). – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – 204 с.; Веременко В.А. Крещение детей в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Актыбинского регионального государственного университета им. К. Жубанова. – 2014. – № 3. – С. 90-93; Веременко В.А. Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2012. – Т. 4. История. – № 3. – С. 18-31; Волкова Е.Ю. Маленькие участники большой войны. Дети в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг. – Кострома: КГТУ, 2010. – 155 с.; Градскова Ю. Дискурс «социального материнства» и повседневные практики социальной работы в 1930–1950-е годы // Журнал исследований социальной политики. 2005. – Т. 3. – № 2. – С. 187-198; Градскова Ю. Культурность, гигиена и гендер: советизация материнства в России в 1920–1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / ред. П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова. – М.: Вариант, 2007. – С. 242-262; Мицюк Н.А. Конструкция «Идеальная мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX в. // Журнал исследований социальной политики. – 2015. – № 1. – С. 21-32; Российский гендерный порядок: социологический подход / Ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. – СПб.: ЕУСПб, 2007. – 306 с.; Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине / Ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. –

СПб.: ЕУСПб, 2009. – 430 с.; Черняева Н. Производство матерей в Советской России: Учебники по уходу за детьми эпохи индустриализации // Гендерные исследования. – 2004. – № 12. – С. 120-138

31. Бокова В.М. Детство в царском доме. Как растили наследников русского престола. М.: Ломоносовъ, 2011; <http://www.rulit.me/author/bokova-vera-mihajlovna/detstvo-v-carskom-dome-kak-rastili-naslednikov-russkogo-prestola-download-free-213450.html>; Боханов А. Николай II. М.: Молодая гвардия, 1997. <http://mreadz.com/read-239627>; Боханов А.Н. Мария Федоровна. М.: Вече, 2013. <http://nashol.com/2014073079415/mariya-fedorovna-bohanov-a-n-2013.html>; Зимин И. Повседневная жизнь российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. – М.: Центрполиграф, 2010. – 580 с.; Мартианова И.Ю. Повседневность материнства: общение матери и детей в царской семье Николая Павловича и Александры Федоровны Романовых, по воспоминаниям их детей и современников // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сб. ст. / Ред. Н.Л. Пушкарёва. – М.: НЛЮ, 2013. – С. 68-104; Мартианова И.Ю. Мать или светская дама? (Материнство в XVIII – первой половине XIX в.) // Женщина в российском обществе. – 2008. – № 2. – С. 17-25

32. Верemenko В.А. Воспитание «человека» и «гражданина» - семейные и педагогические практики российского дворянства второй половины XIX – начала XX в. // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни Российского общества (XVIII – XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. 14-16 марта 2013 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцов, отв. ред. В.А. Верemenko. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. – С. 24-31; Верemenko В.А. Особенности школьного быта дворян в государственных закрытых учебных заведениях России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 8 (61). – С. 33-36; Верemenko В.А. Подготовка дворянок к хозяйственной деятельности в семье в России второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – № 4. – С. 62-75; Верemenko В.А. Религиозное воспитание детей в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX вв. // Петербургский исторический журнал. – 2015. – № 2. – С. 100-116; Ватник Н.С. Повседневная жизнь учащихся средних школ Московской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 9. – С. 94-102; Душечкина Е.В. Русская елка: история, мифология, литература. СПб.: Норинт, 2002. – 360 с.; Кабирова А.Ш. Общество и дети: борьба с детской беспризорностью, безнадзорностью и девиантностью в период Великой Отечественной войны // Вестник Татарского гос. гум. пед. ун-та. – 2011. – №3(25). – С. 103–113; Карпова В.В. Работа трудовых огородных ученических дружин в 1916 г. // История повседневности. – 2016. – № 1. – С. 105 –115; Молодежь и дети в войнах и конфликтах XX века. Сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. (Курск, 23–24 апреля 2008 г.). / под ред. Холтобиной Л.С. – Курск, 2008; Нуркина К.К. Повседневная жизнь Омского ребенка в отражении периодической печати (1960-1970 гг.) // Омский научный вестник. – 2015. – № 2. – С. 44-47; Рожков А.Ю. История советского детства // Вестник Пермского университета. Сер.: История. – 2013. – № 2. – С. 107; Ромашова М.В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. Серия История. – 2013. – Вып. 2 (22). – С. 108 –116; Синова И.В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX в. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. – 288 с.; Соловьева Т.А. Повседневная жизнь воспитанников детских домов советского провинциального города в 1920-30-е гг. // Известия Саратовского университета. – 2013. – Т. 13. – № 2. С. 42-45; Щербинин П.П. Детская повседневность в европейских государствах в период Первой мировой войны // Малолетние подданные большой империи: Филипп Ариес и история детства в России (XVIII – начало XX века). Сб. ст. – М., 2012. – С. 197-210

33. Косорецкая Е.Н. Мотивационный комплекс женских преступлений во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Орловской губернии) // Управление

общественными и экономическими системами. – Орел, 2007. – № 1. – С. 1–13; Миронов Б.Н. Преступность в России в XIX – начале XX века // Отечественная история. – 1998. – № 1. – С. 24–42; Михель Д.Б., Михель И.В. Российское образованное общество и проблема детоубийства в контексте истории (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Социальная история: ежегодник. 2010 / отв. ред. Н.Л. Пушкарева. – СПб.: Алетейя, 2011. – С. 191–222; Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX в. // Этнографическое обозрение. – 2009. – № 5. – С. 120–134; Шевнина Л.В. Патронат над преступными детьми в России в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – Научный журнал. 2010. – № 2. – Т. 4. История. – С. 152–162; Шевнина Л.В. Женские воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних преступниц в России (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – Научный журнал. 2011. – № 4. – Т. 4. История. – С. 75–82

34. Болтаевский А.А. «Милые, но погибшие создания»: социальные девиации в Москве в конце XIX – начале XX вв. // Социодинамика. – 2015. – № 12. – С. 129–141; Зюбан М.Н. Российские дома терпимости: середина XIX столетия – 1917 г. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2011. – № 3–2. – С. 164–169

35. Ильюхов А.А. Проституция в России с XVII в. до 1917 г. – М.: Новый хронограф, 2008. – 558 с.; Лебина Н., Шкаровский М. Деталь ночного пейзажа. Кое-что из мира проституток Санкт-Петербурга и Ленинграда // Родина. – 1994. – №1. – С. 61–66

36. Безгин В.Б., Жеребчиков Д.П. Социальные девиации периода российской модернизации в современных исторических исследованиях // Современные исследования социальных проблем (Электронный научный журнал). – 2015. – № 5. – С. 190–206; Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.) / общ. ред. и сост. М.Г. Муравьевой, Н.Л. Пушкаревой. – СПб.: изд-во Европейского уни-та в СПб., 2012. – 200 с.; Muravyeva M. Bytovukha: Family Violence in Soviet Russia// *Aspasia*. – 2014. – Vol. 8. – P. 90–124; Muravyeva M. Sex, Crime and the Law: Russian and European Early Modern Legal Thought on Sex Crimes// *Comparative Legal History*. – 2013. – Vol. 1. – №. 1. – P. 74 –102; Муравьева М.Г. Супружеское насилие в русских семьях по светскому и церковному праву XVIII века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2012. – Т. 14. – № 2. – С. 3–19

37. Болтаевский А.А. Проституция как форма социальной девиации в городской среде // Урбанистика. – 2013. – № 1. – С. 17–30; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии 1920-х –1930-х годов. – СПб.: Журнал «Нева», 1999. – 316 с.; Макарова Н.Н. Повседневная жизнь Магнитогорска в контексте отклоняющегося поведения (1929–1935) // Вестник Магнитогорского государственного университета. – 2009. – № 1. – С. 141–148; Малышева С.Ю. Публичные дома и проститутки в досуговой и повседневной жизни Казани второй половины XIX – начала XX вв. // Диалог со временем. – 2010. – № 31. – С. 89–112; Синова И.В. Маргиналы в петербургском социуме во второй половине XIX – начале XX в. // История повседневности. – 2016. – № 1. – С. 63–76

38. Белозерова Т.Б., Соболева Ж.В. Нищенство в России как явление XIX – начала XX века // Социальная политика и социология. – 2011. – № 1. – С. 94–108; Боярский С.Г., Чичерина С.Л. Из истории борьбы с пьянством и алкоголизмом в России // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. – 2014. – № 51. – С. 36–38; Быкова А.Г. Алкоголизм и пьянство в России в XIX – начале XX в.: из истории проблемы. – Омск: Омская юридич. академия, 2006. – 136 с.; Давыдов М.Б. «Доказательство от противного»: первые 9 месяцев «сухого закона» 1914 г. и благосостояние населения России // Исторический журнал: научные исследования. – 2014. – № 2. – С. 214–232; Дьяконов И.Ю. Нищенство в дореволюционной России // Этнографическое обозрение. – 2007. – № 3. – С. 26–38; Мухина З.З. Нищенство и нищенки в русской крестьянской среде Европейской России (вторая половина XIX – начало XX века) //

Вестник Пермского университета. Сер.: История. – 2013. – № 3. – С. 7–15; Синова И.В. Нищенство детей в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 4. – № 1. – С. 92–98

39. Тюрин А.В. Ленинградское отделение Союза писателей в годы хрущевских реформ и его борьба за «моральный облик» своих членов // История повседневности. – 2016. – № 1. – С. 54–62

40. Синова И.В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX в. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. – 288 с.; Баранова Л.А. Положение фабрично-заводских рабочих Москвы в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2011; Доронина Т.В. Повседневность рабочего класса Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Омск, 2006; Ермолов В.А. Повседневная жизнь российских рабочих на рубеже XIX–XX вв. // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). – 2010. – № 1. – С. 27–33; Залунаева Е.А. Повседневная жизнь рабочих Ярославля во второй половине XIX – начале XX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2005; Сугак В.В. Культурный досуг индустриальных рабочих Херсонской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 3(25). – С. 34–37; Фаронов В.Н. Рабочая семья Сибири в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Томской губернии). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2010

41. Вильчинская-Бутенко М.Э. Генезис досуговых форм фабрично-заводских рабочих // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 1(11). – С. 113–116.

42. Букин С.С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири. Вторая половина 1940-х – 1950-е гг. – Новосибирск, 1991; Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг.: Проблемы социальной структуры. М.: Наука, 1988. – 166 с.; Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы. – Л.: Наука, 1990. – 271 с.

43. Сенявский А.С. Российский город в 1960–1980-е гг. – М.: ИРИ, 1995. – 263 с.; Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003. – 285 с.

44. Город и культура: сб. науч. тр. – СПб., 1992; Галушина Н.С. Город как объект культурологического исследования. Дис. ... канд. культурол. – М., 1998; Лобанова Ю.В. Образ города в художественной культуре. Дис. ... канд. культурол. – СПб., 1998; Урбанизация в формировании социокультурного пространства / отв. ред. Э.В. Сайко. – М.: Наука, 1999. – 284 с.; Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики / отв. ред. Э.В. Сайко. – М.: Наука, 2001. – 392 с.

45. Агеева Е.Ю. Город как социокультурное образование. – Н. Новгород: Издат. Нижегородского гос. ун-та 2004. – 212 с.; Доманова Н.М. Социокультурные основания, факторы и тенденции развития современных экологических практик. Дис. ... канд. культурол. – М., 2005; Ложникова И.Ф. Феномен российского северного города: социокультурные и экологические перспективы развития. Дис. ... канд. культурол. – М., 2008; Паламарчук М.Л. Город как социокультурный феномен: дис. ... канд. филос. наук. – Архангельск, 2009

46. Кошман Л.В. Русский город в XIX веке: социокультурный аспект исследования. Дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2001; Кошман Л.В. Город и городская жизнь в XIX столетии: социальные и культурные аспекты. – М.: РОССПЭН, 2008

47. Деткова Н.Ю. Духовная жизнь малого провинциального города: на примере г. Шадринска первой половины XX в. Дис. ... канд. культуролог. – Челябинск, 2009; Попов П.А., Фирсов Б.А. Старый Воронеж: из истории городского быта XVIII – начала XX в. – Воронеж: Центр духовного возрождения, 2009. – 324 с.; Пюрийнен Д.М. Население уездного города Сарапул во второй половине XIX – начале XX в.: социокультурный аспект. Дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2009; Российская провинция: среда, культура, социум. (Очерки истории города Дмитрова, конец XVIII–XX век)/отв. ред. Э.А. Шулепова. – М.: КомКнига, 2006. – 456 с.

48. Алисов Д.А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социокультурное развитие (1870-1914 гг.). – Омск: Изд. ОмГУ, 2006. – 336 с.; Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920-1930-е годы. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 445 с.; Афанасьев Г.Ю. Экологическая проблема загрязнения больших городов в истории повседневности Российской империи второй половины XIX – начала XX в. // История повседневности. – 2016. – № 1. – С. 116–125; Гончаров Ю.М. Очерки повседневной жизни горожан Сибири во второй половине XIX – начале XX в. – Баранул: Алт. гос. ун-т, 2014. – 348 с.; Далгат Э.М. Повседневная жизнь городов Дагестанской области // Археология, этнология и фольклористика Кавказа. Сборник кратких содержаний докладов. – Тбилиси, 2010. – С. 410-411; Деятельность государственных организаций по индустриальному освоению Сибири в XX – начале XXI вв. Сб. науч. трудов. / отв. ред. А.И. Тимошенко. – Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2009. Вып. 1. – 266 с.; Колокольчикова Р.А. Феномен индустриального города в истории Европейского Севера России (вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг. Дисс... док. ист. наук. – Череповец, 2015; Кривоконь А.В. Повседневная жизнь городского населения Кубани и Черноморья: досуговая сфера (1860-е – 1914 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2013; Кучева А.В. Человек в провинциальном городе: повседневная жизнь в послевоенном городе (1945-1953) // В мире научных открытий. – 2014. – № 11. – С. 3130–3145; Ланкина Ю.С. Повседневная жизнь населения городов Юга Дальнего Востока России в конце XIX – начале XX вв. // Власть и управление на Востоке России. – 2014. – № 4. – С. 123–130; Микитюк В.П., Яхно О.Н. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX – XX веков: очерки городского быта. – Екатеринбург: изд. АМБ, 2014. – 447 с.; Позняк Т.З. Влияние технических изобретений на повседневную жизнь Дальневосточных городов во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 5. – С. 101–112; Попов В.Ж. Повседневная жизнь горожан Украины в период революции и гражданской войны 1917 – 1920 гг. // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т. 1. № 1. – С. 62-66; Рафикова С.А. Повседневная жизнь сибирских горожан в 1960-е годы. Дис. ... док. ист. наук. – Новосибирск, 2013; Семенова Е.Ю. Мирозрение городского населения Поволжья в годы Первой Мировой войны (1914–1918 гг.): социальный, экономический и политический аспекты: монография. – Самара: АНО, 2012. – 888 с.; Семенова С.Ю. Как строилась и жила губернская Уфа (конец XVI – начало XX в.). Очерки. – Уфа: Вост. ун-т, 2004. – 98 с.; Симонова Е.В. Повседневная жизнь туляков в XIX веке // Роль университетов в поддержке гуманитарных научных исследований. Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Отв. ред. О.Г. Вронский. – Тула, 2008. – С. 332–337; Слепцов С.Г. Городская повседневность 1970 – начала 1980-х гг.: жизнь в советском Якутске // European social science journal. – 2014. – № 8-1. – С. 427-432; Соловьева Т.А. Повседневная жизнь советского провинциального города в 1920-1930-е гг. (на материалах г. Саратова). Дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2014; Шаповалов С.Н. Повседневная жизнь населения Краснодарского края в период немецкой оккупации (праздничный аспект) // Фронт, тыл, наук: вклад регионов в победу. Сб. ст. Всерос. научно-практ. конф. – Казань, 2015. – С. 85-93; Яхно О.Н. Повседневная жизнь горожан Российской провинции на рубеже XIX – XX вв.: методологические и конкретно-исторические аспекты // Уральский исторический вестник. – 2001. – № 7. – С. 244-254

49. Шабурова О.В. Трубники, цветники и другие металлурги: семантика и пафос труда в уральском индустриальном городе // Проект «Манчестер»: прошлое, настоящее и будущее индустриального города: сб. науч. ст. / под ред. М. Ю. Тимофеева. – Иваново, 2012. – С. 152–163

50. Хубулова С.А. «Маленькие люди» в «большой истории»: повседневная жизнь владикавказских обывателей в 1917–1920 гг. – Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2007. – 357 с.; Хубулова С.А. Повседневная жизнь Владикавказских обывателей на фоне нэпа. – Владикавказ: ИП Цапанова, 2014. – 614 с.

51. Беловол А.А. Создание и развитие городов Коми АССР в конце 20-х – середине 1950-х гг. Автореф. ...канд. ист. наук. – Чебоксары, 2008; Максимова Л.А., Лямцева Л.В. Гулаг как фактор модернизации на Европейском Северо-Востоке: монография. – М.: Изд. МГОУ, 2011. – 145 с.; Беловол А.А., Максимова Л.А. Градообразование в Коми в 1930-е – 1950-е годы: монография. – Сыктывкар: Изд. Сыкт. гос. ун-та, 2012. – 100 с.
52. Корчинская, М.В. Социальное пространство монопрофильного города Европейского Севера: проблема гуманизации. Дис. ... канд. филос. наук. – Архангельск, 2003.
53. Дмитриенко Н.М. Сибирский город в XIX – первой трети XX в. (локально-историческое исследование на материалах Томска). Дисс. ...док. ист. наук. – Томск, 2000
54. Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году. Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2002; Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (1930-1940-е годы. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 463 с.; Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы на рубеже XIX – XX веков. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 461 с.; Гордин А.М., Гордин М.А. Пушкинский век. – СПб.: Пушкинский фонд, 2005; Кобозева А.В. Культурно-антропологический анализ повседневной жизни Москвы: социальные эксперименты первого послереволюционного десятилетия. Дис. ... канд. философ. наук. – М., 2006; Кошелева О.Е. Повседневность Петербурга петровского времени. Дисс... док. ист. наук. – М., 2006; Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950-1960-е годы. – СПб.: Крига; Победа, 2015. – 484 с.; Мазгин Ю.А. Ленинградская квартира // Электронное научное издание Альманах Пространства и время. – 2014. – Т. 5. – № 1; Малинова-Тзиафета О.Ю. Из города на дачу. Социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860-1914). – СПб.: Изд. Европейского ун-та в СПб., 2013. – 335 с.; Нефедьева Е.В. Повседневная жизнь капиталистического Петербурга (вторая половина XIX – 1914 г.) // Известия Петербургского университета путей сообщения. – 2007. – № 4. – С. 152–169; Повседневная жизнь старой Москвы, XVI–XIX вв. Сборник ст. / Под ред. М.В. Коротковой, В.Ф. Козлова. – М.: Москововедение, 2008. – 238 с.; Рогожина Н.Д. Пасхальный праздник в повседневной жизни Петербурга и Москвы в конце XIX – начале XX века. – Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; Руга В.Э., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы: очерки городского быта начала XX века. М., Астрель, 2010. – 738 с.; Социальная история Санкт-Петербурга / Под ред. В.Н. Соловьева. – СПб.: Издат. дом «Русский остров», 2005. – 336 с.; Утехин И.В. Быт больших коммунальных квартир г. Ленинграда (Санкт-Петербурга) в 1970-1990-е гг. (стереотипы повседневного поведения). Дисс. ... канд. ист. наук. – СПб., 2001; Федоров А.Н. Жилище в послереволюционной Москве как объект политики и повседневной жизни (1917-1918 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. – 2008. – № 1. – С. 54-59; Шокарев С.Ю. Повседневная жизнь Средневековой Москвы. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 475 с.
55. Каменский А.Б. Некоторые проблемы современной историографии истории русского города // Урбанизация в России в XVIII – начале XX вв.: сб. науч. ст. / отв. ред. В.В. Канищев, Ю.А. Мизис. – Тамбов, 2008
56. Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В., Миненко Н.А. Город и русская культурная традиция на Урале в XVIII – начале XIX в. Очерки. – Екатеринбург: Бки, 202. – 128 с.; Казакова-Апкаримова Е.Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале (вторая половина XIX – начало XX вв.) – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2008; Косякова Е. Новый быт Сибирского Чикаго. Очерки городской повседневности Новосибирска между войнами. – Новосибирск: Сибирская горница, 2006. – 232 с.; Красильникова Е.И. Жизнь в городе-акселерате: обеспечение потребностей новосибирцев в межвоенное время (конец 1919 – первая половина 1941 г.). Новосибирск: Новосибирс. госуд. тех. ун-т, 2008. – 256 с.; Мельникова Н.В. Менталитет населения закрытых городов Урала, вторая половина 1940-х –

1960-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2001; Уральский город XVIII – начала XX в.: проблемы социальной истории: сб. ст. – Екатеринбург: Банк культурной инф., 2004. – 159 с.

57. Гончаров Ю.М. Барнаульская школа исторического градоведения на рубеже XX – XXI вв. // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. – Сургут: СурГУ, 2015. – С. 14-28; Города Сибири XVII – начала XX в. Вып. 2: История повседневности / под ред. В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2004. – 360 с.; Гончаров Ю.М., Скубиневский В.А. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Население. Экономика. Застройка и благоустройство. – Барнаул: изд. Алт. гос. уни-та, 2014. – 252 с.; Скубневский В.А. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века / под ред. Ю.М. Гончарова. – Барнаул: Изд. Алт. гос. уни-та, 2003. – 200 с.; Дектярев Д.С. Пригородные зоны городов Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. / под ред. Ю.М. Гончарова. – Барнаул, 2012

58. Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. – М.: РГГУ, 2006. – 408 с.; Климочкина А.Ю. Бытовая культура советских горожан в 1930-е гг. // Вестник Самарского государственного университета. – 2006. – № 1. – С. 86-93; Лейбович О.Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40-50-х гг. – М.: РОССПЭН, 2008. – 284 с.; Патрушев В.Д. Жизнь горожанина (1965-1998). – М.: Академия, 2001. – 182 с.; Тюрин А.О. Политические процессы и повседневная жизнь горожан во второй половине 1930-х гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 4. – С. 54-64; Тюрин А.О. Горожане в условиях кризиса снабжения продовольствием в первой половине 1930-х гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 4. – С. 32-39

59. Адубикерова Э.Ф. Повседневная жизнь научно-педагогических работников провинции в 1920-е гг. (на примере вузов Саратова). Дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2013; Габдрафикова Л.Р. Повседневная жизнь городских татар в условиях буржуазных преобразований второй половины XIX – начала XX века. – Казань: Институт истории АН РТ, 2013. – 383 с.; Глушаев А.Л. Граждане верующие: повседневная жизнь евангелических христиан-баптистов Молотовской (Пермской) области второй половины 1950-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал История. – 2013. – № 7. – С. 6; Дмитриевская М.С. Повседневная жизнь молодежи в городах Краснодарского и Ставропольского краев в 1945-1959 гг. // Наука и современность. – 2010. – № 1–2. С. 131-135; Никс Н.Н. Московская профессура во второй половине XIX – начале XX века. Социокультурный аспект. – М.: Новый хронограф, 2008. – 303 с.; Любичанковский С.В. Новейшая историография о повседневной жизни провинциальных мещан // Клио. Журнал для ученых. – СПб., 2014. – №11. – С. 139 – 141; Подгайко Е.Г. Повседневная жизнь женщин в городах Южного Урала в конце XIX – начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2013; Соловьева Т.А. Повседневная жизнь воспитанников детских домов советского провинциального города в 1920-30-е гг. // Известия Саратовского университета. – 2013. – Т. 13. – № 2. – С. 42-45; Черемисина Я.С. Повседневная жизнь государственных служащих Москвы и Петербурга в первой четверти XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2008

60. Ананьич Б.В. Немецкие ремесленники и предприниматели в Санкт-Петербурге с XVIII века до начала Первой мировой войны. – Берлин, 2000; Ваилуа Г.П. Социальный состав немцев Санкт-Петербурга XIX – XX века // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2013. - № 1. – С. 121-128; Гаврилов С.Л. Остзейские немцы в Санкт-Петербурге. Российская империя между Шлезвигом и Гольштейном, 1710-1918. – СПб: Русская тройка. 2011. – 254 с.; Горелик Р.С. Немцы в Санкт-Петербурге: вклад в российскую науку и культуру // Россия и современный мир. – 2001. – № 3. – С. 197–202; Жуковская Т.Н. Национальные группы в составе профессоров Санкт-Петербургского университета в начале XIX в. // Вестник Волгоградского государственного университета. 2011. – № 2. – С. 13-19; Иванова Н.И. Немецкие предприниматели в Санкт-Петербурге (XVIII-XX вв.). СПб., 2002. – 265 с.; Иванова Н.И. Немцы Санкт-Петербургской губернии, XVIII – XX вв. – СПб.: ИВСЭП, 2008. – 201 с.; Сартор В. Торговый дом «Шпис» и табачная

фабрика «Лаферм» в 1852-1914 гг. (Исследования по истории предпринимательства и промышленности Санкт-Петербурга). СПб.: Петерб. чтения, 1996. – 305 с.; Пузейкина Л.Н. Немцы в Санкт-Петербургской губернии: истории, язык, песни. СПб.: Нестор, 2013. – 384 с.; Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование. Сб. ст. / Отв. ред. Г.И. Смагина. – СПб.: Росток, 2005. – 639 с.; Русско-немецкие контакты в биографии Петербурга: [Материалы междунар. конф., 2-4 нояб. 1992 г.] / Междунар. благотвор. фонд спасения С.-Петербурга и др.: Вып. 1-2. - СПб., 1992-1993; Волобаева Т.В., Деятельность братьев Франк и производство витражей в Петербурге // Петербургские чтения-96: Материалы Энцикл. б-ки «Санкт-Петербург-2003» / Ассоц. исследователей С.-Петербурга. - Петербургские чтения-96 СПб, 1996. – С. 145-148

61. Демина И.С. Благотворительная деятельность семьи Ольденбургских в России в XIX – начале XX века. Автореф. дисс... канд. ист. наук. – СПб., 2006; Дякин В.С. Сименс в Петербурге и в России // Русско-немецкие контакты в биографии Петербурга : [Материалы междунар. конф., 2-4 нояб. 1992 г.] / Междунар. благотвор. фонд спасения С.-Петербурга и др. : Вып.1. - СПб., 1992. - С. 12-13; Мельникова С.И. Август Фридрих Фердинанд фон Коцебу в Санкт-Петербурге [1781-1801 гг.] // Петербургские чтения-97: Материалы Энцикл. б-ки «Санкт-Петербург-2003» / Ассоц. исследователей С.-Петербурга. - Петербургские чтения-97 СПб, 1997. – С. 499-502; Мельникова С.И. Семья Заурвейдов и немецкий театр в Санкт-Петербурге // Театрон. 2011. № 1.С. 32-37; Лизунов П.В. Петербургские купцы, фабриканты и банкиры Штиглицы. СПб.: Алетейя, 2014. – 608 с.; Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII – XX века): биографический аспект. Вып. 2. – СПб.: музей антропологии и этнографии, 2002. – 204 с.; Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII – XX века): биографический аспект. Вып. 8. Сб. ст. – СПб.: музей антропологии и этнографии, 2014. – 425 с.; Чеснокова А. Н., Иностранцы и их потомки в Петербурге : Немцы. Французы. Британцы. 1703-1917: Ист.-краевед. очерки. – СПб : Сатис, 2003. - 332, Чеснокова А.Н., Немцы в Петербурге. – СПб: Сатис, 2001. – 55 с.

62. Яковлев А.А. Повседневная жизнь «не-маленьких людей»: новые подходы к истории повседневности // Диалог со временем. – 2014. № 48. – С. 292–308; Макарова Н.Н. Повседневная жизнь провинциальной элиты в Магнитогорске // Современные тенденции в науке и образовании. Сборник науч. трудов по материалам Международ. науч. конф. – М., 2014. – С. 29–30

63. Кидяров А.Е. Повседневная жизнь Костромской и Ярославской губерний в годы гражданской войны в историографии // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 6. – С. 97–100; Козлов Н.Д. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. Некоторые аспекты современной российской историографии // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный журнал. Т. 4. История. – 2012. – №2. – С. 93–110; Козлов Н.Д. Повседневная жизнь в советском тылу в отечественной историографии XXI века // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. Сер. Ист. – № 2. – С. 45-56; Козлов Н.Д. Повседневная жизнь советских людей на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны в современной историографии // Война и повседневная жизнь населения России XVII – XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): материалы междунар. науч. конф., 14-16 марта 2014 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – С. 37-44; Магомедов А.Дж. Повседневная жизнь периода Великой Отечественной войны: проблемы изучения // 65-летие Победы в Великой Отечественной войне: дагестанцы на фронте и в тылу. Материалы республиканской науч. конф. – Махачкала, 2010. – С. 295-303

64. Кабирова А.Ш. Массовое сознание населения Татарстана в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) // Вторая мировая война как проблема национальной памяти: матер. между. науч. кон., 24–26 сентября 2009 г. – СПб., 2010. – С. 111–124; Кабирова А.Ш. Отражение реалий военного времени в массовом сознании граждан в 1941-1945 гг. (на материалах Татарстана). матер. круглых столов. Вып. 2. Сб.ст. – Казань, 2011. – С. 160–

171; Козлов Н.Д. Современная российская историография массового сознания народа в годы Великой Отечественной войны // Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX – XX вв.: матер. междунар. науч. конф. 14-16 марта 2012 г. / под общ. ред. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2012. – С. 22-30; Левашко В.О. К вопросу о сущности морального фактора в современной российской историографии // Там же. – С. 30-37; Советская повседневность и массовое сознание. 1939-1945 / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. – М.: РОССПЭН, 2003. – 470 с.; Храмкова Е.Л. Общественное сознание военного времени: современные методологические подходы // Военная история России: люди и события (к 70-летию Великой Победы): материалы междунар. науч. конф., 12–14 марта 2015 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. С. 17-23; Человек в истории: массовое сознание и повседневная жизнь российского общества: сб. науч. ст. / под общ. ред. В.А. Веремченко; отв. ред. И.А. Тропов. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – 144 с.

65. Алферова И.В. Женщины в условиях «военного коммунизма»: практики приспособления // Вестник Удмуртского университета. – 2011. – № 5(1). – С. 83–90; Воробьев Е.П., Белов Д.А. Провинциальный город в период Первой мировой войны и революции (Царицын 1914-1917 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 3. – С. 399-410; Дубровская Е.Ю. Повседневность в чрезвычайных обстоятельствах: революция 1917 года, Гражданская война и иностранная интервенция в общей памяти жителей Карелии // Труды Кольского научного центра РАН. – 2014. – № 6. – С. 116–123; Измозик В.С. Лебина Н.Б. Петербург советский: «Новый человек» в старом пространстве. – СПб.: Крига, 2010. – 233 с.; Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. – М.: НЛЮ, 2015. – 482 с.; Смирнов Ю.Ф. «Плохого натерпелись, хорошего не ждем» (питание тульских рабочих в период военного коммунизма и нэпа) // Тульский краеведческий альманах. – 2012. – № 9. – С. 129–134; Троценко Д.Н. Революция 1917 года и ее влияние на повседневную жизнь граждан // Культурная жизнь юга России. – 2010. – № 3. – С. 106-107; Федоров А.Н. Человек в условиях социальных трансформаций (на примере гражданской войны в России) // АНТРО. – 2014. – № 2. – С. 105–115

66. Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А. Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918–1922 гг.). – М.: Голос-Пресс, 2010. – 572 с.; Вострышев М.И. Повседневная жизнь России в заседаниях мирового суда и ревтрибунала. 1860-1920-е гг. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 316 с.; Крестьянский фронт 1918–1922 гг. Сборник статей и материалов / под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО, 2013. – 739 с.4 Левшин К.В. Причины дезертирства в Красной армии // Новейшая история России. – 2011. – № 2. – С. 73–79; Семенов А.А. Повседневная жизнь населения России в годы гражданской войны (1917-1920 гг.). Автореф. дис. ... док. ист. наук. – М., 2005; Филин М.В. Протестное движение российского казачества в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918–1922 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2007; Чураков Д.О. Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). – М.: Вече, 2011. – 318 с.

67. Башкирцев Д.Ю. Повседневная жизнь и деятельность советских железнодорожников в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам железных дорог Центра и Юга России). Дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 2004; Бушмаков А. «В ремеслухе живи да тужи» // РЕТРОспектива. – 2010. – №2. С. 84–88; Васягин А.П. Колхозная деревня Горьковской области в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Дис. ... канд. ист. наук. – Нижний Новгород, 2007; Викторов А.Ю. Колхозное крестьянство Кузбасса в годы Великой Отечественной войны: социально-экономическое положение. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2011; Григорьев А.Д. Социальное положение и быт населения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Чувашской АССР). Автореф. дис... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2004; Гайсин У.Б. Социальные аспекты молодежи Урала в годы Великой Отечественной войны // Вестник Башкирского

университета. – 2012. - № 17. – С. 747-751; Жукова О.Г. Повседневная жизнь советского тыла в условиях Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (исторические и социально-культурные аспекты). Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2013; Кабирова А.Ш. Война и общество: Татарстан в 1941–1945 гг. – Казань: ФЭН, 2011. – 467 с.; Кабирова А.Ш. Из истории военной повседневности: решение жилищной проблемы в Татарстане в 1941-1945 гг. // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 152. – Кн. 3. – Ч. 2. – С. 156–167; Кадерова Т.Н. Повседневная жизнь людей в годы Великой Отечественной войны (на примере Мордовии // Гуманитарные науки и образование. – 2013. – № 4. – С. 140-142; Кошкина О.А. Сельское хозяйство и крестьянство Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945. Дис. ... канд. ист. наук. – Йошкар-Ола, 2008; Казанцева Ю.И. Из истории повседневности сибирского тыла // Сибиряки в Великой Отечественной войне: матер. рег. Науч.-практ. конф., 20–29 апреля 2010 г. – Новосибирск, 2010. – С. 148–145; Кривоножкина Б.Г., Ханипова И.И. Сельское население Татарской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – 461 с.; Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Казанский университет в годы Великой Отечественной войны: повседневные практики выживания // Проблемы новейшей истории России: Сб.ст. к 70-летию со дня рождения Г.Л. Соболева. – СПб., 2005. – С. 378–392; Назаров А.И. Повседневная жизнь молодежи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах Тамбовской области). Дис. ... канд. ист. наук. – Тамбов, 2010; Ткачева Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – Владивосток: Дальнаук, 2010. – 375 с.

68. Букин С.С. Повседневная жизнь в городах сибирского тыла // Гуманитарные науки в Сибири. – 2005. - № 2. – С. 27-31; Бредихин В.Е. Комсомол Тамбовской области в годы Великой Отечественной войны: социально-политические аспекты деятельности. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тамбов, 2004; Гонцова М.В. Повседневная жизнь населения индустриального центра в годы Великой Отечественной войны (На материалах г. Нижний Тагил). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2011; Кладова Н.В. Проблемы организации повседневной жизни населения тылового города в условиях военного времени (на примере г. Барнаула) // Сибиряки в Великой Отечественной войне: матер. рег. Науч.-практ. конф., 20–29 апреля 2010 г. – Новосибирск, 2010. – С. 175–181; Малышева С.Ю., Сальникова А.А. «Шукрут», моллюски и «яйца Рузвельта»: повседневная жизнь университетского человека в Казани в годы Великой войны // Эхо веков. – Казань, 2005. – №1(39). – С. 31–36; Назаров А.И. Трудовая деятельность молодежи на предприятиях Тамбовской области в период Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки: проблемы и решения. Сб. ст. – СПб., 2007. – С. 259–263; Рыков А.В. Производственная и повседневная жизнь в Алтайской деревне в годы Великой Отечественной войны: устная история // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. – Барнаул, 2011; Рязанцев Н.П., Шокин С.Д. Ярославская деревня в годы Великой Отечественной войны // Деловые вести Ярославии. – 2010. №5. – С. 34–35; Из районов области сообщают...: свободные от оккупации районы Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 625 с.; Хисамутдинова Р.Р. Повседневная жизнь сельских тружеников Чкаловской (Оренбургской) области в годы Великой Отечественной войны // Аграрная сфера в контексте российской модернизации XVIII – XX вв.: макро- и микро- процессы. Сб. статей. – Оренбург, 2010. – С. 506-512

69. Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма 1941–1945. История и психология подвига. – М.: Памятники ист. мысли, 2003. – 499 с.; Исупов В.А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939-1945). – Новосибирск: Сова, 2008. – 375 с.; Романов Р.Е. Рабочая молодежь оборонных предприятий в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: 1941-1945. Дис... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2009; Серебрянская Г.В. Промышленность и кадры Волго-Вятского региона Российской Федерации в конце 30-х – первой половине 40-х годов XX века: монография. – Н. Новгород: Нижегород. Арх.-стр. ун-т, 2003. – 473 с.; Сомов В.А. Потому что была

война...: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941-1945): монография. – Н. Новгород: ВВАГС, 2008. – 233 с.

70. Арсланова Ч.Р. Эвакуированное и депортированное в Башкирскую АССР население в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945. Дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2006; Бикметов Р.С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929–1956 гг.). – Кемерово: ГУ КузГТУ, 2009. – 430 с.; Гончаров Г.А. «Трудовая армия» на Урале в годы Великой Отечественной войны. – Челябинск: Челяб. Гос. ун-т, 2006. – 222 с.; Пажит Ю.Ю. Заключенные, трудмобилизованные НКВД СССР в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2005; Полян Н.Н. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М.: Мемориал, 2001. – 326 с.; Сомов В.А. Состояние мест заключения в Горьковской области в 1941-45 гг. // Российский город и регион: социальные и гуманитарные аспекты развития: материалы науч.-практ. конф. Посв. 75-лет. Г. Дзержинска и 30-лет. Каф. Общ. наук Дзержинск. Политех. Ин-та, 20 мая 2005 г. – Н. Новгород, 2005

71. Аджиева Э.А. Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2001; Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: историко-правовое исследование. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. – 320 с.; Гонцова М.В. Повседневная жизнь и стратегия выживания немцев-трудармейцев Нижнего Тагила в годы Великой Отечественной войны // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев. Мат. 3-й междунар. конф. – Саратов, 2001; Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны в исторической памяти потомков. Мат. XIII межд. Науч. кон., Москва, 21–23 октября 2010. – М., 2011; Ишак Л.А. Российские немки на архангельском севере // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев. Мат. 3-й междунар. конф. – Саратов, 2001; Курочкин А.Н. Социально-политическое положение немецкого населения СССР, мобилизованного в «трудовые армии» в годы Великой Отечественной войны // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев. Мат. 3-й междунар. конф. – Саратов, 2001; Курочкин А.Н. Трудармейские формирования из граждан СССР немецкой национальности в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 1998; Кринко Е.Ф. Депортация населения Северного Кавказа, ее причины и последствия: историография проблемы // Вторая мировая война. Матер. междунар. Науч. конф., 28–31 мая 2002. – Майкоп, 2002; Немцы в СССР в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие (1941-1955 гг.). Матер. 7-й междунар. конф. – М.: Готика, 2001. – 567 с.; Сабанчиев Х.-М.А. Были сосланы навечно. Депортация и реабилитация балкарского народа. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 158 с.

72. Кропачев С.Б. Отечественная историография масштабов и форм репрессий и демографических потерь СССР в 1937–1945 гг.: автореф. дис. д-ра ист. наук. – Майкоп, 2011

73. Битва за Ленинград в судьбах жителей города и области: Воспоминания защитников и жителей города и оккупированных территорий / Сост. А.В. Виноградов, А. Плейжер. – СПб.: СПбГУ, 2005. – 372 с.; Горинов М.М. Москва. Война. Победа. 1941-1945. – М.: Москововедение, 2008. – 271 с.; Газиева Л.Л. Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941-1943 годах. Автореф. дис... канд. ист. наук. – СПб., 2011; Котов С.Д. Детские дома блокадного Ленинграда. – СПб.: Политехника, 2005. – 205 с.; Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. – СПб.: Нева, 2002; 2004; Шимкевич В.Н. Судьба московского ополченца. Фронт, оружие, плен. 1941-1945. – М.: Центрполиграф, 2009. – 442 с.; Яров С. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 603 с.; Павлова Т.В. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. – Волгоград: Перемена, 2005. – 593 с.

74. Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 618 с.; Ковалев Б.Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941–1944 гг.). – Великий Новгород: НовГУ, 2001. –

482 с.; Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: НовГУ, 2009. – 371 с.; Ковалев Б.Н. Формы коллаборационизма несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. – М., 2010. – № 5. – С. 15–21

75. Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками (На линии фронта: Правда о войне). – М.: Центрполиграф, 2010. – 381 с.

76. Ковалев В.И. Повседневная жизнь советских граждан, угнанных в фашистскую Германию: взгляд через десятилетия. – М.: Спутник+, 2011. – 350 с.; Котова Т.А. Повседневная жизнь в лагерях для перемещенных лиц в Германии (по личным воспоминаниям их обитателей) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. – 2015. – № 1. – С. 69–80

77. Литвинова О.Н. Культура повседневной жизни партизан Брянского края в годы Великой Отечественной войны. Автореф. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2008; Глячвина О.Н. Некоторые аспекты повседневной жизни бойца партизанского отряда на Брянщине в годы Великой Отечественной войны // Границы в пространстве прошлого: социальные, культурные, идейные аспекты. – Тверь, 2007. – Т. 3. – С. 140–147; Литвинова О.Н. Быт населения оккупированных территорий Брянщины в партизанских краях и зонах в 1941–1943 гг. // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, образования. Материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль, 2007. – С. 208–216

78. Альтман И.А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР (1941–1945 гг.). – М.: Ковчег, 2002; Альтман И.А. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР. – М.: Холокост, 2002. – 319 с.; Бадмаева Е.Н. Повседневная жизнь населения Калмыкии в период немецкой оккупации // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 8. – С. 96–100; Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: Проблемы истории, историографии и источниковедения. – М.: Центрполиграф, 2012. – 478 с.; Веригин С.Г. Карелия в годы Второй мировой войны: политические и социально-экономические процессы (1939–1945 гг.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2012; Веригин С.Н. Национальная политика финских оккупационных властей // Отечественная история. – 2006. – №4. – С. 73–76; Веригин С.Н. Социально-экономическая политика финских властей на оккупированной территории Карелии (1941–1944 годы) // Вестник Поморского ун-та. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». – 2010. – Вып. 12. – С. 16–22; Ермаков А.М. Вермахт и Холокост. – Ярославль: ЯГПУ, 1999. – 125 с.; Иоффе Э. Белорусские евреи: трагедия и героизм. – Минск, 2000. – 427 с.; Клокота Г.В. История Холокоста на территории СССР (1941–1944). – М.: Холокост, 1995. – 79 с.; Ковалев Б.Н. Псков и Псковщина в условиях гитлеровской оккупации (1931–1944 гг.) // Псков в военной истории XX века. Вып. 1: Матер. науч.-практ. кон. (Псков, 16 декабря 2008 г.). – Псков, 2009. – С. 189–200; Кулик С.В. Антифашистское сопротивление и население Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны // Там же. – С. 179–189; Шаповалов С.Н. Повседневная жизнь населения Краснодарского края в период немецкой оккупации (праздничный аспект) // Фронт, тыл, наук: вклад регионов в победу. Сб. ст. Всерос. научно-практ. Конф. – Казань, 2015. – С. 85–93

79. Сенявская Е.С., Сенявский А.С. Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // 65 лет Великой Победы: в 6 т. – М., 2010. – Т. 3. Победа. – С. 197–211; Сенявская Е.С. Повседневность российской армии в войнах XX века: понятие, структура и психология фронтового быта // Человек в российской повседневности. Сб. статей. – М., 2001. – С. 131–138; Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М.: РОССПЭН, 2006. – 787 с.; Сенявская Е.С. Психология боя и фронтового быта // Мировые войны XX века: в 4-х 31Н. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. – М., 2002. – С. 210–229; Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. – М.: РОССПЭН, 1999. – 382 с.; Сенявская Е. С., Духовный облик фронтового

поколения : (Методол. И источниковед. Пробл. Изучения) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1992; Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. – М.: Изд. центр ИРИ, 1997. – 226 с.

80. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. – М.: РОССПЭН, 1999. – 382 с.

81. Бурячок А.Ю., Павлова А.Н. Повседневная жизнь советского солдата на фронте Великой Отечественной войны // Социальные, естественные и технические системы в современном мире: состояние, противоречия, развития: Восемнадцатые вавилонские чтения. Матер. междунар. науч. конф. / Отв. ред. В.П. Шалаев. – Йошкар-Ола, 2015. – С. 308-309; Гаевская И.И. Воспоминания участников Великой Отечественной войны как источник повседневной жизни в тылу и на фронте (на примере воспоминаний А.П. Багинского) // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. – 2015. – № 7. – С. 84-91; Ларионов А.Э. Принципы организации и управления повседневной жизнью Рабоче-крестьянской Красной армии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Академии права и управления. – 2014. Ф– № 35. – С. 36-40; Таджикова И.Г. Повседневность военного времени в письмах и воспоминаниях фронтовиков // Социальная история: ежегодник. 2011 / отв. ред. Н.Л. Пушкарева. – СПб.: Алетейя, 2012. – С. 358–388.

82. Жидкова Е.М. «Попросил прощения у жен и извенился перед коллективом»: как женсоветы боролись за здоровый быт, высокую нравственность и дружную советскую семью // Социальная история. Ежегодник. 2009 / отв. ред. Н.Л. Пушкарева. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 347–374; Жукова Л.А. Счастливая пора: повседневная жизнь московских студентов конца 60-х – начала 70-х гг. // Счастливые страницы в истории человечества и повседневной жизни людей. Материалы междунар. науч. конф. – Тула, 2009; Жулаева А.С. Эволюция семейных отношений в сибирской деревне 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение, вопросы теории и практик. – 2014. – № 3-1. – С. 59–61; Исаев В.И. Необычные судьбы обычных людей: советская повседневность в 1920-1930-е гг. – Новосибирск: Параллель, 2008. – 188 с.; Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П., Тажиудинова И.Г. Повседневный мир советского человека 1920-1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 382 с.; Лебедева Л.В. Повседневная жизнь пензенской деревни 1920-е годы: традиции и перемены. – М.: РОССПЭН, 2009. – 183 с.; Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. – М.: НЛЮ, 2015. – 488 с.; Морозова О.М. Будни ветеранов Красной Армии в 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Социальная история: ежегодник. 2011 / отв. ред. Н.Л. Пушкарева. – СПб.: Алетейя, 2012. – С. 232-290; Очерки коммунального быта. Сб. ст. – М.: ОГИ, 2004. – 277 с.; Российская повседневность. 1921-1941 гг.: Новые подходы: Сб. ст. – СПб.: СПб. Изд-во УЭИФ, 1995; Советская социальная политика 1920-х-1930-х годов: идеология и повседневность / Под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007; Стецура Ю.А. Повседневная жизнь молодежи 20-х – 30-х гг. XX в. в период советской модернизации // Новая локальная история. По следам Интернет-конференций 2007-2014 гг. – Ставрополь, 2014. – С. 185-192; Тяжелникова В.С. Ленинский призыв 1924-1926/5 годов: новые люди, новые модели политического поведения // Социальная история. Ежегодник. 2008 / отв. ред. Н.Л. Пушкарева. – СПб.: Алетейя, 2009. – С. 113-137; Хлынина Т.П. Страницы социальной истории Советской Адыгеи: повседневная жизнь населения области в 1920-е гг. – Майкоп: Качество, 2005. – 62 с.; Хубулова С.А., Синанов Б.А., Хубулова Э.В. «Красная молодежь» Северной Осетии в вузах СССР: повседневная жизнь в 1920-1930-х гг. – Владикавказ: Североосетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, 2010. – 173 с.; Шаповалов С.Н. «Осовечивание» религиозных праздников в 1920-е гг. // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 4. – С. 246-249

ГЛАВА 2. ГОРОДА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА В 1950-1960-Е ГГ.: ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

2.1. НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В 1950-х гг. в экономике Центрального Казахстана окончательно закрепились тенденции его индустриального развития, (преимущественно тяжелой промышленности), стала развиваться сеть предприятий военно-промышленного комплекса. Это обусловило интенсивность урбанизационных процессов. Так, если в 1939 г. в Центральном Казахстане было три города и шесть рабочих поселков, то в 1959 г. в него входили 6 городов, (из них 5 республиканского, краевого и областного подчинения) и 15 поселков городского типа [1, с.12].

Основным градообразующим фактором в регионе стала угольная и горнодобывающая промышленность, города возникали, как правило, у месторождений полезных ископаемых. Так, города – спутники угольной отрасли – Караганда, Абай, Сарань, Шахтинск. Дзезказган и Балхаш возникли в связи с добычей и разработкой руд цветных металлов; образование г. Темиртау было связано со строительством Карагандинского металлургического комбината. Таким образом, вокруг г. Караганды сформировалась самая крупная городская агломерация Казахстана. Строительство новых крупных предприятий союзного значения осуществлялось, как правило, за счёт привлечения рабочих из-за пределов республики, преимущественно из России и Украины. В результате бурных миграционных потоков абсолютная численность городского населения Центрального Казахстана, согласно Всесоюзной переписи населения 1959 г. составила 797 392 чел. И увеличилась, по сравнению с 1939 г. в 3,4 раза, в том числе по городам: в Караганде – в 2,5 раза (383 тыс. чел.), в Темиртау – в 15 раз (77 тыс. чел.), в Балхаше – в 1,6 раз (53 тыс. чел.), в Сарани – в 8,6 раз (40 тыс. чел.), в Дзезказгане – в 10 раз. (32 тыс. чел.) [2, с.17]. Для сравнения, в среднем по республике численность горожан возросла за этот же период в 2,5 раза. Урбанизационные процессы развивались настолько бурно, что доля городских жителей в составе населения региона составила 78%, что намного превысило среднереспубликанский (на 34%) и среднесоюзный (на 30%) показатели [2, с.14]. Самым населенным городом была Караганда.

В этот период произошли значительные сдвиги в национальной структуре Центрального Казахстана. Это четко прослеживается при анализе данных Всесоюзных переписей 1939 и 1959 гг. Происходит увеличение абсолютной численности всех этносов, но это увеличение происходит с существенной разницей в динамике; меняется и удельный вес этносов, но не в пользу коренного казахского населения. Так, численность казахов увеличилась всего на 58 371 чел., или в 1,4 раза и составила 194 912 чел., в то время как русских – на 29 718 чел., или в 2,5 раза и их стало 482 735 чел. Увеличилась и абсолютная численность других этносов – украинцев (в 2,4 раза), татар (в 4,4 раза), корейцев (1,6 раза). Рост удельного веса в составе населения региона наблюдался почти для всех этнических групп, кроме казахов. Так, удельный вес казахов снизился с 32,6% в 1939 г. до 19,1% в 1959 г., или почти в два раза; русских, наоборот, увеличился с 45,5% в 1939 г. до 47,4% в 1959 г.; татар – с 1,4% до 2,5%. Значительно повысилась доля немцев, абсолютная численность которых возросла в 7,4 раза, а удельный вес их в национальной структуре населения региона с 3,6% в 1939 г. до 10,9% в 1959 г. [1, с.168-174]

В городах Центрального Казахстана эта тенденция проявилась более радикально. Изменение этнической картины проходило очень быстро под воздействием заселения городских поселений восточно-славянским этносом, преимущественно за счет промышленной миграции. Кроме того, на изменение этнической картины влияли еще ряд факторов, в частности, партийно-советские и хозяйственные органы активно занимались организационной работой по обеспечению предприятий рабочей силой, в том числе за счет контингента органов внутренних дел. Например, по состоянию на 1 января 1953 г.,

численность спецконтингента по Карагандинской области, состоящих на учете – 135 075 чел. Национальный состав был таковым: немцы – 78 843 чел.; с Северного Кавказа – 44 247 чел.); (чеченцы- 38 699, ингуши – 5 226, балкарцы – 105, карачаевцы – 89, другие – 128 чел.; поляки – 2 424 чел. И др. [3, с.180] В 1954-1958 гг. происходил интенсивный процесс освобождения со спецпоселения, и определенная часть этой категории расселялась в городах.

Степень урбанизированности двух основных этносов в регионе – казахов и русских была различной. Как видно из таблицы 1, в 1959 г. в абсолютных цифрах количество проживающих в городских и сельских населенных пунктах казахов было почти одинаковым (101 728 против 93 184) с небольшой разницей в пользу первых. Вместе с тем, удельный вес их в составе городских и сельских жителей был далеко не равнозначен: их доля в населении городов стала составлять всего 12,7%, в то время как в сельской местности они составляли большинство – 42,1%. Напротив, русские составляли большую часть жителей городов – 52,3%, на селе их доля была равна 29,6%. Урбанизационные тенденции наблюдались у всех других этносов, населяющих Центрально-казахстанский регион, кроме немцев, удельный вес которых среди жителей городских и сельских населенных пунктов составил 10,5% и 12,2% соответственно.

Таблица 1 – Национальный состав населения в городах Центрального Казахстана (1959-1970 гг.) [1, с.14]

	1959 год		1970 год	
	Абс. Численность	Уд.вес. %	Абс. Численность	Уд.вес. %
Все национальности	797 392	100	1 259 377	100
Казахи	101 728	12,7	145 800	11,58
Русские	417 206	52,3	713 210	56,63
Украинцы	82 463	10,3	132 470	10,52
Татары	22 575	2,8	43 542	3,46
Немцы	83 726	10,5	115 188	9,15
Корейцы	10 978	1,4	12 811	1,02
Другие	78 713	9,9	96 356	7,7

В 1950-е гг. в Центральном Казахстане, по сравнению с другими регионами страны, не было дисбаланса в соотношении полов. Это объясняется тем, что промышленность региона складывалась исключительно из тяжелых отраслей, таких как угольная, цветная металлургия и т.д., и была ориентирована в основном на мужскую занятость. Вместе с тем, в промышленности удельный вес женщин хотя и сокращался, но оставался еще высоким – 26,1% в 1950 г. всех работников промышленности. В некоторых отраслях народного хозяйства, таких как здравоохранение, процент женщин в общей численности работающих составлял более 85%; в организациях подготовки кадров и просвещении – свыше 50%; в торговле, общественном питании и заготовках – свыше 45% [4, л.91].

Половозрастной состав взрослого населения региона к началу десятилетия, можно установить по материалам итогов подсчета избирателей по выборам в Верховный Совет СССР на 12 марта 1950 г., из которого следует, что соотношение полов было следующим: женщины составляли 53,7%, мужчины – 46,3%. В городах это соотношение было чуть более благоприятным: если женщины составляли 52,4%, то мужчины – 47,6%. Большая часть населения Центрального Казахстана в этот период – люди, находящиеся в трудоспособном возрасте от 21 до 50 лет, они составляли 71,6% населения (74%-в городах; 63,6% – в сельской местности). В возрасте от 56 до 60 лет (в городе –3,6%; на селе –6,9%); от 61 и старше – 10,6% (в городской местности –10,6%; на селе – 23,9%). Эти пропорции сложились в основном за счет доли численности пожилых (от 79 лет и старше) которые составили в

целом по региону 2,3% (из них женщины составляют большинство – 62,5%). В городах пожилых больше – 57,2% этой категории проживают здесь (42,8% – в сельской местности). В городах пожилых женщин больше, чем мужчин в 2 раза, на селе – в 1,3 раза. [4, л.120]

Всесоюзная перепись 1959 г. зафиксировала еще более благоприятное соотношение полов в регионе. Это было следствием того, что молодые люди устремлялись в Центральный Казахстан со всего Советского Союза на строительство и эксплуатацию промышленных предприятий, где им была гарантирована работа, достаточно высокая (по сравнению с областями России и Украины, и др.) заработная плата и жилье. Теперь соотношение полов в городах Центрального Казахстана стало: 49% мужчин и 51% женщин. Эти же причины определили относительно молодой (по сравнению с другими республиками СССР, а также областями Казахстана) возраст жителей региона. Так, в целом по Карагандинской области в 1959 г. в возрасте до 9 лет находилось 26,3% населения, в возрасте от 10 до 19 лет – 16%; 36,4% населения региона находилось в возрасте от 20 до 40 лет. Таким образом, 78,7% населения были людьми в возрасте до 40 лет. «Моложе» были жители городов: 79,8% находились в возрасте до 40 лет. Из них в возрасте до 19 лет – 41,1%. [1, с.30-41]

Статистические документы и архивные материалы 1950-х гг. позволяют проанализировать состояние трудовых ресурсов Центрально-казахстанского региона и представительство в них коренного населения. Так, среднемесячная численность рабочих и служащих, занятых во всех отраслях Центрального Казахстана в сентябре 1955 г. составила 278818 чел., в том числе: в промышленности – 105454 чел.; в строительстве – 30228 чел.; транспорте – 34747 чел. (в том числе, в железнодорожном – 15556 чел.; автомобильном – 18107 чел.); в сфере связи – 1920 чел.; в торговле и общественном питании – 11849 чел.; на заготовках – 1534 чел.; в сфере материально – технического снабжения – 2294 чел.; в прочих отраслях материального производства – 379 чел.; в жилищном хозяйстве – 2849 чел.; коммунальном хозяйстве и бытовом обслуживании – 1221 чел.; в здравоохранении – 12256 чел.; в народном просвещении – 13221 чел.; в науке и научном обслуживании – 11028 чел.; в искусстве – 577 чел. Стремительный рост численности занятых в последующие годы наблюдался в автотранспорте, промышленности, здравоохранении. [5, л.1-8]

Низкая степень урбанизированности казахов стала причиной их слабого представительства в отраслях экономики региона.

Таблица 2 – Численность казахов в экономике Центрального Казахстана [5, л.1-4]

	1948 г.		1950 г.	
	Абс.	%	Абс.	%
Все отрасли	22856	13,6	25315	13,1
Промышленность	10915	13,6	10671	12,1
Строительство	1664	7,0	2412	7,5
Транспорт	1791	12,6	1805	12,1
Торговля	780	16,1	1313	25,3
ОРСы	1523	12,3	1356	13,7
Подготовка кадров и др. учреждения просвещения	1279	17,2	1611	20,5
Здравоохранение	60	1,1	121	1,8
Органы и учреждения республиканских х/у	1633	36,0	2089	36,2

Как видно из таблицы 2, к 1950 г. абсолютная численность казахов, занятых во всех отраслях народного хозяйства увеличилась, а удельный вес их в общей численности трудовых ресурсов снизился с 13,6% до 13,1%. В промышленности региона снижение произошло от 13,6% в 1948 г. до 12,1% в 1950 г. Это говорит о том, что в регионе рост работающих казахов отставал от общего роста трудовых ресурсов. Особенно мало казахов

было занято в здравоохранении (около 2% от всех работающих) и на строительстве (7,5%). Вопрос вовлечения казахов в общественное производство и подготовка национальных кадров, был в то время очень актуален. Эта ситуация имела место и в последующие годы.

Материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г. дают возможность рассматривать социальную структуру городского населения региона комплексно. Результаты сравнительного анализа подтверждают в целом тенденции и характер ее формирования в предыдущий период: рабочие были самой многочисленной социальной группой общества, их доля в структуре населения области составляла 68,4%. Причем, численность рабочего класса в Карагандинской области была наибольшей в республике – в 1958 г. на предприятиях региона трудилось 142 тыс. чел., что составляло одну четвертую часть всех рабочих республики. Наблюдалось значительное повышение категории «служащие». Их удельный вес в составе населения увеличился до 22,5%. Возросла численность основных социально-профессиональных отрядов интеллигенции, особенно производственно-технической: а также медицинская и научная интеллигенция. Важной особенностью изменений в структуре интеллигенции было увеличение в ней удельного веса женщин, особенно казашек.

Пополнение состава промышленных предприятий происходило за счет выпускников ФЗО; возрожден был опыт вербовки, или оргнабора. Однако, та и другая формы обеспечения промышленности производственным персоналом, методы и условия в которых они осуществлялись, отнюдь не способствовали задержке на рабочих местах. Большая текучесть кадров и самовольный уход с работы, наблюдались особенно среди молодежи, выпускников ФЗО. Сразу же после трехмесячной учебы они не могли быть полноценными рабочими. Низкая квалификация не позволяла им первые 3-5 месяцев выполнять дневную норму, – следовательно, получаемая зарплата не обеспечивала их прожиточного минимума. Кроме того, в школы ФЗО набирались малолетки, распределения на работу проводились без учета климатических условий, поэтому, прибывшие из южных районов средней Азии тяжело переносили суровый зимний климат Центрального Казахстана. Самый высокий процент текучести дают предприятия и стройки угольной промышленности. Так, в 1950 г. текучесть рабочих кадров на предприятиях г. Караганды составила 22,8%. Наибольший процент составляют самовольные уходы, на предприятиях угольной промышленности 45,9% к общей текучести, а по Главшахтострою – 60,9% [6, л.19]. В архивных документах 1950-х гг. эта тема была неоднократно отражена. Основными причинами, вызывающими текучесть молодых рабочих, в отчетах предприятий назывались:

1. Плохая организация труда молодых рабочих в промышленности и строительстве: переброска их с объекта на объект, неподготовленность рабочих мест; плохая обеспеченность строительными материалами, большие простои и в результате низкая заработная плата.

2. Использование не по специальности молодых рабочих, что не давало им возможности повышать свою квалификацию, дезорганизовывало, что в конечном итоге было причиной низких заработков. Так, в Сараньшахтострое 64 молодых рабочих использовались не по специальности; на шахте 19-бис – 84 чел. Заработная плата и аванс выдавались с большим опозданием, а так как большинство молодых рабочих были одиночками, то они оказались в тяжелом материальном положении.

3. Культурно-массовая работа с молодыми рабочими была поставлена неудовлетворительно (рабочие жаловались, что мало газет, журналов, игр; культурно-досуговые мероприятия проводились плохо и редко).

4. Бытовые условия на ряде предприятий также были неудовлетворительными. Так, из пяти общежитий Центрального УНШ только одно находилось в надлежащем порядке, а четыре в антисанитарном состоянии. В Майкудукском УНШ из пяти общежитий только в двух бытовые условия характеризовались, как удовлетворительные. [7, л.19-21]

Оставлял желать лучшего результат подбора рабочей силы по оргнабору. Погоня вербовщиков за количеством, стала причиной низкого квалификационного уровня трудовых промышленных коллективов. Среди вновь принятых, преобладающую часть составляли

чернорабочие, до этого не работающие по тем специальностям, для которых их вербовали. Часто людей подбирали прямо на станциях или просто на улице, нередко – из уголовно-преступного мира. Вербованные таким образом рабочие часто не проходили медицинского осмотра или же проходили его формально – для получения справки медосмотра при заключении договора и, как результат, на предприятиях городов Центрального Казахстана был большой процент больных разными заболеваниями (бруцеллез, туберкулез, венерические заболевания и т.д.) и инвалидов [8, л.291-294].

Особенно большая потребность была в инженерно-технических работниках. Было приложено немало усилий для укомплектования ими предприятий: в ход шли и массивная агитационная работа, и формы экономической заинтересованности. На предприятия городов Центрального Казахстана прибывали специалисты из Украины, Ленинграда, Москвы, Кузбасса, Свердловска, Баку и других городов Советского Союза [9, с. 231]. В результате в регионе значительно возросла доля ИТР, квалифицированных специалистов и рабочих. Анализ статистических данных показал многонациональность прибывших ИТР: русские, украинцы, поляки, татары, болгары, немцы, греки, белорусы, латыши, венгры, ингуши, казахи, корейцы, эстонцы, евреи [10, с.39-41].

За период с 1959 по 1970-е гг. произошли большие изменения в общей численности и размещении городского населения региона. Территория Центрального Казахстана в этот период была представлена Карагандинской и Джезказганской областями. Регион был населен очень неравномерно, в том числе, и горожанами. На количество населения в городах Центрального Казахстана повлиял рост экономики в них и, прежде всего, промышленности. В этом плане Карагандинская область являлась более развитым регионом, что предопределило скопление на данной территории большего числа промышленных городов, по сравнению с Джезказганской областью.

За межпереписной период 1959-1970 гг. численность городского населения Центрального Казахстана увеличилась на 501 945 человек (на 63%) и составила 1 259 337 чел. Увеличение численности городского населения Центрального Казахстана в этот период происходило в большей мере за счет механического движения. В результате высоких темпов индустриального развития региона продолжались процессы урбанизации, росла численность городских жителей за счет прибывающих со всех концов Советского Союза специалистов народного хозяйства и переселением из сел в города.

По данным Всесоюзной переписи 1970 г. городов в Центральном Казахстане уже девять. Из них один город – с числом жителей свыше 5 тыс. человек; один – свыше 10 тыс. чел.; три – свыше 20 тыс. человек; свыше 50 тыс. человек – два города. Самыми крупными городами по числу жителей были Караганда (523 271чел.) и Темиртау (166 479 чел.). Караганда был вторым по численности населения городом в республике после Алма-Аты. Таким образом, большинство населения региона проживало в городских поселениях с численностью от 20 до 50 тыс. жителей.

Поселков городского типа в регионе было 34, в них проживало 281 368 чел. Из них: в восьми поселках с числом жителей менее трех тысяч – 13 889 чел.; в 4-х поселках с числом жителей свыше трех-тысяч – 15 538 чел.; в 13-ти поселках с числом жителей свыше пяти тысяч – 91 498 чел.; в 6-ти поселках с числом жителей свыше десяти тысяч – 72 941 чел.; в 3-х поселках с числом жителей от 20 тысяч до 50 тысяч – 87 502 чел.

Таблица 3 – Численность населения в городах и поселках городского типа Центрального Казахстана [11, с. 52]

Города	1959	1970	1970 в % к 1959 г.
1	2	3	4
Караганда	382927	523271	137
Темиртау	76725	166479	217
Балхаш	53031	75965	143

1	2	3	4
Джезказган	32442	62495	193
Сарань	39810	49053	123
Шахтинск	6589	40158	609
Абай	17867	34245	192
Каражал	10109	17702	175
Поселки городского типа:			
Джезказган	29576	34277	116
Никольский	11476	32862	286
Шахан	1055	20363	1930
Актас	10556	16673	158

Как видно из таблицы 3, количество населения в городах и рабочих поселках увеличилось в среднем в 2 раза, а в некоторых – в 6 раз (г. Шахтинск) и в 19 раз (р.п. Никольский), тогда как в среднем по СССР на 50%, по Казахстану – на 61%.

Общая численность горожан достигла в 1970 г. 1 259 377 чел., а их доля в составе жителей региона 81%, что превысило среднереспубликанский показатель на 31% и среднесоюзный на 25%.

Социально-экономическое развитие Центрального Казахстана в исследуемый период продолжало способствовать дальнейшему формированию новых качественных показателей горожан. Половозрастная структура населения городов остается по-прежнему достаточно благоприятной. Вплоть до середины 1970-х гг. она четко сохраняет признаки потока промышленных мигрантов прежних лет. Это, прежде всего, объясняется тем, что промышленная экономика региона была ориентирована в основном на мужскую занятость. Вместе с тем, в Центральном Казахстане в период 1959-1970 гг. тенденции формирования половой структуры населения несколько отличались от среднереспубликанских. Так, в целом по Республике наблюдается увеличение доли мужского населения – на 0,6 пунктов (с 47,6% до 48,2) с пропорциональным уменьшением доли женщин (с 52,4% до 51,8%). Причем, среди городских жителей – на 0,9 пунктов (с 52,7 до 51,8%). В Центральном Казахстане, наоборот, происходит некоторое смещение соотношений полов в сторону увеличения женщин. Так, в целом по региону доля мужчин сократилась на 0,2 пункта (с 49,0% до 48,8%), женщин увеличилась пропорционально; среди городских жителей прослеживается аналогичная картина: сокращается доля мужчин (с 48,9% до 48,7%) и увеличивается доля женщин (51,5% до 51,3%). Возрастная структура населения региона также претерпела значительные изменения: если половозрастная пирамида в 1959 г. имела очертания расширяющегося основания, то в последующие годы за счет снижения рождаемости и сокращения количества детей в возрасте до 9 лет, основание ее сильно сузилось. Передвижка возрастов 20-24 и 25-29 лет переписи 1959 года на 11 лет показывает, что в 1970 г. им было 31-35 и 36 и 40 лет. [12, с.32-35]

Тенденции развития национальной структуры региона остались прежними, хотя темпы их значительно замедлились. Всесоюзная перепись населения 1970 г. зафиксировала самый низкий в республике показатель удельного веса коренных жителей в национальной структуре городского населения – 11,58% (сокращение на 1,1%), тогда как доля русских и других этносов была наибольшей – 88,42%. Удельный вес русских увеличился на 4,3%, других национальностей почти не изменился: корейцы – 1,0%; немцы – 9,1%; татары – 3,46; украинцы – 10,52%; другие – 7,7% [13, с. 117-123].

Развитие народного хозяйства повлияло на социальную структуру населения городов Центрального Казахстана. Наибольшую категорию в 1970 г. составляли, как и в 1959 г. рабочие, и их доля в социальной структуре населения выросла на 3,4% и составила 71,8%.

Анализ численности семей и группировка их по размеру показывает, что в этот период население Центрально-Казахстанского региона в большинстве своем предпочитало иметь двоих и более детей. По этому показателю регион превысил среднереспубликанские

показатели. Так, если в целом по республике семьи, имеющие двоих детей, составляли 22,6%, то в Центральном Казахстане – 25,7%. Особенно данная тенденция характерна для городов где, как известно, имел место наиболее молодой возраст состав жителей. Так, если по республике этот показатель у жителей городских поселений составлял 26%, то по Центральному Казахстану – 27,1%. Численность семей, состоящих из 10 и более человек, составляли небольшой процент жителей региона - 4,8%. [12, с.228-230]

К 1970-м гг. начинает складываться тенденция снижения рождаемости, усилившаяся в 1970-1980-х гг. Причиной снижения рождаемости у жителей городов Центрального Казахстана в эти годы можно считать и саму семью, и условия ее существования. Происходящие в исследуемый период изменения дают основания говорить о качественных сдвигах в брачно-семейных отношениях, о переходе от традиционной патриархальной семьи с непререкаемым главенством мужа, к семье, в которой супруги более или менее равны, от большой многопоколенной семьи, нередко включающей и побочных родственников, к нуклеарной, состоящей только из родителей и детей; от четкого разделения ролей в семье между супругами: от семьи, где муж – работник, кормилец, а жена – домохозяйка и воспитательница, к семье, в которой разделение труда сильно «смазано»: жена – такая же работница и кормилица, как и муж; и от семьи, где детей столько, сколько «бог послал», к семье, в которой вопрос о числе детей решают сами супруги. Таким образом, снижение рождаемости детей третьей и более очередностей обуславливается развитием нового общественного мировоззрения, когда сложились известные противоречия между материнскими и производственными функциями женщины, и ценностные ориентации стали развиваться в ущерб первым, ради вторых. Прежний, традиционный взгляд на семью, как обязательно многодетную или среднететную, изменился. В обществе стал приемлемым вариант малодетных или бездетных семей при активной трудовой и общественной деятельности на производстве. Отказ от рождения перед необходимостью форсированного подъема материального благосостояния и удовлетворения культурно-бытовых и образовательных, а также духовных потребностей отодвигало рождение первых детей, и приводило к появлению тенденции создания одно- и двухдетных семей. Уже в 1979 г. по республике в целом семьи из трех человек составляли 24,7%, из 4-х человек – 23,5%, по Центральному Казахстану – соответственно 28,9% и 26,5%.

В этот период наметилась тенденция роста смертности населения. Снижение смертности наблюдалась до начала 1970-х гг. (до 5,0 промилле), а со второй половины начался небольшой рост этого коэффициента. По причинам смертности обозначилась следующая закономерность: на первом месте по причинам смерти стояли заболевания системы кровообращения, на втором – онкологические заболевания, на третьем – неестественные причины (несчастные случаи, убийства, самоубийства и т.д.).

Таким образом, в 1950-е 1960-е гг. формирование и развитие городского населения Центрального Казахстана шло в контексте нарастания индустриального потенциала Центрально-Казахстанского региона. Увеличилась общая численность населения городов. Высокие темпы роста численности горожан намного превышали этот показатель в других регионах республики вследствие бурных миграционных потоков на гигантские стройки социализма. И, хотя темпы прироста к концу исследуемого периода несколько снизились, по величине удельного веса горожан Центральный Казахстан занимал в эти годы одно из первых мест в СССР.

Особенности демографического развития городов Центрального Казахстана были обусловлены индустриальным характером их развития. Так, в составе горожан был высок удельный вес так называемого «производственного возраста» (25-59 лет). Это было результатом прибытия в регион населения молодого, трудоспособного возраста. Привлечение рабочих со всех уголков Советского Союза стало причиной резкого падения удельного веса казахов в национальной структуре городов и производственных коллективов. Доля коренного населения в этнической структуре городского населения была самой низкой

в республике. В связи с большим притоком рабочих кадров со всех концов СССР за короткий срок города

Центрального Казахстана превратились в интернациональные. Здесь проживали и трудились представители более пятидесяти национальностей. Высокая урбанизированность и особенности национальной структуры обусловили специфику процессов воспроизводства населения, в частности, показатели естественного прироста всегда были ниже, чем в других регионах республики вследствие низкой рождаемости. Индустриальный характер развития экономики стал причиной доминирования в социальной структуре населения городов рабочего класса – самого многочисленного в республике. В составе рабочих преобладали шахтеры, строители, железнодорожники, машиностроители и электрики. Прибытие в города большого количества людей, обостряло целый ряд проблем: жилищную, дефицит дошкольных учреждений, школ, культурно-массовых, медицинских, бытовых учреждений и т.п.

Литература и источники

1. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Казахская ССР. – М, 1962. - 323 с.
2. Численность и размещение населения в Республике Казахстан. Том 1. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. – Алматы, 2000. – 458 с.
3. Население России в 1920-1950-е годы: численность, потери, миграции: Сб. научных трудов. – М.: Институт российской истории РАН, 1994. – 221 с.
4. ГАКО. Ф.596. Оп.1/10. Д.32
5. ГАКО. Ф.596. Оп.5. Д.233
6. ГАКО. Ф.596. Оп.5. Д.96
7. ГАКО. Ф.596. Оп.5. Д.32
8. ГАКО. Ф.596. Оп.1. Д.30
9. Асылбеков М.Х. Формирование и развитие кадров железнодорожников Казахстана (1917-1970). - Алма-Ата: Наука, 1973. – 326 с.
10. Базанова Ф.Н. Формирование и развитие структуры населения КазССР (национальный аспект). – Алма-Ата: Казахстан, 1987. – 154 с.
11. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т.1. – М.: Госстатиздат, 1974. – 401 с.
12. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т.2. – М.: Госстатиздат, 1972. – 347 с.
13. Национальный состав населения Республики Казахстан. Том 4. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Статистический сборник. – Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2000. – 242 с.

2.2. СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

Система здравоохранения в городах Центрального Казахстана в советский период развивалась как составная часть здравоохранения Советского Союза, его развитие было целенаправленным и планомерным. Лечебно-профилактическая помощь населению проводилась на началах общедоступности и бесплатности. Общей тенденцией развития советского здравоохранения было увеличение количества медицинских учреждений и специализированных отделений при больницах, здравпунктов на предприятиях и т.д. Экстенсивный путь развития здравоохранения не обошел и города Центрального Казахстана: койкомания, организация больниц в приспособленных помещениях, отсутствие современного лечебно-диагностического оборудования – характерные черты развития медицинского обслуживания в городской агломерации региона. В городах Караганде, Темиртау, Дзезказгане, Балхаше, Абае, Шахтинске, увеличивалось число медицинских учреждений разного уровня, шло определенное нарастание материально-технической базы

здравоохранения, действовала система централизованного обеспечения лекарственными препаратами, медицинским оборудованием, инвентарем; в плановом порядке повышалась квалификация медицинских работников.

О динамике количества медицинских учреждений свидетельствуют многочисленные архивные документы, статистические отчеты областного и городских отделов здравоохранения. В 1950-х гг. в системе Карагандинского областного здравоохранения насчитывалось 80 поликлиник-амбулаторий и больниц на 4767 коек, медицинскую помощь оказывали 620 врачей и 2044 представителя среднего персонала [1].

1 декабря 1955 г. в г. Караганде была открыта городская инфекционная клиническая больница на 50 коек, которая занимала одноэтажное здание на базе городской клинической больницы № 1. В сентябре 1960 г. больница состояла из 5 лечебных корпусов на 560 коек и была известна жителям Караганды, как «больничный городок». В 1960-х гг. заработали отделения для больных тифо-паразитарной инфекцией, полиомиелитной патологией, больных дифтерией, гепатитом, 6 отделений для больных с кишечной патологией, 2 диагностических, реанимационное и параклиническое отделения. Больные с воздушно-капельной инфекцией, дифтерией, полиомиелитом ранее лечившиеся в старой, барачного типа больнице проходили лечение в типовых мельцеровских боксах. Карагандинская инфекционная клиническая больница имела бактериологическую лабораторию, дезкамерное отделение, детскую молочную кухню, прачечную и соответствовала требованиям функционирования специализированного медицинского учреждения [2; л.33]. В 1958 г. в Караганде было уже 24 больницы на 3615 коек, 5 родильных домов, на 460 коек, 11 поликлиник, 89 здравпунктов на предприятиях, в них работало 429 врачей и 2,5 тыс. среднего медицинского персонала. К началу 1970-х уже насчитывалось больниц на 3,5 тыс. коек и поликлиник на 5 тыс. посещений [3].

С 1950 по 1955 гг. в г. Темиртау дополнительно открылись 5 больниц: детская, инфекционная, городская больница № 3 завода синтетического каучука (СК) и № 4 медико-санитарной части «КМЗ», а также кожно-венерологический диспансер. Заработали поликлиники при городской больнице № 1, заводе синтетического каучука и детской больнице [1]. В 1958 г. население г. Темиртау располагало новым больничным городком, состоявшим из трёх лечебных корпусов и поликлиники. Первая городская больница была преобразована в больничный городок. До середины 1960-х гг. в первой городской больнице работали терапевтическое и гастроэнтерологическое отделения. Долгое время больница была главным центром охраны здоровья горожан. В этот же период работали одни детские ясли, в которых также располагались детская и женская консультации. Профилактическая служба была представлена противомаларийной станцией со штатом в 5 человек [4; л.17]. За пять лет (1955-1960 гг.) в медицинских учреждениях г. Темиртау увеличилось общее количество больничных коек до 1050 штук. В городе трудилось в это время 192 врача и 761 медсестра. На базе первой городской больницы в 1960 г. было открыто онкологическое отделение, где не только осуществлялись сложнейшие операции, но и проводились курсы радио- и химиотерапии [1]. Станция скорой медицинской помощи г. Темиртау была организована 15 июля 1958 г. при Первой городской больнице. Первые бригады формировались фельдшерами, и было их всего 4 человека на весь город. В дневное время, по вызову, врачи добирались до пациентов пешком, а ночью выделялась повозка с лошастью. Позже появились 4 автомобиля – кареты скорой медицинской помощи. Станция скорой помощи находилась при различных учреждениях города вплоть до 1964 г. И лишь в 1964 г. было выделено здание по улице Фурманова [4; л.18]. 12 апреля 1963 г. в г. Темиртау заработала медико-санитарная часть Карагандинского металлургического комбината (КМК) со стационаром на 520 коек. В 1970 г. из-за нехватки коек была построена детская больница №1, в ней стационар был рассчитан на 210 мест. Имелось отделение для детей младшего возраста на 40 коек. В 1975 г. население города располагало больницей на 140 коек, скорой медицинской помощью на 1 машину, 1 аптекой, 4 здравпунктами, 12 врачами, 48 медсестрами. В 1977 г. появилось отделение по выхаживанию новорожденных и недоношенных детей, маленьких детей первых 3 месяцев жизни [2; л.32].

В 1958 г. в г. Джекказгане была построена городская инфекционная больница. В документах отчетности тех лет говорится о том, что в целях повышения уровня здравоохранения постоянно проявлялась большая забота по отношению к молодому городу. Так, бюджет здравоохранения города в 1970 г. по сравнению с 1955 г. увеличился в 5,5 раза, число коек с 200 выросло до 450. К этому времени на территории города были открыты 4 диспансера, первый онкологический диспансер, образовались две станции «Скорой помощи» [3].

В списках учреждений здравоохранения г. Балхаша в 1961 г. числились 14 самостоятельных медицинских учреждений, 19 фельдшерско-сестринских здравпунктов на производстве, 14 фельдшерско-акушерских здравпунктов в населённых пунктах и 17 детских яслей на 920 мест [5; л.32]. Если для 1950-х гг. для г. Балхаша был характерен высокий уровень инфекционных заболеваний вследствие недостаточного уровня санитарного состояния города и недостатка питьевой воды, то к 60-м гг. XX в. ситуация значительно улучшилась. В 1960 г. детская больница, городская объединённая больница вместе с диспансером г. Балхаша располагали 870 койками и отвечали существующим тогда нормам, численность всех работников составила 1478 чел., в том числе врачей – 123, среднего медперсонала – 508 [6; с.343]. За период 1966-1970 гг. в г. Балхаше были открыты 3 специализированных отделения (ухо-горло-нос, урологическое, неврологическое) с общим количеством 100 мест, магазин «Оптика, аптека». Новые помещения были выделены для женской консультации, бактериологической лаборатории, построены типовые здания для противотуберкулёзного диспансера, стоматологической поликлиники. К 1970 г. количество коек больничного типа возросло до 1075, санаторного до 210 [6; с.340]. Бюджет лечебно-профилактических учреждений Балхаша в 1970 г. составил 3334 500 руб. Количество врачей достигло 191 чел., среднего медицинского персонала – 875 чел. [6; 346].

Отдел здравоохранения г. Шахтинска был образован 21 октября 1961 г. В здании скорой медицинской помощи был образован здравпункт, через несколько месяцев в помещении старого родильного дома была развернута больница на 120 коек. В 1962 г. в городе была открыта поликлиника при больнице № 3, в 1963 г. – поликлиника № 1 на 600 посещений в день каждая. В 1965 г. приняла своих первых пациентов городская больница №1 на 30-м квартале. И только в 1977 г. было сдано в эксплуатацию здание медико-санитарной части на 240 коек с поликлиникой на 600 посещений, в котором расположились терапевтическое, травматологическое, кардиологическое, реанимационное, неврологическое и нейрохирургическое отделения [2].

Структура здравоохранения г. Абая начала формироваться ещё в 1950-х гг. на базе рабочего поселка Чурубай-Нура. Для оказания быстрой медицинской помощи населению были открыты сестринские и врачебные здравпункты. При больнице № 4 действовали два фельдшерских здравпункта, в октябре и декабре 1955 г. были открыты здравпункты на станции Кызыл и на шахте № 6/7 [2; л. 19]. В 1958 г. в поселке Чурубай-Нура было построено здание больницы по улице Гёте; больница была на 50 коек с поликлиникой на 100 посещений в смену. Вскоре там вырос целый больничный городок. И, улица соответственно, стала называться Медицинская. В новом двухэтажном здании на первом этаже размещалась поликлиника, а на втором этаже была больница, где лечили больных, делали операции. После получения статуса города в 1961, был создан Абайский городской отдел здравоохранения, которому была передана больница пос. Чурубай-Нуры №1. Условия работы первых медиков были тяжелые. Трудности были связаны с отсутствием транспорта, воды, приспособленных и оборудованных помещений стационара. Специализированные же отделения в городской больнице г. Абай были открыты только в 1960-е гг. В 1962 г. заработали детское, родильное, общие отделения, поликлиника, амбулатория, в 1963 г. в больнице была открыта биохимическая лаборатория. В 1964 г. городская больница уже проводила лечение населения в стационарных отделениях: терапевтическом, хирургическом, гинекологическом, детском, родильном. Функционировали поликлиника и детская консультация [2; л. 21]. В 1963-1966 гг. при городской больнице № 1 г. Абай были открыты 11 здравпунктов на шахтах, автобазе, деревообрабатывающем комбинате, заводе

железобетонных изделий, рудоремонтном заводе. Приказом облздравотдела № 1205 от 30 ноября 1970 г. в составе горбольницы была организована медико-санитарная часть. [2; л.28].

В 1962 г. в г. Абае уже работали 10 молодых специалистов – выпускников Карагандинского медицинского института [5; л.129-133]. В 1966 г. для обеспечения лечебных учреждений региона средним медицинским персоналом по инициативе городского здравотдела в г. Абае был открыт филиал Карагандинского медицинского училища. За три года обучение в нём прошли 60 студентов, которые в последующие годы работали в системе здравоохранения городов Центрально-Казахстанского региона.

К началу 1970 г. медицинскую помощь населению городской промышленной агломерации Центрального Казахстана оказывали: областная клиническая больница (на 220 коек), 16 городских больниц (5870 коек), 9 детских городских больниц (1710 коек), городская больница скорой медицинской помощи (1785 коек), 6 специализированных больниц (1750 коек), 17 диспансеров (3135 коек), 6 родильных домов (1195 коек). [2; л.35].

Целенаправленные государственные вложения в строительство больниц и обеспечение населения врачебными кадрами были главными показателем качества медицинских услуг. Но вместе с тем, материально-техническая база учреждений здравоохранения региона оставалась в ряде случаев неудовлетворительной. В зданиях было печное отопление, вывозная канализация, ручная стирка белья с кипячением в котлах, слабое оснащение медицинской аппаратурой. В ряде больниц, поликлиник, родильных домов, диспансеров стабильно допускалось превышение количества больных.

Охрана материнства было одним из центральных направлений советского здравоохранения. Специальное законодательство предусматривало охрану труда женщины, особенно в период беременности. С 23 ноября 1955 г. было отменено запрещение абортов, в результате чего резко сократились заболеваемость и смертность женщин от внебольничных, так называемых «криминальных» абортов [7]. Ширилась сеть родильных домов. Так, помимо имеющегося в Караганде первого типового родильного дома на 60 коек (1938 г.), в 1955 г. открылся второй – на 60 коек, в 1957 г. третий – на 60 коек [6; л. 3]. Вместе с тем, необходимо отметить, что не во всех городах региона имелись женские консультации, роддома и т.д. Так, старожил г. Дзезказгана вспоминает, что в городе был всего один гинеколог. «Хорошо, что в 1959 г. в городе начал работать родильный дом, – вспоминает женщина, – до этого очень были распространены криминальные аборты. Моя мама так и не смогла больше забеременеть после такого аборта, и я осталась единственным ребенком в семье» [8].

Статистика не дает сведений, какова была смертность женщин от криминальных абортов, лишь архивные документы свидетельствуют об озабоченности руководства области этим положением. Так, в годовом отчёте «О состоянии акушерско-гинекологической помощи в Карагандинской области за 1963 г.» говорится: «Уделяется внимание борьбе с абортами, везде проводятся лекции и беседы, имеются витрины противозачаточных средств» [8]. Облздравотдел проводил конкурсы на лучшую женскую консультацию. Во всех городах Центрального Казахстана учёт беременных вёлся по единой схеме, стала практиковаться ранняя диспансеризация беременных, в народе это называлось «ложиться на сохранение» [9]. Вместе с тем, смертность женщин во время родов была нередким явлением. Врачи рассказывали об этом часто в кругу семьи и друзей. Так, работница архива свидетельствует: «Жена моего брата так умерла. Ей было 30 лет, это был третий ребенок. Беременность протекала хорошо, но при родах начались проблемы. Плод был крупный – 6 кг. Вначале хотели сделать кесарево сечение, но потом решили, что она справится сама. Позже, операцию все же сделали, но и мать и дитя умерли. Я встречала эту историю болезни уже сданной в архив. Там было многое замазано корректором, поэтому, что случилось на самом деле, никто так и не узнал. Другой случай – у женщины были десятые роды, и она умерла - открылось кровотечение и его не удалось остановить» [10].

К сожалению, статистика смертности женщин во время родов в городах Центрального Казахстана нами не была обнаружена, но то, что ситуация эта была характерная для всего

Советского Союза, свидетельствуют изменения в трудовом законодательстве и принятие ряда постановлений по охране материнства. Так, с 26 марта 1956 г. дополнительный оплачиваемый отпуск женщинам (работницам и служащим) в связи с родами был увеличен с 70 до 112 дней [4]. При рождении двух и более детей или при осложнённых родах послеродовой отпуск увеличивался дополнительно еще на 70 дней. Государственным бюджетом были предусмотрены ассигнования на выплату пособий матерям и на лечение детей [9].

По советскому трудовому законодательству беременные женщины не привлекались к сверхурочным и ночным работам, а при необходимости переводились на более лёгкий труд. 13 июля 1957 г. правительством было принято постановление о прекращении применения женского труда на подземных работах в горнодобывающей и угольной промышленности и на строительстве подземных сооружений [11, л.2]. Вместе с тем, в Карагандинском угольном бассейне на начало 1959 г. на подземных работах оставалось более 4,8 тыс. женщин [4, л.119]. Только в начале 1960-х гг. прекратилось использование на этих участках женского труда.

В результате предпринятых шагов по улучшению женского здоровья, патронажа беременных, родовспоможения, гибель женщин в родильных домах региона сократилась. В отчете Карагандинского Облздравотдела говорится о том, что смертность женщин при родах «стала чрезвычайно редким явлением (0,07 случаев на 1000 родов)». В этом же документе названы и основные причины смертности: кровотечения, разрывы матки, эклампсия, сепсис. В отчетах отмечалось, что «каждый случай разбирался на медицинском совете города, анализировался в горздраве и облздраве» [9]. Вместе с тем, именно в роддомах и женских консультациях процветала антисанитария, стафилококковые инфекции, грубость и бестактность персонала. При проведении интервью все женщины, кому приходилось рожать отмечали, что больничная одежда и белье, выдаваемые в больнице, часто были порванными (сорочки, халаты, тапочки), гигиенические прокладки были многократного пользования, их обрабатывали в санитарных баках, кипятили, они выглядели ужасно. Женщины часто жаловались на предродовую обработку (очищение от волосяного покрова): бритвы были тупые и часто оставляли порезы на теле [12].

Примечательно, что советские люди даже сейчас, спустя десятилетия, оправдывают низкую культуру медицинского обслуживания. Например, респондентка рассказывает о своей знакомой, которая с надеждой пошла к гинекологу потому, что не могла забеременеть. Гинеколог, даже не осмотрев женщину сказала, что таких толстых она не принимает и лечить не будет. Похудеешь, мол, на 20 кг – приходи. Очень обиделась женщина. «Никогда больше не приду сюда» – сказала. Потом она родила 2-х мальчиков, после того, как всё же похудела. Врач, значит, была права. Надо заметить, что многие отмечают, что советские гинекологи вообще «славились» своей грубостью, но до сих пор бывшие советские женщины полагают, что таким образом они «скрывали свой профессионализм» [10].

Несомненным переломом, определившим резкий подъем физиотерапии в области, послужила организация в 1962 г. Карагандинского научно-медицинского общества врачей терапевтов. Благодаря их деятельности шире стало использоваться санаторно-курортное лечение, стали активно использоваться в этих целях курортные ресурсы Центрального Казахстана - грязи озера Карасор, железистые воды источника Жосалы, радиоактивные источники Шалгия. Появилась возможность поправить здоровье и во всесоюзных здравницах. Так, только в 1965 г. на курортах Крыма, Кавказа, Прибалтики и Урала отдохнули и поправили здоровье 5580 карагандинцев, причём 2549 путёвок были представлены бесплатно [5; л. 17].

Для выявления, диспансеризации и лечения больных туберкулёзом в 1963 г. был образован Карагандинский противотуберкулёзный диспансер. Онкологический областной диспансер в Караганде был открыт в 1964 г. на 320 коек. Карагандинский кожно-венерологический диспансер заработал с 1968 г. и был рассчитан на 165 коек.

В годовых отчётах, перспективных планах развития здравоохранения областей Центрального Казахстана, огромное значение уделялось детям. Охрана детства была выделена приоритетным направлением развития здравоохранения, что свидетельствовало о серьезной озабоченности государства демографической ситуацией в стране и регионе. Заботу о здоровье детей осуществляли детские лечебно-профилактические учреждения: больницы, поликлиники, детские отделения общих больниц, санатории, ясли-сады, отделения школьной гигиены санитарно-эпидемиологических станций.

Большое внимание уделялось развитию педиатрической службы, приближению ее не только к месту жительства, но и месту учебы. Жители городов региона вспоминают: «Охрана материнства и детства была на первом месте. Когда выписывали мать и дитя из роддома, в этот же день приходили врач и медсестра. Впоследствии ими осуществлялся постоянный патронаж – посещали роженицу и малыша 1-2 раза в неделю. Детские поликлиники и больницы существовали отдельно» [13]. «Профилактика заболеваемости (профосмотры, санаторное лечение, прививки и т.д. – всё было на высшем уровне. В детских садах профилактика была повсеместно распространена. В детский садик «Золотой Петушок» мы ходили круглосуточно. Забирали нас домой в пятницу вечером, в понедельник утром привозили. В саду нам давали рыбий жир, проводили закаливающие процедуры: летом обливали прохладной водой сначала ноги, потом тело, постепенно. Всех детей вывозили летом на 1-2 месяца к реке Нуре в летний оздоровительный детский сад. По четвергам всегда соблюдался «рыбный день», на обед или ужин готовили рыбные блюда» [14].

Несмотря на недостатки бытовых и жилищных условий, медицинского обслуживания в городах Центрального Казахстана, все дети в обязательном порядке были охвачены рентгенологическим обследованием, лабораторными исследованиями и осмотром врачей узких специальностей. В школах ученики проходили ежегодные медосмотры. Такие мероприятия проходили обычно в спортзалах, где «узкие» специалисты сидели в разных концах помещения и осматривали учеников поочередно: окулист, терапевт, лор-врач, хирург, дерматолог, стоматолог. Ежегодно все население, в том числе школьники, проходило флюорографию. Это имело свои позитивные результаты: к 1960-м гг. резко сократилась младенческая смертность. Число умерших в расчете на 1000 детей в возрасте 0-4 года уменьшилось до 15 промилле, то есть, почти в 6 раз, по сравнению с 1939 г.; в возрасте 5-9 лет – до 1,6 промилле, или почти в 5 раз [15; с.33].

Относительно благоприятное положение с качеством медицинского обслуживания сохранилось недолго. Остаточный принцип финансирования здравоохранения не соответствовал масштабам новых задач, связанных с охраной и восстановлением здоровья. Совершенно упускались из виду загрязнение промышленными и радиоактивными отходами среды обитания, недостаточными были мероприятия, связанные с профилактикой заболеваемости. Поэтому процессы улучшения здоровья горожан Центрально-казахстанского региона при общей позитивной динамике, были не вполне устойчивы и имели значительные колебания. Наиболее отчетливо эта тенденция проявила себя в отношении производственного травматизма и профессионально обусловленной заболеваемости, принципиального снижения которых в абсолютных показателях добиться не удалось. На промышленных предприятиях Центрального Казахстана они по-прежнему превышали допустимые нормы.

Медицинское обслуживание в СССР в целом часто подвергалось резкой критике со стороны населения, что находило отражение в многочисленных письмах граждан в различные инстанции, начиная от редакций газет, райкомы, горкомы, обкомы партии и, закачивая ЦК КПСС. В большинстве писем содержались жалобы на значительную перегрузку больниц, поскольку их коечный фонд не удовлетворял потребностей населения, из-за чего многие больные, нуждавшиеся в госпитализации, получали отказ. Во многих больницах не хватало кроватей, постельного белья, часто не было необходимого оборудования, отсутствовала современная аппаратура, остро ощущался недостаток медикаментов. Больницы, особенно в малых городах, испытывали острую нужду в

медицинских кадрах, прежде всего, не хватало врачей-специалистов. В некоторых письмах граждане жаловались на грубость врачебного и обслуживающего персонала, на бездушное отношение к больным и их нуждам. Такое отношение отчасти можно было объяснить высокими нормами обслуживания и значительной перегрузкой медицинского персонала [16].

Респонденты говорят о существовании в Караганде специальных больниц и медицинских учреждений для номенклатурных работников. Условия приема пациентов в таких учреждениях заметно отличались от обычных больниц: ремонтом, врачебным техническим оборудованием, совершенно очевидно, что грубость, халатность, невнимание были в них исключены. Согласно утвержденным нормам, в обычных больницах и в медицинских учреждениях для номенклатурных работников эти нормы были в 2-3 раза ниже [17, л.188].

В 1960-е годы в Центральном Казахстане усилилась тенденция к устойчивому снижению уровня заболеваемости с временной утратой трудоспособности рабочих. За 1964-1968 гг. производственный травматизм снизился на 40%, а в 1968-1970 гг. – еще на 35%.

Впечатляют и количественные показатели роста медицинских кадров: динамика изменения количества медицинского персонала в городах Центрального Казахстана была позитивной. Так, если в 1940 г. в Центральном Казахстане насчитывалось всего 232 врача, то в 1970 г. – 4670 врачей. Количество врачей в Карагандинской области за 30 лет выросло более чем в 20 раз. В 1940 г. Центральный регион республики находился на последнем месте по количеству врачей, в 1970 г. он вышел на первое место по сравнению с другими регионами Казахстана [5; л. 15]. Такого быстрого роста медицинских кадров не было ни в одном другом регионе Казахстана. В 1960 г. на каждые 10 тысяч жителей Карагандинской области приходилось 20 врачей, тогда как в 1950 г. – 14,6 врачей. Рост количества дипломированных врачей в регионе был связан с функционированием в Караганде Медицинского института. В 1950-1964 гг. институт подготовил и выпустил 3451 врача, из них специалистов коренной национальности – 839 человек (24,3%). Из общего числа выпускников, лечебников – 3376 (97,8%), санитарных врачей – 75 (2,1%).

Улучшение материального положения населения и успехи советской медицины способствовали тому, что в 1950-1960-х гг. в Казахстане, согласно официальной статистики, заметно снизилась смертность населения – почти в 3 раза, коэффициент смертности стал равен 7,3 промилле. В 1965 г. смертность населения по сравнению с 1960 г. снизилась с 6,5 до 5,8 промилле. Среди союзных республик Казахстан имел самый низкий уровень смертности [10]. Внедрение в медицинскую практику антибиотиков позволило поставить под контроль многие экзогенные факторы и ускорить формирование новой структуры причин смерти, характерных для относительно поздних стадий эпидемиологического перехода. На первое место среди причин смерти вышли болезни кровообращения и новообразования [15, с.33]. Изменилась структура заболеваемости: инфекционные болезни отступили, на первый план вышли сердечно-сосудистые и онкологические заболевания: в структуре смертности сердечно-сосудистые заболевания составляли – 65%, онкологические – 30%, туберкулез – 12,3%. Прослеживалась тенденция снижения заболеваемости населения брюшным тифом, скарлатиной, дифтерией, полиомиелитом, корью [5; л. 9].

Таким образом, развитие системы здравоохранения в городах Центрального Казахстана в 1950-1960-е гг. шло в направлении укрепления материальной базы учреждений здравоохранения, профилактики заболеваний, развития детской медицины. Повысилось качество оказываемых медицинских услуг, как в результате углубления специализации, так и за счет лучшего обеспечения больниц, здравпунктов и поликлиник медицинской аппаратурой и оборудованием. Сложился корпус высококвалифицированных врачей. Все это позволило сместить акценты в работе медицинских учреждений в сторону профилактики заболеваний.

Вместе с тем, несмотря на внешне активную деятельность государства по расширению системы учреждений здравоохранения, сдвиги в общественном здоровье происходили очень медленно и именно в этот период были заложены основы тех негативных явлений, которые наиболее отчетливо проявились в последующий период.

Литература и источники

1. ГАКО. Ф.18. Оп.1. Д.5
2. ГАКО. Ф.30. Оп.1. Д.8
3. ГАКО. Ф.15. Оп.3 Д.115
4. ГАКО. Ф.664. Оп.1. Д.6
5. ГАКО. Ф.865 Оп.1 Д.10
6. Балхаш. Страницы истории. (1936- 2007 годы) // Сборник документов и материалов. -Караганда: ТОО «Арка и К», 2007. – 438 с.
7. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. об отмене запрещения абортв // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1955. – № 22. – С.425-432
8. ГАКО. Ф.1467. Оп.1. Д.7
9. ГАКО. Ф.30. Оп.1. Д.6
10. Интервью беседы с О.Е. Медведевой, записано В.В. Козиной в г. Жезказгане в 2016 г.
11. ГАКО. Ф.1233. Оп.1. Д.7
12. Интервью с С.В. Ивановой, записано В.В. Козиной в г. Темиртау в 2016 г.
13. Интервью с Т.А. Алимбаевым, записано В.В. Козиной в г. Караганде в 2016 г.
14. Интервью с Р.С. Макеновой, записано Козиной В.В. в г. Караганде в 2016 г.
15. Народное хозяйство в СССР в 1965 г. – Москва, 1966. – 360 с.
16. Сил больше нет молчать о том тяжелом положении, в котором живут наши советские люди: Документы РГАНИ о социальном кризисе в СССР в середине 1950-х гг. / Альманах Россия. XX век. / <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1007373>
17. РГАНИ. Ф.5. Оп.30. Д.267

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ БЛАГОУСТРОЙСТВА И ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

3.1. ОБЛИК ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА: БЛАГОУСТРОЙСТВО ПО СОВЕТСКИ

Во второй половине 1950-х гг. во внешнем облике и благоустройстве городов Центрального Казахстана произошли кардинальные изменения. До середины 1950-х гг. в рамках сталинского «большого стиля» складывались как образцы административных и культурно-бытовых зданий, так и советского жилищного строительства, становившиеся «частью визуальной репрезентации эпохи сталинизма». Эти здания должны были продемонстрировать «величие сталинской эпохи, расцвет культуры, героизм созидательного труда советского народа» – именно так писали в то время теоретики архитектуры [1, с.116].

Именно архитектура и строительство стали одной из первых областей, претерпевших значительные изменения с началом хрущевской оттепели. Практически сразу после прихода к власти, Н.С. Хрущев произвел коренную реформу архитектуры. Реформа архитектуры и строительства (она же – начало жилищной программы, она же – смена сталинского стиля на международный модернизм) указывает, в первую очередь, на политическую важность этой сферы, основанную на тяжелом жилищном кризисе в стране [2, с.79-80]. В феврале 1954 г. Н.С. Хрущев неожиданно и недвусмысленно, как отмечают исследователи, раскритиковал сталинскую архитектуру за ее дороговизну и помпезность – это было началом наступления на сталинскую архитектуру. Проявилось наступление в ряде принятых партийных и государственных постановлений, в частности, в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» [3]. Под запретом оказались не только арки, портики и башенные надстройки, но и прежняя практика фронтальной застройки улиц, так называемыми «укрупнёнными» кварталами. Простоту в оформлении зданий объясняли, как необходимостью экономить значительные материальные средства, так и важностью развенчать культ личности не только в политическом плане, но и в архитектуре – отойти от помпезного «сталинского ампира». Исследователи отмечают, что радикально новым в хрущевской реформе строительства и архитектуры было именно обращение к Западу и отказ от неоклассических форм сталинской архитектуры. В архитектуре, с одной стороны, наблюдался жесткий разрыв со сталинским стилем, а с другой – преемственность в области типового строительства и архитектурного образования [4, с.137].

В связи с новой генеральной линией правительства была пересмотрена схема планировки Караганды. Застройка Караганды в 1950-х гг. велась на основе генерального плана, разработанного ещё в 1937 г. институтом «Мособлпроект». Однако планы полностью не были осуществлены, так как война внесла в них свои коррективы. Это объяснялось слабостью материально-технической базы строительства и резким притоком эвакуированного населения. Чтобы в кратчайшие сроки обеспечить массу людей жильём, недалеко от шахт в посёлках, которые согласно проекту, подлежали ликвидации, наскоро строили дома без всякого плана. Разрастаясь, эти посёлки постепенно слились в единый жилой массив со Старым городом. Строительство Нового города фактически оказалось законсервированным [5, л.111]. С середины 1950-х гг. ситуация стала меняться, в 1955-1957 гг. проект планового строительства города был разработан институтом «Карагандагипрошахт». Руководителем проекта был назначен архитектор О.П. Кудрявцев. Приоритетное развитие в плане отводилось созданию наилучших условий жизни, труда, быта, отдыха горожан, рациональному размещению промышленности, жилых районов, правильной и удобной организации уличной сети, площадей зелёных насаждений, обновлению городского транспорта, решению комплекса мероприятий по реконструкции коммунального хозяйства города. Разбросанность территории Караганды значительно усложняло выполнение поставленных задач. Главной идеей генерального плана застройки

Караганды было создание единого города, объединяющего исторически сложившиеся районы, причем развитие города Караганды предусматривалось на свободном юго-восточном направлении.

К середине 1950-х гг. Караганда протянулась с юго-запада на северо-восток на 40 км и с севера на юг – на 20 км, его площадь составляла 664 кв. км [6, с.109]. Город расширился за счёт включения в его состав более 50 рабочих посёлков, где были сосредоточены предприятия угольной промышленности, обогатительные фабрики, ТЭЦ, машиностроительный завод и др. Чёрные конусы терриконов, вышки шахт и корпуса промышленных предприятий создавали индустриальный облик Старого города [6, с.110].

Административным и общественно-политическим центром Караганды по-прежнему оставался Новый город с большим парком культуры и отдыха, расположенным по обе стороны р. Букпа. В этой части города проживало свыше 50% населения. Его главными магистралями были проспект Советский, Ленина, Бульвар Мира. Название центральных карагандинских улиц было типичным для абсолютного большинства советских городов, в том числе казахстанских. Центр Нового города сформировали: монументальное здание облисполкома, площадь с традиционным для советских центральных улиц памятником В.И. Ленину и большой сквер. Дом Союзов и Центрально-Казахстанское геологическое управление, построенные на главной площади города, сформировали пропилюи – оригинальный проход в Центральный парк города – парк имени 30-летия ВЛКСМ.

На стыке главной магистрали города проспекта Советского с проспектом Н. Абдирова был расположен ансамбль площади, построенный в 1959 г., состоящий из памятника Нуркена Абдирова и Дворца спорта имени Н. Абдирова. Архитектурно-композиционный узел был сформирован по Советскому проспекту и бульварному полукольцу: железнодорожный вокзал, летний театр, Дворец культуры горняков, здание облисполкома, театр драмы имени С. Сейфулина. Они придали, как считали карагандинские архитекторы 50-х гг, закономерность архитектурным характеристикам Нового города [5, л.160]. Строения были возведены в разное время, но они соответствовали единому архитектурно-композиционному замыслу. В архитектуре были использованы самые разнообразные композиционные приёмы малыми архитектурными формами, декоративными вставками, лоджиями, солнцезащитными устройствами, офактуриванием панелей, введением цвета. В конце 1950-х гг. в Караганде насчитывалось около четырёх тысяч зданий культурно-бытового и производственного назначения [5, л.59].

Архитектура областного центра не отличалась от других советских городов такого уровня, но имелись некоторые фрагменты в архитектурном оформлении зданий, в которых был использован национальный колорит, они и стали брендами города. Одним из лучших архитектурных сооружений Караганды считался Дворец культуры горняков: в архитектурном образе этого здания прослеживались компоненты казахского национального декора. Вход в фойе здания был украшен ажурной гипсовой лепкой казахского орнамента. Главный фасад в центре имел мощный 6-колонный портик из 8-гранных колонн, соединенных со стеной стрельчатыми арками, с резьбой по ганчу. Портик фасада был украшен художественными скульптурами шести фигур, типичными для «хрущевского» декора – шахтера, строителя, чабана, колхозницы, акына и воина [7, с.204]. Нельзя сказать, что национальный орнамент присутствовал концептуально в архитектуре города, это более ярко проявлялось в столице Казахстана – Алма-Ате, но не было типичным для региональных центров. В некоторых зданиях (скорее в оформлении единичных) он присутствовал, например, в архитектуре интерьера областной музыкальной школы просматривалось влияние традиций казахского народного зодчества. В прорисовке плафонов и росписи потолков, в резьбе по ганчу вентиляционных решеток и ажурной алебастровой люстры концертного зала, в рисунке пола фойе, выложенного многоцветной метлахской плиткой, были использованы мотивы народного казахского орнамента [8, с.21]. Между окнами первого и второго этажей Травматологической больницы вмонтирован лепной орнамент [8, с.22], в рисунке которого были использованы элементы казахского народного искусства.

Но в целом процесс «интернационализации» характерный для духовной составляющей советской ментальности, доминировал и в бытие, в частности, в архитектуре городов Центрального Казахстана. Поэтому, находясь в центрально-казахстанских городах, можно было не почувствовать, что находишься в национальной республике (в отличие, например, от республик Средней Азии).

Караганда как культурный и промышленный центр области застраивался и реконструировался быстрыми темпами, в 1959 г. вступил в строй домостроительный комбинат. Переход строительства на индустриальные методы сопровождался унификацией конструкций, расширением типового проектирования «хрущёвками», благоустройством. Монументальные композиции с использованием классических приёмов, предельно усложнённые декором фасады были заменены на строгие, лаконичные линии и формы, недорогие, легко изготавливаемые в заводских условиях и быстро монтируемые на строительной площадке детали. Такой была основная линия советской архитектуры. Композицию жилых массивов теперь формировали «изнутри», исходя из архитектурно-пространственного развития; основой архитектурной среды Караганды послужила жилая застройка. Именно в 1950-х гг. стали вырисовываться контуры будущих кварталов большого города, проспектов, улиц, таких как проспект Ленина, Чкалова, Гоголя, Крылова, Бульвар Мира и других.

В период 1950-1960-е гг. появились новые улицы: Акбастауская, Айвазовского, Бабушкина, Гарибальди, Газетная, Акмолинская, Болотникова, Давыдова, Жана-Аульская, Жана-Аркинская и др. В названиях улиц Караганды были отражены казахские фамилии известных борцов за установление Советской власти, деятелей партии, государства, Героев Советского Союза, науки и культуры. Так, улицам города были присвоены названия: Джангильдина, Иманжанова, Джанибекова, Ержанова, Маметовой, Абдирова, Кашаубаева, Кошкарбаева, Байсеитовой, Курмангазы, Джамбула.

Темпы роста города отставали от быстрого увеличения численности населения из-за слабо развитой строительной индустрии. Из архивных материалов проверки выполнения постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР о жилищном и культурно-бытовом строительстве и улучшений его качества в г. Караганде, Темиртау и Краснодаре в 1960 г.: «пространственная среда города представляла собой в подавляющем большинстве «землянки, саманные и одноэтажных деревянные, каркасно-засыпные здания» [9, с.98]. Они располагались в зонах санитарной вредности и на подрабатываемой территории.

В 1961-1962 гг. развернулись ожесточенные споры о будущем генеральном плане застройки г. Караганды. Докладные записки, письма-жалобы, проверки и отчёты свидетельствовали о серьезности сложившейся ситуации вокруг Караганды. Государственная санитарная инспекция Карагандинской области в своем заключении по ТЭО районной планировки от 19 декабря 1961 года дала оценку территории старого города, половину которого отвели для жилья. Госсанинспекция установила: «По данным систематических обследований санитарно-гигиенических условий старого города Караганды выяснилось, что воздух на всей территории в сильной степени загрязнен пылью обогатительных фабрик, окисью углерода от шахт и сернистым газом. Так, концентрация окиси углерода в ряде случаев по всем точкам превышает предельно-допустимую разовую норму в м²/м³ в 10-20 раз, а тогда, когда над городом туман 50-60 раз. Содержание сернистого газа в атмосферном воздухе по всем точкам превышает в 3-4 раза предельно-допустимую норму. Территория имеет застойную воду (болота) в местах провалов от угольных разработок, отсутствует водоотвод и централизованное водоснабжение при общей хаотической застройке вокруг шахт и предприятия, без требуемых санитарных разрывов – всё это требует прекращения застройки этого района и постепенного вывода из него населения» [10, с.8].

Жаркие дискуссии привели к изменению генерального плана застройки Караганды, изменению траектории ее будущего развития. Застройка территории города зависела не только от финансирования и комплектующих материалов, но и климатических условий

(сильные морозы зимой, высокая температура летом и др.). Необходимо было снизить летнюю температуру, увлажнить воздух, создать искусственные водоёмы, но средств в бюджете на это не было, и эта практика не была реализована в полной мере. При городском строительстве имели место нарушения проектов детальной планировки, санитарных норм и архитектурных требований строений [9, с.27]. В 1960-х гг. основным принципом территориального развития Караганды было размещение массового строительства на безугольных территориях к юго-востоку, вдоль железной дороги. В это время застраивался район Майкудука, которому отводилась роль сложного промышленного и густонаселенного комплекса. Через год приступили к застройке Юго-Восточной части Караганды – планируемому в будущем центру города. Главные улицы и магистрали Караганды застраивались по типовым проектам, но индивидуально-оформленные фасады зданий и площадей улучшили их архитектурные характеристики. Дома планировались с полузамкнутыми дворовыми пространствами, с выделением специальных мест для занятий физкультурой и спортом, для хозяйственных нужд, для отдыха. К первым зданиям, построенным в Юго-Восточной части Караганды, относились объекты социально-культурного назначения: детский сад, школа, жилой комплекс, аптека, магазины. Застраивались улицы Юго-Востока – проспект Строителей и проспект Шахтеров, закладывались новые микрорайоны «Степной-1» – «Степной-4».

Актуальнейшим вопросом для Караганды изучаемого периода стали проблемы водоснабжения. В 1951-1955 гг. был построен Большой карагандинский водопровод, введено в действие 92,5 км магистральных водопроводных линий, построено 30,2 км канализационных коллекторов; закончена первая очередь канализации посёлков Новый Майкудук, Большая Михайловка, восьми кварталов Нового города. В строительство городских коммуникаций было вложено около 40 млн. рублей, но окончательно решить проблемы с водоснабжением и работой системы канализации не удалось [11, л.37]. Так, в летний период года воды было недостаточно, и городские власти могли обеспечить отдельно взятого горожанина всего 3-5 литрами воды [5, л.26]. Горожане в основном пользовались водой из уличных колонок и надворных колодезь [6, с.98]. Городская коммунальная система не справлялась с возросшей на неё нагрузкой; перебои в работе водопроводных сетей и системы канализации приводили к нарушению санитарно-гигиенических условий проживания.

В конце 1950-х гг. бюджетные ассигнования на коммунальное обслуживание и обустройство Караганды постоянно увеличивались, но осваивались неудовлетворительно. В 1959 г. на строительство водопроводных и канализационных сетей города было выделено 7,8 млн. рублей, а выполнение составило вдвое меньше – 3,8 млн. рублей. Так, обеспеченность города сетями инженерных коммуникаций была чрезвычайно низкая. Только 18% городского жилого фонда была обеспечена водопроводом и оборудована канализацией. Сброс фекальных вод осуществлялся в границах города без производства очистки. Например, в районе Дальнего парка города насосная станция не обеспечивала перекачку поступающих сточных вод, и нечистоты сбрасывались в районе посёлка автобазы [12, л.78]. По этой причине многие кварталы (№ 246, 248, 250, 252, 256, 260), имеющие внутренние разводки водопровода и канализации в домах, не были подключены к соответствующим сетям [9, с.99]. Отсутствие водопроводных и канализационных сетей вызывали рост количества инфекционных заболеваний и способствовали ухудшению санитарной обстановки в городе. Эту проблему городские власти пытались решить путём использования дезинфицирующих средств и ремонта коммуникаций.

Росту благоустройства Караганды способствовала массовая газификация города. В городах Центрального Казахстана газоснабжение началось в 1961 г., после сдачи в эксплуатацию первых газобаллонных установок в Караганде, создания городского управления газового хозяйства, в составе которого находилось 5 эксплуатационных районных служб, управление газового хозяйства в Темиртау, конторы в Сарани и Шахтинске, межрайонная контора газового хозяйства в Абае.

Большое значение для благоустройства Караганды имело решение проблемы уличного освещения. До 1966 г. освещались только улицы в центральной части городов лампами накаливания. После модернизации сетей были установлены ртутные и натриевые лампы. Лампы были стандартные, их крепили на железобетонных столбах, декор и подсветки отсутствовали, так как «внимание уделялось практичности, а не красоте» [13]. Питание электроэнергией объектов городского хозяйства переводилось на подземную кабельную сеть. Увеличилась протяжённость электрических линий, но освещение улиц в городах было неравномерным. Так, на окраинах всех городов Центрального Казахстана, расстановка электрических фонарей была редкой и недостаточной.

Проведенные интервью с карагандинцами позволяют представить советскую коммунальную службу с ее достоинствами и проблемами. Считаем возможным привести воспоминания карагандинцев о городе Караганде образца 1950-1960-х гг.

Г.Т. Абдрахманова: Жилищно-коммунальные службы работали по-разному, в нашем районе они работали неплохо. Выполняли все заявки, реагировали на них, мусор вывозили, дворы были чистыми. Тарифы за услуги были низкими и доступными для населения. Но на соседней улице ситуация была иная. Там в подъездах и во дворах было очень грязно, скапливалось много мусора. Трубы находились в очень плохом состоянии, заявки жильцов принимали, но никаких действий не происходило. В целом, чистыми улицы были только в центре города. За чистотой улиц и дворов следили дворники. Они были одеты в обычную одежду, которую «не жалко замарать» и в специальном фартуке. С раннего утра они очищали, подметали дворы от мусора, накопившегося за день. Наш двор выглядел очень хорошо, был тротуар у каждого подъезда, стояли скамьи, которые мы сами ставили. Во дворе было много свободного места, но не было игровой площадки. Окраинам Караганды городские службы не уделяли достаточного внимания.

Освещение в городе было на всех крупных дорогах и на некоторых улицах. Были специальные столбы и на них крепились светильники и фонари. Город был обеспечен питьевой водой на высоком уровне, ее всегда хватало, не было перебоев с водоснабжением в центральных районах, где было централизованное водоснабжение. Тепловые сети находились в удовлетворительном состоянии. В домах зимой всегда было тепло. Энергообеспечение города не вызывало нареканий со стороны жильцов. В редких случаях могли отключить свет на час, но серьезных проблем не было. [9, с.199-200]

Т.А. Алимбаев подтверждает информацию: Жилищно-коммунальные службы города работали хорошо, их контролировали городские и партийные органы. Каждый житель Караганды имел возможность пожаловаться на работу коммунальщиков. Каждая письменная жалоба или звонок находили отклик в работе всех служб. Дежурные круглосуточно выезжали на место аварий. Центральные улицы Караганды были чистыми, за ними постоянно следили, убирали, но окраины города были запущенными, им не уделялось должного внимания. Дворники убирали улицы, следили за порядком во дворах. У дворников не было специальной одежды, но обязательным элементом были синие или чёрные фартуки и метла. Я жил на улице 40 лет Казахстану, которая относилась к Ленинскому району. Двор был благоустроен – была детская площадка с песочницей, качелями и лавочками. Жители дома высаживали деревья, регулярно убирали двор. Жильцы знали друг друга, сами организовывали уборку территории. Мусор во дворе не скапливался.

Центральные районы города были освещены, но свет был тусклым. Лампы были стандартные, их крепили на железобетонных столбах. Декор и подсветки отсутствовали: внимание уделялось практичности, а не красоте.

Со снабжением города водой проблем не стало после запуска канала «Иртыш-Караганда». Вода была постоянно, но она была грязной, мутной, жёлтой и ржавой, даже попадались камни. Воду отключали редко, только в случае крупной аварии или ремонта. Централизованная горячая вода отсутствовала, были газовые колонки и титаны, которые нужно было топить дровами. Горячая вода была подключена к микрорайонам города лишь в 1980-е гг. Тепловые сети были в удовлетворительном состоянии. В Новой части города

домам было 15-25 лет и изношенности тепловых сетей не было. Во многих домах города сохранялось печное отопление. Энергообеспечение города было хорошее, постоянное. В 1970-х г. в домах горожан появилось много бытовой техники, на которую не были рассчитаны энергосети. Электропроводка не выдерживала, случались замыкания, выбивало пробки. Жители вынуждены были ставить два предохранителя. Счётчики электроэнергии стояли в каждой квартире, а не на лестничной площадке. Стоимость электроэнергии была низкой, доступной для всех, но всё равно много было умельцев, которые «химичили», делали так, чтобы счётчик не накручивал киловатты, чтобы не оплачивать электроэнергию полностью. [9, с.201-202]

О.Н. Баранова: Жилищно-коммунальные службы занимались уборкой и вывозом мусора, благоустройством двора, а также ремонтом и техническими работами. Их деятельность была на виду и находилась под контролем райкома партии. Ни одна жалоба не оставлялась без внимания. Заявки, поступающие от жильцов, всегда выполнялись. Благоустройство дворов было разное. Наш двор по Н. Абдирова был образцовый. Во дворе были не только лавочки и песочница-грибок, беседки, но и построен детский городок с деревянным теремом, сказочными героями, фонтаном и многочисленными качелями. Дом, в котором я раньше жила, принимал участие в социалистическом соревновании на лучший жилой двор. Специальная комиссия оценивала благоустройство и озеленение нашего двора. Двор у нас был дружный, люди инициативные и неравнодушные. Так мы оказались победителями, а на доме повесили табличку: «Дом образцового порядка». Я думаю, в этом тоже была моя заслуга.

Чистотой улиц города мы были довольны. За неё отвечали дворники: они начинали свою работу рано – в 5-6 часов утра. Дворники занимались уборкой и сбором мусора, их утилизацией и уничтожением. Дворники не имели специальной формы, а работали в своей обычной старой одежде, поверх которой одевали синий или чёрный фартук. Все жильцы дома знали дворника в лицо, могли обратиться к нему с просьбой по какому-либо вопросу.

Светильники закреплялись на железобетонных столбах, освещали дворы и тротуары. Вдоль дорог было много деревянных столбов, на которых крепили лампы освещения. Освещение было в нашем дворе на игровой площадке, зимой на катке. Хорошо освещались аллеи городского парка.

Город был обеспечен питьевой водой удовлетворительно, отключения от водоснабжения я не помню. Тепловые сети были в норме. В квартирах было тепло, зимой даже открывали форточки. Город круглосуточно был обеспечен электроэнергией.

В городе были фонтаны, которые располагались возле Дворца культуры Горняков, у Летнего театра, у ЦУМа. Декоративные фонтаны были в парке им. 30-летия ВЛКСМ и в дальнем парке Старого города. Дно фонтана было покрыто керамической плиткой. В парках и центре города работали питьевые фонтанчики, что было удобно для отдыхающих.

В городе работали киоски для продажи газированной воды, кваса, мороженого, газет и книг. Киоски изготавливали из дерева, а стены красили масляной краской в синий или в зелёный цвет. Летом и осенью работали цветочные павильоны и торговые павильоны по продаже свежих овощей. [9, с.205-206]

Высокие темпы жилищного и промышленного строительства Караганды в период 1950–1960-х гг. оказали влияние на дальнейшее развитие дорожного хозяйства. Такому выводу способствует анализ общей протяженности дорожного покрытия. Так, в 1955 г. протяжённость автодорог достигла 145 км. Асфальтобетонные магистрали соединили Новый город с городом спутником Караганды – Саранью, посёлками Чурубай – Нурина района, шахтами № 1, «Вертикальная», № 35 и др. Выявленный статистический материал показывает, что протяжённость автомобильных дорог, проложенных в 1959 г. в Центральном Казахстане, составила 1700 км, выросла длина улиц с твердым покрытием. С 1961 г. по 1965 г. протяжённость дорог в регионе составила уже 120 км, с 1966 г. по 1969 г. – 1021 км [14, л.15-19]. Архивные материалы свидетельствуют о том, что дорожная отрасль показывала лишь количественную положительную динамику, а не качественные показатели в строительстве

дорог: не соблюдался профиль дорог, упрощалась технология укладки асфальта – двухслойное дорожное полотно заменяли однослойным покрытием. Дороги были некачественные, служили недолго.

Воспоминания карагандинцев о дорогах и городском транспорте подтверждают архивные материалы. Г.Т. Абдрахманова: Хорошее качество дорог в Караганде было в самом центре города. Но дороги были заасфальтированы только на некоторых улицах. На окраинах города дороги были немощёные, весной и осенью они превращались в непроходимое месиво грязи. Жарким летом грязь превращалась в пыль. Тротуары и площади имели твердое покрытие [9, с.199]. Т.А. Алимбаев: Городские дороги были узкие, заасфальтированные только в центральной части города. Проезжую часть обрамляли крашенные известью бордюры. Пешеходных переходов не хватало. На окраинах дорожного покрытия не было [9, с.201]. О.Н. Баранова: Чем дальше от центра города, тем больше ухабов, ям и рытвин. Пешеходные зоны были отделены бордюрами, которые ежегодно красили известью, часто сами горожане. Для пешеходов были предназначены широкие тротуары. Некоторые площади города были покрыты плиткой. К окраинам города внимание было очень мало, казалось, что время здесь остановилось [9, с.204-206].

Важной проблемой для Караганды были вопросы развития транспорта. Гужевой транспорт уже исчезает с центральных улиц Караганды, но еще использовался на окраинах города. В 1955 г. был создан областной автобусный трест, в который вошли несколько предприятий автотранспорта. По 18 автобусным маршрутам города курсировали 110 автобуса [15, л.7]. В 1955 г. на 30-километровую трамвайную трассу ежедневно выходили 37 вагонов. Только за 1953-1955 гг. они перевезли 30 млн. пассажиров. В 1957 г. был открыт новый трамвайный маршрут «Старый город – шахта № 70», который обслуживался 45 трамваями. Трамвайное движение в течение года обеспечивало перевозку 11 100 тыс. человек [15, л.7]. В начале 1960-х гг. были сданы в эксплуатацию две новые трамвайные линии по маршруту: шахта 33-34 – Новый Майкудук и далее до завода отопительного оборудования. Количество перевозимых в течение года пассажиров достигло 20 млн. человек. Интенсивные шахтные подработки ухудшили состояние трамвайных путей и к концу 1960-е гг. объём пассажирских перевозок данным видом транспорта снизился до 11 488 тыс. человек, часть маршрутов была закрыта.

С 1967 г. в Караганде было организовано троллейбусное движение. Его появление было связано с острой нехваткой автобусов и сравнительной дешёвой электроэнергией. Первый маршрут прошёл от железнодорожного вокзала до Трестуголь, позже на 32 квартале построили депо. На шести маршрутах, имеющих протяжённость пассажирских линий 58,1 км, работало 63 троллейбуса [5, л.123]. В 1968 г. после ввода в эксплуатацию троллейбусной линии протяжённостью 7,3 км, и организации нового маршрута «Вокзал – 32 квартал», объём пассажирооборота достиг 3866 тыс. человек, в 1969 г. – 8624,3 тыс. человек [5, л.124]. По воспоминаниям интервьюируемых, кондукторами работали только женщины. У них не было специальной одежды, но были сумки светло-коричневого цвета, в которых находились билеты и мелочь – оплата за проезд. Цена за проезд в общественном транспорте была доступной для всех, в том числе и для пенсионеров: проезд в трамвае и троллейбусе стоил 3 копейки, в автобусе – 5 копеек, в автобусе-экспрессе – 20-30 копеек [16].

Однако не все благополучно обстояло и в данной инфраструктуре, как отмечалось в большинстве отчетов в советский период. В работе городского транспорта имелись существенные недостатки, уровень транспортного обслуживания населения не отвечал требованиям и очень отставал от возрастающих потребностей населения города в пассажирских перевозках [17, л.10]. Протяжённость трамвайных путей в Караганде составила 55 км, из которых 45 км по своему состоянию не были пригодны к дальнейшей эксплуатации, так как попали под горные подработки и своевременно не восстанавливались. Неудовлетворительно содержались стрелочные переводы, отдельные участки пути были захлаплены. Такое состояние путей приводило к снижению скорости движения и не обеспечивало безопасность движения трамваев. Ежедневно наблюдались случаи сходов

поездов с рельс. Контактная сеть троллейбусных линий была выполнена со значительными отклонениями от технических норм, провисла и требовала пернатяжения, в результате чего происходили частые обрывы сети и произвольные отключения троллейбусов особенно на поворотах и перекрестках, создавая тем самым аварийную обстановку. Вследствие изложенных недостатков, зафиксированных в отчетах, городской электрический транспорт не пользовался популярностью у населения города, основным видом пассажирских перевозок являлся автобусный транспорт, который перевозил до 85% всех пассажиров [17, л.11]. Общая протяженность улиц и дорог, по которым следовали городские автобусные маршруты, составлял 180 км, причем 40 км не имели асфальтобетонного покрытия и также находились в неудовлетворительном состоянии. На отдельных автобусных маршрутах имелись трудно проходимые участки дорог, даже в летнее время, из-за чего ежедневно выходило из строя более десятка автобусов. Это приводило к накоплению людей на остановках, переполненности общественного транспорта. На маршруте №17 дорога на протяжении 4-5 км гравийная, выбитая, в ухабах и сильной пыли. Проверяющие писали: на день проверки этот участок дороги не поливался водой, автобус находился в облаках пыли, водители отказывались работать в таких условиях, пассажиры жаловались на сильную запыленность в салоне. Все эти недостатки, конечно же, вызывали нарекания со стороны карагандинцев [18, л.12]. На улицах города в начале 1970-х гг. размещено 446 автобусных остановок, половина из них не соответствовала техническим условиям: не было посадочных площадок, карманов, переходов или они находились в местах, опасных для движения транспорта и пешеходов. Из общего числа остановок только 30% были оборудованы павильонами ожидания, 35% освещены и 15% имели скамейки, на 35 остановках не было указателей. Большинство остановок, имевших павильоны ожидания, своевременно не убирались, в справках отмечено: «кругом разбросаны бумага и окурки, стены требуют покраски» [17, л.12]. Данные проблемы были типичными и характерными не только для Караганды или Казахской ССР, это были проблемы общесоюзного характера. На такие «мелочи» государство не тратило ни средств, ни даже внимания.

Проведённое интервьюирование по благоустройству городов Центрального Казахстана в 1950-1960-е гг. позволяет констатировать, что оценка работы городского пассажирского транспорта вызвала наибольший интерес и желание высказаться. Сгруппированные оценки респондентов, характеризующие ситуацию в целом по Караганде, показали, что расширение транспортной сети не соответствовало увеличению потребности в ней со стороны горожан. Так, опрошенные карагандинцы отнесли к главным недостаткам транспортного обслуживания того времени: несоблюдение графиков движения транспорта, продолжительные интервалы его ожидания, неудовлетворительное состояние внутригородских дорог [19]. В ответах респондентов указывалось на большую переполненность автобусов в часы «пик», недостаточный парк транспортных средств общего пользования, на неудовлетворительное и антисанитарное состояние транспортных салонов, случаи грубости со стороны кондукторов.

Выявленные архивные материалы совпадают с результатами интервью и свидетельствуют о том, что работа городского пассажирского транспорта Караганды вызывала нарекания горожан. Так, в архивных документах зафиксированы замечания контролирующих органов города: «Внешнее и внутреннее оформление городского пассажирского транспорта не всегда соответствует предъявляемым требованиям. Во многих автобусах, троллейбусах и трамваях отсутствовали таблички с фамилиями водителей, таблицы стоимости проезда, схемы маршрута, правила поведения пассажиров. Особенно неприглядно выглядели трамвайные вагоны: не окрашены, во многих вагонах не застеклены окна, в салонах грязно. Половина остановок Караганды не соответствовала техническим условиям: не было посадочных площадок, павильонов ожидания, скамеек, урн, освещения, переходов» [9, с.175].

Но были и положительные изменения в работе общественного транспорта: значительно увеличился парк легковых и грузовых такси. Материальное положение большей

части горожан и гостей шахтёрской столицы позволяло использовать услуги городских такси. В 1960 г. Карагандинский таксомоторный парк № 1 насчитывал 280 автомобилей. В это время таксопарк заменил автомобили «Победа» на более престижные автомобили «Волга». В такси работали водители только первого класса, которые выделялись кокардой с буквой «Т» на фуражке, галстуком «селёдка» и кожаной курткой.

Г.Т. Абдрахманова: В городе работал общественный транспорт: трамваи, троллейбусы, автобусы. Надо сказать, что работал городской транспорт неплохо. В очень редких случаях транспорт выходил из строя. Правда, городского транспорта было мало, интервал между автобусами был достаточно большой. Билеты в общественном транспорте стоили 3-5 копеек, их стоимость была доступной для меня. Кондукторами работали женщины, как правило, немолодые. У них не было специальной формы, но имелась «кондукторская сумка» для билетов и денег [9, с.199].

Т.А. Алимбаев: Автобусы, троллейбусы, трамваи и такси – основные виды общественного транспорта Караганды. Курсировали автобусы «пазики», потом «пизы», которые были всегда переполнены. Графики выхода на рейс общественного транспорта соблюдались, но частыми были поломки машин из-за высокой изношенности, нехватки запчастей и комплектующих. Общественные транспортные средства были переполнены в часы «пик». Автобусы были грязные из-за того, что многие горожане после работы не переодевались и ехали в грязной одежде.

Профессия кондуктор была чисто женской. Кондукторы в общественном транспорте не имели специальной формы. Их обязательным атрибутом была сумка с билетами. Они никогда не объявляли остановки. На остановках стояли телефонные будки, которые, как правило, были не в рабочем состоянии [9, с.200-201].

О.Н. Баранова: Транспорта в городе не хватало. Главным недостатком транспортного обслуживания было несоблюдение графиков движения транспорта и продолжительные интервалы его ожидания. В часы «пик» автобусы были переполненные и становились «резиновые». Люди старались жить ближе к тем предприятиям, где они работали, чтобы не опоздать на смену. Хорошими были автобусные остановки в плане практичности. Состояние автобусов и других видов транспорта было старым, но добротным, не было вандализма в виде разорванных кресел. Цена за проезд в общественном транспорте была доступной для всех, в том числе и для пенсионеров: трамвай, троллейбус – 3 копейки, автобус – 5 копеек, автобус-экспресс – 20-30 копеек. Кондукторами работали только женщины. У были сумки светло-коричневого цвета, в которых находились билеты и мелочь – оплата за проезд. Кондукторы были уже немолодые, такие дородные женщины, которые ярко красили губы. Такси был в то время элитным транспортом, работяги им не пользовались [9, с.204].

Л.И. Зуева: Основным видом транспорта были автобусы и трамваи, а позже троллейбусы, которые связывали Новый город и Майкудук. На трамвае, например, мы всей семьей ездили на футбольные матчи, которые проходили на стадионе в Новом городе. Во время учёбы в школе и вузе я каждый день ездила на занятия на автобусе. Мне казалось, что транспорт работал нормально, во всяком случае, я не опаздывала. Автобусы ходили до ночи – до 24.00. Главным недостатком транспортного обслуживания были проблемы переполненности автобусов и троллейбусов в часы «пик». Пользовались такси в редких случаях. Билет на трамвай стоил 3 копейки, а на автобус – 5 копеек, троллейбус – 4 и 5 копеек. Стоимость транспорта была вполне доступной для всех и не обременительной для бюджета семьи. У кондукторов никакой формы не было. В основном эту должность выполняли женщины, чаще всего немолодые, одетые довольно скромно, но обязательно с ядовито красным лаком на ногтях [9, с.207-208].

Железные дороги и авиалинии связывали Караганду с другими промышленными центрами республики и Советского Союза [18, л.115]. На авиатрассах Караганда – Балхаш, Караганда – Павлодар – Семипалатинск с июля 1964 г. начал курсировать комфортабельный турбовинтовой 48-местный АН-24. В этом же году воздушная авиатрасса связала шахтёрскую столицу с Кустанаем, Бишкеком и Дальним Востоком. В 1967 г. из

Карагандинского аэропорта стал летать лайнер ИЛ-18 в Ригу. Беспосадочные рейсы связывали Караганду с многими городами Советского Союза – Москвой, Ленинградом, Киевом, Сочи, Ташкентом, Алма-Атой, Фрунзе, Новосибирском, Омском, Челябинском, Куйбышевым, Симферополем, Минеральными водами и т.д. Карагандинский аэропорт стал одним из крупнейших в Казахстане [18, л.123].

Если в жилищном строительстве Караганды в 1960-х гг. наметилась положительная динамика, то благоустройство города проходило значительно медленнее. Под благоустройством стали понимать в это время уборку улиц и вывоз мусора, озеленение, оформление фасадов домов и изготовление малых архитектурных форм, таких как лавочки, вазы в скверах и т. п. Причем к санитарным и эстетическим требованиям благоустройства подключался идеологический контекст – благоустроенный двор должен был соответствовать новому быту и новому советскому человеку. Так, руководство города призывало горожан содержать дворы, производственные территории в чистоте, регулярно проводить уборку улиц. Горожане, заботясь о чистоте и уюте Караганды, весной и летом участвовали в месячниках по благоустройству и озеленению города [5, л.59]. Вместо системной работы коммунальных служб практиковались воскресники, когда на работу по благоустройству выходили целые коллективы рабочих, служащих, студентов, школьников. Таким образом, городские органы власти переложили вопросы благоустройства на плечи предприятий и горожан.

Большая и целенаправленная работа проводилась по озеленению города. Её реализация была особенно необходима в условиях резко-континентального климата Караганды. В питомниках Зеленстроя и на опытных участках Ботанического сада города выращивались и ежегодно высаживались на улицах, скверах, в садах сотни саженцев деревьев и кустарников, рассада для клумб. Горкомхоз обеспечивал организации и горожан саженцами. При оформлении бульваров и скверов Караганды и других городов Центрального Казахстана были использованы традиции классического садово-паркового искусства, цветников – орнаменты казахского народного изобразительного искусства. В озеленении города активно участвовали все горожане. Об этом свидетельствуют воспоминания старожилов г. Караганды. Крупные массивы парков, садов, скверов, бульваров, уличные посадки положительно повлияли на микроклимат Караганды. Воздух Караганды становился несколько чище, судя по воспоминания старожилов, горожане перестали дышать угольной пылью шахт, дымом и газами промышленных предприятий. Южный парк Зеленстроя и Берёзовая роща, парк им. Костенко Старого города, Дальний парк, скверы стали любимым местом отдыха жителей и гостей Караганды.

Г.Т. Абдрахманова: Я, все мои друзья и знакомые участвовали в озеленение города. Мы затрачивали огромное количество времени и проводили большую работу, сажая семена, рассаду и саженцы. Затем мы ухаживали за молодыми деревьями. Было приятно видеть, как они растут [9, с.199].

Воспоминания О.Н. Барановой: Озеленению Караганды придавали большое значение не только руководители города, но и сами горожане: благоустройство города проводилось с активным участием горожан. Высаживали неприхотливые и пригодные для нашего климата деревья – карагач и тополь, разбивали аллеи и клумбы. В Центральном парке была посажена берёзовая роща. На клумбах высаживали цветы несколько раз за весенне-летний сезон. Одни цветы отцветали, высаживали новые. Был организован регулярный полив. Парки и бульвары города закладывались руками самих горожан и были местом семейных прогулок. Самым большим парком был Парк 30-летия ВЛКСМ [9, с.204-205].

Т.А. Алимбаев: Озеленение Караганды все-таки было недостаточное. Деревья и цветы были высажены лишь на центральных улицах, бульварах и скверах города. Бульвар Мира был самым ухоженным и зелёным [9, с.201].

Л.И. Зуева: Караганда была на удивление зеленым городом: на улицах и в скверах было много тополей и акаций. Работники Зелентреста постоянно высаживали цветы весной и летом, тщательно за ними ухаживали. Бывало, что утром еще цвели одни цветы, а после

обеда в этом же сквере были совсем другие. Много было цветов табака, львиного зева и анютиных глазок. В центре города высаживали розы, георгины и гладиолусы. В течение лета, как минимум три раза, высаживали разные цветы. Особенно красивы они были на фоне деревянного здания Летнего театра и при входе в Парк 30-летия ВЛКСМ. Парки и бульвары Караганды любили все горожане, они были уютными: скамеечки, зелень, свисающих листьев, ларьки с мороженым и газированной водой. Каждый житель города вложил частичку своего труда в благоустройство города. Я ежегодно принимала участие в субботниках. В школе мы сажали на школьном участке деревья и различные растения, весной и летом поливали их [9, с.208].

Наряду с зелёными насаждениями город украшали памятники. Архитектурно-пространственная среда Караганды складывалась под воздействием традиций советской монументальной скульптуры: в памятниках, посвящённых борцам за установление Советской власти, рабочему классу Караганды, деятелям партии и государства. Образы вождей были центральными в советском монументальном искусстве. Так, памятник В.И. Ленину символизировал незыблемость коммунистической власти, приверженность марксистско-ленинской идеологии, мощь советского государства, придавал особую идеологическую специфику центру советских городов. В Караганде были установлены памятники и другим деятелям советской эпохи: С.М. Кирову, Г.К. Орджоникидзе, которые представляли собой тиражированные гипсовые или бетонные копии. Они устанавливались на площадях и других открытых пространствах города, выполняли не столько градообразующую функцию, сколько, прежде всего, идеологическую и политическую. Открытие памятников начиналось с митинга, возле них проводились демонстрации или собрания, инициированные городскими органами власти.

Важную роль в формировании городского пространства Центрального Казахстана играли памятники и мемориалы, посвящённые памяти погибших в Великой Отечественной войны, установленные в рассматриваемый период. Так, в 1958 г. в центральной части Караганды был поставлен памятник Герою Советского Союза Нуркену Абдирову. Монумент был выполнен в виде постамента и чугунной скульптуры, изображающий героя за штурвалом самолёта и олицетворяющий его подвиг. В 1962 г. в парке культуры и отдыха имени 30-летия ВЛКСМ города Караганды был открыт памятник Герою Советского Союза Зое Космодемьянской, построенный на деньги, собранные пионерами и школьниками. Карагандинскими скульпторами, архитекторами и художниками были воздвигнуты монументы и мемориальные ансамбли в 1950-е – 1960-е гг. Так, характерной чертой памятников, созданных А.П. Билыком, Ю Гуммелем и др., стало их ансамблевое решение: скульптура выступала в единстве с элементами архитектуры, а все ансамбль получал завершение, органично включаясь в природное окружение или городской ландшафт [20, с.377].

Городское пространство города было заполнено советскими скульптурами, вазонами и агитационно-пропагандистскими плакатами. Вазоны были изготовлены из бетона, в виде тюльпана, побеленные известью. В достаточном количестве урны были расставлены на центральных улицах города. Они никогда не были переполнены. Лавочки были деревянные, покрашенные в три цвета – красный, синий и жёлтый. Городское коммунальное хозяйство следило за этим. Всё подчинялось функциональности, удобства и практичности.

Тематика скульптур отражала советскую идеологию. Так, обязательным атрибутом города был памятник В. И. Ленину. Широко была представлена спортивная тематика: девушка с веслом, девушка с дискосолом, футболист, бегун. Ко второму направлению относится пионерско-комсомольская тематика: пионер с барабаном, пионер с горном, школьник, отдающий пионерский салют. Скульптуры изображали комсомольцев-героев: Зоя Космодемьянская, Олег Кошевой, Ульяна Громова. Материалом для скульптур являлся гипс.

Проявление национальной специфики, мотивы казахской культуры, народного искусства в городской скульптуре рассмотренного периода было единичными. Так, в березовой роще Центрального парка культуры и отдыха был установлен бюст народного

акына Казахстана – Джамбула [8, с.28]. Бюст был поставлен на монументальном постаменте, украшенном лепным народным орнаментом. Фактически это был в городе единственный памятник, посвященный деятелю казахской культуры.

Кроме больших монументальных сооружений и скульптур в архитектурный облик Караганды входили мемориальные доски, украшавшие фасады и стены общественных зданий. К ним относились памятные металлические, мраморные или гранитные плиты с надписью на казахском и русском языках, увековечивавшие значительные события и даты в истории города, память о деятелях партии, государства, науки, культуры и экономики. Причем, они были связаны с эпохальными событиями советской истории, так или иначе увязанными с центрально-казахстанским регионом. Одним из таких сюжетов была советская космонавтика, так как именно в этом регионе часто приземлялись космонавты. Так, на стенах здания гостиницы «Чайка» были установлены мемориальные доски с именами летчиков-космонавтов, которые провели здесь первые часы после приземления. Гостиница была названа в честь первой в мире женщине – космонавта В. Терешковой. В 1966 г. в карагандинском аэропорту были торжественно открыты мемориальные доски в честь героев-космонавтов. На светло-сером мраморе на казахском и русском языках были высечены слова: «Здесь карагандинцы встречали лётчиков-космонавтов Андриана Николаева, Павла Поповича и Валентину Терешкову». С темой космоса было связано и внешнее оформление некоторых общественных зданий города. Так, фриз голубого зала Дворца культуры горняков и стены автовокзала оформлены рельефами по мотивам «Караганда – космическая гавань».

Т.А. Алимбаев: «Были в Караганде и фонтаны: возле Дворца культуры Горняков, у Летнего театра, у ЦУМа, сквера им. Орджоникидзе (кинотеатр «Октябрь»). Декоративные фонтаны были в парке им. 30-летия ВЛКСМ, в дальнем парке Старого города. Декоративных бассейнов в городе не было.

Работали киоски по продаже мороженого, газированной воды, пива, кваса. Популярны были автоматы по продаже газированной воды. Стоимость газированной воды без сиропа составляла 1 копейку. Газированная вода с яблочным или грушевым сиропом стоила 3 копейки. Мне нравился павильон национальных блюд, который располагался около кинотеатра «Октябрь». Повышенной популярностью пользовались сезонные палатки по продаже овощей и фруктов.

В Караганде было много агитационно-пропагандистских плакатов, которые содержали выдержки из выступлений руководителей коммунистической партии и правительства. На фасадах домов висели плакаты, отражающие идеалы социализма: «Мир! Труд! Май!», «Наша цель – коммунизм!», «Да здравствует КПСС!», «Вперёд к победе коммунизма!» и уважение к шахтёрскому труду: ««Слава шахтёрскому труду!». У кинотеатров города висели красочные афиши, которые показывали жанр фильма. У многолюдной остановки «ЦУМ» красовалась длинейшая композиция из щитов и пирамид, но изображение понять было невозможно – краски давно облупились и не обновлялись. Здесь же стояли двенадцать гигантских металлических пирамид, покрашенных краской. На проспекте Н. Абдирова было много флагов неопределённого цвета.

Витрины магазинов украшались теми товарами, на которых он специализировался. Так, витрина продуктового магазина украшалась пирамидами из консервных банок, особенно ярко выглядели башенки из сгущенки, тушёнки, кильки в томате. Иногда в витринах располагался товар, которого не было в наличии. В этом случае вывешивалась табличка «Образец». В ателье «Сары-Арка» значилось: «Женская одежда» и «пальто». Реклама магазина «Детский мир» предлагала «зимние изделия» и «детские изделия». [9, с.202-204]

О.Н. Баранова: «Мы любили ходить с семьёй в Центральный парк. Он полностью соответствовал своему названию – парк культуры и отдыха. Немаловажно, что здесь были бесплатные общественные уборные». [9, с.206-207]

Советские люди обладали огромным оптимизмом и жертвенным восприятием благоустройства «по-советски». Материалы интервьюирования свидетельствуют об

огромной терпимости горожан ко многим бытовым проблемам, в том числе, в благоустройстве. Например, респондент О.Н. Баранова отмечает наличие «бесплатных общественных уборных», как несомненное достоинство и совершенно иначе воспринимают советскую действительность и благоустройство «по-советски» зарубежные гости СССР. В работе Г. Маркеса, побывавшего в СССР в 1957 г., есть фрагмент, который демонстрирует шок писателя от советской повседневности: «Нужда заставила нас искать туалет. Он представлял собой длинное деревянное возвышение с полдюжиной отверстий, над которыми, присев на корточки, полдюжины солидных уважаемых граждан делали то, что им нужно, оживленно переговариваясь, – такой коллективизм не предусматривала никакая доктрина» [21]. А для советских людей второй половины XX в. такое «благоустройство» считалось нормой жизни.

И далее Баранова вспоминала о Караганде: Скульптуры в городе были из гипса. Были фигуры коммунистических вождей, рабочих и работниц, разных атлетов, сказочные герои. В Центральном парке был установлен бюст Джамбула, а постамент украшен лепниной в национальном стиле. Вазоны, скамьи и урны по форме напоминали фужеры, изготавливались из железобетона и были расставлены по всему городу. Они были очень тяжёлые, может быть поэтому, их не крали. Скамьи в жилых дворах, детских садах были из дерева, их красили в три цвета - красный, жёлтый и синий.

Слово реклама мы раньше не знали и не употребляли. Витрины магазинов отражали его специализацию. По ним можно было узнать, что можно купить в магазине. Выставлялись, например, консервные банки или муляжи продуктов и товаров. К рекламе того времени можно отнести плакаты, которые висели около сберегательных касс: «Храните деньги в сберегательной кассе!». В городе можно было встретить плакаты «Аэрофлота». Были ещё круглые тумбы, на них помещали афиши о предстоящих концертах, спортивных соревнованиях, научных лекциях или политинформациях, наклеивали газеты. Такие тумбы устанавливали в самом центре города. Около кинотеатров, театров висели яркие и красочные афиши, которые рисовали художники. Афиши привлекали зрителей, по ним можно было судить не только о жанре фильма, но и мастерстве художника.

В городе было много портретов Ленина. На фасаде домов висели плакаты с коммунистическими лозунгами: «Слава КПСС!», «Народ и партия едины!», «Решения партии в жизнь!». Архитектурным элементом нашего города стала телевизионная башня. На боковой стороне магазина «Юбилейный» было выложено панно-мозаика с изображением Ю. Гагарина.

Здания не лепили друг к другу, а строили так, чтобы было пространство. Хотя в Караганде, как и других городах того времени, были типовые постройки. Производственные территории были ограждены сплошными, непроницаемыми заборами, изготовленными из кирпича или бетона, побеленными известью. Школы, детские сады и больницы были ограждены невысокими решётчатыми оградами из железа. [9, с.206-207]

Таким образом, материалы интервью позволяют создать повседневный облик города шахтерской славы, почувствовать эпоху, в которой жили карагандинцы, пройти по центральным заасфальтированным и пыльным окраинным улицам Караганды.

Одним из значимых индустриальных точек Центрального Казахстана был город Балхаш. Строительство Балхаша с 1958 г. проводилось полносборными панельными конструкциями микрорайонах. В 1962 г. институтом ЛенНИИпроект был разработан генеральный план Балхаша с расчетом на 150 тысяч человек. Жилищное и культурно-бытовое строительства проводилось в соответствии с разработанным планом развития города со сроком на пять лет.

Крупнейшим общественным зданием Балхаша являлся Дом культуры металлургов. Дворец был построен на главной городской магистрали – проспекте Ленина, одновременно замыкал с юга улицу Карла Маркса. Главный фасад его обращён в сторону проспекта. Здесь была создана окаймлённая зеленью своеобразная площадь с цветниками и фасадами, совершенно изолированная от транспорта территория для общегородских гуляний и

праздников. В сквере, окружающем Дом культуры, были расположены летнее кафе и танцевальная площадка. Заасфальтированная эспланада вела от дворца к озеру и хорошо оборудованному городскому пляжу. Здание Дома культуры было монументальным, здесь использовались такие архитектурные стилистические черты как ордерная композиция фасада, обилие лепнины и позолота в интерьере [22, с.77].

Застройка Балхаша осуществлялась по двум основным направлениям. Одно из них, продольное – по проспекту Ленина, являлось главной транспортной магистралью. Она проходила через весь город и его крайнюю, восточную часть. Второе, перпендикулярное проспекту Ленину, направление – улица Карла Маркса – главная улица города и его общественно-торговый центр. Благоустройство и организация мест досуга считались главными признаками советских жилых кварталов, и именно они должны были превратить старые двory в «новые». Вблизи домов, чаще всего среди зелени, располагались участки для отдыха взрослого населения. Типовые железобетонные столы и скамьи с мраморной крошкой, изготовленные на местном заводе, способствовали созданию завершённого облика кварталов и единству застройки. Чёткая дифференциация жилых кварталов по их назначению позволила в каждом из них оборудовать большое количество детских площадок и хозяйственных участков для сушки белья, построить гаражи для индивидуальных машин и мотоциклов. Вместе с тем, прогрессивный для того времени, принцип зонирования города по этажности не учитывал перспектив дальнейшего роста Балхаша. Такой неэкономичный подход к использованию городской территории, получивший широкое распространение в практике советского градостроительства, в условиях Балхаша проявился значительно ярче из-за сложности освоения территории. Так, в несколько раз выросла протяжённость основных коммуникаций и площадь подлежащих благоустройству территорий. Сложилось напряжённое положение с водоснабжением, канализацией и теплофикацией, хотя 1959 г. вступила в строй первая очередь теплотрассы и канализационный коллектор. В период 1960-1965 гг. к новым сетям были подключены все районы жилых домов, в 1962 г. город получил горячее водоснабжение. Организованный с 1960 г. регулярный вывоз мусора позволил ликвидировать мусоросборники; одновременно проводились работы по асфальтированию подъездов и тротуаров, установке металлических ограждений, фонтанов, цветников и скамеек [22, с.82].

Важную роль в организации отдыха населения Балхаша играли места озеленения общественного пользования – парк имени 30-я ВЛКСМ, Парк Строителей, сквер у Дома культуры. В 1965 г. город имел два парка, две оранжереи и ботанический сад. В основу озеленения улиц Балхаша был положен приём создания вдоль тротуаров сплошного навеса – «зелёного шатра» из деревьев. С 1942 по 1959 гг. площадь озеленений в Балхаше увеличилась на 96,81 га, из них новая освоенная территория Ботанического сада составляла лишь 28 га, но со временем ботанический сад вырос до 140 га. Расположенный к 6 км к западу от города, он превратился в излюбленное место отдыха жителей Балхаша. Для местных условий это было немалое достижение, хотя цифра сама по себе была значительно ниже востребованных норм. Тенистые заросли деревьев, прекрасный песчаный пляж, необычная для этих мест трава, высокая и сочная, – всё это постоянно привлекало внимание балхашцев. Разросшиеся зелёные массивы резко изменили микроклимат города. Осуществлялись работы по асфальтированию подъездов и тротуаров, установке металлических ограждений, фонтанов, цветников и скамеек [22, с.82].

В первой половине 1960-х гг. Балхаш уже приобрёл черты настоящего города и продолжал развиваться вопреки словам голландского архитектора Марта Стамма, который работал над проектами городского планирования в СССР и наотрез отказался проектировать новый город у озера. Зодчий был убежден, что «в этом неподходящем для жизни месте каждый килограмм меди будет... получен ценой одной человеческой жизни» [22, с.87].

Воспоминания С.С. Маликова о Балхаше дополняют картину города: «Качество городских дорог в 1960-1970-е гг. было отличным. Покрытие дорог, тротуаров, площадей было в основном асфальтовым. Пешеходные зоны были отделены белёными бордюрами.

В Балхаше были три вида общественного транспорта: трамваи, автобусы и троллейбусы. Марки автобусов были: «лиаз», «паз», позже «Икарус». В троллейбусах полы были деревянные, а кресла обшиты коричневым дерматином. Остекление салона было обширное и детям было интересно смотреть в окно. Городской транспорт работал исправно, изредка на остановках скапливались люди. В гололедицу транспортные линии давали сбои.

Состояние автобусов, такси и других видов транспорта было старым, но добротным, не было вандализма в виде разорванных кресел. Билеты в общественном транспорте стоили 5 копеек. На эту сумму можно было купить 5 коробков спичек или половину стакана томатного сока. Стоимость проезда была доступной для населения. Внешний вид кондукторов в общественном транспорте был без униформы, но приличный. Обязательный атрибут – сумка, из которой выглядывали билеты.

Озеленение города было хорошим. Был организован регулярный полив. В центре города, в скверах и бульварах были разбиты клумбы. Парки и бульвары города были ухоженными, стали местом для вечерних прогулок. Мы, горожане участвовали в благоустройстве города, выходили на субботники, ухаживали за деревьями около дома, я и соседи ремонтировали лавочки, вкапывали баллоны для игр детей. Соседи дружно убирали подъезд, раз в год очищали от мусора подвал. Общая работа сближала людей и заканчивалась дружным чаепитием.

Жилищно-коммунальные службы в городе работали так, что нареканий практически не было. Во всяком случае, на обращения горожан реагировали оперативно. Крыши домов исправно ремонтировались. Но дворы города были не совсем благоустроены, спортивных площадок не было. Хоккейный корт во дворе любители спорта содержали в порядке. Чистотой улиц города жители были довольны. Внешний вид дворников был приличен, но без униформы. Дворники содержали улицы в чистоте, помогали ребятишкам в ремонте игрушек.

Освещение в городе было нормальным, но без нынешних подсветок. Город был обеспечен питьевой водой в достаточном количестве. В случае редких перебоев с водой организовывали её доставку «водовозками». Качество воды было хорошее за счет центрального водоснабжения. Тепловые сети города работали исправно, частный сектор отапливался углем и дровами. Энергообеспечение города было бесперебойным, контролеры ежемесячно ходили по домам и записывали показания.

В городе были фонтаны и декоративные бассейны. Самый большой фонтан был расположен в центральном парке. Работали различные павильоны и киоски: «Газ-вода», «Мороженое», «Шашлычная», «Чебуречная». Они выполняли функцию утоления жажды, охлаждения и «перекуса». Перед сеансом в кинотеатр обязательно покупали мороженое «пломбир» или «сливочное».

В городе были скульптуры, вазоны, урны, скамьи. Тематика скульптур – животные и растения: слон, лягушка, цветы. Запомнились статуи рабочего и сталевара. В Балхаше был установлен памятник танку. Балхашский металлургический комбинат в годы Великой Отечественной войны плавил броню для танков. Урны были изготовлены из железобетона в виде цветка и расставлены по всему городу. Деревянных скамеек тоже было предостаточно.

Рекламных установок практически не было. Были специальные тумбы, на которых клеили театральные или концертные афиши. Витрины магазинов оформлялись в соответствии с его профилем. В витрине, например, рыбного магазина были выставлены консервные банки. На стекле мясного магазина был нарисован кусок мяса.

Особым архитектурно-художественным стилем отличался в Балхаше Дом культуры: он был с колоннами, шикарной люстрой. Дом культуры был многофункциональным, там был ЗАГС, работали кружки и студии». [9, с.211-213]

Одним из городов-спутников Караганды стал Темиртау. В 1955 г. коллектив специальной организации Горстройпроекта г. Москвы разработал план строительства города Темиртау. В 1958 г. выходит книга главного архитектора города В. Уклеина «Город шагает в степь», в которой он писал: «Еще шумит ковыль в степи между восточным районом и

Соцгородком, еще зеленеют тут индивидуальные огороды, а на чертежах и эскизах проектировщиков-градостроителей уже ясно обозначились черты будущего города. Недалеко то время, когда они воплотятся в реальную действительность» [23, с.19]. Эти мечты градостроители воплощали в жизнь. Характерной чертой ландшафта Темиртау являлось наличие Самаркандского водохранилища, вокруг которого строился город. Проектировщики столкнулись с преградой для воплощения своих планов – неудачным прохождением линии железной дороги Темиртау – Караганда. Так, дорога, проходила вдоль берега Самаркандского водохранилища и ломала целостный городской архитектурный ансамбль, была препятствием для слияния жилых микрорайонов с прибрежной территорией, преградой для удобных подъездов и подходов к береговой части, для прямого выхода к берегу. Исходя из особенностей ландшафта Темиртау, в структуру застройки был положен принцип чёткого функционального зонирования территории города. В первую зону включили общегородской центр и берег водохранилища. Вторая селитебная зона распространялась от центральной части Темиртау в сторону юго-западного направления. Сердцем города стала Казахстанская Магнитка, которая влияла на его внешний облик. В целом это был основной принцип строительства советских индустриальных городов: в центре завод с дымящими трубами, вокруг – городские жилищные застройки. Именно такой «идеальный город» тиражировали советские пропагандистские плакаты 1950-х гг.

Строительство города Темиртау осуществлялась в южном направлении по принципу микрорайонов, индустриальным методом, с применением заводских блоков, перекрытий, узлов. Сначала центром города являлся Старый город, в 1958 г. в нём проживало около 40% в всех горожан Темиртау. Здесь были размещены все общегородские учреждения и образцы удивительной ленинградской архитектуры. Ядром Старого города была красиво оформленная площадь Энергетиков, на которую выходил Дворец культуры металлургов. На противоположной стороне был выстроен клуб энергетиков. В начале 1958 г. в центре площади был разбит сквер и установлен памятник В.И. Ленину, в его день рождения здесь торжественно принимали в пионеры, повязывали красные галстуки школьникам.

Проектирование основных улиц проводилось с перспективой на будущее и с учётом многих факторов, влияющих на жизнеобеспечение темиртауцев: стоимость городского строительства и внутригородских перевозок, обеспечение жильём, комфорт горожан и их благоустройство. В 1957 г. на карте города появились проспекты Мира и Строителей, улицы героев революции и войн (Свердлова, Абдирова, Димитрова, Ушинского, Фурманова и Фрунзе) [24]. Проспект Строителей или, как его называли горожане, бульвар и действующие магистрали Темиртау были отнесены к улицам общегородского значения. Проспект стал самым красивым, зеленым и оживленным местом в городе. В 1960 г. улицам города были присвоены названия: Станиславского, Сейфулина, Тельмана, Герцена, Чернышевского. После полёта 12 июля 1962 г. Ю. Гагарина в космос, уже 15 апреля, было принято решение о присвоении площади перед вокзалом имени Ю. Гагарина. Космическая тематика в названиях улиц Темиртау этим не закончилась. Через два года в городе появились улица Юных космонавтов, переулки Полярный, Планетный, Солнечный, Ракетный, Марсовый, Звёздный, Зенитный и Лунный [24]. В жилых кварталах были построены для детей горки, лесенки, песочницы. Гораздо реже встречались волейбольные площадки и залитые зимой катки. Столики из дворов убрали, чтобы не провоцировать выпивку и не привлекать мужские компании с «неподходящими» формами досуга: большинство столиков в советских дворах по вечерам превращались в места для выпивки «работяг».

Градостроительство осуществлялось с комплексом мероприятий по благоустройству и озеленению улиц и площадей: 31 домоуправление и 230 домовых комитетов занимались «зелёным строительством» [25, л.220]. Планировалось, что общая площадь зеленых насаждений в Темиртау будет составлять 2500 гектаров. Наряду со скверами и бульварами создавались зеленые полосы между жильем и промышленными предприятиями, и этот широкий зеленый пояс вокруг города и водохранилища стал щитом для горожан от летней степной пыли и зимних буранов. Жители Темиртау, чьё детство и юность приходилось на

середину 1950-1960 гг., с удовольствием вспоминают о многолюдье парка Старого города, о многочисленных гипсовых скульптурах в нём, о танцевальной площадке и эстраде, об аттракционах «Самолет» и «Лодочки», игровых павильонах.

Особое внимание городские органы власти уделяли жизнеобеспечению горожан. Так, в Темиртау были построены инженерные сети, включая, хозяйственно питьевые и поливочные водопроводы, канализации, теплоснабжение, электро- и газоснабжение. Прокладка водопровода и канализации была осуществлена в 1957 г. Благоустройство кварталов Комсомольского городка, расположенных в «новой» части Темиртау, как правило, отставало от строительства домов. Так, введённые в эксплуатацию жилые дома в 1958 г., расположенные в квартале № 87, 90, 91, 84, 86, 76, 79, 93, 80, 81, 66, 67 были не благоустроенными. Коммунальные службы не провели работы по озеленению и ограждению дворов, прокладки тротуаров. В 1960 г. в кварталах № 87, 90 работы по благоустройству по-прежнему были не выполнены. Территории вокруг ряда общежитий города находились в антисанитарном состоянии, очистка наружных уборных и помойных ям производилась нерегулярно [9, с.108].

Генеральный план города предусматривал благоустройство дорог и тротуаров, их асфальтирование. К концу 1959 г. протяжённость дорог и тротуаров города увеличилась почти вдвое [25]. По воспоминаниям архитектора Темиртау В.К. Уклеина, запроектированная ширина центральной магистрали превосходила по своим параметрам Невский проспект в Ленинграде и улицы Горького в Москве и Крещатика в Киеве [24]. Магистрали города с его интенсивным движением постепенно соединили целую сеть улиц и жилых кварталов и микрорайонов Темиртау.

Под особым контролем городских органов власти было развитие транспорта. В 1958 г. была сформирована автобаза № 3, которая имела всего 13 автобусов и 9 такси, в следующем году – 19 автобусов марки ЗИЛ, 10 – ПАЗ и 14 такси. Автобусы были старые, требующие ремонта, и отсутствие запасных частей приводило к тому, что на маршрут выходило менее половины машин от существующего парка автомобилей. Транспорт перевозил около 7 тыс. пассажиров в день. До начала 1961 г. стоимость проезда в автобусе была различной в зависимости от дальности маршрута. В 1961 г. проезд стоил 4 копейки, через год – 5 копеек. В такси оплата взималась исходя из прейскуранта – 10 копеек за каждый километр.

Закладка трамвайной линии Темиртау произошла в 1958 г. и была важным событием для горожан. Трамвайная насыпь возвышалась над дорогой, препятствовала столкновению автотранспорта и возможности несчастных случаев. Трамвайная линия проходила через весь город, начиналась в старой части города и заканчивалась на остановке Карагандинского металлургического комбината. Такой путь составлял более часа. Трамваи были главным транспортным средством для населения, поэтому всегда были переполненные. Стоимость в них составляла 5 копеек. Трамваи имели преимущества в сравнении с троллейбусом или автобусом: более низкая стоимость проезда, хорошая вместимость пассажиров при перевозке. За эти качества горожане любили трамваи.

К середине 1960-х гг. Темиртау стал крупнейшим железнодорожным транспортным узлом, соединённым железной дорогой с Карагандой, городами республики и СССР.

С.В. Сапунов вспоминает: «Дороги в центральной части Темиртау были построены широкие, асфальтированные. Дальше от центра не было дорожного полотна, много было ям и рытвин. Пешеходные зоны были отделены от дорог бордюрами. Центральные площади были вымощены бетонными плитами.

В Темиртау было несколько видов общественного транспорта – автобус, трамвай и такси. Городской транспорт работал круглосуточно, но все равно общественного транспорта не хватало, часто график выхода на рейс не выполнялся. Автобусы были переполнены в часы «пик», не соблюдались нормы максимального числа пассажиров в транспорте. Зимой трамваи плохо отапливались, в них было холодно. Автобусы и трамваи работали без кондукторов. Пассажиры коммунального транспорта бросали монетку стоимостью проезда в

специальный аппарат и отрывали билет. «Зайцев» (так называли безбилетников) было мало, изредка была проверка билетов контролёрами.

Озеленение города было на высоком уровне. Уделялось большое внимание цветочному оформлению бульваров, площадей, парков и скверов. Высаживали самые разные цветы, в том числе петунии, астры, циннии. Проспект Metallургов, находившийся напротив магазина «Уют», стал самым зелёным и красивым уголком города. Здесь были высажены клумбы, разбиты аллеи, поставлены скамейки для отдыхающих, фонтанчики для питья. На проспекте проходили различные культурные мероприятия, демонстрации, а зимой устанавливалась новогодняя ёлка. Красивые аллеи радовали жителей за кинотеатром «Восток».

Парк трудовой славы был визитной карточкой металлургического комбината. Об этом говорила, установленная в то время заводская символика. Я принимал участие в субботниках: убирал мусор, сажал деревья, вскапывал клумбы, благоустраивал детскую площадку.

Жилищно-коммунальные службы в городе работали хорошо. Они находились под контролем государственных и партийных органов. На жалобы жильцов реагировали быстро. Летом проводились профилактические работы по подготовке к отопительному сезону. Двор моего дома, как и соседские дворы, были благоустроены. Были высажены деревья и кустарники. На детской площадке были: карусель, горка, песочница. Имелась специальная площадка для игры в баскетбол и волейбол. Около каждого подъезда стояли лавочки.

Я был доволен чистотой улиц города. Коммунальные службы следили за регулярным вывозом мусора, уборкой территории. Дворники убрали улицы и дворы с 6 часов утра, белили деревья и бордюры, поливали клумбы, вывозили сухую листву. Дворники были одеты в старую одежду, чтобы было не жалко испортить. В руках у них был рабочий инвентарь - метла или лопата, ведро для мусора.

Освещение в городе было хорошее. Освещёнными были дворы, улицы, дороги, парки. Фонари крепились на железобетонные или деревянные столбы. Наш дом был оборудован водопроводом, канализацией, горячим водоснабжением. Обеспечение водой было на хорошем уровне, перебоев с водоснабжением не было. С отоплением проблем не было, так как наш дом был построен в 1960-е гг. и был подключён к центральному отоплению. Энергообеспечение города находилось на хорошем уровне, аварии ликвидировали быстро.

Стояли киоски «Союзпечати», в них можно было купить газеты, журналы. На остановках общественного транспорта были установлены телефонные будки. Летом работали павильоны по продаже овощей и цветов.

Во многих местах города были установлены скульптуры вождя революции – Ленина – в скверах предприятий, на территориях школ, парков и аллей. К архитектурно-художественному оформлению города того времени можно отнести цветники, клумбы, живые изгороди из кустарника, аллеи, поставленные памятники, различного рода заграждения – решётки и бетонные стены, таблички с наименованием улиц. На фасаде Дворца имени 50-летия установили фигуру работницы, а стену здания украсили маски, на которых изображены металлург и строитель». [9, с.213-215]

20 декабря 1954 г. бывший рабочий посёлок Большой Дзезказган получает статус города и с этого времени именуется «Дзезказган». Новый проект планировки г. Дзезказгана был выполнен Казахским градостроительным проектным институтом в 1967 г. Проектировщики стремились к созданию целостного архитектурного стиля, сооружению зданий, дорог и инженерных коммуникаций, формированию материально-пространственной среды жилой застройки с учётом природных компонентов [26, с.5]. К 1955 г. были введены в строй первые коммуникации, обеспечивающие его жизнедеятельность: водопроводные и канализационные трубы, железные и бетонные дороги. В это время были построены улицы К. Сатпаева, Абая, Мира, Молодёжная, площадь Metallургов [9, с.27]. Во второй половине 1960-х гг. в Дзезказгане появились постройки социально-культурной направленности: административные, деловые, культурные, развлекательные, торговые, жилые здания,

кинотеатры и гостиницы, мемориалы. Удачным пространственно-композиционным решением и архитектурной выразительностью считались в советское время отдельные жилые комплексы и уличные участки. Функциональным содержанием и пространственной организацией отличались бульвар С. Сейфуллина, ул. К. Сатпаева, площадь Metallургов, административный центр. Улицы Н. Некрасова, К. Сатпаева и Мира стали самыми оживлёнными – по ним проложили транспортную линию города. Проспекты Абая, С. Сейфуллина и В. Ленина приобрели общегородское значение, соединяли центральные участки города с его промышленной зоной, пос. Кенгир.

В 1955 г. состоялась первая посадка деревьев, были заложены первые скверы. За деревьями бережно ухаживали все жители города. Руководство Жезказганского горно-металлургического комбината отвечало за сохранность каждого дерева и их полив. В 1961-1965 гг. питомники ботанического сада реализовали более 70 тыс. саженцев для благоустройства города. В парке культуры и отдыха стояли киоски, в них горожане могли купить томатный и берёзовый соки, эскимо, взять в пункте проката детские автомобили и лошадки. Особенностью природного ландшафта Жезказгана стали незастроенные территории водного пространства Кенгира, городские парки и общественные места отдыха. Кенгирское водохранилище было любимым местом отдыха жителей города.

Ж. Бектуров в 1968 г. написал путевые заметки о Жезказгане, в них, в яркой форме показаны изменения, произошедшие в благоустройстве города. Ж. Бектуров делится воспоминаниями: «Жезказган – крупный современный город, административный центр, утопающий в зелени, с широкими асфальтированными улицами и проспектами, парком, дворцами культуры, красивыми скверами, заводскими трубами, десяти тысячным стадионом, аэропортом, школами, электростанцией, гидросооружением – большим водным искусственным бассейном. Город Жезказган со своими окрестными поселками, старым рудником раскинулся почти на 40 километров. Удивительное обновление. Ведь не так давно эта голая земля была покрыта польнью, характерной только для этой местности растительностью – шаирами. Этот край в недавнем прошлом представлял собой почти безжизненную пустыню» [27].

В городе было множество мест, связанных с Байконуром и космонавтами: в честь полёта первого человека в космос создали панно, на котором изображён космонавт Юрий Гагарин. Космонавтам посвящены монументы «Авиация и космонавтика» и «Покорители космоса», стела «Космос».

Крупным городом-спутником Караганды стал Абай. Базой его формирования были посёлки, относящиеся к г. Сарани: Чурубай-Нуры, Топар, Карабас, Южного, Вольного и Кыла. Статус города Абай приобрёл в 1961 г. Генеральный план строительства города, рассчитанный на население в 90 тыс. человек, разработал институт «Областной проект» в 1966 г., проект был утверждён исполком Карагандинского областного совета депутатов трудящихся в 1967 г. [28]. Индустриальное развитие г. Абай наложило отпечаток на характер застройки города. Горожане преимущественно работали на шахтах, промышленных предприятиях (деревообрабатывающий комбинат, хлебобулочном и ремонтно-механическом заводе). Название первых улиц города было простым и имело скорее функциональное, чем какое-либо идеологическое или политическое значение: Железнодорожная, Школьная, Строительная и т.п. В Абае обустроили два крупных микрорайона, с необходимой инфраструктурой [28, с.2]. Жилые кварталы города застраивались по прямоугольнику. По улицам Гете и Энгельса проложили две крупные дороги, соединившие практически весь город. Улицы Советская и Первомайская играли роль центральных улиц города, на улицу «Советскую» можно было проехать по маршруту Карагандинского шоссе. Улица Карла Маркса соединяла кварталы города с его индустриальными частями. Предприятия, школы, магазины, аптека, поликлиника, парк, кинотеатры – все объекты жизнедеятельности горожан разместились в жилых массивах Абая.

Жители Абая проводили праздничные мероприятия на центральной площади, построенной на улице Ленина. Памятник В.И. Ленину, как обязательный атрибут и маркер

советского города, был воздвигнут напротив Дома культуры горняков. Недалеко от здания располагались парк и стадион. В благоустройстве города, его озеленении принимали участие все жители г. Абая. И в больших областных центрах, и в малых городах благоустройство и озеленение, чистота и уборка мусора были не на коммунальных службах, а на плечах самих горожан. Горожане убирали мусор и листву, красили заборы, вскапывали газоны, ремонтировали лавочки, благоустраивали детские площадки. Это считалось не только совместным коллективным трудом на благо общества, но и трудовым воспитанием молодёжи, общением соседей по дому или в рабочем коллективе. Во многом это действительно способствовало выработке коллективистской психологии. Рабочие коллективы предприятий города брали шефство по уборке и благоустройству городских улиц и микрорайонов, такого рода работы носили принудительно-добровольный характер. Те из советских граждан, кто высказывал недовольство бесплатным характером такого рода работы и массовыми субботниками, подвергали всеобщему осуждению и порицанию. Для советских людей в целом, и казахстанцев в частности, ответственность горожан за уборку и чистоту города казались вполне естественным состоянием. Результатом такого рода совместной работы были асфальтированные дороги и тротуары, освещенные улицы, высаженные деревья и кустарники, зеленые дворы и скверы.

Гордостью горожан стали высаженные их руками кусты, деревья и клумбы разнообразных цветов на аллеях, в парковой зоне города. Абай сами горожане называли оазисом в степи. Так, бывшая жительница города Абая С.К. Кубасова вспоминает: «Дворы города были благоустроенные. Я могу судить по своему и соседскому двору. У нас был очень хороший двор: угловой дом постройки 1950-х гг., разбиты цветники, обустроенные площадки для занятия спортом: турники, теннисный стол, турникеты. Стоял стол для игры в домино, за которым собирались все мужчины в выходные дни. Для маленьких детей имелись песочницы, куда ежегодно завозили свежий и чистый песок. Качели никогда не пустовали. Двор был заполнен детворой, которая играла, бегала, прыгала, смеялась от удовольствия. Стоял звон от детских голосов. Особые звуковые картины создавались жителями города. Люди того времени любили петь хором во дворах и на улицах, во время разного рода застолий и праздников. Бабушки мирно беседовали на лавочках, обсуждали все новости и присматривали за детьми» [29].

Организацию пассажирских перевозок общественным транспортом осуществляло автотранспортное предприятие г. Абая, которое обслуживало 28 автобусных маршрутов. Абай связан автомобильными дорогами с Карагандой, Шахтинском, Саранью. Актуальными для города были проблемы финансирования, текущего ремонта дорог и коммунальных сетей, переполненности автобусов в часы пик.

Среди малых городов Центрального Казахстана – Шахтинск, его официальная дата рождения – 15 августа 1961 г. Архитектор Л.Е. Воробьев составил генеральный план строительства города, градостроительный документ был утверждён на следующий год [30, с.3]. Генеральный план предусматривал разделение территории Шахтинска на три отдельные зоны – промышленную, жилой застройки и зону обслуживания нужд города. В 60-е гг. XX в. закладывался образ растущего промышленного города. Главным отличием Шахтинска от ряда городов Центрального Казахстана стал отказ от системы размещения горожан в непосредственном соседстве с вредным производством (что было редкостью в тот период). В конце 1960-х гг. были внесены изменения в план развития Шахтинска: было предложено строительство города по ленточному принципу. Первые квартирные дома заложили центр города. Появились улицы – Ленина и Торговая, на пересечении которых была создана площадь, где разместились магазины, кинотеатр, столовая, больничный городок и здания администрации. Постепенно решались проблемы с теплоснабжением, водоснабжением и транспортом. По воспоминаниям старожилов Шахтинска, для доставки на шахты рабочих из Караганды, Долинки или из Актаса, даже в морозные дни, использовали долгое время крытые брезентом автомобили [30, с.3].

В 1960-е гг. в полосе р. Тентек развивалась зона промышленности, у р. Шерубай-Нура – кварталы горожан [30, с.3]. К этому времени улица Ленина расширилась, стала центральной, добавились новые улицы, проспекты и кварталы. В центре города был разбит парк. Он был посажен руками горожан на проводимых субботниках. Например, из каркаралинского горно-лесного оазиса привезли и посадили сосны [31, л.76].

Таким образом, в рассматриваемый период в благоустройстве городов Центрального Казахстана произошли значительные изменения. Облик всех городов формировался под воздействием единой градостроительной политики советского государства, основанной на принципе регулярности и акцентировании фасада улиц и площадей. Проектирование промышленного и городского строительства проводилось лучшими советскими архитекторами гг. Ленинграда и Москвы в тесном сотрудничестве с местными проектными институтами. Массовая застройка сопровождалась формированием микрорайонов. Возводились не только новые районы, реконструкции подлежали старые части городов. Караганда, Абай, Шахтинск, Дзезказган, Темиртау и другие города Центрального Казахстана формировались на основе существующих рабочих посёлков. Промышленные комплексы создавали базу для расселения и образования городов в регионе, сыграли решающее значение в организации облика городов.

Стремление в середине 1950-х гг. к максимальному удешевлению строительства, обусловило борьбу с направлением в архитектуре, называемом исследователями «большим стилем», которое сформировалось в сталинское время и отличалось помпезностью. Решая чисто практические задачи – обеспечение населения жильём, государственные органы удешевили строительство, снизили эстетические требования к архитектуре, нанесли урон её образности. Архитектурное строительство воспринималось с рационалистических позиций и в условиях научно-технической революции выполняло социальный заказ. Первым шагом, ведущим к удовлетворению требований советского индустриального города, был переход на проектирование типовых строений. В оформлении фасадов зданий отсутствовали украшения (лепнина и другие декоративные элементы), характерные для зданий предыдущего, «сталинского» периода. Отсутствие на фасадах декора, предельная упрощенность формы создавали определённую монотонность, одинаковость городского архитектурного пространства. Важной составляющей в организации городского пространства было монументальное искусство, представленное скульптурами советских партийных и государственных деятелей. Их именами были названы улицы и площади городов Центрального Казахстана. Маркером всех советских городов были памятники В.И. Ленину. Однообразие в названиях улиц – свидетельство унификации и в топонимических особенностях.

Имена известных людей, оказавших влияние на становление и развитие региона, практически не прослеживались; тем более практически не характерен для центрально-казахстанских городов национальный колорит республики ни в названиях улиц, ни в памятниках, ни в особенностях архитектуры. Архитектурное оформление зданий, памятников в национальном стиле было незначительным, проявлялось малым и фрагментарным включением казахских орнаментов и декоративных элементов. В формировании архитектурного образа городов Центрального Казахстана принимали участие люди таких творческих профессий как архитекторы, художники, оформители, скульпторы, озеленители, дизайнеры.

Благоустройство городов Центрального Казахстана отставало от высоких темпов роста численности городского населения, промышленного и жилищного строительства. Анализ материалов по благоустройству городов Центрального Казахстана в указанные годы позволяет выявить несколько причин нерешенных проблем в этой сфере. Благоустройство городов в середине 1950-х гг. осуществлялось на средства местных бюджетов и по остаточному принципу. В конце 1950-х гг. хотя бюджетные ассигнования на коммунальное обслуживание и обустройство городов постоянно увеличивались, но их все равно было недостаточно, и освоение средств было неполным. Все эти факторы создавали

коммунальные, транспортные, инфраструктурные трудности, неблагоприятную санитарную обстановку для горожан. Наибольшие трудности в благоустройстве городов возникали в вопросах, связанных со слабым развитием водопроводных магистралей и канализационных сетей, транспортных услуг. Главными недостатками работы общественного транспорта были перегруженность линий из-за недостаточного числа машин, нерегулярность движения, отсутствие комфорта и чистоты.

Вместе с тем, масштабы работ и качественные изменения по благоустройству городов Центрального Казахстана в 1950-1960-е гг. по сравнению с довоенным периодом возросли. Местное руководство, партийные органы, в условиях недостаточного финансирования, поддерживали порядок и чистоту в городах с помощью административных ресурсов и привлечением горожан к общественным работам в форме субботников и воскресников по уборке мусора и проведения озеленения. Коммунальные службы находили поддержку и помощь у горожан в решении поставленных задач. С позиции местных органов власти благоустройство и работы по озеленению города являлись долгом каждого горожанина и соответствовали политике воспитания социалистического общества. Посадка древесных насаждений, разбивка скверов, очистка дворов, ремонт дворового оборудования и многое другое успешно выполнялись самими горожанами. «Зелёное» строительство сыграло важную роль в благоустройстве и формировании облика городов Центрального Казахстана, в проведении досуга горожан. Города Центрального Казахстана, расположенные в неблагоприятной климатической зоне, показали в рассматриваемый период достаточно высокую степень озеленения. Коренным образом были реконструированы многие улицы и площади, появились десятки новых благоустроенных улиц, площадей, скверов, бульваров. Для улучшения санитарного состояния и благоустроенности городов осуществлялись мероприятия по реконструкции коммунального хозяйства, расширению сетей водопровода, канализации, тепло- и газопровода, обновлению городского транспорта, развитию всех служб коммунального хозяйства.

Литература и источники

1. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 488 с.
2. Якушенко О. Советская архитектура и Запад: открытие и ассимиляция Западного опыта в Советской архитектуре конца 1950-х – 1960-х годов /Laboratorium, 2016. - № 8 (2). - С.76–102 / <http://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article>
3. Об устранении излишеств в проектировании и строительстве. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР // Правда. – 1955. – 10 ноября
4. Басс В. Формальный дискурс как последнее прибежище советского архитектора / Новое литературное обозрение, 2016. <http://www.nlobooks.ru/node/6998>
5. ГАКО. Ф.661. Оп.1. Д.715
6. Караганда. Серия: История городов Казахстана/ под. ред. Елагина А.С. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 192 с.
7. Караганда. Карагандинская область: Энциклопедия. – Алматы: Атамұра. 2008. – 528 с.
8. Бараг Т.Я. Караганда. – М.: Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1950. – 84 с.
9. Повседневность городов Центрального Казахстана в 1946-1960 гг. сб. документов и материалов // Сост. З.Г. Сактаганова, К.К. Абдрахманова, Б.А. Досова и др.; отв. ред. З.Г. Сактаганова. – Караганда: Издательство КарГУ, 2016. – 277 с.
10. РГАЭ. Ф.5. Оп.1. Д.104
11. ГАКО. Ф.15. Оп.1. Д.243
12. ГА РФ. Ф.9477. Оп.1. Д.521. Л.28
13. Интервью с Т.А. Алимбаевым (1945 г.р.), записано С.В. Елеухановой в Караганде в 2016 г.

14. ГАКО. Ф.1233. Оп.1. Д.6
15. ГАКО. Ф.1158. Оп.1. Д.101
16. Интервью с О.Н. Барановой (1945 г.р.), записано С.В. Елеухановой в Караганде в 2016 г.
17. ГА РФ. Ф.9527. Оп.1 Д.4054
18. ГАКО. Ф.15. Оп.1. Д.243
19. Интервью с Г.Т. Абдрахмановой, записано С.В. Елеухановой в Караганде в 2016г.
20. Жумашев Р.М., Сактаганова З.Г. и др. Город славы трудовой. Очерки истории Караганды. 1934-2014 годы. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2014. 480 с.
21. Маркес Г.Г. СССР: 22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы // <https://www.livelib.ru/quote/296620-sssr-22-400-000-kvadratnyh-kilometrov-bez-edinoj-reklamy-kokakoly-gabriel-garsiya-markes>
22. Балхаш: планировка и застройка И.В. Иванова / Под. ред. С.О. Хан-Магомедова – М., 1962. –114 с.
23. Могильницкий В. М. Темиртау: подвиг в степи. – Караганда: Глассир, 2015. – 268 с.
24. Бондарь А. Историю города предлагают отразить в названиях улиц // Вечерняя газета. – 2010. – 8 сентября
25. ГАКО.Ф.687. Оп.1. Д.393.
26. Пинегина Л.А. Медный гигант (исторический очерк) / АН КазССР. Инс. истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова: отв. ред.А.Н. Нусупбеков. – Алма-Ата: Изд-е АН КазССР, 1963. – 149 с.
27. Бектуров Ж. Далёкое и близкое // Индустриальная Караганда. — 1968. – 16 августа
28. Сардарбек К. Славой овеванный город // Балхашский рабочий. – 2015. – 10 октября
29. Интервью с С.К. Кубасовой (1967 г.р.), записано С.В. Елеухановой в Караганде в 2016 г.
30. Индустриальная Караганда. – 1982. – 10 декабря.
31. ГАКО. Ф.930. Оп.1. Д.336

3.2 ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ И БЫТ ГОРОЖАН

Жилище – одно из первых жизненных потребностей человека. Проблема жилищного строительства в Советском союзе продолжала оставаться значительной и в 1950-е, и в 1960-е гг. В развитии строительства жилых домов оставляли свои следы смена власти, важнейшие события в социально-экономическом, общественно-политической жизни страны в целом. Размах жилищного строительства, в исследуемый период имел решающее значение в изменении социально-бытового уклада советского общества. Высокие темпы градостроительства, предоставление гражданам индивидуальных квартир отразили не только известные изменения в государственной идеологии, но и повлекли за собой перемены в общественном сознании.

В послевоенные годы в связи с ростом механизации труда, произошла быстрая ликвидация тяжелых последствий войны в жилищном хозяйстве. В этот период среднегодовые темпы прироста жилой площади в СССР составили 25,4 млн. кв. м, то есть были 2,5 раза выше, чем в 1940-е гг. В результате активного участия масс в жилищном строительстве и развитии его производственной базы в стране за эти годы было построено 254,5 млн. кв м нового жилья. Городское население за свой счет и с помощью государства в этот период построило и ввело в эксплуатацию 69,2 млн. кв м жилья. [1, с.56]

Но жилищное строительство не успевало за ростом городского населения. Количество жилой площади, приходящейся на одного жителя, не превышала 2,7 – 4,3 кв м. В 1955 г.

количество жилой площади на 1 человека доводилось: по г. Караганде до 3,93 кв м при 3,68 кв м в 1951 г.; по г. Балхашу до 6,68 кв м при 4,35 кв м в 1951; по г. Темиртау – 4,58 кв м и 2,7 кв м соответственно [2, л.20]. Поэтому в каждом пятилетнем плане развития народного хозяйства по Карагандинской области главной задачей для местных органов власти было жилищное строительство. Для увеличения жилых фондов выделяли значительные денежные средства (см. Таблицу 1).

Таблица 1 – Объем и финансирование жилищного строительства городов Центрального Казахстана в 1953-1955 гг. [2, л.23-29.]

	Города (тыс. кв. метр)	1953 г.	1954 г.	1955 г.	Итого 1953-1955 гг.	Капвлож. на 1953- 1955 гг.	
						всего	В т. ч. жилстроит.
1	Караганда	150	170	175	495	1172,0	762,0
2	Балхаш	36,7	40,0	40,0	116,7	196,3	125,0
3.	Темиртау	69,0	92,0	95,0	256	452,2	173,4
4.	Джезказган	40,8	45,0	50,0	135,8	239,8	190,1
	Итого	296,5	347	360	1003,5	2060,3	1250,5

Как видно, из данных таблицы 1 планируемый объем жилищного строительства составил на 1953-1955 гг. – 1003,5 тыс. кв. метров. Однако, несмотря на такой значительный прирост жилой площади, только в г. Балхаше жилая норма в 1955 г. достигла 6,7 квадратных метров на человека, а в остальных городах, в связи с большим приростом населения в крайне низкой обеспеченности жилой площадью, в 1955 г. – еще не была достигнута минимальная норма в 6 кв м на человека и составила в г. Караганде 4 кв м, в г. Темиртау 4,6 кв м на человека, даже с учетом индивидуального жилищного строительства [2, л.24]. Чтобы довести жилую площадь на душу населения, хотя бы до 6,5 кв. м. в 1950-е гг. и поселить трудящихся в благоустроенные квартиры, необходимо было построить и сдать в эксплуатацию за 4 года 137 тыс. кв. метров и вложить средств на 175,029 тыс. рублей [2, л.32].

Жилищное строительство в г. Караганде за 1954-1955 гг. составило в объеме 472,8 млн. рублей, с вводом в действие 256,7 тыс. кв м жилой площади. В Караганде в целом средняя норма жилой площади, приходящейся на одного человека, составила в 1957 г. 5,5 кв м, а в некоторых районах города была несколько выше. Например, на шахтах № 1, 35, 18, 18-бис, 86, 19-бис, 121, 4, 106, 107, 120, 3 – в среднем 8 кв м, на шахтах № 47 – 11 кв м, на шахте № 104 – 12 кв м [3, с. 121].

В 1950-х гг. одними из первых в стране освоили крупноблочное строительство пятиэтажных жилых зданий балхашцы. Так, за 1951-1955 гг. в Балхаше было введено в эксплуатацию 80 тыс. кв м жилой площади или только 78% плана. Если в 1946 г. балхашцы получили около 900 кв м жилой площади, то в 1958 г. – 13 тыс. кв м, и стали сооружаться многоквартирные дома с ваннами, водопроводом, канализацией. В 1958 г. в среднем на одного человека приходилось 6 кв м жилой площади в благоустроенных домах [2, л.142]. К 1 января 1952 г. население города Темиртау достигло 50 тыс. человек. Жилищный фонд по состоянию на 1 января 1952 г. составил 175 тыс. кв м, в том числе, ведомственный – 97 тыс. кв м. В 1955 г. численность населения увеличилась вдвое, жилищный фонд города составил 175 тыс. кв м. Принимая за минимальную норму 6 кв м на человека, жилищный фонд должен был быть доведен до 600 тыс. кв м, но он почти был в 4 раза меньше [2, л.41]. В 1955 г. в г. Джезказган с населением в 80 тыс. человек ощущался недостаток в жилой площади, поэтому в 1951-1955 года планировалось строительство жилой площади 160800 кв. м., что обеспечило бы по 7 кв м на душу человека [2, л.45].

В целом, в исследуемый период в стране в целом, и в регионе в частности, существовало три основных вида жилищного строительства: государственное,

кооперативное, индивидуальное за счет личных средств застройщиков и с помощью государственного займа.

В связи с развитием промышленности в городах Центрального Казахстана потребность в жилье росла, а строительство благоустроенных домов не успевало за этой потребностью. Выход был найден в быстром возведении дешевых домов барачного и саманного типа, которые в последующие годы стали заменяться на капитальные жилые дома. Дома барачного типа в Караганде были в районах Старого города, Тихоновки, Михайловки. Один из таких барачков находился на улице Федорова 52 в г. Караганде. Это был одноэтажный дом, обращенный фасадом на улицу. Стены бревенчатые, оштукатуренные сложным раствором. Кровля дома состояла из несущих деревянных щитов, позднее была покрыта шифером. Полы дощатые, настланы по лагам, уложенным на деревянных столбиках. Перегородки деревянные, оштукатурены. Оконные переплеты двойные, глухие. Филенчатые двери и оконные рамы были выкрашены светлой масляной краской. Отопление печное, печь-плита из жженого кирпича. Проведено электрическое освещение с открытой проводкой. Водопровода и санитарного узла не было. Из надворных построек имелся сарай для хранения угля. Барак был многоквартирным с коридорной системой. В каждой квартире имелась комната с передней, служащая одновременно и кухней, площадь комнат была различной [4, с.198].

Жилище барачного типа для государства обходилось дешевле и давало возможность за короткое время разрешить проблему обеспечения жильем население. Жители Караганды вспоминают, что барачные дома в городе существовали до 1970-х гг. В бараках комнаты располагались на одной линии с длинным коридором. Было печное отопление, туалет был на улице. Жительница Караганды Абильмажинова Ш.Р. вспоминает: «В детстве с семьей жили в Кировском районе (Пришахтинск) с 1961 по 1971 гг. Кировский район получил свое название от транспортного цеха, который располагался в этом районе. Отец работал шахтером в шахте им. Кирова. Мама работала продавцом в магазине. Жили в бараке, он состоял из 8-ми квартир, расположенных по одной линии. Каждая квартира состояла из 3-х комнат. Квадратура квартиры примерно 45 кв м, телефона не было. Входная дверь у каждой квартиры была отдельная, с улицы. У входа квартиры была постройка, потом вход на кухню, через кухню дальше зал, потом – спальня, то есть, все комнаты были проходными. Между ними были межкомнатные двери. Кладовки не было, вместо нее был сарай. За барачком был огород, наша семья жила в крайнем углу барака, наш участок был больше, чем у соседей. В огороде сажали картошку, морковь и др. овощи. Напротив барака находился сарай для каждой квартиры, между барачком и сараями находился двор. В холодное время топили печку. Центрального отопления, горячего водоснабжения, канализации не было. Раз в неделю семья ходила мыться в баню, за которую дети платили 10 копеек, а взрослые 1 рубль. В течение недели мылись в большом корыте, которую использовали вместо ванной. Деревянный туалет находился на улице за сараем. Белье вывешивали во дворе на веревках, натянутые между домом и сараем. Ремонт делали каждый год за свой счет, при этом стены белили известкой, полы красили в оранжевый цвет.

На кухне стоял столик со стульями, кровать, на которой могли спать гости или кто-то из детей, рукомойник, печка. Холодильника и телевизора в доме не было, так как не было возможности их приобрести. В зале располагались этажерка с книгами, стол, две кровати, на которой спали дети. В семье было пятеро детей: две девочки и три мальчика. Девочки спали на кровати, а мальчики – на полу. Гостей размещали в спальне или в зале. В спальне была кровать, трюмо. Из ковров была только самотканая дорожка (алаша). Ее для нашей семьи соткали наши родственники из Кокчетавской области. Наша стиральная машина называлась «Киргизия». Из дорогой мебели ничего не было. До того момента, когда родители купили гардины (кстати, на них была очередь), шторы вешали на веревку. Когда приобрели гардину с кольцами, мы с братьями и сестрой каждое утро спорили, кто первым будет открывать шторы. Гардина для нас являлась чем-то новым, интересным». [5]

По данным отечественных исследователей В.В. Вострова и Х.А. Кауановой, некоторая часть жителей Караганды проживали в саманных домах, расположенного на улицах Атбасарской, им. Федорова, Трамвайной. Авторы, как пример, описывают один из таких домов по улице Атбасарской, принадлежавший семье Кабдуловых. Семья Кабдуловых, состоявшая из родителей и семей трех сыновей, приобрела дом в 1953 г. Бывший хозяин построил дом из саманного кирпича в 1930 г и в 1950-1960-е гг. проживали в нем. «Фактический дом представлял собою объединение трех однокамерных типично казахских жилищ. Условно каждую комнату обозначим номерами 1, 2, 3. Жилая комната №1 удлиненной формы являлась жилищем стариков-родителей. Площадь ее 5,90 на 2 м., окно размером 88 на 58 см. Обращено на юго-восток, рамы двойные, глухие. Пол в комнате земляной. Помещение разделено на две половины печью из жженого кирпича. Обогреватель печи образовывал третью стену в передней половине жилья, где семья принимала пищу, отдыхала. Вход в помещение перпендикулярен к этой стенке. Вторая половина жилища, куда обращена плита, использовалось как кухня. Жилище родителей называют ас-үй (столовая). Напротив входа, параллельно помещению стариков комната старшего женатого сына – отау-үй (комната молодых). Комната широкая, общей площадью 4,50 на 3 м, два окна такого же размера, как и в комнате родителей, обращены на юго-восток. Пол деревянный, из широких (в 30 см) досок, покоящихся на деревянных столбиках. Дверь напротив входа в помещение стариков. Прямо у входа – казахская печь с дымоходной трубой (мойынды пеш). Печь не делила помещение на две камеры, она располагалась в левом углу от входа, на 20-25 см от стены, в промежутке между печью и стеной размещалась кухонная утварь. Ас-үй и отау-үй, расположенные параллельно друг другу, объединены между собой третьей жилой комнатой үлкен-үй (гостиная), предназначенной для приема гостей. Здесь жили средний женатый сын и младший, холостой. Помещение разделено на две камеры (переднюю и зал) обширным обогревателем плиты и легкой деревянной переборкой. Высота перегородки почти до потолка – 1 м 74 см, ширина – 67 см. Двери деревянные, высота – 1 м 50 см, ширина – 60 см. Площадь зала – 3,30 на 3 м, передней – 2,90 на 3 м» [4, с.195-196]. Конструкция описанного дома, как и планировка, типична для архитектуры жилища казахов. В частности, для жилища казахов характерен дом без фундамента. Дома такого типа были характерными постройками для городских казахов. Жилище барачного и саманного типа на время решило остро стоящую проблему обеспечения жильем население региона. Барачные и саманные постройки были часто без централизованного водоснабжения, без санузлов, с печным отоплением. Начиная с конца 1960-х и в 1970-е гг. такое неблагоустроенное жилье стало сноситься и на их месте появились многоквартирные дома современного типа.

Для советских людей эпохи 1940-1970-х гг. такие жилищные условия казались нормой и не вызывали никаких негативов. Наличие крыши над головой и отдельного угла (даже не комнаты) казалось счастьем для семьи. В одной небольшой комнате за ситцевыми занавесками, отделявшими их друг от друга, жили десятилетиями несколько семей одновременно. В таких домах рождались, женились и старели советские люди. И их не пугали отсутствие туалетов в доме или ванн, горячей воды, необходимость топить печь, поскольку именно так и жило абсолютное большинство советских людей. Многие иностранцы, побывавшие в СССР в середине 1950-х гг., отмечали, что советский человек «привык жить плохо». Финские журналисты, побывавшие в СССР в середине 1950-х гг., отмечали в своих статьях, что «советский рабочий живет хуже, чем финский», «советский человек привык жить плохо» [6, л.6]. Российские исследователи считают, этот социальный феномен – «историческая привычка к бедности» – оказывал негативное влияние на всю советскую социальную политику, в том числе и жилищную [7]. Власть злоупотребляла терпением народа и его неприхотливостью. Аскетизм и коллективизм в быту часто вызывал недоумение зарубежных гостей СССР. Вот одна из реакций на советскую действительность: «Но самый вопиющий эпизод мы наблюдали в пригороде Москвы, когда, возвращаясь из колхоза, остановились на улице возле лотка выпить лимонаду. Нужда заставила нас искать туалет. Он представлял собой длинное деревянное возвышение с полдюжиной отверстий,

над которыми, присев на корточки, полдюжины солидных уважаемых граждан делали то, что им нужно, оживленно переговариваясь, – такой коллективизм не предусматривала никакая доктрина» [8].

Кроме бараков и одноэтажных саманных домов наиболее распространенным видом жилья в городах являлись «коммуналки» – квартиры, в которых жило по несколько семей: каждая семья в 1 комнате с общими для всех жильцов коммуналки кухней, санузлом и коридором. Т.А. Алимбаев, рассказывая про коммунальные квартиры, вспоминает, что общими в таких квартирах были кухня, телефон, санузел. На кухне по очереди готовили еду на общей газовой плите. Позже у каждого жителя коммунальной квартиры появляется холодильник, в основном, марки «Зил» с ключом. Ключ предназначался для предотвращения воровства продуктов питания с холодильника. В одной коммуналке проживало от четырех до восьми семей. Центрального водоснабжения горячей водой не было. Площадь комнат составляла от 20 кв м до 60-70 кв м. Традиционно, посередине комнаты, располагался стол, накрытый матерчатой скатертью. В комнате находился шкаф для посуды, платяной шкаф, кровати с железными или деревянными спинками. Коммунальные квартиры были более благоустроенными, нежели бараки. [9]

Некоторая часть городских жителей Центрального Казахстана решало свои жилищные проблемы самостоятельно с помощью государства, которое выделяло им ссуды. Например, опишем самостоятельно построенный дом в Караганде в 1947 г. «Строение стоит на каменном фундаменте. Стены у него деревянные, оштукатурены глино-саманным раствором, побелены известью. Крыша двускатная глино-рассыпная. Потолок подбит фанерой. Дом 4-х комнатный, общей площадью 55 кв м, размеры первой комнаты – 4 на 3,05 м, в ней одно окно, обращенное на север; размеры второй – 3,95 на 3,65 м, из двух окон одно обращено на север, другое – на восток, размеры третьей комнаты – 4,00 на 3,00 м, одно окно обращено на запад; размеры четвертой комнаты – 4,00 на 2,25 м, окно обращено на восток. Все комнаты отапливаются одной печью «голландкой» (это печь голландского образца с прямоугольной конструкцией с толстыми стенками из кирпича и многоканальным дымоходом (от 3 до 12 каналов), сложенной из жженого кирпича, топка которой находится в четвертой комнате. Размеры кухни – 3,08 на 2,09 м, окно обращено на юг. В кухне плита из жженого кирпича. Размеры коридора – 3,00 на 2,02 м, кладовой – 2,09 на 1,00 м, двор окружен невысокой деревянной оградой, во дворе деревянный же сарай для хранения угля» [4, с.200].

В промышленных городах Центрального Казахстана десятки тысяч молодых людей жили в общежитиях. В таких быстро развивающихся городах, как Караганда, Темиртау, Шахтинск, Абай, Балхаш, Джезказган существовали целые молодежные городки. Так, в 1965 г. в Джезказгане насчитывалось 49 рабочих общежитий, в которых жили более 5,5 тыс. человек. Для общежитий строились капитальные, нередко многоэтажные дома со всеми бытовыми удобствами [10, л.127]. Там, где не хватало общежитий, проблемы жилья решались достаточно просто. Например, в г. Темиртау при строительстве казахстанской Магнитки из-за нехватки общежитий и бараков рабочих расселяли в палаточном городке.

Многие коммунальные и другие квартиры были без элементарных бытовых удобств. Низок был процент теплофикации и радиофикации квартир. Жилищно-коммунальные хозяйства были очень слабы и не могли полностью удовлетворить запросы трудящихся. Так, на начало 1960 г. жилищный фонд городов и рабочих поселков был оборудован водопроводом на 31%, канализацией – на 26, центральным отоплением – на 35, газом – на 3, горячим водоснабжением – на 3%. Все это затрудняло решение жилищной проблемы. [3, с.121]

Итак, жилищную проблему в 1950-е гг. решить так и не удалось, и в городах значительную часть жилого фонда составляли коммунальные квартиры, неблагоустроенные дома и бараки. Ввиду того, что часть населения города была пришлой, свою востребованность на протяжении рассматриваемого периода сохраняли общежития (рабочие и студенческие).

Для увеличения темпов жилищного строительства было принято решение строить менее затратное жилье. Старт новым методам жилищного строительства дал хрущевский период, была поставлена задача «серьезно улучшить и значительно расширить жилищное строительство» в стране в целом. Главным путем ускорения темпов и увеличения объемов жилищного строительства стала широкая индустриализация всех производственных процессов и строительство жилья укрупненными специализированными строительными организациями [11, с.57]. В результате, в 1957 г. был разработан план городского развития, который предусматривал увеличение темпов жилищного строительства и его удешевления. Главная концепция плана заключалась в том, чтобы начать строительство целой серии домов по единому типовому проекту, предусматривавшему моделирование трех-четырёх вариантов конкретного дома со стандартной внутренней планировкой. Типичным жильем стали так называемые «хрущевки»: 1-комнатные квартиры жилой площадью 18-20 кв м, 2-комнатные – 30 кв м и 3-комнатные – 36-40 кв м. В каждой квартире имелись кухня площадью 6 кв м, под окном которого находился «зимний холодильник» (шкаф под окном, выполнявший роль холодильника), совмещенный санитарный узел, прихожая. «Все «дополнительные площади»: коридор, ванная комната, кухня были сокращены до физиологического минимума. Потолки были опущены до 2,7 м, лестничные пролеты сужены, кладовки, мусоропроводы и лифты ликвидированы. Все это в конечном итоге позволяло снизить трудоемкость возведения жилья, уменьшить стоимость каждой квартиры на 30-40%, сократить сроки сдачи, а главное отказаться от планирования коммуналок [3, с.96].

В начале 1957 г. ЦСУ СССР провело крупномасштабное обследование жилищных условий рабочих и служащих. Было изучено положение около 20 тыс. семей, всего более 64 тыс. человек. Обследование показало, что 16% семей имели до 3 кв м на человека и 42% семей – от 3 до 5 кв м. В более стесненных условиях жили многодетные семьи: 23% детей, имевшихся в обследованных семьях, проживали на площади до 3 кв м на 1 чел., а 48% – от 3 до 5 кв. метров. [12, л.177].

В Российском государственном архиве экономики имеются материалы по характеристике жилищных условий обследованных семей рабочих и служащих на 1 февраля 1957 г. по Казахской ССР и Карагандинской области. Сравним имеющиеся статданные с общесоюзными показателями. Обследования охватили различные категории населения, мы рассмотрим показатели семейных групп: 368 семей рабочих (средний состав семьи – 4,3 чел.), 68 семей ИТР (средний состав семьи – 4,8 чел.), 36 семей служащих (средний состав семьи – 3,6 чел.), и 16 семей учителей (средний состав семьи – 3,6 чел.). [13]

Таблица 2 – Жилищные условия 368 семей рабочих Казахской ССР в 1957 г. в % [13, л.1]

Государ. жилье	Собств. жилье	Аренд. жилье	В новом доме, постр.после 1946 г.	В кирпич. доме	В смешан. доме	В щитов., саман., глиноб. доме	Отдельн. дом или квартир
61	36,4	2,4	50,5	24	33,6	42	59,8
3-комнат и более	2-комнат	1-комнат	комната-кухня	часть комнаты	телефон	радиоточка	с кухней
0,5	6,8	11,7	19,5	1,1	1,1	29	64
водопровод	канализац.	централ. отоплен.	печное отопление	горячее водоснабж.	газ	ванна или душ	электр. освещен.
15,5	12,5	12,2	87,8	0,8	0	3	94,8

Данные таблицы 2 демонстрируют, что более половины рабочих (61%) имели государственное жилье, причем 50% проживали в относительно новых домах, построенных в послевоенное время. Но значительная часть из них (42%) все еще проживала в саманных, щитовых или глинобитных домах. Почти 60% жили в отдельных домах или квартирах, но незначительная часть семей (0,8%) ютилась в подвальных или полуподвальных помещениях.

Жилье у многих обследованных казахстанцев-рабочих не имело удобств: почти у 85% не было водопровода, у 87% – канализации и центрального отопления, у 99,2% – горячего водоснабжения, ни у кого не было газа, 97% не имели ванны или душа, 5,2% жили без электроосвещения. Средняя жилплощадь на 1 человека составляла всего 4,6 кв м, что в целом соответствует общесоюзным показателям.

Сравним общеказахстанские данные с карагандинскими условиями проживания аналогичной группы. Было обследовано 138 семей рабочих-карагандинцев, аналогичен общеказахстанским средний состав семьи – 4,4 чел.

Таблица 3 – Жилищные условия 138 семей рабочих г. Караганды в 1957 г. в % [13, л.20]

Государ. жилье	Собств. жилье	Аренд. жилье	В новом доме, постр.после 1946 г.	В кирпич. доме	В смешан. доме	В щитов., саман., глиноб. доме	Отдельн. дом или квартир
63	35,5	1,4	40,6	10	50,7	39	77,5
3-комнат и более	2-комнат	1-комнат	комната-кухня	часть комнаты	телефон	радиоточка	с кухней
0	0	6,5	14,5	1,4	1,4	23	77
водопровод	канализац.	централ. отоплен.	печное отопление	горячее водоснабж.	газ	ванна или душ	электр. освещен.
8,7	1,4	2,2	97,8	0	0	1,4	100

Также, как и в целом по республике, более половины рабочих (63%) имели государственное жилье, но чуть больше (на 2%), чем по КССР. 40,6% проживали в относительно новых домах, построенных после 1946 г. (на 10% меньше, чем в целом по республике). Абсолютное большинство рабочих (почти 90%) проживали в смешанных, саманных, щитовых или глинобитных домах, хотя это преимущественно (77,5%) были отдельные дома или квартиры, в подвальных или полуподвальных помещениях не жил никто из обследованных карагандинцев. Но почти все жилища не имели удобства – почти у 92% не было водопровода, 98,6% – канализации и 97,8% – центрального отопления, 100% не имели дома горячего водоснабжения, ни у кого не было газа, 98,6% не имели ванны, зато все жили с электрическим освещением. Средняя жилплощадь на 1 человека составляла всего 4,7 кв м, что в целом было очень близко к республиканским и общесоюзным показателям.

Несколько лучше в Казахской ССР были жилищные условия у ИТР (средний состав семьи – 4,8 чел.) (таблица 4).

Таблица 4 – Жилищные условия 68 семей ИТР в Казахской ССР в 1957 г. в % [13, л.11]

Государ. жилье	Собств. жилье	Аренд. жилье	В новом доме, постр.после 1946 г.	В кирпич. доме	В смешан. доме	В щитов., саман., глиноб. доме	Отдельн. дом или квартир
58,8	42,6	0	54,4	29,4	29,4	41,2	78
3-комнат и более	2-комнат	1-комнат	комната-кухня	часть комнаты	телефон	радиоточка	с кухней
4,4	7,4	7,3	4,4	0	23,5	29,4	82,3
водопровод	канализац.	централ. отоплен.	печное отопление	горячее водоснабж.	газ	ванна или душ	электр. освещен.
19	16	17	83	1,5	0	11,7	100

По таблице 4 можно отметить, что больший процент ИТР (78%) проживали в отдельных домах или квартирах, которые были на четверть телефонизированы в отличие от

рабочих, у которых телефоны были большой редкостью; от 16 до 19% имели водопровод, центральную канализацию и централизованное отопление. Никто из ИТР не проживал в подвальных помещениях. Незначительный процент ИТР (1,5%) имели в квартирах горячее водоснабжение и 11,7% – ванну. Выше была и средняя жилая площадь на 1 чел., она составила 5,8 кв м.

Жилье служащих и учителей (средний состав их семей – 3,6 чел.) не имело особенных отличий, и повседневность их жилищного бытия принципиально не отличалась от условий рабочих (таблица 5 и 6).

Таблица 5 – Жилищные условия 36 семей служащих в КазССР в 1957 г. в % [13, л.13]

Государ. жилье	Собств. жилье	Аренд. жилье	В новом доме, постр.после 1946 г.	В кирпич. доме	В смешан. доме	В щитов., саман., глиноб. доме	Отдельн. дом или квартир
55,5	36,1	8,3	44,4	22,2	33,3	44,2	61,1
3-комнат и более	2-комнат	1-комнат	комната-кухня	часть комнаты	телефон	радиоточка	с кухней
0	2,7	19,4	13,8	2,7	8,3	38,8	69,4
водопровод	канализац.	централ. отоплен.	печное отопление	горячее водоснабж.	газ	ванна или душ	электр. освещен.
5,5	2,8	2,7	97,3	0	0	0	100

Таблица 6 – Жилищные условия 16 семей учителей в КазССР в 1957 г. в % [13, л.14]

Государ. жилье	Собств. жилье	Аренд. жилье	В новом доме, постр.после 1946 г.	В кирпич. доме	В смешан. доме	В щитов., саман., глиноб. доме	Отдельн. дом или квартир
37,5	37,5	25	31,3	25	31,3	43,7	43,8
3-комнат и более	2-комнат	1-комнат	комната-кухня	часть комнаты	телефон	радиоточка	с кухней
0	12,5	25	18,8	0	0	68,75	50
водопровод	канализац.	централ. отоплен.	печное отопление	горячее водоснабж.	газ	ванна или душ	электр. освещен.
19	12,5	18,8	81,25	0	0	6,25	100

Таким образом, сравнивая данные таблиц 2, 4, 5 и 6 можно говорить о незначительных отличиях в жилищных условиях таких категорий, как рабочие и служащие. В более выгодном положении оказались ИТР, а в наименее выгодном – советские учителя. Хуже всех обследованных категорий государственным жильем были снабжены учителя, и именно в этой категории выше процент арендованного жилья. 6,3% семей учителей проживали в подвальных помещениях, меньший процент учителей были и домовладельцами. Единственное преимущество у учителей – по количеству радиоточек в их квартирах, составившее почти 70% учительских квартир, считаем, что это объясняется большим стремлением данной категории к знаниям и информации, чем, например, у рабочих (где радиофикация составила 29%). Несколько выше и средняя жилплощадь на 1 чел. у служащих (5,9 кв м) и учителей (6,1 кв м), незначительно, но даже выше чем у ИТР.

Размах жилищного строительства с 1956 по 1963 гг. принял поистине грандиозные размеры, в итоге которого национальный жилищный фонд вырос почти в два раза. Необходимо сказать, что качество возводимого жилья было низким, но острая необходимость требовала спешить. Хотя высокие темпы жилищного строительства в исследуемый период все же не смогли преодолеть жилищный кризис. Житель г. Караганды Т.А. Алимбаев вспоминает, что в хрущевских домах туалет с ванной были совмещены,

коридор была маленьким и узким. Туалет, ванна находились рядом с кухней. На кухне под окном, прямо на стене находился шкафчик. А также были антресоли, в основном возле входной двери, у входа на кухню [9].

Централизованные домостроительные предприятия, используя сборный железобетон, в короткие сроки увеличили количество вводимого жилья в стране. Полносборное домостроение стало основным направлением развития индустриального жилищного и культурно-бытового строительства. В 1963 г. домостроительный конвейер СССР состоял из трехсот предприятий крупнопанельного домостроения. Развитие этого вида жилищного строительства обеспечило снижение трудовых затрат по сравнению с затратами на постройку кирпичных домов на 35-40% и позволило сократить сроки возведения домов в 1,5-2 раза. Себестоимость жилой площади в крупнопанельных домах в 1959-1962 гг. была на 15% ниже, чем в кирпичных [11, с.59].

Массовое жилищное строительство во многом определило жилищно-бытовые условия и материально-вещную среду горожан. Улучшение жилищно-бытовых условий, переезд людей на новое место жительства, вселение в новую отдельную квартиру всегда были связаны с решением определенных задач по обустройству своего жилища: приобретение и расстановка вещей, мебели и прочее. В конце 1950-х-начале 1960-х гг. происходил рост городского населения за счет притока сельских жителей, городское жилье в значительной степени отличалось от сельских домов. И сами горожане в своем домашнем обустройстве были менее консервативными прежде всего в силу возможности смены обстановки в жилище (наличие в магазинах какой-то мебели, пусть ограниченная в условиях дефицита, но все же возможность выбора в магазинах каких-то бытовых вещей, у горожан был выше уровень жизни и т.п.). К началу 1960-х гг. стало очевидным, что несомненные достоинства жилищной реформы грозят превратиться в недостатки. Прежде всего, быстро строящиеся экономные малометражки оказались крайне тесными. Пришлось срочно изобретать разного рода дизайнерские приемы хотя бы для зрительного увеличения пространства. На смену громоздкой мебели коммунальных квартир пришла трансформирующаяся, складная мебель. На страницах газет и журналов публиковались всевозможные советы для домохозяек по благоустройству квартиры. Чтобы квартира считалась современной и красивой, ее стены должны были быть оклеены обоями или окрашены в спокойные тона, на окнах – строгие портьеры без ламбрекенов, оборков и кружев, в комнатах – комплекты малогабаритной мебели, в которых кровать заменена диваном или тахтой, а стол – секретером, на полу – ковер, на стенах – эстампы и гравюры, несколько вышивок с правильным геометрическим рисунком, а также книжные полки. В доме нужны были только те вещи, которые удобны, а уют заключался в чувстве меры и отсутствии излишеств во всем, касавшегося быта. Истинный уют – скромность в предметах интерьера, когда обстановка квартиры удобна, целесообразна, экономична и гигиенична, вызывает ощущение теплоты, внушает бодрость, успокаивает, радует. [14]

Так советовали жить советские дизайнеры и советская пропаганда. И активно в массовое создание внедряли и средства массовой информации (преимущественно газеты и журналы, так как телевидение еще не стало средством массовой информации из-за недоступности для большинства горожан), и различная литература для массового чтения. Учитывая, что в СССР жило самое читающее население, эти ценности тиражировались достаточно активно. Такого рода популистской литературой стали различные книги, типа «Домоводство», «Полезные советы», «Энциклопедии домашнего хозяйства» и т.п., изданные в конце 1950-х-1960-е гг. [15]. Такие издания представляли собой не только сборники общехозяйственных рекомендаций, но и собрание разнообразных сведений о домашней, хозяйственной и культурной жизни середины XX века. С учетом тотального дефицита во многих предметах первой необходимости, в том числе, и для обустройства квартир, такие книги рекомендовали горожанам обходиться вещами, имеющимися в наличии в свободной продаже, убеждая их в том, что именно в определенном аскетизме, эклектичности,

ограниченности и есть ценность советского жилья. Неслучайно такие книги содержали разнообразную информацию по обустройству жилья, в том числе, городских квартир.

В частности, в справочнике казахстанского издательства 1960 г. составители советовали горожанам следующее: «Квартира, в которой мы живем, работаем и отдыхаем, должна быть удобной, уютной и, конечно, красивой. Заботясь о подборе обстановки, надо думать прежде всего о том, чтобы отдельные ее элементы гармонично сочетались. Для меблировки необходимо подбирать те вещи, которые нужны и удобны. Необязательно, чтобы мебель была одного гарнитура. Достаточно, если все предметы соответствуют друг другу хотя бы по цвету. Большое значение имеет расстановка мебели в квартире. Не загромождать квартиру – вот одно из обязательных требований удобного и гигиенического жилья». [16]

Так, одна из популярных в 1960-х гг. книга «Полезные советы» на первых страницах дает рекомендации по благоустройству жилища, в том числе и тем хозяйкам, у которых семейный бюджет сравнительно небольшой. Книга дает наставления, как сделать квартиру удобной, уютной и красивой, «чтобы достигнуть этого, вовсе нет необходимости затрачивать большие средства на мебель, ковры и люстры, в том числе на дорогие гарнитуры из орехового или красного дерева... Скромно меблированная комната обнаруживает хороший вкус хозяйки. Для меблировки необходимо приобретать те вещи, которые нужны и удобны. Совсем необязательно приобретать гарнитуры. Достаточно, если все предметы соответствуют друг другу хотя бы по цвету. Если бюджет семьи позволяет сделать единовременные затраты на обивку дивана, кресел, сидений у стульев, то следует приобрести одинаковую ткань для всей мебели» [17, с.8].

В период 50-60-х гг. XX в. при массовом жилищном строительстве возводились хрущёвские 5-этажки с малогабаритными квартирами, поэтому давались рекомендации по размещению мебели в малогабаритных квартирах. «Теперь даже в достаточно просторных квартирах, как правило, не отводят отдельной комнаты под столовую. Большой обеденный стол, стоявший обычно посреди комнаты и отнимавший много места, заменяется раздвижным и устанавливается близ стены. Низкие серванты заменили громоздкие, неуклюжие буфеты. Стульям с высокими спинками хозяйки предпочитают с низкими спинками. При этом вся комната кажется более просторной и уютной. Удобный диван у стены, одно-два кресла и небольшой столик образуют угол гостиной, где приятно посидеть» [17, с.26].

В СССР производство мебели не соответствовало повышенному спросу населения и темпам жилищного строительства. Многие горожане не могли свободно приобрести не только дефицитную малогабаритную мебель для новых отдельных квартир (стулья, столы, шкафы, табуретки, этажерки и др.), но и посуду, кухонные принадлежности, прищепки для белья и т.п. В условиях острого дефицита люди пользовались старой мебелью, а для того чтобы продлить срок ее эксплуатации, давались советы, как обновить мебель и как самим осуществить ремонт мягкой мебели (старого дивана, кресла или стула). «Многие вещи в обиходе утрачивают свой внешний вид: поверхность тускнеет, краска местами отстает, появляются царапины и пятна. Особенно быстро стареют стулья, сундуки, комоды. Мебель можно обновить. Любую старую мебель с порванной обивкой или вылезшими пружинами можно легко отремонтировать самим. Все необходимые для ремонта материалы (льняная пакля, суровая мешочная и мебельная ткань, лак, краска, обойные гвозди и проч.) можно приобрести в любом хозяйственном магазине». В книгах даются подробные советы, как самостоятельно осуществить ремонт мебели и ликвидировать царапины, трещины, вздутие фанеры и другие повреждения. [18]

Для того чтобы восполнить недостаток в предметах первой необходимости, в книгах и журналах давались советы о том, как их сделать своими руками. В книгах имелись специальные разделы «Сделайте сами». Так, для освещения комнат не рекомендовалось «приобретать претенциозные люстры, обильно украшенные стеклянными подвесками, или шелковые абажуры, которые освещают часть комнаты. На этих абажурах скапливается пыль,

а чистить их трудно. Гармонируют с любой обстановкой деревянные люстры с матовыми стеклянными тюльпанами. Очень декоративно выглядят настольные лампы с абажурами из шелка или плотной фактурной бумаги. Такую лампу хозяйка может сделать сама, подобрав для подставки фарфоровую или керамическую вазу с красивым узором». Предлагались чертежи для самостоятельного изготовления люстры и бра из фанеры, настольной лампы «Гриб». Ножка гриба вытачивается на станке из дерева с отверстием для патрона. Шляпка гриба или абажур делается из тонкой луженой или оцинкованной жести. Например, также горожан учили изготавливать специальную вешалку для шляп из проволоки и вешать вместе со шляпой на гвоздь, для хранения обуви – удобные подставки, которые помещаются внутри шкафа или же в коридоре под вешалкой; некоторые необходимые в быту предметы (тумбочку, столик, детский стул и др.). Так, например, писалось, что красивую тумбочку для книг или столик к кровати можно сделать из простой табуретки, из корзины для бумаг и точеной ножки – удобный рабочий столик-корзинку, полочку для ванной комнаты, вешалку для полотенца и мыльницу из проволоки. Давались наставления о том, как и из какого материала можно сделать различные кухонные принадлежности: из проволоки сделать подставку для кастрюли, из фанеры – подставку для чайника и сковородки, кухонные доски для резки овощей, разделки мяса и для теста, из фанеры и брусков – сушилку для тарелок. [18]

В конце 1950-х гг. было налажено промышленное производство новых моющих средств и порошков «Новость», «Универсал». Эти более дорогие средства были еще и дефицитом, поэтому многие женщины для стирки и уборки по-прежнему использовали хозяйственное мыло. Им для получения мыльной стружки предлагалось сделать терку для мыла: «На дощечке укрепить несколько колпачков от бутылок. К одному краю дощечки прибить крючки. С их помощью терку можно повесить на край стирального бака или корыта. Мыльная стружка будет падать в бак или корыто». [18]

В начале 1960-х гг. стиральные машины, холодильники, телевизоры были предметами роскоши. На обеспечение населения товарами культурно-бытового назначения в то время существенным образом влияло то, что их производство, за исключением мебельного, не являлось самостоятельным отраслевым производством. Но уже в первой половине 1960-х гг. началось массовое промышленное производство домашних холодильников, стиральных машин и телевизоров. Первые советские телевизоры своей конструкцией отличались от современных. Телевизор «Беларусь» выпускался вместе с проигрывателем. Также первые телевизоры имели очень маленькие экраны, и перед ними ставились увеличительные линзы. В книге «Полезные советы» были приведены очень подробные рекомендации относительно домашнего телевизора. Особого внимания заслуживают советы по уходу за линзой телевизора. «Линза телевизора требует аккуратного и бережного обращения. Линза заполняется дистиллированной водой с помощью резиновой или полихлорвиниловой трубочки (оболочки от провода, который можно приобрести в магазинах Электросбыта). Диаметр трубочки подбирается несколько меньший диаметра наливного отверстия 27 линзы. Один конец трубочки опускается в сосуд с дистиллированной водой, из другого конца трубочки ртом засасывается воздух до тех пор, пока вода не заполнит трубочку, а затем этот конец вставляется в наливное отверстие линзы и вода самотеком перельется из сосуда в линзу. При этом необходимо следить, чтобы уровень воды в сосуде был выше самой линзы. Заполнять линзу водой надо с таким расчетом, чтобы оставалось небольшое незаполненное пространство на случай увеличения объема налитой воды при нагревании. Количество воды, наливаемой в линзу, различно, в зависимости от ее размеров. Удалить воду из линзы можно резиновой грушей с надетой на конце трубочкой» [18]. Такого рода советы хозяевам квартир позволяли понять, в каких сферах домашнего хозяйства проблемы дефицита не будут решены на промышленном уровне, и их решение требует самостоятельных действий. Автор статьи о советской повседневности Е.В. Дианова считает, такого рода книги и советские энциклопедии являются своеобразным источником по истории повседневности и быта советских людей.

В городах Центрального Казахстана осуществлялось крупноблочное строительство домов с малометражными квартирами, но спустя некоторое время эти типовые проекты, как уже отмечалось, обнаружили ряд недостатков архитектурно-планировочного порядка: малые размеры кухонь, совмещенные санузлы, узкие комнаты и т.д., вызывающих неудобства в жизни людей. Поэтому уже в середине 1960-х гг., когда был ликвидирован острый жилищный дефицит и отпала необходимость в строительстве домов с малогабаритными квартирами, стали строиться улучшенные серии домов. Изменилась планировка квартир: была увеличена передняя, разделен санитарный узел, расширена площадь кухонь, изолированы комнаты и т.д., что позволило улучшить жилищные условия населения. В 1963-1964 гг. совершенствуются типовые проекты жилых домов. Появляются 4-комнатные квартиры для больших семей, к тому же предусматривается два типа двухкомнатных квартир – малая и обычная. Комнаты оборудуются встроенными шкапами, появились балконы и на первых этажах. К 1960 г. улучшились жилищные условия: отдельная квартира или отдельный дом превратились в преобладающий тип городского жилья, коммунальная теснота, бараки, труппное жилье стали уделом не основной массы, а меньшей части горожан.

«Брежневские дома», которые начали появляться с середины 1960-х, были оборудованы центральным отоплением, центральным холодным и горячим водоснабжением и канализацией. В некоторых домах имелись газовые колонки. Они отличались от хрущевских домов тем, что были многоэтажными и многоквартирными (больше 2 комнат), имели вахту, лифт, мусоропровод и большую площадь. В кирпичных домах от «хрущевок» таким домам достался в наследство шкаф-чулан на кухне под окном, получивший название «хрущевского холодильника». В Казахстане в обустройстве городских квартир отражалась своя национальная специфика, особенно ярко это проявлялось в оформлении жилья казахов. Предлагаем пример описания казахстанских квартир 1960-х гг.: «Из декоративных вещей фабричного производства в каждой квартире имеются ворсовые ковры и детские коврики с изображением зверей. Обычно ковры висят на стенах над кроватями, диваном. Кровати покрываются пикейными одеялами (легкие одеяла, обычно служащее для покрывания постели днем), атласными китайскими и шелковыми узбекскими покрывалами, тюлем. На окнах тюлевые и белые тканевые, вышитые «ришелье» занавески. Столы покрываются скатертями фабричного изделия. На дверях висят гардины, бархатные или из декоративной ткани. На полу ворсовые или простые ковровые дорожки. При наличии современной мебели, декоративных вещей в квартирах сохраняются низкие круглые столики, сундуки казахского типа, детские качки (бесік), различной выработки кошмы (текемет-кошма с аппликацией из той же шерсти, но окрашенной в другой цвет; киіз (простая кошма); сырмақ (хорошо выделенная кошма с матерчатой аппликацией), различные безворсовые (алаша) и ворсовые ковры» [4, с.206].

По рассказам старожилов в 1960-е гг. в быту появляются такие предметы как этажерка, тумбочки и радиолы. Старую посуду для ежедневного использования держали на кухне, а новую, для гостей, в зале внутри серванта. Во многих домах, особенно у казахов, имелись раскладушки, так как к ним часто приезжали родственники из аула. На стенах комнат часто вешали покрывала с рисунками оленей, лебедей, медведей. У более обеспеченных жителей на стенах висели шерстяные ковры. Низким качеством отличалась белорусская мебель, более качественная была рижская и литовская мебель. В 1960-е гг. в основном была распространена лакированная мебель. Более зажиточные горожане (преимущественно из партийно-советского руководства) имели возможность купить румынскую или югославскую мебель. На кухне и в ванной комнате отсутствовал кафель, так как он у горожан появляется только в 70-х гг. Поэтому стены кухни, ванной комнаты и туалетов красили краской, чаще синего цвета. [9]

Из современной мебели фабричного производства в квартире горожан имелись никелированные, полуникелированные или деревянные кровати, обычно с панцирной сеткой, детские железные кровати с сеткой и без нее; шкафы полированные и

неполированные, зеркальные и без зеркал, с декоративным стеклом; большие трюмо, диваны, оттоманки (широкий диван без спинки или с одной спинкой у изголовья, реже с двумя подлокотниками), кушетки, диваны-кровати; буфеты (шкаф для хранения посуды, столового белья, закусок, напитков) и серванты; книжные шкафы, этажерки для книг, тумбочки под телевизоры и приемники; столы (в большинстве круглые) раздвижные, полированные, стулья.

Ж.Б. Касенова вспоминает: «В 1956 г. вышла замуж и переехала жить в город. Семья мужа тогда жила на окраине города. У них был свой дом. Семья мужа держала скот, разводила огород. В 1964 г. мы с мужем приобрели в Михайловке 4-х комнатный (вместе с кухней) частный дом. Это был кирпичный дом с огородом и сараем. Туалет был на улице, ванны и бани не было. Квадратура дома была примерно 60-65 кв м. Площадь кухни позволяла разместить там только самодельные шкафы для посуды, печку, стол со стульями и холодильник марки «Бирюса». К кухне примыкала узкая комната, в которой располагался рукомойник. В спальне размещались кровати, шифоньер, тумбочка. В зал мы приобрели стол со стульями, гарнитур производства ГДР. Из села в городской дом привезли алаша (казахский ковер с пестрыми узорами и орнаментами из цветных войлоков со вкатанным орнаментом), текемет (войлочный казахский ковер с вваленным цветным узором), корпешки (лоскутное одеяло ручной работы). На стены комнаты мы вешали тонкий ковер (как покрывало) с рисунком оленей или сюжетов из русских народных сказок. Все нужные вещи складывали на детской кровати (она находилось во второй спальне). Кровати накрывали одеялом или покрывалом, а подушки – красивым специальным платком (жапкыш). Когда звали гостей, старались украсить кровати специально купленными новыми покрывалами. Постельные принадлежности, в основном шили в домашних условиях. В доме не было телевизора и телефона». [19]

При распределении государственного жилья иногда имели место злоупотребления со стороны чиновников, имевших отношение к такому распределению. Среди сотен тысяч писем, поступавших в ЦК КПСС в связи с тяжелыми жилищными условиями, было немало и таких, в которых рабочие указывали на многочисленные случаи всевозможных злоупотреблений со стороны партийных чиновников при распределении квартир во вновь построенных домах. Авторы писем требовали гласности в вопросах распределения жилья, предлагали сделать жилищное строительство «общенародным делом», выражали желание принять трудовое участие в строительстве домов и т.д. [7]

По социологическим данным было выявлено, что в исследуемый период в городах Караганда, Темиртау, Джезказган квартиры от государства, в первую очередь, получали шахтеры, энергетики, строители и партийные чиновники. К примеру, вспоминает работник металлургического комбината в г. Темиртау Т.Р. Егинбаев: «Как работник комбината, я получил квартиру через 3 года после того как поставили в очередь. Квартира была 3-комнатная, позже поменяли на 4-комнатную. В доме в основном проживали металлурги, рабочие, врачи и представители других профессий со средним достатком. Примерно в 4-х квартирах жили казахи, а в остальных русские, немцы и представители других национальностей» [20].

Исследователи отмечают особенности в планировке казахских квартир: «Внутренняя планировка жилищ шахтеров-казахов в основном трех-и двухкомнатная, как в индивидуальных домах, так и в государственных квартирах. Назначение жилых комнат у всех шахтеров одинаково, однако в терминологии имеются различия: одни сохраняли казахские наименования комнат, другие называли их по-русски. Так, в двухкомнатной квартире с кухней первая ауыз үй служит одновременно столовой, спальней родителей, вторая комната (төр үй) является спальней для детей, в ней же принимают гостей. Готовят пищу и едят на кухне–ас үй (комната приема пищи), в которой обычно спят старики». В трехкомнатной квартире с кухней семья свой день проводит на кухне (ас үй), первая комната (ауыз үй) служит спальней для родителей, вторая (қонақ үй) – специально для гостей, третья (төр үй) – спальня взрослых детей, старшей дочери или сына [4, с.205].

В 1959 г., благодаря строительству шахты №1/2 в местности Тентек, началось строительство города, таким образом, Тентекский рабочий поселок превратился в город Шахтинск. Первыми хозяевами новых многоэтажных домов стали сами строители. За 60-е гг. в городе были сданы в эксплуатацию 230 тысяч кв м жилых домов. [21, с.54] Первоначально в поселке Тентек насчитывалось 26 четырех квартирных сборно-щитовых особняков. Жилья не хватало. Рабочие шахтного строительного управления 1 своими силами построили 102 домика на 24-м квартале, которые были распределены еще до начала строительства. Чтобы быстрее построить для себя квартиры, люди в свободное от работы время рыли траншеи под фундаменты, погреба и выполняли другие работы вместе с семьями. В 1961 г. уже были построены первые «хрущевки», открылась первая библиотека и образован Городской отдел народного образования, открылись кинотеатр «Восток-2», Дом пионеров и школьников со станцией юных техников. Выросли микрорайоны с пятиэтажными застройками: 28, 29, 30 кв. В 1960 г. начался строиться домостроительный комбинат, который должен был выпускать крупные панели на 70 тысяч кв м жилья в год. [10, л.141] В Балхаше в 1950-1960-е гг. старых, коммунальных домов было много, в основном центральной части города, которые были построены еще до войны. В городе Абай в 1960-е гг. шло бурное строительство жилых домов. Первые строители города жили в трудных жизненных обстоятельствах, они не имели своих квартир. Позже, когда промышленные предприятия начали строить крупнопанельные дома, в первую очередь жилую площадь получили строители и энергетики города [21]. Таким образом, со второй половины 1950-х и до начала 1970-х гг. значительно расширились социальные возможности рабочих и служащих в области жилья.

В 1961 г. в Караганде было запрещено строить одноэтажные дома, поэтому возводились в основном 5-9 этажные здания [22, л.127]. Жители Караганды с радостью переселялись в новые благоустроенные квартиры из ветхого жилья. Один из первых новоселов Юго-Востока Н.И. Павлова поделилась воспоминаниями: в районе Юго-Восточного массива в 1969-1970 гг. была красивая зеленая степь. Мы проезжали мимо строящихся жилых домов в направлении 30 микрорайона. Представить не могли, что в этих местах поднимается жилой массив и, тем более что я здесь буду жить в числе первых жителей. Но дома строились. После пятиэтажных домов 28 микрорайона построили садик, одновременно были заложены две первые школы, построили первый продовольственный магазин. [23, л.114].

Предметом особой гордости советских руководителей была низкая квартирная плата, ставки которой были установлены правительством 4 июня 1926 г. Они дифференцировались в зависимости от заработной платы нанимателя и не зависели от качества и благоустройства жилья. Доля всех расходов на оплату жилища, топлива и коммунальных услуг составляла в семейном бюджете промышленных рабочих в 1954 г. в среднем 4,5% [7]. Но это только в том случае, если речь шла о государственном жилищном фонде. Те рабочие и служащие, которые не имели государственной жилплощади, были вынуждены снимать помещения (комнату или часть комнаты) у частных лиц. В этом случае квартплата была до 6 раз выше, и у многих нанимателей на оплату единственной комнаты могло уходить до 50% семейного бюджета (но сумма квартплаты зависела еще и от города, района и условий снимаемого жилья). Примерно 4% семей рабочих и служащих не имели вообще отдельной комнаты, а занимали «угол», то есть делили комнату еще с одной или двумя семьями. [7]

В Советском союзе оплата за коммунальные услуги горожане рассчитывались следующим образом. Оплата собственно жилища, без стоимости обслуживания, составляла около 2-5% среднего заработка рабочих и служащих. Со стоимостью коммунальных услуг (уборка лестниц, удаление мусора, отопление, снабжение водой, газом и электричеством) общая плата за жилище составляла около 4-5%. Пользование одним квадратным метром жилой площади в домах, принадлежащих государству, стоила в небольших городах с населением менее 40 тыс. человек от 3-3,5 копеек. В остальных городах – от 3,5-4,4 коп. Наивысшей предельной платой при условии наибольшего комфорта квартиры и ее расположения в центральной части столичного города – 16 коп. за 1 кв м.

Предусматривались скидки для социально уязвимых слоев населения. Такие скидки на коммунальные услуги предоставляли местные Советы депутатов или местные органы власти. К таким категориям относились многодетные семьи, инвалиды, люди с хроническими болезнями. Например, в семье, где имелось 4 человека, находящихся на иждивении главы семьи, устанавливали скидки 5%, 5 иждивенцев – скидка 10%, а большее количество – 15%. При подсчете суммы квартирной платы за всю жилую площадь указанные выше ставки распространялись до нормы 9 кв м на 1 человека. Жилая площадь сверх этой нормы и дополнительной добавки до 4,5 кв м подлежит оплате в тройном размере. Но в этом правиле были исключения: хронически больные люди могли иметь дополнительную площадь 10-20 кв м и оплачивать ее по нормальному тарифу. Члены творческих союзов – художники, писатели, журналисты, архитекторы и научные работники оплачивали по льготному тарифу – 20 кв м дополнительной площади. Расходы на содержание и ремонт жилища в домах, принадлежащих городским или поселковым Советам, несло государство; дорогостоящий капитальный ремонт и текущий ремонт также оплачивался государством. За счет жителей выполнялся лишь такой мелкий ремонт, как замена разбитых стекол, покраска стен или оклейка их обоями. Например, в 1960-е гг. средняя оплата коммунальных услуг в месяц достигала 2-4 рублей, при средней зарплате 50-60 рублей. [24, с.83]

В своем развитии все города региона имели много общих черт. Со второй половины 1950-х до начала 1960-х гг. строились жилые дома по типовым проектам, предусматривающим снижение площади жилых и подсобных помещений, уменьшение высоты стен до 2,5 м., что удешевило среднюю стоимость квартир на 30-40% и позволило быстро улучшить бытовые условия множества рабочих семей. Так в 1958 г. по типовым проектам строилось 86% общего объема жилищного строительства в республике. Дома имели все удобства: центральное отопление, электричество, газ, ванны, балконы и стенные шкафы. [25, с.119].

Таким образом, 1950-1960-е гг. можно назвать самыми благоприятными для жилищного строительства, как в стране, так и в республике. В городах Центрального Казахстана было построено огромное количество многоэтажных квартир и индивидуальных домов, которые несколько снизили острый дефицит жилья среди населения. Причем основной массив жилья для горожан Центрального Казахстана был построен именно в исследуемый период. С середины 50-х гг. XX в. в повседневной жизни советских горожан произошли значительные изменения, связанные с прежде всего развернувшимся широкомасштабным жилищным строительством и массовым переселением людей из «коммуналок» и бараков в отдельные квартиры. Стремление к максимальному удешевлению строительства обусловило борьбу с «излишествами в архитектуре», что привело к монотонности застройки и сокращению размеров жилых и подсобных помещений. Конечно, пятиэтажные дома без лифтов, мусоропроводов, иногда и без балконов, быстро и в большом количестве строящиеся по стране, не слишком украшали города. Однако, при всех недостатках «хрущёвок», они позволили в какой-то мере смягчить жилищный кризис и обеспечить благоустроенным жильем миллионы людей. В 1960-е гг. начинается многоэтажное строительство индустриальными методами, формируются микрорайоны с комплексом социально-бытового обслуживания. Широкое распространение получают жилищные кооперативы. Обладание квартирой в кооперативном доме для советского человека стало в некотором смысле знаком промежуточного социального положения – между привилегированной элитой, которой кооперативы не были нужны, и простыми трудящимися, которые в смысле жилья зависели от работодателей и местных советов. Значительно увеличилось строительство жилых домов городскими властями, предприятиями и министерствами. В то же время, качество возводимого жилья было низким, и лишь острая необходимость ослабления жилищного кризиса в какой-то мере оправдывала это.

Жилище превратилось в социальный институт, в котором нормы поведения во многом определялись санитарными и жилищными стандартами. Идеология, стержень всей советской действительности, и ее материализованная реальность (санитарные, жилищные,

коммунально-финансовые нормы) позволяли использовать квартиру, комнату как механизм формирования советского образа жизни, важной составляющей частью которого было содержание досуга.

Литература и источники

1. Григорьева А.Г. Советская повседневность и уровень жизни населения СССР в 1953-1964 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – 206 с.
2. ГАКО. Ф.691. Оп.1. Д.163.
3. Караганда. Серия: История городов Казахстана/ под. ред. Елагина А.С. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 192 с.
4. Востров В.В., Кауанова Х.А. Материальная культура казахского народа на современном этапе. – Алма-Ата: «Наука», 1972. – 236 с.
5. Интервью с Ш.Р. Абильмажиновой, записано Ж.А. Карсыбаевой в Караганде в 2016 г.
6. РГАНИ. Ф.5. Оп.30. Д.130
7. Сил больше нет молчать о том тяжелом положении, в котором живут наши советские люди: Документы РГАНИ о социальном кризисе в СССР в середине 1950-х гг. / Альманах Россия. XX век. / <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1007373>
8. Маркес Г.Г. СССР: 22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы // <https://www.livelib.ru/quote/296620-sssr-22-400-000-kvadratnyh-kilometrov-bez-edinoj-reklamy-kokakoly-gabriel-garsiya-markes>
9. Интервью с Т.А. Алимбаевым, записано Ж.А. Карсыбаевой в Караганде в 2016 г.
10. ГАКО. Ф.1233. Оп.1. Д.6.
11. Харитонов А. Е. Основные этапы жилищного строительства в СССР // Вопросы истории. – 1965. – № 5. – С. 50-64
12. РГАНИ. Ф.5. Оп.30. Д.222
13. РГАЭ. Ф.1562. Оп.26. Д.580
14. Доценко А.М. Повседневная жизнь советского города начала 1950 - первой половины 1980-х годов: на материалах г. Куйбышева и городов Куйбышевской области Диссер... к.и.н. - Самара, 2007. – 260 с. /<http://www.dissercat.com/content/povsednevnaia-zhizn-sovetskogo-goroda-nachala-1950-pervoi-poloviny-1980-kh-godov-na-material>
15. Блинов Л.Ф. Домоводство. – М.: Государственное издательство сельскохозяйственной литературы, 1957. – 570 с.; Справочное издание. – 2-е изд., перераб. и доп. / Состав.- ред. Демезер А.А. Дзюба М.Л. – М.: Сельхозгиз, 1959. – 776 с.; Справочник. – Алма-Ата: Казахское государственное издательство, 1960. – 191 с.; Ус А. Полезные советы. – М.: Легкая индустрия, 1965. – 169 с.; Полезные советы / Составитель Федорова Н.В. – Л.: Лениздат, 1961. – 482 с. и др.
16. Справочник. – Алма-Ата: Казахское государственное издательство, 1960. – 191с.
17. Полезные советы / Составитель Федорова Н.В. – Л.: Лениздат, 1961. – 482 с.
18. Дианова Е.В. Повседневность и советский быт начала 1960-х гг. Альманах современной науки и образования. - Тамбов: Грамота, 2007. - № 2 (2). - С. 25-27 / www.gramota.net/materials/1/2007/2/8.html
19. Интервью с Ж.Б. Касеновой, записано Ж.А. Карсыбаевой в Караганде в 2016 г.
20. Интервью с Т.Р. Егинбаевым, записано Ж.А. Карсыбаевой в Караганде в 2016 г.
21. Қанаттас қалалар. – Алматы: Қазақстан баспасы, 1968. –159 б.
22. ГАКО. Ф.713. Оп.1. Д.570.
23. ГАКО. Ф.691. Оп.1. Д.1790.
24. Жуков К. Рассказ о нашем жилище. – М.: Стройиздат, 1970. –112 с.
25. Кауанова Х.А. Образ жизни и быт рабочих семей: (На материалах Казахстана). – Алма-Ата: Наука, 1982. –166 с.

ГЛАВА 4. КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА В 1950-1960-Е ГГ.

4.1. УРОВЕНЬ ЖИЗНИ ГОРОЖАН

Одним из показателей социально-экономического развития общества является уровень жизни населения. Под уровнем жизни понимается обеспеченность населения необходимыми материальными благами и услугами, а также достигнутый уровень их потребления и степень удовлетворения рациональных потребностей. Так как основная масса потребительских благ и оказываемых населению услуг принимает стоимостную форму, их переходу в сферу потребления предшествует формирование личных доходов, т. е. свою долю в общественном продукте население получает первоначально в виде доходов, в обмен на которые приобретаются необходимые материальные блага и предоставляются платные услуги.

В социально-экономической жизни общества, где элементарной потребительской ячейкой является семья, материальное положение каждого члена общества определяется не его индивидуальным, а семейным доходом. Доход семьи – это тот единый источник, за счет которого покрываются нужды домашнего хозяйства, равно как и индивидуальные потребности всех членов семьи. В этом непрерывно возобновляемом процессе приходно-расходных операций семей, естественно, должно существовать определенное равновесие между доходами и расходами семей. Сбалансированное равновесие доходов и расходов семей за определенные промежутки времени (месяц, квартал, год) называют бюджетом семьи [1, с.25]. В статистической интерпретации бюджет семьи представляет собой балансовую таблицу, где на одной части (доходной) записываются источники поступления средств, а на другой (расходной) – конкретное использование этих средств на потребительские нужды. В целом, семейные бюджеты (потребительские бюджеты) являются незаменимыми источниками статистической информации относительно условий жизни различных слоев и групп населения. Они позволяют проникнуть в суть экономических процессов, которые протекают в сфере народного потребления.

Как отмечается в публикациях, важнейшим социальным индикатором, показывающим уровень социально-экономического развития государства, является бедность. В советском лексиконе такого понятия как «бедность» при характеристике жизни и повседневности советских людей не было и быть не могло; оно применялось только в отношении «бедствующих» трудящихся капиталистических стран. Для характеристики материального положения советских граждан, доходы которых не обеспечивали прожиточного минимума, использовался термин «малообеспеченные». Между тем, существовавший в советском обществе в первой половине 1950-х гг. уровень потребления минимальных жизненных благ (питание, одежда, жилищные условия, отдых и др.) позволял говорить об абсолютной бедности основной части населения [2]. Бюджетные обследования семей рабочих (по всем отраслям промышленности), проведенные ЦСУ СССР в 1954-1955 гг., показывали, что доля среднемесячных расходов на питание, одежду и оплату жилья составляла в совокупном доходе семьи рабочего 70%, а среднемесячный остаток наличных денег равнялся нулю [3, л.105-116.].

В ноябре 1954 г. лично Н.С. Хрущеву была направлена подборка писем, полученных редакцией газеты «Правда». «Авторы этих писем приводили многочисленные примеры социального неравенства, указывали на недопустимость растущего имущественного расслоения общества. Чувствовалось, что в обществе назревал вполне осознанный социальный протест, народ требовал элементарной социальной справедливости. С точки зрения большинства советских граждан, сложившаяся в стране система заработной платы не соответствовала социалистическим принципам оплаты по труду, массовое возмущение вызывал огромный разрыв в доходах высоко и низкооплачиваемых категорий работников» [2].

Анализируя историю бюджетной статистики, следует отметить, что в 1950-1960-е гг. Центральным статистическим управлением СССР и органами статистических управлений в бывших союзных республиках бюджетные обследования стали проводиться регулярно, по сравнению с предшествующими десятилетиями. Осуществлялись они исключительно по отраслевому принципу. Например, по отраслям тяжелой промышленности, отдельным отраслям легкой промышленности, образования, здравоохранения.

По Карагандинской области, согласно материалам областного архива, местные органы статистического управления проводили обследования бюджетов рабочих и служащих семей, относящихся в основном к угольной промышленности. Эта тенденция была характерна и для 1940-х гг. Подтверждается это тем, что в архивах отсутствуют данные по бюджетной статистике рабочих и служащих городов Темиртау и Балхаша за 1950-1960-е гг., являвшихся крупными промышленными центрами черной и цветной металлургии (союзного) республиканского значения.

Как свидетельствует Б.Н. Казанцев, в 1940-1960-е гг. Центральное статистическое управление СССР и курирующие их партийно-государственные органы не раз откладывали решение, связанное с расширением и реорганизацией программ обследований бюджетов основных социальных слоев и групп населения [4, с.3]. По нашему мнению, это было связано с тем, что руководству государства было невыгодно показывать фактическую бюджетную статистику, поскольку именно в ней отражалась действительная картина уровня жизни населения. Этим и объясняется, что длительное время в стране, в том числе и в Казахстане, не обследовались семейные бюджеты рабочих и служащих, занятых в пищевой, легкой, железнодорожной отраслях промышленности, а также в торговле, общественном питании, жилищно-коммунальном хозяйстве. Комплексно не велись исследования семейных бюджетах и работников системы здравоохранения, образования, научных и культурных учреждений, аппарата органов управления [5, л.7]. Бюджетные сведения номенклатурных кадров ЦК КПСС и ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов партии не являлись объектом специального исследования статистических органов вплоть до начала 1970-х гг. Подобные сведения статистическим органам разрешалось собирать, но только в исключительных случаях с согласия ЦК партии [4, с.4].

В начале 1950-х гг. бюджетная сеть обследования претерпела значительные изменения. В 1952 г. органами Центрального статистического управления СССР были приняты новые указания и инструкции по обследованию семейного бюджета рабочих и служащих, которые позволили существенно расширить категории обследуемых. Согласно новым указаниям Центрального статистического управления СССР, бюджетные обследования охватили следующие отрасли промышленности: черную и цветную металлургию, угольную, нефтяную, химическую, резиноасбестовую, машиностроительную и металлообрабатывающую сферы, промышленность строительных материалов, бумажную, стекольную и фарфорофаянсовую, деревообрабатывающую, текстильную, швейную, кожевенную, пищевкусовую, полиграфическую, меховую и обувную [6, л.1]. Статистическому анализу подверглись и семейные бюджеты учителей, врачей, научных сотрудников и т.д. Новшеством являлось и то, что сводные ведомости стали составлять отдельно по каждой категории – рабочие, инженерно-технические работники, служащие, учителя, медперсонал и т.д. В них четко стали фиксировать следующие показатели: доходы по источникам поступлений и расходы по их назначению; личное потребление; источники и размеры приобретаемых ими продовольственных и промышленных товаров [6, л.31-32].

Таким образом, расширение бюджетной сети обследования в начале 1950-х гг. позволило охватить ранее неизученные потребительские бюджеты рабочих и служащих, и тем самым существенно повысило качество проводимых бюджетных исследований по сравнению с первыми годами после победы в Великой Отечественной войне. Однако, как свидетельствуют архивные материалы, данные новшества на местах получили распространение значительно позже. В Государственном архиве Карагандинской области нами были обнаружены статистические материалы за 1950-1960-е гг., касающиеся

потребительских бюджетов рабочих и служащих только угольной промышленности. Бюджетная статистика городских рабочих и служащих других отраслей промышленности и сфер жизнедеятельности региона (металлургической промышленности, работников общественного питания, торговли, жилищно-коммунального хозяйства, аппарата управления и т.д.) представлена отрывочными сведениями и берет начало с 1953-1954 гг. Отсутствие полных бюджетных сведений по всем социальным и профессиональным группам городского населения региона не позволило использовать их в научном исследовании. Вследствие этого, представленные материалы, вытекающие из бюджетных записей обследуемых, не могут рассматриваться как точные по своим абсолютным размерам. Однако они дают представление об изменении структуры доходов, расходов и других показателей семейных бюджетов городского населения (рабочих и служащих угольной промышленности) в послевоенные годы. Также необходимо учитывать, что угольная промышленность являлась основной отраслью региона и в ней было сосредоточено большая часть городского населения.

В работе нами были использованы годовые семейные бюджеты рабочих, служащих и инженерно-технических работников угольной промышленности. В частности, за 1954 г. нами были взяты материалы бюджетов семей следующего состава: 90 семей квалифицированных рабочих, 51 семья малоквалифицированных рабочих, 21 семья инженерно-технических рабочих, 10 семей служащих и 15 семейных бюджетов учителей, врачей и среднего медперсонала. Средний состав семьи составил от 4 до 5 человек. Лица трудоспособного возраста (мужчины от 14 до 59 лет и женщины от 14 до 54 лет) составляли 55%, лица несовершеннолетнего возраста (от 0 до 13 лет) – 40%, лица пенсионного возраста – 5%.

За 1956 г. органами статистического управления были изучены бюджеты 100 семей (543 человека) угольной промышленности Караганды [7, л.3]. В 1964 г. Областным статистическим управлением было проведено обследование бюджетов 145 семей (650 человек) рабочих промышленности [8, л. 26]. В 1967-1968 гг. было изучено семейное финансовое положение 100 семей (514 человек) рабочих угольной промышленности [9, л.1].

Средний состав обследуемых семей в разные годы варьировался. В частности, при изучении семейных бюджетов за 1950-1960-е гг. средний состав семьи составлял: в семьях ИТР и квалифицированных рабочих от 5 и более (56%), в семьях малоквалифицированных рабочих и служащих до 4 человек (44%). Объясняется это тем, что в семьях с хорошим заработком помимо кровных родственников жили шурины, тещи, а также внуки и племянники, не достигшие 16 лет [10, л.2].

Важным показателем уровня жизни той или другой группы промышленных рабочих является среднемесячный денежный доход на одну семью, который состоял из следующих компонентов: заработная плата обследуемого, заработная плата других членов семьи, пособий, пенсий и стипендий, дотации, прочих поступлений [11, л.7].

Наиболее высокая заработная плата была характерна у инженерно-технических и квалифицированных рабочих, у которых удельный вес по материалам за 1954 г. составил 82,3% и 82,7% от общего дохода. Тогда как у малоквалифицированных – 65,7%; служащих – 47% [11, л.7]. Однако в семьях, где размер заработной платы был высокий (ИТР и квалифицированные рабочие) вторые члены семьи практически не работали. Удельный вес их дохода не превышал в среднем 8%. Следовательно, значительная часть женщин в трудоспособном возрасте находилось на иждивении вследствие их материальной обеспеченности. Особенно это было характерно для семей, где средний состав составлял 5 более человек. Однако не стоит забывать, что из-за недостатка детских учреждений, сети предприятий бытового обслуживания и общественного питания многие женщины были вынуждены сидеть дома, занимаясь домашним хозяйством и уходом детей. Иная картина наблюдается в семьях служащих и малоквалифицированных рабочих. К примеру, если в семье служащих удельный вес заработной платы хозяина дома составлял 47%, то второго члена – 47,3%. В семье малоквалифицированных рабочих удельный вес зарплаты главы семьи составлял 65,7%, то второго члена семьи – 17% [11, л.7].

В 1956-1957 гг. удельный вес заработной платы у квалифицированных рабочих снизился до 78%, а малоквалифицированных рабочих до 61%. Однако, по сравнению с 1954 г. увеличился доход от второго члена, который составил у квалифицированных рабочих – 11%, у малоквалифицированных – 25% [7, л.3].

В целом за 1950-е гг., основным доходом для всех семей являлась заработная плата, удельный вес которой составил: в семьях квалифицированных рабочих – 90,4%, малоквалифицированных – 82,2%, ИТР – 85,8%, служащих – 94,3%. Семьи малоквалифицированных рабочих и ИТР помимо заработной платы имели доход от пособий (7-8%), пенсий (3-4%), дотаций (1%) и прочих поступлений (1-2%) [8, л.4]. В 1967 г. удельный вес заработной платы рабочих угольной промышленности составил 85%, в 1968 г. – 86%. [9, л.2] Как видно, заработная плата обследуемых семей являлась основным источником дохода. Доход по статье пенсии, стипендии и пособия составлял в среднем 7,5% от общего дохода. Удельный вес денежных дотаций в среднем на одну семью составил в 1967 г. – 1,8%, в 1968 г. – 2%. Рост был связан с увеличением количества приобретенных путевок в санатории, дома отдыха и пионерские лагеря. [9, л.3]

В наиболее трудном материальном положении оказывались, как правило, неполные и многодетные семьи. В советское время редко писали о размерах выплаты государственных пособий одиноким и многодетным матерям, чаще всего указывалось лишь факт государственной помощи этим матерям. В 1950-е гг. матерям-одиночкам выплачивалось пособие на одного ребенка в размере 50 руб. в месяц, на двух детей – 75 руб., на трех и более – 100 руб. Выплата пособий прекращалась по достижении детьми 12-летнего возраста. Многодетным матерям были установлены единовременные и ежемесячные пособия: при рождении третьего ребенка единовременно выплачивалось 200 рублей, при рождении четвертого ребенка – единовременно 650 руб. и ежемесячно по 40 руб. и т.д. [12, л.7] Конечно, такая система выплаты пособий не могла способствовать снижению дифференциации в доходах и ликвидации бедности многодетных и неполных семей. В этой связи в высшие партийные инстанции поступали тысячи писем от одиноких и многодетных матерей, в которых они просили повысить размеры государственных пособий и продлить сроки их выплаты. [2]

С начала 1950-х гг. государство стало оказывать широкую социальную помощь городскому населению. Предприятия и учреждения выделяли своим сотрудникам денежные дотации на приобретение путевок в санатории, дома отдыха, пионерские лагеря и т.д. Кроме того, на промышленных предприятиях были увеличены премии за изобретения и техническое усовершенствование трудового процесса, за выполнение и перевыполнение плана, также осуществлялись выплаты единовременных вознаграждений за выслугу лет [13, л.54]. Проводимые мероприятия оказали положительное влияние на увеличение доли доходов по данной статье, прежде всего, в рабочих семьях с низким размером заработной платы, чем в семьях с более относительным высоким уровнем среднемесячного оклада (инженерно-технические работники, высококвалифицированные рабочие).

Статья дохода прочие поступления включала в себя поступления от продажи продуктов, скота и птицы из личного хозяйства, от продажи других товаров и вещей, поступления от родственников и знакомых в подарок и т.д. [10, л.25]. В казахских семьях являлась традицией помощь родственников из сельской местности городским. Родственники из села в основном помогали продуктами питания: мясом, картошкой, молочными продуктами и т.д.

Структура потребления является важным показателем семейного бюджета. Именно в ней отражается целевое назначение денежных средств отдельных семей в зависимости от уровня среднедушевого дохода. О расходах городских семей рабочих, служащих и инженерно-технических работников угольной промышленности региона на различные цели можно судить по данным таблицы 1, где приводятся удельный вес среднемесячных расходов по следующим пунктам: покупка продуктов питания, одежды, хозяйственных вещей, мебели, топлива, строительных материалов, вино-водочных изделий, табака, оплата за жилье и

коммунальные услуги, налоги и платежи, государственный заем, расходы на культурно-просветительские нужды, лечение и т.д.

Таблица 1 – Структура потребительских бюджетов рабочих, служащих и инженерно-технических работников угольной промышленности Центрального Казахстана в 1950-х г. (среднемесячный расход на 1 семью, в %). [14]

Расходные статьи		1954 г.				1957 г.		1959 г.
		Квал. рабочие	Мл. рабоч	Служ.	ИТР	Квал. рабочие	Мл. рабоч	В общем рабочие и служащие
Весь денежный расход	руб.	2651	1628	2789	2802	3124	2018	2710
	%	100	100	100	100	100	100	100
Питание	руб.	1080	693	740	1091	1190	833	1039
	%	40,7	42,6	26,5	38,9	38	42	43
Одежда, обувь, в том числе шитье и починка	руб.	441	357	623	392	523	419	572
	%	16,6	21,9	22,3	14,0	16,7	20,8	21
Одежда, обувь, в том числе шитье и починка	руб.	441	357	623	392	523	419	572
	%	16,6	21,9	22,3	14,0	16,7	20,8	21
Хозяйственные вещи и мебель	руб.	57	33	99	86	87	36	124
	%	2,2	2,0	3,5	3,1	2,8	1,8	2
Культтовары, предметы гигиены и косметики	руб.	57	25	124	63	105	85	122
	%	2,2	1,5	4,4	2,2	3,4	4,2	5
На лечение, на отдых	руб.	62	47	39	45	36	37	57
	%	2,3	2,9	1,4	1,6	1,2	1,8	2
Виноводочные изделия и табак	руб.	125	47	155	138	142	69	156
	%	4,6	3,1	5,6	5,0	4,5	3,4	6
Оплата за жилье и коммунальные услуги	руб.	70	58	70	98	75	62	54
	%	2,6	3,6	2,5	3,5	2,4	3,1	2
Налоги, сборы и платежи	руб.	327	145	373	350	387	223	223
	%	12,3	8,9	13,4	12,5	12,4	11	8
Государственный заем	руб.	85	37	75	99	186	106	-
	%	3,2	2,3	2,7	3,5	6	5,3	-
Стройматериалы и дома	руб.	-	-	-	-	-	-	81
	%	-	-	-	-	-	-	3
Прочие расходы	руб.	303	160	396	409	276	140	282
	%	11,4	9,8	14,2	14,6	8,8	6,9	11

По стандартам потребления малообеспеченных слоев населения у большинства рабочих промышленности на питание должно уходить до 40% семейного бюджета. В бюджете семей рабочих и служащих доля расхода на покупку продуктов питания составляла от 26 до 43%. Так, в бюджете квалифицированных рабочих удельный вес на питание от общего дохода составлял 40,7%, у малоквалифицированных рабочих – 42,6%. У инженерно-технических работников среднемесячный расход на питание был выше и составлял 38,9%, или 1091 руб. Относительно низкое процентное соотношение было характерно для служащих, которое составляло 26,5% в месяц от общего дохода. В целом, преобладание данной статьи расхода в семейном бюджете обследуемых свидетельствовало о

низком уровне жизни и соответствии этих семей категории «малообеспеченные слои населения». Это характерно не только для казахстанцев, такая тенденция типична и для других республик СССР, например, российских регионов [15, л.45].

Расход на приобретение одежды, обуви и ткани составлял от 18 до 23%. Согласно официальным отчетным документам невысокий удельный вес данной статьи расхода был связан с плохой работой государственной торговли в городах Центрального Казахстана. Однако сюда следует отнести и другие причины: низкий общий уровень жизни населения, слабое развитие легкой индустрии в целом в стране. По инерции послевоенного времени люди приобретали, прежде всего, товары первой необходимости, то есть продукты питания, а лишь потом «если что останется» на другое довольствие (одежду и обувь). Недостаточное развитие легкой промышленности, отсутствие выбора также оказывало влияние на низкий спрос населения по данной статье расхода. Психология большинства людей, типичная для этих десятилетий – «лишь бы было что одеть».

Материалы таблицы 1 свидетельствуют, что расходы на приобретение мебели и хозяйственных вещей были достаточно скромными. В 1954 г. среднемесячный расход по данной статье во всех обследуемых категориях был минимальный и в среднем составил: у служащих – 3,5%, у инженерно-технических работников – 3,1, у рабочих – 2%. Незначительны были денежные расходы карагандинских рабочих и служащих и в сфере культуры и быта. Данная статья расхода включала в себя затраты на приобретение книг, газет, журналов, канцелярских принадлежностей, музыкальных инструментов, спортивного инвентаря, фото и радио, детские игрушки, ювелирные изделия, а также предметы гигиены и косметики, лекарства. Расход по этим категориям составил от 2 до 4%.

Расходы, связанные с посещением культурно-просветительских и оздоровительных учреждений, в исследуемый период были незначительными и в среднем не превышали 2%. Однако здесь необходимо принять во внимание, что посещение многих культурных учреждений и оказание медицинской помощи было бесплатным, либо недорогим.

Бюджетная статистика свидетельствует, что употребление алкогольных напитков и табака было привычным атрибутом повседневной жизни многих рабочих и служащих. Доля данной статьи расхода варьировалась от 4 до 6%. Причинами для злоупотребления спиртным были разочарование, ощущение социальной нестабильности, острая неудовлетворенность бытовыми условиями жизни, прежде всего, издержками жилищной политики советского государства. Последние были связаны со всеобщей коллективизацией быта, с устойчивой ориентацией на расширение контингента лиц, проживающих в общежитиях, что влекло за собой явную деградацию моральных устоев. Теснота, неблагоустроенность жилья, антисанитария способствовали росту употребления спиртных напитков.

Следующей расходной статьей семейного бюджета была оплата жилплощади и коммунальных услуг (таблица 1). В 1954 г. среднемесячный расход по данной статье составил от 2 до 4%.

Основную часть расхода в семейном бюджете составляли налоги, платежи и различные сборы. В перечень данного расхода входили налоги с холостяков, налоги от доходов со строений, скота; взносы по страхованию от несчастных случаев, страхованию имущества; плата за сохранение облигаций госзаймов в сберкассе, за регистрацию браков, разводов, рождения и т.д. [5, л.67]. Согласно данным таблицы 1, в 1954 г. доля данной статьи расхода в семейном бюджете обследуемых была значительной и в среднем за месяц на одну семью составляла у рабочих и инженерно-технических работников до 12%, служащих – 13%.

Обязательной (принудительной) статьей расхода в семейном бюджете карагандинских рабочих и служащих до сих пор являлась покупка облигаций государственных займов. На их долю уходило до 4% от общего расхода. В целом в СССР одним из важных источников доходов советского бюджета до начала 1958 г. являлись государственные займы, размещаемые по подписке среди населения. Ежегодно свыше 70 млн человек участвовали в подписке на займы. При этом почти у 50 млн рабочих и служащих ежемесячно удерживалось по подписке на заем в среднем 7-8% их месячной заработной платы. В отчетах в советский

период подчеркивалось, что граждане СССР «добровольно отдавали свои трудовые сбережения займам государству», считали подписку на заем «своим высоким гражданским долгом и делом чести» [16, с.165, 247]. На самом деле подписка на заем осуществлялась в «добровольно-принудительном» порядке, о чем свидетельствовали нередкие жалобы трудящихся [2].

В действительности государственные займы являлись одним из способов изъятия денежных средств у населения государством. Если человек отказывался приобретать облигации государственных займов, то его действия считались антисоветскими. Несмотря на жесткое идеологическое давление, в обществе сложилось отрицательное отношение к госзаймам. Автор анонимного письма, которое было адресовано в Совет Министров СССР в 1950 г., так описал общую ситуацию: «Я осмеливаюсь выразить слова справедливости и мнения многих сотен тысяч граждан СССР о том, чтобы займы нашей страны были более популярными. Когда проходит подписка на заем, то по радио услышать можно, что там и там подписываются единодушно. На деле же это не так: 50% подписываются с сознанием долга перед родиной, 20% с проведенной с ними агитационной работы, а 30% это уже с нажимом организации и высшей администрации, к которым применяют даже кой-какие запугивания. С одной стороны, происходит это из-за неосознания граждан, а с другой – для большинства займы являются одним из всех существующих налогов, потому что облигации займов выплачиваем, выплачиваем, а что от них? Я на каждый заем подписываюсь добровольно, а облигации лежат и лежат, не выигрывают, видимо, такова судьба несчастная» [17, с. 535-545].

Больше 10% расхода составляла доля статьи «прочие расходы» в семейном бюджете, включавшая непредвиденные расходы, денежную помощь родственникам, различные членские взносы, а также расходы на транспорт, охрана огорода, лечение и пастьба скота. Кроме того, в аналитические записки за 1959 г. по Карагандинской области, к числу прочих расходов была отнесена и уплата взятки, которая среди обследуемых семей называлась как «плата за услуги» и т.д. Получение платы «за услуги» больше всего встречалась среди работников госторговли за отпуск дефицитных ходовых товаров – ковров, телевизоров, шифоньеров, стиральных и швейных машин, шерстяных тканей и т.д. В документе дается объяснение, что поскольку органами статистического управления ставится главная цель – получение достоверных данных о всех доходах семей по источникам поступления и о всех расходах по их назначению, они не имеют права сообщать в соответствующие органы факты о взятках, перекупки и т.д. Все полученные в ходе опроса материалы представлялись в Центральное статистическое управление в сводном виде. Использование материалов обследования бюджетов для каких-либо других целей строго запрещалось, так как бюджетные исследования осуществлялись на добровольных началах семей. Сохранность тайны индивидуальных бюджетов гарантировалось Постановлениями правительства [10, л.27.]. Наличие такого факта свидетельствует о том, что, несмотря на существующий тоталитарный жесткий режим, присутствие спекуляций и взяток в повседневной жизни людей являлось нормой. А причина этого явления – низкий уровень жизни вследствие систематического дефицита на товары первой необходимости. Проанализируем расходные статьи рабочих угольной промышленности в 1960-е гг.

Таблица 2 – Структура потребительских бюджетов рабочих промышленности Центрального Казахстана в 1960-е гг. (среднегодовой расход на 1 семью, в %). [18]

Расходные статьи		1963 г.	1967 г.	1970 г.
1		2	3	4
Весь денежный расход	руб.	3265	3905	4448
	%	100	100	100
Питание	руб.	1394	1644	1822
	%	42,7	42	40,9

1		2	3	4
Одежда, обувь, в том числе шитье и починка	руб.	532	673	790
	%	16,3	17,2	17,7
Хозяйственные вещи и мебель	руб.	127	126	170
	%	3,9	3,2	3,8
Культтовары, предметы гигиены и косметики	руб.	79	86	187
	%	2,4	2,2	4,2
На лечение, на отдых	руб.	73	30	-
	%	2,2	0,7	-
Оплата за жилье и коммунальные услуги	руб.	125	136	153
	%	3,8	3,4	3,4
Налоги, сборы и платежи	руб.	-	323	389
	%		8,2	8,7

Материалы таблицы 2 показывают, что по сравнению с 1950-ми гг. изменения незначительные. В частности, по-прежнему среднегодовой расход на питание составил более 40%. Расход на приобретение одежды, обуви и ткани незначительно снизился по отношению к 1950-м гг. и составлял от 16 до 18%. Основной причиной снижения данного расхода в отчетных документах называют слабое развитие торговли. На 1% возрос расход по статье приобретение мебели и хозяйственных вещей. Не претерпели изменения по сравнению с 1950-ми гг. такие статьи расхода как «культтовары, предметы гигиены и косметики», «лечение и отдых», «оплата за жилье и коммунальные услуги». По сравнению с 1950-ми гг. до 9 % снизилась статья расхода «налоги, сборы и платежи».

Весьма интересны для нас результаты обследования на наличие предметов домашнего обихода и культурного назначения в семьях инженерно-технических рабочих, квалифицированных и малоквалифицированных рабочих. Данное исследование было проведено в 1961 г. органами статистического управления. Респондентам были заданы следующие вопросы: сколько и какая мебель имеется у вас дома (шкафы, стулья, кресло, столы, кровати, диваны, буфеты и т.д.), наличие бытовой техники (радиоприемники, радиолы, телевизоры, магнитофоны, электропроигрыватели, патефоны, холодильники, стиральные и швейные машины, электропылесосы и т.д.), использование и наличие музыкальных инструментов (аккордеоны, пианино и др.), наличие транспорта (легковые автомобили, мотоциклы, велосипеды). Из категории инженерно-технические рабочие были опрошены главы 25 семей. Общее количество людей, учитывая остальных членов, составило 127 человек. Средний состав семьи ИТР – 5 человек. Результаты показали, что практически в каждой семье имелись шкафы, кровати, столы, стулья, диваны. Однако были предметы, которые считались практически редкостью, в частности, на 25 семей имелось всего 2 комода, 6 книжных шкафов, 3 трельяжа. Из бытовой техники на 25 семей ИТР приходилось 18 телевизоров, всего 1 магнитофон, 3 электропроигрывателя, 7 фотоаппаратов, 5 холодильников, 5 электропылесосов, 13 стиральных и 22 швейных машин. Предметы культурного назначения, в частности музыкальные инструменты являлись редкостью. Всего было подсчитано 4 аккордеона и 6 других музыкальных инструментов. Из транспорта на 25 семей приходилось 11 велосипедов и всего 2 легковых автомобиля [19, л.5].

Анализ 15 семей из категории малоквалифицированные рабочие показал их низкий уровень жизни по сравнению с рабочими ИТР. В частности, на 15 семей приходилось всего 5 телевизоров, 2 холодильника, 1 электропроигрыватель, 8 стиральных машин, 2 фотоаппарата, 1 велосипед, 1 легковой автомобиль. Вообще отсутствовали магнитофон, патефон, музыкальные инструменты, электропылесосы [19, л.3].

Также были проанализированы 110 семей из категории квалифицированные рабочие промышленности. Общее количество людей вместе с другими членами составило 552 человек. Из предметов домашнего обихода в достаточном количестве были представлены мебель (шкафы, кровати, диваны, кушетки, столы, трельяжи). Из бытовой техники на 110

семей приходилось 68 телевизоров, 51 стиральных и 103 швейных машин, 99 радиоприемников, и всего 7 электропроигрывателей, 1 патефон, 13 холодильников, 6 электропылесосов, 12 фотоаппаратов. Из видов транспорта на 110 семей приходилось 24 велосипеда и всего 3 мотоцикла и 5 легковых автомашин [19, л.8].

Таким образом, анализ на предметы домашнего обихода и культурного назначения показал, что люди в достаточном количестве были более или менее оснащены мебелью. Однако ограниченное количество или вообще отсутствие предметов из бытовой техники (холодильники, электропроигрыватели, электропылесосы, магнитофоны) свидетельствует о том, что не каждый мог себе позволить приобрести их на свою заработную плату. Ограниченное количество легковых автомобилей во всех исследованных категориях подтверждают, что иметь автомобиль в 1960-х гг. было роскошью. Из всех трех категорий лучший уровень жизни был у квалифицированных рабочих и инженерно-технических рабочих, которые имели более высокую заработную плату и могли себе позволить приобретать бытовую технику и предметы культурного назначения.

Из всего вышесказанного следует, что размер имеющегося дохода в семейном бюджете был недостаточным для нормального обеспечения рабочей семьи всеми необходимыми продовольственными и, особенно, непродовольственными товарами. Этим и объясняется неоднократное откладывание специализированными органами проведения развернутого бюджетного исследования рабочих и служащих всех отраслей промышленности, а также сфер образования, здравоохранения и т.д. Государственным органам было невыгодно показывать реальную бюджетную статистику населения, так как именно в ней отражалась общая картина уровня жизни. В основном объектами исследования становились наиболее высокооплачиваемые категории, в нашем случае, рабочие угольной промышленности. Тем не менее, имеющиеся статистические данные позволили получить следующие результаты. Внутренняя структура семейного бюджета показала, что большая часть расхода отводилась на питание. Затраты на непродовольственные товары (одежду, обувь, мебель, хозяйственные вещи и т.д.), а также культурно-массовые мероприятия были настолько незначительными, что не позволяют дать бюджету более высокую оценку. Заработная плата не позволяла многим семьям приобретать бытовую технику, автомобиль. В целом, бюджетный дефицит свидетельствовал о невысоком уровне жизни населения региона в 1950-1960-е гг. Основные денежные средства затрачивались, прежде всего, на предметы первой необходимости, т.е. на питание и одежду. И это был минимум, который представлялся необходимым для «достойной человеческой жизни». В целом, можно говорить о том, что дефицит средств и экономия на всем были существенными компонентами в повседневной жизни советских людей.

Литература и источники

1. Карапетян А.Х. Доходы и потребление населения СССР. Избранные труды / под ред. проф. Н.М. Римашевской. – М.: Статистика, 1980. – 272 с.
2. Сил больше нет молчать о том тяжелом положении, в котором живут наши советские люди: Документы РГАНИ о социальном кризисе в СССР в середине 1950-х гг. / Альманах Россия. XX век. / <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah>; Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К. Повседневная жизнь городов Центрального Казахстана в 1945-1953 гг. – Караганды: Болашак-Баспа, 2010. – 252 с.
3. РГАНИ. Ф.5. Оп.30. Д.128
4. Казанцев Б.Н. «Неизвестная» статистика уровня жизни рабочего класса // Социологическое исследование. –1993. – № 4. – С. 3 – 14.
5. ГАКО. Ф.596. Оп.7. Д.66
6. ГАКО. Ф.596. Оп.7. Д.39
7. ГАКО. Ф.596. Оп.7. Д.558
8. ГАКО. Ф.596. Оп.7. Д.804
9. ГАКО. Ф.596. Оп.7. Д.891

10. ГАКО. Ф. 596. Оп.7. Д.661
11. ГАКО. Ф.596. Оп.7.Д.349
12. РГАНИ. Ф.5. Оп.20. Д.225
13. ГАКО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1555.
14. Подсчитано по: ГАКО. Ф. 596. Оп. 7. Д. 349. Л. 13-14; Д. 661. Л. 63-64.
15. Федченко М.Н. Повседневная жизнь советского человека (1945-1991 гг.). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. – 231 с.
16. Зверев А.Г. Национальный доход и финансы СССР. М.: Госфиниздат, 1961. – 343 с.
17. Советская жизнь. 1945–1953 / Составители Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева и др. – М.: РОССПЭН, 2003. – 720 с.
18. Подсчитано по ГАКО. Ф.596. Оп.7. Д.804. Л.25; Д.891. Л.22; Д.1256. Л.18; Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К. Повседневная жизнь городов Центрального Казахстана в 1945-1953 гг. – Караганды: Болашак-Баспа, 2010. – 252 с.
19. ГАКО. Ф.596. Оп.7. Д.720

4.2. ОБЩЕПИТ И ДОМАШНЯЯ КУХНЯ

Изменение общественно-политической ситуации и экономический рост со второй половины 1950-х гг. оказал существенное влияние на развитие всей сферы торгового обслуживания, в том числе, и советского общепита. В 1920-е – 1940-е гг. в период кризиса снабжения государство принимало меры по регуляции потребления продовольствия на внутреннем рынке путем искусственного или принудительного снижения спроса на продовольственные товары. В условиях общего обеднения населения питание рабочих и колхозных семей было недостаточным как по ценности пищи, так и по количественным параметрам потребления. Из-за дефицита на многие виды продовольствия для населения были введены нормы отпуска некоторых товаров в одни руки, ограничена продажа из торговой сети предприятиям и учреждениям. В 1939 г. была введена закрытая форма торговли для работников некоторых стратегических отраслей (цветной металлургии, угольной и нефтяной промышленности, электроэнергетики, ряда отраслей машиностроения и металлообработки и др.). Поэтому до середины 1950-х гг., до «хрущевской оттепели», обсуждение проблемы питания считалось мешанством, проявлением бездуховности советского человека.

Но уже в условиях нарождающегося экономического благополучия жесткое директивное регулирование заменялось мягким регламентированием потребления. На смену «синдрому жертвенности» [1], столь характерного для сталинского периода пришла «оттепель», и в потреблении: советские и партийные органы наконец-то признали советского человека полноценным потребителем, который должен был получать разнообразную, вкусную и обильную пищу. Как отмечает российский исследователь Н. Лебина, характеризуя сталинский послевоенный период, «согласно властному дискурсу эпохи большого стиля, пища должна быть высококалорийной, объемной и доставляющей удовольствие. Подобные установки соответствовали буржуазным нормам культуры еды, к которым население больших городов начало приобщиться еще перед событиями 1917 года. Разница заключалась в декларируемой всеобщей доступности дорогостоящих продуктов и услуг системы общепита и реалий жизни горожан в послевоенном советском обществе» [2, с.66].

Культура еды в центрально-казахстанских городах, складывалась по общему союзному сценарию с некоторыми поправками на национальные особенности республики. Основные признаки городской культуры еды соответствовали мирному времени, без всякой «чрезвычайщины». Н. Лебина в своей монографии отмечает основные признаки городской культуры еды в начале XX в. в России. Следует отметить, что они оказались в целом типичными для культуры еды советских горожан Казахстана в 1950-1960-х гг.: «Во-первых, горожане, в отличие от сельского населения, приобретали продукты в магазинах и на

рынках», находясь в полной зависимости от организации торговли» [2, с.15]. Одно отличие от больших российских городов в данном признаке: многие городские жители казахстанского региона либо имели придомные огородные участки, либо дачи, либо тесную связь с родственниками-сельчанами, в любом случае зависимость не была столь полной, и позволяла решить проблемы продовольственного снабжения не только через систему торговли. «Во-вторых, основная масса горожан питались дома, насыщение обеспечивалось за счет индивидуального приготовления пищи в домашних условиях. В-третьих, в крупных городах начала формироваться сеть общественного питания...» [2, с.15]. В повседневности казахстанских горожан 1950-1960-х гг. еще не теряла значимость домашняя кухня, рационалистический стиль еды не стал доминирующим. Из-за неразвитости системы общепита, его относительной дороговизны и низкого уровня жизни обращение к общепиту было возможным лишь в обеденные перерывы и, как правило, если рабочее место было в определенной удаленности от дома или же если существовали определенные льготы в оплате общественного питания.

Директивные партийные документы пестрели планами, где предусматривалось увеличение сети общественного питания за 5 лет не менее на 50% [3]. Начиная с 1950-х гг., главным принципом организации системы общественного питания стало активное использование научных теорий. Обращение к науке как основному источнику знаний о «правильном» и «здоровом» питании можно наблюдать везде: от постановлений ЦК КПСС до кулинарных книг, где цитировались высказывания академика Павлова: «Нормальная и полезная еда есть еда с аппетитом, еда с испытываемым наслаждением» [4].

Основным принципом в советском общественном питании становилось соблюдение гигиены и санитарии. Велась активная пропаганда: «Мыть руки перед едой, есть на белых скатертях, мыть посуду» и т.д. Или «Безукоризненная чистота и опрятность в кухне – важнейшее условие, от выполнения которого в значительной мере зависит качество приготавливаемой пищи» [5, с.16].

В целом, следует отметить, что в 1950-е гг. происходит новое осмысление значений слов «здоровье» и «качество пищи». Если ранее под здоровьем понимали только отсутствие болезни, то теперь – это гармоничное, сбалансированное, правильное развитие организма. Как подчеркивается в книге «Кулинария» за 1955 г.: «Чтобы быть здоровой, пища должна содержать в должной пропорции все питательные вещества, необходимые человеку для его жизнедеятельности и нормального развития» [6, с.29].

Все сферы жизни человека по-прежнему регламентировались, но в более мягкой форме («оттепель» все-таки!), и с 1950-х гг. в партийных документах стали обозначаться стандарты повседневного общественного питания, рассчитанные на «нового потребителя». Эти тенденции стали отражаться в структуре выпускаемых блюд. В частности, в ресторанах Карагандинской области на первом месте находились мясные блюда (21%), затем овощные (7%) и рыбные (6%). Крупяные и мучные изделия составляли 10%, сладкие изделия 11%, холодные закуски – 15% [7, л.417-418]. Однако провозглашенные принципы нередко оказывались чрезвычайно далекими от повседневной жизни. Безусловно, разнообразие питания можно было отследить в меню, но реально выбор блюд был ограничен двумя-тремя стандартными видами, например, из воспоминаний карагандинцев: «в меню одно, а подают другое...» [8, л.230].

Поэтому изменения в советском общепите в конце 1950-х гг. были, скорее, идеологическим проектом, в то время как «новый советский потребитель», во всяком случае казахстанец, в реальной жизни по-прежнему сталкивался как со значительным дефицитом мест общественного питания, так и низким качеством еды и обслуживания.

К концу 1950-х гг. питание трудящихся возлагалась на разнообразные учреждения общепита: столовые, закусочные, кафе и рестораны. Государство четко регламентировало функции каждого заведения общепита. Столовые и закусочные были призваны «обеспечить нормальную работу социалистической промышленности и сельского хозяйства» [9], предоставляя работникам возможность перекусить в обеденный перерыв. Кафе

предназначались для отдыха после работы, «чтения газет и журналов, легкого ужина и чашечки кофе» [6, с.88], а рестораны – для дегустации изысканных блюд, а также для «развлечений и празднований знаменательных дат или семейных событий» [6, с.87].

Города Центрального Казахстана не были исключением из общего правила. В основном сеть общественного питания находилось в ведении Карагандинского треста столовых и ресторанов. В 1957 г. в системе треста столовых и ресторанов состояло 10 хозрасчетных предприятий, из которых с 1 января 1958 г. предприятия общественного питания города Темиртау в связи с реорганизацией были передан системе Темиртауского горсмешторга [10, л.82]. В 1958 г. в Темиртау был открыт ресторан № 4 и столовая на 100 посадочных мест, павильон -пельменная на 24 посадочных мест, столовая на вещевоом рынке на 80 посадочных мест [10, л.83]. В целом по городам и рабочим поселкам области в 1957 г. было открыто 70 буфетов и 10 павильон-закусочных, трестом столовых и ресторанов – 4 столовые, в г. Темиртау – 2 столовые, 4 буфета, 2 столовые открыты были в г. Балхаше и 2 столовых в г. Джезказган [11, л.105].

По состоянию на 1 января 1959 г. в городе Караганда функционировало 22 ресторана и столовых, тогда как в конце 1960 г. – 26 на 1494 посадочных мест [7, л.416]. Однако такое количество заведений общепита на город численностью более 300 тысяч человек было более чем недостаточным. Естественно, что попасть в праздничные или выходные дни в рестораны было не просто проблемой, а огромной проблемой. Закусочные и буфеты работали при промышленных организациях и их количество в 1960 г. составило 66 точек на 586 мест. В г. Караганде была 1 чайная на 80 мест [7, л.417]. С 1959 г. при диетической столовой (единственной на весь город) была организована продажа кондитерских изделий и полуфабрикатов. Эта же столовая являлась базовой для школьных буфетов [7, л.17].

Согласно архивным данным аналогичная тенденция прироста наблюдалась и по другим городам региона. В частности, в городе Джезказган в 1959 г. функционировало 25 столовых и ресторанов на 1920 посадочных мест, тогда как в 1961 – 35 на 2938 мест. В городе Темиртау в 1959 г. работали 22 столовые и рестораны на 2078 посадочных мест, в 1961 – 41 на 4296 посадочных мест [12, л. 160]. Во втором полугодии 1961 г. в городе Караганде было открыто 2 столовых: столовая при школе №53 на 124 посадочных мест и столовая при артели «Ткач» на 20 посадочных мест. Помимо этого, при шахтах №42 и № 33 было открыто 2 буфета [13, л. 71].

С 1957 г. некоторые предприятия Карагандинского треста столовых и ресторанов были переведены на самообслуживание [14, л.3]. Вспоминает сторожил г. Караганды М.В. Фролова (1943 г.р.): «Обслуживание было хорошим. В столовых было самообслуживание. Брали что хотели покушать, на кассе оплачивали, потом поели, убрали все за собой и пошли. Всегда было чисто, столы убраны. Вкусно пахло едой, продавцы были вежливые. И продукты всегда привозили в столовую свежие. Никогда не слышала, чтобы кто-нибудь отравился в столовых. За этим в то время очень строго следили. Просроченные продукты никогда не привозили в столовую. В общежитии мы тоже питались в столовых. Так же ходили и в пельменные. Помимо пельменей там были разные салаты, и сладости к чаю» [15].

Новые объекты системы общественного питания вводились согласно плановому графику, однако, как сообщают источники, этот процесс не всегда проходил своевременно. Из докладной записки за 1959 г.: «Из-за плохой работы строительных организаций Совнархоза, такие крупные объекты как диетическая столовая, столовая на 32 квартале и кафе-автомат из года в год срываются строительные работы, а наши неоднократные требования и ходатайства через партийные и советские органы ни к каким результатам не привели» [10, л.83].

Самыми распространенными и часто посещаемыми учреждениями общепита начиная с 1950-х гг. являлись столовые, которые в основном были закреплены за «заводами, учреждениями, совхозами, машинно-тракторными станциями для обеспечения нормальной работы социалистической промышленности и сельского хозяйства» [16]. Как отмечает

респондент Н.А. Потапова, проработавшая всю жизнь на заводе ЖБИ: «где работаешь, там и питаешься» [17].

Выполняя свою основную задачу – накормить желающих, они становились совершенными механизмами массового воплощения советских идеологем в повседневность. Партийные директивы, да и сама практика пространственного размещения столовых, предельно четко обозначали желаемый социальный состав их посетителей. Рабочие, служащие и учащиеся в директивных документах объявлялись основными клиентами общепита. Таким образом, к концу 1950-х-начале 1960-х гг. и в идеологическом дискурсе, и в повседневной практике усиливается связь общественного питания и производства. Питание вне дома, зачастую приобретает оттенок «добровольно-принудительного», выступая своего рода производственной необходимостью. Столовые, которые располагались при заводах и промышленных учреждений в большинстве оказывались малодоступными для неработающих на данных предприятиях горожан или приезжих. Ограниченный доступ превращался в «неприступность» общепита. Таким образом, известный социалистический принцип «кто не работает, тот не ест», из метафоры превращался в неотъемлемую часть советской повседневности. Перекусить во внерабочее время или неработающим (помимо дома) в городах региона городе было весьма непростым делом.

Несмотря на внесение общественного питания в список наиболее значимых направлений социальной политики и тщательный контроль партийных органов различных уровней, положение в городах Центрального Казахстана в конце 1950-х не претерпело значительных изменений. Как отмечал в 1958 г. начальник областного управления торговли А. Головин, сеть общественного питания недостаточна, и развивается крайне медленно. Существующая сеть общепита крайне не справляется в виду с быстрым темпом увеличения численности населения в городах области» [12, л.234].

Довольна обычным в повседневной практике была и антисанитария в системе общепита. Типичный для заводских столовых пример: столовая № 1 ОРСа треста Сталинуголь содержалась очень грязно. Согласно отчету, такие неисправности как задымление плит, отсутствие или плохая работа водопроводной системы, отсутствие горячей воды, разрушение стен и потолков и т.д. являлись нормой [11, л.3].

Проблемы общепита также были связаны и с «человеческим фактором»: «обсчет» клиента, хамство, грубость, недобросовестное обслуживание и т.п. Достаточно интересный сюжет о такого рода прецеденте был обнаружен нами в архивных документах, датированных 30 марта 1958 г. В редакцию газеты «Советская торговля» поступила жалоба от работника вагона-ресторана Алексея Белова, который находился в командировке в г. Караганде. Письмо было следующего содержания: «Мы всей бригадой вагона 131 пошли в город и решили пообедать хотя бы в одну из столовых по центральной улице. Зашли в три столовые, но они все были закрыты на обеденный перерыв. Кто-то из прохожих нам порекомендовали пройти в Центральный ресторан. Мы зашли в ресторан, заняли стол, посмотрели меню – меню правда обширное. Подошла к нам официант и спросила заказ. Наш заказ был скромный из 4 блюд. Заказ был принят, одновременно она предложила купить водки. Мы отказались, так как зашли только пообедать. В ответ она отказала нам в обеде, мол, обеда только с водкой. Мы пригласили выйти администратору, фамилия ее Никитина, однако и она также нам ответила и еще надерзила. С трудом пообедали, заставила купить 9 бутылок водки. Хочется отметить, качество обедов было низкое, куда хуже простой столовой, выбора никакого не было. Холодные щи, винегрет из капусты, на второе блюдо подали печенку вареную вместо жареной. Бесконтрольность и безответственность, принудительно вводят алкоголизм. Прошу редакцию об этом рассказать, чтоб другим неповадно было» [11, л.26]. Содержание жалобы позволяет отметить ряд моментов. Во-первых, парадоксально, что столовые, функционирование которых должно быть рассчитано для «обедов» карагандинцев, в обеденное время закрывались (невозможно попасть в них, они «закрыты на обед» для самих работников общепита)! Во-вторых, в ситуации, когда посетители ограничены в выборе не только блюд, но и «обеденного» места, каждый работник общепита в силу отсутствия

конкуренции и собственной заинтересованности мог диктовать свои условия (например, обязательное приобретение спиртного, причем диктуется не только ассортимент обязательных для приобретения напитков, но и их количество), правила и др. Вряд ли официант мог заставить купить 9 бутылок водки посетителей, но что мог отказать в обслуживании, судя по воспоминаниям горожан, мог действительно. Жаловались люди редко, конкуренция в системе общепита отсутствовала, жалобы ситуацию не меняли, меры не принимались.

Были типичны для общепита комплексные обеды, в них должны были входить рыбные, мясные, овощные, крупяные, молочные и другие блюда. Однако, скудность ассортимента и сомнительное качество блюд нередко являлись объектом обсуждения во многих годовых отчетах. К примеру, из докладной записки Карагандинского облторга за 1959 г.: «На протяжении нескольких дней в столовых при шахтах нет мяса, овощей, сельди. Плохо снабжают птицей, нет творогу, нет фруктов, а народ просит» [18, л.230].

Власть ориентировалась в ситуации: проблемы общепита поднимались на уровне и республики, и Союза: в частности, на заседаниях секретариата ЦК КП Казахстана в 1957 г., где рассматриваемый вопрос так и формулировался: «О неудовлетворительном состоянии общественного питания в республике». При его рассмотрении выступавший Журин говорил: «Где бы я ни побывал в областях исключительный беспорядок в общественном питании... нормально можно покушать только в столовой обкома партии». Констатировалось, что лишь «23% предприятий общественного питания являлись общедоступными, остальные 77% – это закрытые столовые на предприятиях», недоступных основному населению. Катастрофически не хватало поваров, еще обучалось в учебных заведениях 500 поваров. Отмечалось, что «от работы поваров зависит качество приготовления пищи и ассортимент блюд, а у нас многие повара знают столько же, сколько домохозяйки. В потребкооперации с поварским составом и кадрами очень тяжелое положение. Ни в одном районе нет ни одного кулинара с высшим образованием». [19, л.2-3]

В отчетах фиксировалось: «Многие чайные, закусочные, а также рестораны находятся в запущенном состоянии, не обеспечены инвентарем, посудой, вилками, ножами, чайными ложками, отсутствуют солонки, горчицы, переноски. Обслуживание потребителей организовано плохо, ассортимент блюд однообразен, пища готовится невкусная и низкого качества, санитарное состояние многих столовых и буфетов неудовлетворительное. В крайне неудовлетворительном состоянии находятся рестораны и буфеты на станциях железных дорог и аэропортах. Все еще не налажено первоочередное и бесперебойное снабжение предприятий общественного питания продуктами, особенно овощами, рыбой и молоком. Плохо используются местные продовольственные ресурсы. В результате этого во многих рабочих столовых Караганды, Атасу, Темиртау... отсутствуют в продаже рыбные, овощные, молочные блюда». [20, л. 8-9]

В 1959 г. принято постановление Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии и улучшении общественного питания», обозначившее целью организовать централизованное производство полуфабрикатов для комплексного снабжения столовых, кафе, закусочных и других предприятий общественного питания» [21, с.34]. Но изменения произошли лишь в худшую сторону: в 1959 по сравнению с 1953 г. сократилась доля важнейших продуктов, используемых для приготовления пищи: птицы и мяса с 35 до 31%, рыбной продукции – с 16 до 11%, овощей с 30 до 17 %, картофеля с 36 до 22%, растительного масла с 25 до 12%. Параллельно возрос удельный вес реализации в системе общественного питания продуктов, не требующих кулинарной обработки: консервов с 10 до 15%, алкогольных и безалкогольных напитков с 12 до 29%, колбасных изделий с 13 до 31%, кондитерских изделий с 10 до 20% [22]. Именно начиная с этого периода реализация указанных товаров в буфетах, закусочных и палатках стала основным видом. К началу 1960-х гг. удельный вес продукции собственного производства снизился до 30%, тогда как удельный вес покупных товаров увеличился до 70% [13, л.25]. Однако, как показывают архивные материалы, эта тенденция дала негативные последствия. Централизованное производство полуфабрикатов

не оказало ожидаемого воздействия на увеличение производительности труда в общественном питании, а сопровождалось нерегулярным снабжением «доготовочных» предприятий. К 1975 г. только 10% предприятий общественного питания системы государственной торговли СССР комплексно снабжались тремя видами полуфабрикатов – мясными, рыбными, очищенным картофелем [21, с.51].

В начале 1960-х гг. намечается тенденция улучшения культуры общепита. С целью популяризации и расширения ассортимента национальных блюд, а также повышения культуры обслуживания в ресторанах и кафе в каждый квартал стали проводить дни национальных кухонь: русской, казахской, украинской, литовской, белорусской, грузинской, узбекской и т.д. В магазинах и кулинариях, столовых при промышленных предприятиях были организованы «столы предварительных заказов» от населения [23, л.200]. В меню столовых и ресторанах появились свои фирменные блюда, как с национальным колоритом, так и региональным. Например, в столовой № 2 по ул. Джамбула, в кафе «Весна», в ресторане «Караганда» – суп лапша домашняя, оладьи, курица по-карагандински, салат по-шахтерски, котлеты по-шахтерски, филе по-карагандински, кофе с мороженым и т.д. [24, л.563]. В кафе «Отдых» стали популярными рулет «юбилейный», блинчики «аппетитные», в ресторане «Встреча» – фирменное блюдо «бризоль», в ресторане «Айгуль» – котлета «Айгуль». [25, л.117]. В кафе «Ласточка», «Салтанат», «Отдых» четыре раза в неделю проходили вечера с эстрадной музыкой. В ресторанах «Майкудук», «Казахстан» и «Айгуль» – играл «меломан» [25, л.118]. Такими увеселениями и новым ассортиментом карагандинский общепит «заманивал» клиента в кафе и рестораны.

В августе 1968 г. в кафе «Ласточка» проходил месячник по национальной кухне, что для Караганды было своеобразным «ноу-хау». Зал был украшен в украинском стиле, на стенах висели шитые украинским орнаментом полотенца (рушники), официантки были одеты в национальную украинскую одежду. У входа на тумбочке были поставлены каравай «хлеб-соль». Меню блюд состояло только из украинской кухни: борщ украинский, вареники с картофелем, капустой, творогом, крученики волынские, пампушки с чесноком, галушки полтавские и т.д. Это мероприятие впервые транслировалось по местному телевидению [26, л.15-16]. Вспоминает М.В. Фролова: «Кафе было очень хорошее, большое. Много людей всегда посещало его, вкусно всегда готовили. А самое главное все всегда свежее было. Я иногда и с детьми ездила. Им очень нравилась там обедать. Так же покупали и домой что-то. Пироги духовые всегда вкусные были. И с варением, и с повидлом, и с капустой, и с картошкой, и с мясом, и со свеклой, и с морковью. Детям я покупала пюре с котлетой, себе брала суп или борщ. Запивали все компотом или киселем» [15].

В 1970 г. в честь 50-летия КазССР успешно прошел месячник казахской кухни в ресторанах «Старт», «Майкудук», «Казахстан» и кафе «Салтанат». Залы были оформлены в национальном стиле, официантам были сшиты формы с вышитым казахским орнаментом. Были приготовлены национальные блюда: куйрык-баур (печень с курдюком), манты жаренные, баурсаки (круглые шарики из теста, обжаренные в масле), кеспе (лапша), кабырга (ребрышки), балкаймак («медовая сметана» – домашняя подслащенная сметана, доведенная до кипения), куырдак (тушеные вместе мясо и субпродукты – печень, сердце и легкие), чай по-казахски (с молоком) и т.д. [25, л.118-119].

С особой теплотой вспоминают карагандинцы свое посещение столовых и кафе. Но в 1950-е-1960-е гг. большинство советских людей предпочитало обедать в столовых, это было значительно дешевле, чем в кафе или ресторанах. Высказывания респондентов подтверждают это. В частности, М.Ф. Михайлова отмечает: «Вся еда уже стояла на прилавках, мы брали подносы, и выбирали, что хотели. Брали обычно первое. На первое были и супы, и борщи, и лапша-суп. На второе мы обычно брали или рыбу, или котлету с пюре. Всегда в столовой были компоты свежие, кисели варили. Можно было или чай, или кофе выбрать. Меню было очень разнообразным. Потом мы подходили на кассу, нам кассир считал все, мы расплачивались. Все это стоило очень дешево. А кушать и находиться в столовой было приятно. Всегда было чисто, убрано. Все были вежливые, всегда улыбались»

[27]. Сторожил Тлеухан Елеукунович Жунусов вспоминал: «Мы чаще посещали столовые, реже рестораны, кафе. Столовые были очень доступные, зайти можно было любому человеку, заказать первое второе, третье. Раньше, в то время, мы критиковали столовые. А сейчас, когда вспоминаешь, сравниваешь с нынешним качеством, все кажется было очень вкусным. У нас в столовой на шахте питались и директора шахты. Даже руководство не стеснялось зайти и покушать в столовых. Были пельменные, пельмени готовились у тебя на виду. Или блинные, тоже сразу при тебе пекли блины и клали на тарелку. Все было очень вкусно. Пирожки стоили 5-10 копеек, газированные автоматы стояли на улице по 3 копейки. Были бочки с холодным квасом, стакан стоил 6 копеек, литр – 12 копеек. Квас был очень вкусный, и люди стояли в очереди за квасом и набирали домой 2-х или 3-х литровые банки. В ресторан ходили очень редко, только по большим событиям. Но в ресторанах все было гораздо дороже: брали лишь небольшой салатик, а в основном там были в изобилии алкогольные напитки. В ресторанах только отмечали какое-либо событие, ходили, чтобы потанцевать. В ресторан ходили очень редко, обычно собирались дома друг у друга...» [28].

Участник интервьюирования Ш. Кудайбергенов: «Посещали мы в основном рабочие столовые, кафе на 55-м квартале, так называемая «Весна» и кафе по Советской улице. По обслуживанию всякое бывало. Особо там не засиживались, дорогих обедов, изысков не заказывали. Поэтому так... слегка поесть, червячка заморить, так сказать. Это устраивало. Ну, в советское время было самообслуживание в столовых. Сам берешь блюда с подноса, а в ресторанах обслуживали официанты. Цены не были высокими, как сейчас. На 5 рублей можно было полностью наесться. Можно и даже выпить хорошо» [29]. Респондент А. Оспанова вспоминает: «Когда я работала, мы ходили обедать в столовую завода имени Пархоменко. Там были комплексные обеды. Готовили очень вкусно. На 50 копеек мы могли спокойно пообедать: за 50 копеек покупали и первое, и второе. И все это было очень дешево. Это было в 1968 – 1970 гг.» [30].

Несмотря на то, что профессиональные издания объявляли рестораны и кафе местом, где можно «развлечься, встретиться с друзьями, отметить праздник, знаменательную дату» [6, с.87], партийные документы убеждали в обратном. Общепит был, прежде всего, местом питания. Советские рестораны подчинялись общему правилу «работать, чтобы накормить»: «Посетитель приходит в ресторан, прежде всего потому, что он хочет получить вкусное, изысканное, деликатесное блюдо, такое кулинарное изделие, которое ему нигде в другом месте и, особенно, в домашних условиях, не приготовят» [6, с.87]. По воспоминаниям карагандинцев: «Ресторан от столовой внешне ничем не отличался... единственное, может быть, тем, что занавески немножко посимпатичней, но так чтобы я зашел и почувствовал разницу – нет, такого не было» [31, л.301]. Люди любили посещать рестораны, правда не всегда и не все могли себе это позволить. Горожане, доход которых был высоким, становились завсегдатями, постоянными клиентами. Вспоминает респондент А. Оспанова: «В рестораны мы ходили много. Могли себе позволить. Знакомые, друзья справляли там дни рождения. То есть, в основном по праздникам» [30].

Любили горожане посещать кафе и при различных культучреждениях (кинотеатрах, театрах, парках и т.д.). Как вспоминает респондент А. Оспанова: «Мы с мужем обязательно в воскресенье ходили в кафе при кинотеатрах. В городе были кинотеатры Ленина, Юбилейный, которые только открылись. Мы специально ходили туда пораньше и обязательно сидели в кафе. Там и сладким лакомились, и могли позволить себе пиво взять, мороженое. А потом начинался фильм, и мы уходили смотреть его. Пирожное, и лимонад попить в кафе мы ходили каждую неделю. Когда дети были маленькие, мы ездили в парк, где было кафе «Парус» с их фирменным корейским блюдом «кукси», которое подавалось в горячем виде. Очередь была большая, но мы все равно стояли и ждали» [30].

К 1970-м гг. мы наблюдаем существенное расширение системы общественного питания в городах Центрального Казахстана. Но несмотря на существующую и развивающуюся сеть общественного питания в повседневной практике горожан Центрального Казахстана, выбор все же оставался за домашним питанием. Но прежде чем

заглянуть в семейную кухню карагандинцев, рассмотрим структуру и рацион питания советского человека в целом и в Центральном Казахстане, в частности, в обозначенные хронологические рамки.

Для сравнительного анализа сопоставим установленные медицинские нормы с калорийностью рациона питания советского человека и нормы фактического потребления продуктов питания населением СССР в 1953 г. с научными нормами, разработанными в 1954 г. Институтом питания Академии медицинских наук СССР (в среднем на душу в год, в кг).

Таблица 1 – Сопоставление научных норм с фактическим потреблением населения СССР, КазССР и городов Центрального Казахстана в 1953 г. [32]

Продукты	Научные нормы	Фактическое потребление по СССР в 1953 гг.	Фактическое потребление по КазССР в 1953 г.	Фактическое потребление по городам Центрального Казахстана
Хлеб и хлебобулочные изделия	121	180	178	175
Картофель	114	153	77	75
Овощи и бахчевые	141	66	-	12
Фрукты и ягоды	98	13	-	1,7
Мясо и мясопродукты	65	32	31	38
Рыба и рыбопродукты	18,6	8,9	-	4,8
Молоко и молочные продукты	540	175	162	41
Яйца (штук)	350	84	76	15
Сахар	31,4	21	17	21

Сравнительный анализ фактических норм питания городского населения Центрального Казахстана с данными по СССР и Казахской ССР с научными нормами в таблице 1 показал, что в 1950-е гг. действительное потребление основных продуктов питания резко отставало от научных норм за исключением норм потребления хлеба, норма потребления, которого была в 1,5 раза выше установленных норм. Потребление картофеля в городах Центрального Казахстана было в 1,5 раза ниже нормы, но в целом по СССР фактическое потребление превышало допустимую норму в 1,3 раза. Фактическое потребление молока и молочных продуктов в городах Центрального Казахстана было в 13 раз ниже нормы, в 4 раза ниже в целом по СССР и в 3,5 раза ниже по Казахской ССР. Ситуация по потреблению мяса и мясных продуктов в целом по СССР, Казахской ССР и городам Центрального Казахстана была практически одинаковой, но по отношению к установленной Академией питания норме ниже в 1,7 раза. Аналогичные низкие показатели были характерны и по многим важным продуктам питания: потребление рыбы и рыбных продуктов было в 3,8 раза ниже допустимой нормы, яиц – в 23, сахара – в 1,4 раза. Ограниченное количество потребления молочных, мясных, рыбных продуктов, яиц, сахара приводило к большому недостатку в пищевом рационе полноценного животного белка, жиров, витаминов группы А и В. Потребление овощей в городах Центрального Казахстана было в 17,5 раз ниже установленной нормы, а фруктов и ягод в 65 раз. Низкое потребление овощей и фруктов явилось причиной значительного дефицита витамина С. Согласно заключению Академии питания СССР, недостаток белка и витаминов А, В, С способствует уменьшению сопротивляемости человеческого организма к различным формам заболеваний.

В целом, по заключению Академии питания СССР, проанализировавшей рацион питания населения по союзным республикам, Казахская ССР по суммарной калорийности всех продуктов питания в 1954 г. занимала 9 место – 2721 калорий (после Эстонской ССР, Латвийской ССР, Литовской ССР, Грузинской ССР, РСФСР, Белорусской ССР,

Азербайджанской ССР, Украинской ССР) [33, с.129]. Однако калорийность продуктов питания среднестатистического промышленного рабочего оставалась тогда значительно ниже физиологической нормы, определенной Институтом питания АМН СССР в 3053 калорий в сутки на человека [34, с. 13]. По уровню, составу и структуре питания Казахская ССР из трех существующих групп была отнесена ко 2 группе, которая характеризовалась следующим: «В пищевом рационе имеются все продукты, однако продуктов животноводства потребляется явно недостаточно и калорийность их составляет 22-23 % от калорийности всех продуктов» [33, с.129].

Ситуация значительно начинает изменяться к 1960-м гг. Рассмотрим общесоюзные данные.

Таблица 2 – Потребление основных продуктов питания в СССР (в среднем на члена семьи за год, в килограммах). [35]

Продукты	1961 г.	1965 г.	1970 г.
Мука, крупа и макаронные изделия	138,6	135,2	124,7
Картофель	119,9	123,1	116,4
Овощи и бахчевые	86,3	93,6	93,7
Фрукты и ягоды	22,5	36,3	45,7
Молоко и молочные продукты	318,9	327,9	367,5
Мясо и мясопродукты	54,9	57,9	70,0
Рыба и рыбопродукты	13,1	15,3	17,6
Масло растительное	5,8	6,6	6,3
Яйца (шт)	147	159	212
Сахар и кондитерские изделия	37,4	32,2	32,8

Таким образом, мы наблюдаем снижение потребления муки, круп, макаронных изделий и картофеля. Одновременно в среднестатистической семье увеличилось душевое потребление более питательных продуктов – мясных и молочных, овощей, яиц, фруктов и т.д.

Специальному обследованию подвергалось питание рабочих градообразующей отрасли промышленности – угольной. Согласно материалам статистического управления Карагандинской области, потребление основных продуктов питания среди рабочих угольной промышленности выглядело следующим образом (Таблица 3).

Таблица 3 – Потребление основных продуктов питания рабочих угольной промышленности в Карагандинской области в 1960-е гг. (в среднем на члена семьи за год/месяц, в кг). [36]

Наименование продуктов	1963 г.		1967 г.		1969 г.	
	В среднем за год	В среднем за месяц	В среднем за год	В среднем за месяц	В среднем за год	В среднем за месяц
1	2	3	4	5	6	7
Мука и хлеба в переводе в муку	126,1	10,5	147,3	12,3	139,4	12
Крупы, бобовые и макароны	14,3	1,19	15,0	1,25	15,1	1,3
Картофель	67,1	5,59	86,2	7,18	86,4	7,2
Овощи и бахчевые	69,7	5,81	77,5	6,46	64,6	5,4
Фрукты и ягоды	7,2	0,6	15,2	1,27	15	1,3
Мясо и мясопродукты	54,3	4,53	62,1	5,18	64,7	5,4
Рыба и рыбопродукты	7,8	0,650	8,1	0,680	9,5	0,800

1	2	3	4	5	6	7
Молоко и молочные продукты (включая масло животных)	297	24,8	313,8	26,2	324	27
Масло растительное и другие жиры	5,5	0,46	5,6	0,47	6,7	0,6
Яйца – штук	129	10,8	150	12,5	152	13
Сахар	21,3	1,78	23,4	1,95	22,5	1,9
Кондитерские изделия	15,5	1,29	15,8	1,32	16,1	1,3

Душевое потребление пшеничных хлебопродуктов и картофеля, несмотря на процентное снижение, находилось практически на первом месте. В частности, в общей структуре потребления в 1960-е гг. на одного рабочего угольной промышленности в среднем за месяц приходилось от 10 до 12 кг хлебопродуктов. Тогда как в 1948-1950 гг. – 24 кг [37, л.24об.], в 1951 – 1953 гг. – 17 кг. [38, л.140]. Сокращение данного вида питания по сравнению с 1950-ми гг. позволяла людям со временем увеличить потребление более ценных продуктов питания, содержащих белки и другие витамины – молочные продукты, мясо, фрукты, овощи и т.д. В частности, потребление молока и молочных продуктов существенно увеличилось по сравнению с 1940-1950-ми гг. Если в 1948-1950-е гг. их потребление не превышало 4 кг [37, л.24об.], в 1951-1953 гг. в среднем за месяц на одного человека – 5 кг [38, л.140], то к концу 1960-х достигло 27 кг. Однако здесь необходимо учитывать, что органами статистического управления в структуру питания за 1960-е гг. в эту категорию были включены такие продукты, как масло животное, различные виды сыров, кефир и творог, так что представленная в статуправлении цифра явно завышена. Но динамика была, и рост данной категории продуктов свидетельствует не только о некотором расширении рациона питания населения, но и о существенном его улучшении.

Душевое потребление картофеля в 1950-1960-е гг. практически осталось неизменным по отношению к 1940-1950 гг. Оно в среднем на одного человека в месяц сохранялось на уровне 7-8 кг. Наблюдается увеличение удельного веса потребления мяса и мясопродуктов среди горожан Центрального Казахстана. Если в начале 1950-х в среднем потребление составляло 3,5 кг на человека [37, л.24об.], в конце 1960-х – 5,4 кг.

Из списка овощей и бахчевых наиболее востребованными стали помидоры, огурцы, бахчевые культуры. Если в начале 1950-х гг. душевое потребление овощей и бахчевых культур на одну душу составляло среди горожан от 1-2 кг [39, л.3об.], то к концу 1960-х возросло до 6-7 кг. Существенно возросла доля потребления фруктов и ягод в общем рационе питания в среднем на одного человека: вместо 200-300 грамм [39, л.3об.] в начале 1950-х – до 1,5-2 кг в конце 1960-х гг. Существенное увеличение наблюдается в употреблении яиц. Если в начале 1950-х гг. их употребление в среднем за месяц на одного человека не превышало 1 штуки [37, л.24об.], то к концу 1960-х дошло до 13 штук. Незначительно повысилось потребление рыбных продуктов и достигло к концу 1960-х гг. до 800 грамм вместо 250-300 грамм в 1950-е.

Но в целом питание в регионе по-прежнему оставалось еще низкокалорийным в сравнении с усредненными союзными нормами и мировыми тенденциями. Достаточно интересные факты были нами обнаружены в документах органов статистического управления за 1963 г., где проводился анализ химического состава потребленных продуктов питания в семьях рабочих угольной промышленности Карагандинской области. Оказалось, что фактическое содержание жиров, белков, углеводов и калорий в продуктах потребления было ниже физиологических норм: белков на 25%, в том числе животного происхождения на 40%, жиров на 28%, в том числе животного происхождения на 33%, общая калорийность питания на 17%, в том числе калорий животного происхождения на 35%. Согласно установленным нормам калорийность продуктов питания должна была составлять 3210

калорий, то в действительности среди рабочих угольной промышленности Центрального Казахстана она не превышала 2662 калорий [40, л.28].

Для полного анализа сравним медицинские нормы питания, разработанных в 1970-е гг. Согласно этим данным суточная потребность лиц, занимающихся с незначительными физическими затратами – 2880 ккал, легкий механизированный физический труд требовал 3000 ккал в сутки, немеханизированный труд со значительными физическими затратами – 3200 ккал, немеханизированный труд со средними и большими нагрузками – 3700 ккал [41, с.578]

Таблица 4 – Калорийность и качество питания советского человека в 1961-1970 гг. (калл. в день). [21, с.579]

Год	1961 г.	1965 г.	1970 г.
Всего килокалорий	3095,3	3213,6	3354,8
Из них растительной пищи	2446,3	2541,9	2541,4

За 1961-1970 гг. калорийность среднестатистического рациона выросла на 8,5%. Наблюдается качественное улучшение рациона жителей СССР: возросла доля животной пищи с 21% до 24 %. Таким образом, среднестатистический рацион питания в СССР приблизился к рекомендуемому уровню потребления для легкого немеханизированного труда.

Таблица 5 – Калорийность и качество питания рабочих угольной промышленности Карагандинской области в 1960-е гг. (калл. в день). [42]

Год	1963 г.	1966 г.	1967 г.	1970 г.
Всего килокалорий	2662	2967	3053	3052
В том числе калории в продуктах животноводческого происхождения	710	725	780,9	771
Физиологическая норма потребления				
Всего килокалорий	3210	3088	3088	3180
В том числе калории в продуктах животноводческого происхождения	1095	1027	1027	1011

С 1963 по 1970 гг. калорийность среднестатистического рациона рабочих угольной промышленности Карагандинской области выросла на 14,6%. Незначительно в абсолютном выражении увеличилось потребление продуктов животноводческого происхождения на 9,5%. Но несмотря на это, доля животной пищи осталась на уровне 26%, тогда как в норме доля животной пищи в общей калорийности должна составлять от 31 до 35%. Далеки от нормы были показатели общих килокалорий. В 1963 г. при норме 3210 килокалорий среди рабочих угольной промышленности они составляли 2662. Ситуация улучшается к рубежу 1960-1970-х гг., когда мы наблюдаем приближение потребляемых килокалорий к физиологическим нормам.

Для выяснения уровня питания жителей СССР сравним калорийность и качество рациона питания с международными данными за аналогичный период.

Таблица 6 – Сопоставление рациона питания и калорийности в СССР с зарубежными странами. [43]

	1961 г.		1971 г.	
	Ккал.	%	Ккал.	%
СССР	3095,3	79	3354,8	75,7
США	2883,7	64,9	3025,8	67,8
Великобритания	3240,7	61,7	3277,5	61,6
Австрия	3190,2	68	3232,1	67,7
Швеция	2834,7	63,6	2903,5	68,6
Япония	2467,6	90,4	2704	83,2

Анализ данных показал, что СССР по калорийности питания занимал первое место среди развитых стран Запада и США. Однако качество питания уступало развитым странам из-за высокой доли растительной пищи в рационе советских людей. Подобный дисбаланс был связан с более низким уровнем потребления в Союзе молочных продуктов, мяса и фруктов, причем значительно: в 2-4 раза по отдельным видам (Таблица 7).

Таблица 7 – Уровень потребления фруктов, мясных и молочных продуктов в СССР и зарубежных странах (килограммов в год) [35]

	1961 г.			1971 г.		
	Мясо	Молоко	Фрукты	Мясо	Молоко	Фрукты
СССР	39,6	157,5	18,4	48,6	194,4	36
США	88,8	266,1	76,9	108,3	243,5	93,4
Великобритания	69,4	228,7	54,8	72,5	231,5	62,2
Австрия	65,7	219,2	134,1	78,4	219,4	109,4
Швеция	50,6	298,8	61	51,9	311	84,2
Япония	7,4	18,1	29,2	19,6	45,4	52,9

Потребление мяса и мясных продуктов СССР за 1961 по 1971 гг. возросло, однако уровень потребления молока и молочных продуктов, мяса и фруктов по сравнению с другими странами все еще оставался очень низким; качественный уровень питания оставлял желать лучшего.

Как выше уже отмечалось, горожане Карагандинской области предпочитали питаться дома. По нашему мнению, причины в первую очередь были связаны с относительной дороговизной общепита для определенной категории людей, а также ориентированностью на массового потребителя при игнорировании индивидуальных вкусов. Домашнее (семейное) питание в Центральном Казахстане имело ряд отличий от общесоюзных тенденций. Во-первых, в значительной степени на разнообразии блюд сказывалась полиэтничность казахстанского общества. Поэтому и ассортимент семейной кухни был достаточно широким. Причем отличия были характерны для семей различных, как по уровню жизни, социальной принадлежности и стратификации, материальному достатку, так и этническим признакам. В казахских семьях в структуре питания мясо, как правило, было не просто частым, а обязательным, ежедневным элементом (но это также зависело от доходов семьи). Традиционные казахские блюда (бешбармак, куырдак и др.), где основным продуктом приготовления является мясо (конина или баранина), были постоянными в национальной домашней кухне. Многие семьи казахов-горожан закупали на зиму в сельской местности (это называлось «согым») одну четвертую часть, или одну вторую (более зажиточные семьи), или даже целую тушу лошади (как правило, казахская партийная, советская элита), Мясо, как правило, зимой хранили целиком замороженным или разделанным на большие части на балконах в деревянных ящиках. Заготовленный «согым» не только демонстрировал степень

достатка в семье, это еще и позволяло решить проблему дефицита в продаже мяса. Причем казахские блюда стали со временем «визитной карточкой» для неказахов-карагандинцев при приеме гостей. Казахские национальные блюда готовили в русских, немецких и других семьях, так же, как и лепили русские пельмени или узбекские манты, делали узбекский плов, готовили корейские блюда (хе, кукси, пигоди и др.), крутили немецкие штрудели, варили украинские борщи, вареники, пекли татарский пирог-балиш и т.д. Во-вторых, заметно отличалось в 1960-е гг. продовольственное снабжение в городах Карагандинской области (Караганда, Темиртау и др.). После событий 1959 г. в Темиртау, когда социально-бытовая неустроенность рабочих казахстанской Магнитки вызвала волнения, подавленные с применением оружия, внимание партийных и советских органов к проблемам снабжения и быта региона стало более пристальным, резко улучшилось снабжение, прежде всего, продовольственными товарами, что позволяло экономить и готовить преимущественно дома.

Как вспоминают опрошенные респонденты (М.Р. Иманкулов, 1939 г.р.) мясо, колбаса в магазинах достаточно регулярно были в свободной продаже, ассортимент был небогатым, но в отличие от российских городов имелся. 1 кг баранины стоил 1,20 руб., говядины – 1,40 руб.; наиболее популярной была дешевая чайная колбаса, стоившая за 1 кг – 80 коп. Копченая колбаса была очень дорогая, цена за 1 кг доходила до 5,4 руб. На «колхозных» рынках мясо (говядина, свинина и др.) более высокого качества и лучшего ассортимента и продавались 1 кг от 4 руб. М.Р. Иманкулов вспоминает: «Хорошо помню, как в магазинах стояли бочки с черной икрой, она не была такой популярной. Икра продавалась на вес, 1 баночка грамм в 100-120 стоила 80 коп. Люди не покупали икру, она не ценилась, считалась дорогой. Вместо нее предпочитали взять 1 кг чайной колбасы. Дефицитными продуктами считались шпроты, печень трески. Еда в семье зависела от зарплат. В первые годы семейной жизни (1-3 года) при маленьких зарплатах бедствовали: мясо 1 раз в неделю, иногда и в месяц, жили на картошке, 1 кг картофеля стоил 7-10 коп., иногда брали банки с тушеной кониной, это было дешевле свежего мяса: 1 банка (200-250 грамм) стоила 27 коп. Крупы были дефицитом: гречку не продавали вообще в магазинах, на прилавках – рисовая сечка, пшено. Хороший рис также был недоступен. Макароны изделия низкого качества, серо-коричневого цвета из муки низких сортов. При варке они «расползались», потом их промывали в холодной воде, чтобы смыть крахмал. Пили преимущественно чай, кофе был большой редкостью. Если удавалось достать баночку индийского кофе или цейлонского чая, в семье был праздник. Ассортимент овощей и фруктов в магазинах был небольшой: лук, картофель, морковь, яблоки. Апельсины или мандарины с огромным трудом «доставали» только на Новый год или же привозили из Москвы, Ленинграда. Более разнообразным было меню у дачников: они занимались заготовками, солили огурцы, помидоры, капусту, варили варенье из ягод и др. Основным лакомством и взрослых, и детей было мороженое, достаточно доступное по цене – 7 коп. порция. Очень сильно у горняков отличались «тормозки» (так карагандинские шахтеры называли взятый с собой обед – от слова «тормоз», остановка на обед): если мы ели хлеб, яйца, картошку, чайную колбасу, то у некоторых (чаще всего у много пьющих шахтеров) весь обед ограничивался кожурой от свиного сала, хлебом и парой луковиц. Но в целом мы жили неплохо, шахтеры хорошо зарабатывали, особенно те, кто имел хороший стаж работы и мало пил. Шахтеры пили, из спиртных напитков тоже по-разному: многопьющие работяги пили дешевые портвейны «Солнцедар» и др., их цена была от 70 коп. за 1 бутылку (0,7 л). Водка была недешевой, за 1 бутылку «Московской» отдавали 2 руб. 60 коп. Коньяки пили только очень зажиточные люди (чиновники, торговые работники и др.). Хорошие коньяки (КВ, КВК, армянские 3-х, 4-х и 5-ти «звездочные») были дефицитными, стоили дорого, в 2 и более раз дороже водки – от 5,2 руб. и больше» [44].

В своих воспоминаниях респонденты приводят свой рацион питания за 1950-1960-е гг. К примеру, участник опроса Айгуль Оспанова говорит: «У нас казахов основное блюдо – бешбармак. Поэтому мы часто брали мясо за 1,20 рублей. Также покупали колбасу. Любили пить сладкий чай с молоком. В те годы можно было многое купить за 1 рубль. Бабушка

отправляла меня в магазин, дав 3 рубля. Я покупала 300 грамм масла, хлеб или сайку, мясо. В детстве у нас была сладость – это монпансье. Стоило оно 1 рубль за килограмм. В детстве мы любили еще одну сладость, которая у нас в городе была очень популярна. В Старом городе жило очень много переселенцев. Рядом с нами по соседству жили китайцы, корейцы, чеченцы и татары. Помню дедушку-китайца, который продавал нам сделанную им вручную сладость – петушки на палочках, почти как нынешние «чупа-чупсы». Петушки стоили 5 коп., но в основном он их менял на пустые бутылки. За одну бутылку он нам отдавал по 5 петушков. Когда он ходил по улицам, то всегда кричал «Петушкииии!», и мы все бежали к нему» [30]. Достаточно простой рацион питания был в семье Айгуль. В частности, она вспоминает: «Рацион питания был у нас обыденный. По утрам, когда собирались в школу, бабушка всегда вставала с нами и готовила чай. Мы ели хлеб с маслом и чай с комковым сахаром. В школу нам давали 10 коп., на которые мы могли купить пирожок и кисель, или чай. На обед у нас обязательно была жаренная картошка на большой сковородке и чай. Жарили картошку на бараньем курдюке» [30].

Жительница г. Караганды Жакия Джашибекова отмечает: «В нашей семье мясо всегда было в достатке, так как мы резали «согым» по казахской традиции. Запасы круп у нас всегда были. Мука, сахар – все было доступно и не считались дефицитом. Единственное, какие-то виды конфет были дефицитом и не всегда лежали на прилавках магазина. В целом мы жили в достатке. Мы ели и копченую колбасу, и сыр, и масло. Рыбы было вдоволь, она была очень качественная, жирная: селедка и другое, мы могли себе это позволить» [45]. Характеризуя свой семейный рацион питания, Жакия Жетписбаевна рассказывает: «Наш рацион, возможно, не был таким сильно разнообразным, обильным какими-то экзотическими или заморскими продуктами, но обязательно в нашем рационе питания всегда присутствовало мясо, оно могло быть вареное, тушеное, жаренное, или котлеты, или пельмени. Обязательно были крупы, картофель, макаронные изделия, овощи, часто капуста и свекла. Из сладостей были конфеты, печенья, мармелады и что-то мы сами пекли» [45]. Но частота употребления блюд из мясных продуктов в семейном меню, как отмечалось, зависела от доходов. В семье Куртбаевых в продовольственной корзине в основном были продукты растительного происхождения. Основная причина – отсутствие материальной возможности себе позволить эти виды продуктов. Вспоминает Б. Куртбаева: «В основном мы ели морковь, свеклу, картошку, немного мяса и рыбы. Ели в основном овощные салаты, мы всегда предпочтение отдавали растительной пище, а также обязательно каша, супы, борщ, окрошка. Очень редко делали пельмени и всегда по праздникам национальное блюдо – бешбармак. Мы ели мясо редко, оно было доступным, но моей зарплаты не хватало на покупку мяса на каждый день» [46].

В шахтерской семье Жунусовых основными продуктами питания были рожки, яйца, все молочное. Респондент о торговле продуктами питания вспоминает: «Мясо в основном брали в магазине. На базаре домашнее мясо брали редко. Не каждый день, потому что у нас в семье не принято было на базарах отовариваться часто, тем более в Караганде их было не очень много. Овощной продукции было много, овощные магазины были полны картошкой и морковью, но фруктов было недостаточно» [28]. Характеризуя свой семейный рацион питания и торговлю Тлеухан Елеукенович отмечает: «По утрам в основном ели яичницу, потому что яйца были в избытке, так как у нас в Караганде была своя птицефабрика. Яйца, а также рожки и консервы всегда были в изобилии. Ну и раз в день может быть какой-нибудь суп из мяса, к примеру, из баранины. К тому же в то время неплохо кормили нас на шахтах: давали горячее питание и «тормозки». Шахтеров в целом очень хорошо кормили. Можно было зайти в столовую или кулинарию и набрать там рыбу. Самой распространенной была жаренная рыба минтай. Дешевыми были всевозможные пирожки, везде продавались чебуреки. Насчет питания все было очень хорошо, голодными никто не ходил» [28].

Обычный для славянских казахстанских семей рацион питания был в семье Потаповых. Вспоминает Надежда Александровна: «Рацион был обыкновенный – борщ, пельмени, манты. Кстати, баурсаки пекли тоже. На Урале, где я раньше жила, помню, было

подобное блюдо, называлось «кольца». Просто делали из теста кольца, а здесь – баурсаки – «шарики». И мы тоже стали их печь. Мы не знали, что такое манты, корейские салаты. Приехав в Казахстан, познакомились с национальными блюдами разных народов. Салаты сначала мы пробовали у корейцев, потому что их нигде не продавали. А потом сами научились все это готовить» [17]. Из воспоминаний М.В. Фроловой: «В основном мы ели рис, гречку, масло, сметану, молоко, огурцы, помидоры, свеклу, макаронные изделия, сахар, чай, яйца, муку, конфеты, пряники, печенье, колбасы. В то время продукты были очень вкусные. Все продукты были свежие». Мария Васильевна вспоминала: «Любили лепить манты, вареники, пельмени и галушки. Так же покупали компоты и лимонады. Сладкое к чаю или сами пекли, или в магазине покупали, но в основном покупали. Детям я всегда варила молочные каши» [15].

Несколько лучше рацион питания был у горожан, имеющих свое подсобное хозяйство. Вспоминает Мария Федоровна Михайлова: «Все свое было – домашнее. В основном мы ели картофель, помидоры, морковь, картофель, кабачки, баклажаны, мясо, молоко, творог, сметана, яйца. На первое, как и в каждой семье, мы готовили разные супы, борщ и солянку. На второе мы готовили плов, толченую картошку, пельмени, манты, жарили котлеты, запекали уток и кур. В холодильнике всегда было сало, вареные яйца, зеленый лук. Соленья разные доставали на стол. Моя старшая дочь не любила обедать в школьной столовой и бегала на большой перемене домой. Пожарит яйца с салом, хлеб, лук порежет. Поест и назад в школу на уроки шла: мы жили рядом со школой. Когда дети были маленькие, я им готовила каши, молочные супы, варила какао. Молока у нас было много... Для гостей мы всегда готовили бешбармак. Это было обязательное блюдо на нашем столе в любой праздник. Когда приезжал в гости кто-нибудь, то резали уток или гусей. Запекали в духовке, жарили котлеты. Рыбы у нас всегда много было. Мы заказывали пласты хека, его тушили: пережарим, добавим лук, сметану и тушим в казанке. А летом всегда рыба была: карп, сазан, карась. Рыбаки ловили и сдавали в столовую рыбу, мы там рыбу и покупали. Можно было купить столько, сколько надо. Лишь бы деньги были, если нет денег, то нам давали рыбу под ведомость, потом из зарплаты вычитали. Рыбу мы и коптили, и сушили. Мужчины всегда ели рыбу с пивом. Каждый четверг считался рыбным днем. И всем они нравились, особенно детям. Говорили они: вот бы рыбный был бы каждый день!» [27].

Как видим, несколько отличной от казахов была домашняя кухня у русских, украинцев, немцев и др. В их рационе питания доминировала, как правило, славянская или европейская кухня. В отличие от казахов, которые питались в основном кониной или бараниной, мясо в славянских семьях – преимущественно говядина или свинина. Больше в рационе питания у неказахских семей было овощей и овощных блюд, рыбы. Но независимо от этнической принадлежности интернациональная кухня – это особенность семейной кухни казахстанцев. Многонациональный состав населения Центрального Казахстана, сформировавшийся за годы депортаций, репрессий, аграрной и промышленной миграции и т.д., оказал огромное влияние на повседневный рацион питания. Домашняя кухня не только по праздникам, но и в повседневной жизни включала в себя национальные блюда разных народностей. Вспоминает Айгуль Оспанова «Из казахских национальных блюд в семье готовили бешбармак, когда приглашали гостей. Часто готовили плов в казане. Нельзя не сказать о наших фирменных баурсаках и казахских лепешках – шелпеки. У нас были друзья русские, которые всегда готовили казахские национальные блюда. Моя соседка Света любила готовить бешбармак, которому она научилась у меня» [30].

Богатый ассортимент блюд разных национальностей был представлен в семье Михайловых. Хозяйка дома Мария Федоровна с удовольствием вспоминает: «На новый год мы всегда готовили бешбармак. Утку или гуся запекали в духовке. Это было обязательным блюдом. Брели гуся, начиняли яблоками и рисом, зашивали его и запекали. Всегда старались салатов побольше сделать: хе, зимний, сельдь под шубой и другие. Пекли разные торты, пирожные. На праздники жарили котлеты, запекали мясо, картошку тушили, плов варили, крошку делали, голубцы, перец фаршировали, доставали дачные соленья» [27]. Мария

Васильевна Фролова делится своими воспоминаниями: «На Пасху мы обязательно красили яйца, пекли булочки, куличи, пасхи. Всегда приходили гости к нам на все праздники. Бешбармак тоже готовили из конины, свинины или говядины. Так же жарили котлеты и рыбу, варили манты, пельмени и вареники. Всегда готовили салаты. Ингредиенты на салаты в магазине были доступны. Можно было приготовить, что угодно лишь бы деньги были. На праздники старались побольше пельменей налепить. На зиму мы всегда солили и огурцы, и помидоры» [15]. Бахыт Куртбаева вспоминает: «В основном готовили манты, бешбармак, плов. Из других национальных блюд мы обожали борщ, окрошку и манты» [46]. Тлеухан Елеукенович оценивал семейную кухню в советское время: «В семейном кругу по праздникам в основном готовили бешбармак, винегреты, салат-оливье, но широкого ассортимента, как такого не было. В основном рацион был одинаковый. Винегрет или оливье, манты или бешбармак» [28].

Своими впечатлениями поделилась респондент Надежда Александровна Потапова: «В моей семье центральным блюдом было на любой праздник – это манты, оливье, винегрет, мясо в духовке, салаты» [17]. Жакия Джашибекова отмечает советскую казахстанскую традиционность в домашнем меню: «Традиционно это манты, бешбармак, оливье – без них никак, потом появились селедка под шубой, хе (морковча), салат из свеклы, огурцы и помидоры консервированные. Кухня была интернациональная» [45].

Результаты опроса подтвердили, что домашняя кухня в советских семьях в Центральном Казахстане была представлена разными национальными блюдами: и казахская, и украинская, и русская, и корейская, и узбекская и т.д. Но были и свои «коронные», фирменные блюда во всех карагандинских семьях, независимо от национальности – бешбармак и манты, плов и оливье. За время хрущевской оттепели видоизменилась продовольственная корзина советского потребителя: была ликвидирована нехватка хлеба, увеличилось количество потребляемой животной пищи, произошло качественное улучшение рациона жителей СССР в целом, и Центрального Казахстана, в частности.

Анализ потребления различных видов продуктов питания по отдельным категориям показал, что к концу 1960-м гг. люди в повседневной практике все чаще стали употреблять продукты, насыщенные белками, витаминами и минеральными веществами; изменилась структура питания горожан в сторону более здоровой и разнообразной пищи; структура питания в 1950-1960-е гг. улучшилась по сравнению с 1940-ми. Наблюдается увеличение мясных, молочных, овощных и фруктовых продуктов, которые стали оказывать существенное влияние на здоровье населения городов Центрального Казахстана. В целом, за 1950-1960-е гг. наблюдается улучшение структуры питания городского населения Казахстана.

Литература и источники

1. Сактаганова З.Г. Экономическая модернизация Казахстана. 1946-1970 гг. – Караганда, 2012. – 365 с.
2. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 488 с.
3. О мероприятиях по дальнейшему развитию советской торговли // Правда. – 1953. – 23 октября; О мероприятиях по улучшению работы предприятий общественного питания // Правда. – 1956. – 13 марта.
4. Правда. – 1957. – 15 сентября.
5. О вкусной и здоровой пище. – М., 1954. – 447 с.
6. Кулинария // Под ред. Лившица М.О. – М.: Госторгиздат, 1955. – 564 с.
7. ГАКО. Ф.691. Оп.1. Д.1488
8. ГАКО. Ф.691. Оп.1. Д.1945
9. Правда. – 1956. – 13 марта
10. ГАКО. Ф.555. Оп.1. Д.202
11. ГАКО. Ф.555. Оп.1. Д.201

12. ГАКО. Ф.555. Оп.1. Д.279
13. ГАКО. Ф.555. Оп.1. Д.343а
14. ГАКО. Ф.613. Оп.1. Д.35
15. Интервью с М.В. Фроловой (1943 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
16. Правда. – 1956. – 13 марта
17. Интервью с Н.А. Потаповой, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
18. ГАКО. Ф.691. Оп.1. Д.344
19. АП РК. Ф.708. Оп.30. Д.254
20. АП РК. Ф.708. Оп.30. Д.289
21. Басков Л.П. Системность в планировании общественного питания. – М.: Экономика, 1983. – 120 с.
22. Подсчитано по: ГАКО. Ф.596. Оп.1/10. Д.20. Л.139-242; Д.25. Л.12-298; Д.28. Л.1-157; Д.31. Л.1-158; Д.34. Л.2-341; Д.51. Л.1-216; Д.56. Л.1-209
23. ГАКО. Ф.613. Оп.1. Д.407
24. ГАКО. Ф.555. Оп.1. Д.489
25. ГАКО. Ф.555. Оп.1. Д.997
26. ГАКО. Ф.555. Оп.1. Д.814
27. Интервью с М.Ф. Михайловой, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
28. Интервью с Т.Е. Жунусовым, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
29. Интервью с Ш.К. Кудайбергеновым, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
30. Интервью с А. Оспановой, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
31. ГАКО. Ф.691. Оп.1. Д.455
32. Таблица составлена на основе данных: Советская жизнь. 1945 – 1953 / Составители Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева и др. – М.: РОССПЭН, 2003. – 720 с. – С. 127; ГАКО. Ф.596. Оп.7. Д.181. Л.150; Д.193. Л.141-144
33. Советская жизнь. 1945–1953 / Составители Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева и др. – М.: РОССПЭН, 2003. – 720 с.
34. Казанцев Б.Н. «Неизвестная» статистика уровня жизни рабочего класса // Социологическое исследование. –1993. – № 4. – С. 3 – 14
35. <http://rusmirzp.com/2013/10/18/category/history/34376/attachment>
36. Подсчитано по: ГАКО. Ф.596. Оп.7. Д.804. Л.27; Ф.596. Оп.7. Д.891. Л.10-11; Ф.596. Оп.7. Д.989. Л.8.; Ф.596. Оп.7. Д.1034. Л.40; Ф.596. Оп.7. Д.1256. Л.13-14
37. ГАКО. Ф.596. Оп.7. Д.13
38. ГАКО. Ф.596. Оп.7. Д.33
39. ГАКО. Ф.596. Оп.7. Д.26
40. ГАКО. Ф.596. Оп.7. Д.804
41. Большая Советская Энциклопедия. – Т. 19. – М., 1975.
42. Подсчитано по: ГАКО. Ф.596. Оп.7. Д.804. Л.28; Ф.596. Оп.7. Д.891. Л.22
43. http://rusmirzp.com/wp-content/uploads/2013/10/131018003n_tabl-2.jpg
44. Интервью с М.Р. Иманкуловым, записано З.Г. Сактагановой в Караганде в 2016 г.
45. Интервью с Ж.Ж. Джашибековой, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
46. Интервью с Б.Ш. Куртбаевой, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.

4.3. ТОРГОВЛЯ В ГОРОДАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Становление городского образа жизни неразрывно было связано с изменением потребительской сферы. С середины 1950-х гг. в советском обществе начался процесс структурных изменений, направленных на повышение качества жизни граждан. Коснулось это как общепита, сферы обслуживания, так и советской торговли. Нельзя не согласиться с мнением Ю.В. Аксютин, что социальная политика в этот период носила эгалитарную, уравнивательную ориентацию: то, что прежде составляло привилегии номенклатуры и передовиков производства (в том числе доступ к более ценным продуктам питания и предметам домашнего обихода) становилось возможным для широких слоев населения [1, с.431].

Именно в это хрущевское десятилетие «культура советской торговли» стала обретать новый смысл, точнее «обрастать» новыми признаками. С одной стороны, это позитивные перемены, когда «в обновленный концепт «культура советской торговли» входили: рациональная организация процесса продаж (предполагавшая усовершенствование товаропродвижения и организации торговой сети, максимальное внедрение в практику работы прогрессивных форм торговли и дополнительных услуг, механизацию); широкий ассортимент товаров для удовлетворения спроса; высокое качество отделки торговых залов, с удобным, красивым и дешевым оборудованием из современных материалов; наличие рекламы и информирования покупателей». [2, с.152]. К прогрессивным формам торговли относились продажа товаров по методу самообслуживания, с открытой выкладкой и по образцам. В магазине самообслуживания посетитель имел свободный доступ ко всем товарам или подавляющей их части, отбирал сам нужные ему вещи, а денежные расчеты и (при необходимости) упаковку производил кассир-контролер. В магазинах, работавших по образцам, покупатель прибегал к помощи продавца для получения товара после предварительного ознакомления с моделями, представленными в торговом зале или в каталоге. Открытая выкладка предполагала свободный доступ к выложенным на рабочем месте продавца товарам, покупатель самостоятельно производил выбор, после чего обращался к продавцу-консультанту, который подсчитывал стоимость покупки, получал деньги, упаковывал и выдавал товар. Одни магазины полностью переводились на прогрессивные формы торговли, другие – имели лишь соответствующие отделы и секции. В 1950-е гг. появляются гастрономы – крупные продовольственные магазины с несколькими отделами; ранее такие магазины назывались просто «продукты» или «продовольственный». В 1970-е гг. стало распространяться название «универсам» [3].

Но, с другой стороны, в этой культуре проявились негативные стороны: «дефицит», «блат», «продажа из-под полы», советские очереди, обвес, обмер, жульничество и т.п. стали неотъемлемой чертой советской торговли.

Ситуацию со снабжением в СССР с 1960-х по 1980-е гг. можно назвать ситуацией постоянного, тотального и всеобъемлющего дефицита. Под термином «дефицит» понимали вещи (продовольственные или промтовары), которые невозможно было найти в свободной продаже, чаще всего, импортного производства или советские, но хорошего качества. Сотрудник магазина или склада, который имел доступ к дефицитным товарам, автоматически возводился в ранг «нужного» человека. Быть знакомым с таким человеком считалось очень удачным и называлось «блатом». Блат, таким образом, являлся практикой обхода формальных процедур, регулирующих доступ к ресурсам, как правило, относящимся к сфере личного потребления. Когда нужной вещи не было в магазине, можно было попытаться задействовать свои знакомства для поисков нужного товара, приобрести искомое из-под полы, на базарах и барахолках, с рук и т.п. И, наконец, если гражданин занимал какой-нибудь видный пост (партийный, государственный, в силовых структурах или в торговле), он мог претендовать на получение желаемых товаров вне общей системы распределения. Одной из специфично-советских стратегий потребления в советском обществе в условиях дефицита, как известно, был блат. Исследователь А. Леденева называет

блатом использование неформальных контактов (родных, друзей, случайных знакомых) для получения товаров и услуг, отсутствующих в магазинах или лучшего, чем в магазинах, качества, а также для влияния на принятие решений. Леденева подчеркивает: использование неформальных каналов не было вопросом выбора, это также была вынужденная мера в условиях постоянного дефицита [4].

Вспоминают карагандинцы: «В советское время торговые работники, продавцы очень хорошо себя чувствовали, потому что все пытались завести с ними знакомства. Если знакомый продавец – он тебе оставит по благу и хорошее мясо без костей, и какие-нибудь консервы, например, красную икру завозили, но редко, и можно было попросить «оставить» баночку. Мы не пользовались благом, потому что нас родители так приучили, ни у кого ничего не просить. А кто с продавцами в хороших отношениях были, они всегда по благу что-нибудь покупали. Особенно, если завмаг твой приятель или друг, это вообще было очень хорошо. Можно было набрать дефицитные продукты и одежду. А мы покупали в магазине то, что продавалось» [5]. Для большинства благу был обыденностью, повседневной практикой. «Это для нас было нормальным явлением, что по благу можно было достать какие-то завозные или импортные продукты. Часто это были болгарские консервированные изделия, которые не всегда были в продаже. По благу люди могли через знакомых брать такие товары как одежда, обувь и т.д.» [6]. «Лично я по благу ничего не покупал. Ну, так был слышан, что люди по благу берут мебель и ковры. На импортные ковры и мебель записывались в очередь. Потому что в магазинах стояла мебель Карагандинской фабрики, которая была однотипная, ведь ассортимент был небольшой. Чтобы взять спальную гарнитуру или ковер нужно было иметь знакомых или доплачивать» [7]. Основными причинами распространения благу простые люди считали: «Советский благу был распространен, так как не было богатого ассортимента одежды и мебели, поэтому многие доставали все через благу. У кого в торговле не было знакомых, обходились простыми вещами. Но очень хотелось зарубежных товаров» [8].

Классический пример – хорошо известные советским людям монологи-миниатюры народного артиста СССР Аркадия Райкина о значимости торговых работников, о роли благу и дефицита в советском обществе. Одна из миниатюр «Дефицит», снятая в 1972 г. – колоритная пародия на тех работников торговли 1960-х-1970-х гг., кто готов был искусственно создавать дефицит, лишь бы чувствовать свою исключительность. Там герой Райкина, сидя в салоне самолета, обслуживаемый симпатичной стюардессой, намазывая на белый батон красную икру, говорит: «Все идет к тому, что всюду все будет. Изобилие будет... Но хорошо ли это будет?». И сам отвечает на свой вопрос: «Нет, не торопись... Я прихожу к тебе и через завсклад, через директора магазина, через товароведа достал дефицит. Ни у кого нет, а у тебя есть! Попробовал, во рту тает! Вкус специфический! ...Я тебя уважаю! Нам другой день ты идешь ко мне... Я через завсклад, через директора магазина, через товароведа, через заднее крыльцо достал другой дефицит. ...Ты меня уважаешь, и я тебя уважаю! Мы с тобой уважаемые люди... Все городское начальство завсклада любит, завсклада ценит. За что? Завсклад на дефиците сидит!» [9]. Эта миниатюра, хотя и была записана в 1972 г., отражала и реалии, и повседневные практики, и мышление советского человека не только 70-х, но и предыдущего десятилетия – 60-х гг. А мыслил и говорил такой человек с гордостью о себе, как обладателе презумпции абсолютного превосходства над другими: «Мы с тобой уважаемые люди». К сожалению, это был не единичный пример мышления, и даже те из советских, кто так не мыслил, также жил в реалиях дефицита, благу, спекуляции и жульничества и т.п.

Формируется особый сленг, связанный со спецификой советской торговли, который понимали только советские люди. Давно и хорошо знакомые слова в условиях тотального дефицита обретали другой смысл. Например, продукты или промтовары уже не покупали, а «доставали», имелось в виду их отсутствие в свободной продаже и необходимость буквально «достать» их из советского небытия на прилавках. Дефицитные вещи в магазине уже не продавали, их «выбрасывали», и это было действительно так, потому что, во-первых, они

уже не продавались какое-то время, а сразу, одновременно исчезали в покупательских руках, как выброшенные вещи исчезали в мусорном ведре. И, во-вторых, их было такое ничтожное количество по сравнению с количеством желающих их приобрести, что про эти вещи вновь говорили не купили, а «расхватили». Часто вместо «купить» говорили «отовариться», то есть приобрести товар. В очередях не задавали вопрос: «Кто последний?», спрашивали: «Кто крайний?», хотя очевидно, что края в очереди не было. В повседневной жизни, когда каждый день 2-3 часа (а в общей совокупности иногда и больше) советский человек, как минимум проводил в очереди (в магазине, в больнице, в обустройстве ребенка в садик, за квартирой, машиной и т.п.), никто не хотел чувствовать себя последним! Специфический смысл появления таких слов, как блат и дефицит, мы уже выше объясняли. Из-за отсутствия вещей в продаже в магазинах, дефицит перепродавался на вещевых рынках. Рынки, на которых продают или «толкают» одежду или «барахло» называли толкучкой или барахолкой и эти названия сохранились и в 1950-1960-е гг.

Таким образом, блат стал нормой в повседневной жизни советских людей. Большая часть продовольственных или промышленных товаров, необходимых в быту, не доходила до прилавка магазинов, а разбиралась «по своим» еще на складах. Позже такой товар распродавался на «барахолках» в десятки раз дороже. Тотальный дефицит в торговле проявлялся еще и наличием огромных очередей «везде и за всем». Но у советских людей отношение к очередям было своеобразным и разным. Кто-то возмущался, а кто-то относился с терпением. Вспоминает Э. Кудайбергенова: «Это было почти нормой, потому что за всем надо было стоять в очереди, особенно в 1970-е гг. Если копченную или докторскую колбасу «выбросили» в магазине, то надо было стоять 2 часа в очереди. Конечно, это раздражало, в очереди ругались постоянно. Но за всем надо было стоять, если не будешь стоять, останешься без колбасы или без мяса». [5]. Воспоминания Потаповой Н.А.: «К советским очередям никак нельзя относиться, кроме как негативно. Кто хочет отработать смену и потом стоять 3-4 часа в очереди за килограммом колбасы? Если у тебя нет с собой ребенка, тебе дадут только 1 килограмм. Если у тебя есть ребенок, ты радуешься, потому что тогда дадут 2 килограмма. Как к очередям можно относиться?! Если у тебя праздник и тебе нельзя купить водки, не отстояв в очереди. Как к ним можно относиться! Конечно, плохо. Там, кстати, и скандалили. Даже драки были: люди же разные. Скандалы были всегда, без этого очередь не простоишь» [10]. Об очередях говорит и М. Фролова, но с иным настроением: «Да, очереди были, особенно перед праздниками. Зато в очереди общались друг с другом. Так видется времени не было. Целыми днями мы были на работе, а еще и подрабатывали. Вот в очереди в магазине увидимся, поговорим. Говорят, люди за мебелью, за машинами в очереди стояли. На рынке очереди часто были. Пытались купить что-то подешевле, сторговаться». [11].

Таким образом, очереди в советское время считались также нормой повседневной жизни. Людям не нравились очереди, но иной возможности «отовариться» без блата не было. Для некоторых советских женщин очередь выполняла функцию социальной сети: все новости узнавали в очередях, встречали знакомых, рассказывали о своих проблемах, обсуждали чужие. Люди, либо теряли вне рабочее (иногда и рабочее) время в очередях, либо через блат, если таковой имелся, доставали необходимые для себя продовольственные и непродовольственные товары. Нахождение в очереди напрямую сказывалось на удовлетворении потребностей людей, в том числе базовых (например, в питании) и, стало быть, затрагивало самые основы жизни. Стоять или не стоять в очередях не было вопросом выбора, это была вынужденная мера в условиях постоянного дефицита. Причем очереди горожане занимали, не зная, что продают, что «выбросили» в магазине. Тема очередей часто являлась объектом шуток и острот; очереди занимали с ночи, в очередях записывали номера ручкой на руке, составляли списки очередников и вывешивали на закрытых дверях магазинов, в очередь посылали в рабочее время «представителя», который отстаивал часами за свой коллектив и т.д. В повседневных практиках, связанных с очередями, отражались и специфика советской ментальности, и мучительный характер самого процесса, и покупок

«про запас», и покупки любого товара, за которым стоит очередь, пусть и не очень нужного или совсем не нужного. [4]

В целом система торговли в Центральном Казахстане в 1950-е-1960-е гг. получила значительное развитие в сравнении с послевоенным десятилетием. При управлении торговли города Караганды функционировали: Ленинский, Октябрьский, Кировский, Советский пищеторги, облплодоовощторг, горпромторги, «Гастроном», «Одежда», «Хозтовары», универмаг, «Продтовары»; в ведении Темиртауского управления торговли находились первый и второй пищеторг и горпромторг [12, л.27-28]. В г. Балхаше – горпромторг и горпищторг; в Абае и Шахтинске функционировали горторги; в Джезказгане в системе торговли – горпищторг, горпромторг [12, л.27-29]. В городах Центрального Казахстана, начиная со второй половины 1950-х гг., была создана широкая сеть продовольственных и промтоварных магазинов. Повсеместно стали открываться магазины, которые носили однотипные и простые названия: «Хлеб», «Молоко», «Мясо», «Рыба», «Гастрономический магазин», магазин «промышленных товаров» и т.д.

Согласно объяснительной записке к отчету Областного торгового управления в 1959 г. по облторгуправлению насчитывалось 220 магазинов, киосков и палаток – 71. Всего торговая сеть области составляла 291 единицу с количеством 590 рабочих мест. Из общего количества специализированных продовольственных магазинов насчитывалось 49, из них 19 хлебных, 7 мясных и мясо-рыбных, 6 овощных, 13 молочных, 1 вино-водочный, 3 бакалейно-гастрономических. Специализированных непродовольственных магазинов насчитывалось 47, в том числе: по продаже тканей – 6, по продаже швейных товаров – 5, галантерейно-парфюмерных товаров – 5, посудно-хозяйственных – 14, по продаже обуви – 2, спорттоваров – 3, детских товаров – 3, электротоваров – 1, культтоваров – 2, мебельных – 3. [13, л.3]. В 1959 году был открыт магазин №7 по продаже автомашин, спорттоваров и электротоваров [13, л.107]. В 1960 г. в городе Темиртау функционировало 46 магазинов, из них: 9 продовольственных (2 хлебных, 2 мясо-рыбных, 2 плодоовощных, 1 винно-водочный, 2 молочных) и 11 промтоварных (1 спорттоваров, 1 детский, 4 хозяйственных, 1 мебельный, 1 уцененный, 2 комиссионных, 1 парфюмерный) [14, л.222]. В начале 1970-х гг. в городах области функционировали 308 продовольственных и промтоварных магазинов, из них 174 – продовольственных, (из них с универсальным ассортиментом – 54, хлебные – 30, молочные – 8, овощные – 37, прочие – 45). А также 134 непродовольственных магазина: в том числе, 17 швейных, 23 посудно-хозяйственных, 19 обувных, 75 прочих. [15, л.289]

Как отмечает респонденты, товары карагандинцы преимущественно приобретали в магазинах. Вспоминает Т. Жунусов: «В основном все покупали в магазинах. На колхозных рынках продукты и товары покупали очень редко, как-то не принято было на рынках отовариваться. Помню, был рынок в Михайловке и, по-моему, в старом городе. На рынках даже была выше цена, чем в магазинах [7]. Остальные респонденты подтверждают информацию: «Базаров было мало и поэтому туда мы редко ездили. В Михайловском базаре изредка мы докупали продукты по более приемлемым ценам» [8]. О достаточном количестве магазинов и товаров в них в Темиртау вспоминает М.Ф. Михайлова [16].

Несмотря на рост сети магазинов, торговля в городах имела свои особенности. Регулярно возникал дефицит на продовольственные товары и товары широкого потребления. Из докладной записки за 1959 г.: «Гормолзавод г. Караганды крайне недостаточно производил завоз цельного молока и молочной продукции, изготовленной из цельной продукции. Не хватало кефира, творога. На хлебзаводах постоянно отсутствовал полный ассортимент хлеба и хлебобулочных изделий. Часто хлебзаводы выпускали некачественный хлеб, который был непригоден к реализации» [17, л.111].

Из материалов отчета Госторга города Караганды за 1959 г. следует, что товарооборот возрос на 13,8% [13, л.108]. Фонды продовольственных товаров были освоены почти полностью. Но в отчетах зафиксирован в магазинах недобор продуктов: рыбы, сельди, консерв, растительного масла из-за скудного ассортимента на базе «Казмясорыбторга». Широким спросом среди населения пользовались овощные и фруктово-ягодные консервы:

вишневые и сливовые варенья, джемы клубничный, ежевичный, малиновый, а также томаты и огурцы маринованные, баклажаны нарезные, перец фаршированный, однако именно эта категория продуктов постоянно имела ограниченный ассортимент, что вызывало частные возмущения со стороны населения [13, л.110]. Свежая рыба также продавалась нечасто, дефицит создавали магазины: из-за отсутствия холодильного оборудования, они просто не хотели принимать скоропортящийся продукт [13, л.6].

Дефицит продовольственных товаров людям приходилось восполнять на колхозных рынках. Мясо, молоко, зерно, муку, картофель и другие овощи население приобретало на колхозных рынках городов Караганды, Балхаша, Сарани, Джезказгана, Темиртау. [18, л.3] Воспоминания об ассортименте на рынках: «Обычные повседневные продукты мы покупали в магазине, а вот мясо родители покупали всегда на рынке, потому что домашнее – и вкуснее, и жирнее» [19]. «На базаре мы покупали фрукты и овощи. В магазин почему-то часто не привозили овощи и фрукты. А на базаре этого было море: и мандарины, и апельсины, и персики. На базаре можно было сторговаться, что-то купить дороже, что-то дешевле» [16]. «Мы помимо магазина, который был рядом с домом, закупались и на базаре. На базаре казахи всегда брали мясо по низкой цене» [20].

Многие респонденты, например, отмечали дефицитность хороших фруктов и острую нехватку цитрусовых. Вспоминает А. Оспанова: «Фрукты мы видели мало. В основном ели ранетки, ягоды. Насобираем этих сладких ягод и наедемся. И в магазин идти не надо. Мандарины, бананы – это все было в дефиците, поэтому их ели очень редко. Такого продовольствия как сейчас – это нам во сне снилось. Денег хватало, но не было этой продукции» [20]. Участник интервью Ш. Кудайбергенов отмечает: «Хотелось цитрусовых, но их не возили, а деньги были» [5]. Бахыт Куртбаева к числу дефицитных товаров отнесла мандарины, лимоны, апельсины: «Но этих продуктов не было в продаже в магазине» [8]. Респондент Жакия Джашибекова прокомментировала: «Конечно, как в нынешнее время не было такого ассортимента фруктов, мы их как бы ели, но привозили их сезонно. Например, апельсины у нас связывались только с Новым годом, потому что они появлялись на прилавках только ближе к концу декабря. Раньше, в детстве вкус и запах апельсина, аромат цитрусовых будоражил и сразу напоминали елку и Новый год» [19].

Весьма интересным для нас является степень удовлетворенности населения ценами на продукты питания. Вспоминает респондент Эльмира Шакерхановна: «Как раз цены нас в советское время устраивали. Раньше вообще все копейки стоило. Литр молока стоил 24 коп., а бутылка от молока – 20 коп. Ржаной хлеб стоил 16 коп., белый – 24 коп., батон – 25 коп., шоколадное мороженое стоило 15 коп., сливочное 13 коп., пломбир 22 коп., а чебурек – 14 коп., проезд на автобусе 5 коп. Арбузы были 25 коп. за килограмм, если берешь арбуз тяжелый 6 – 7 килограмм, он стоит 1 рубль 50 коп. стакан семечек 10 коп. Очень дешево все было, поэтому зарплаты маленькие были, но на продукты хватало» [5]. А. Оспанова «В целом дорогих продуктов не было. Вот только фруктов было немного. На базарах они хоть и были, а в магазинах – очень мало. В достатке в магазинах имелись сгущенка, тушенка и варенье. Очень вкусная была халва, стоила 1 рубль за килограмм. В те годы карагандинские конфеты ценились очень высоко, не уступали московским или импортным, такие как «Красная шапочка», «Мишка косолапый». Иногда мы могли себе позволить их купить. Они стоили килограмм – 5 рублей 50 копеек. Мы даже знали, сколько штук выйдет на сто грамм» [20]. Вспоминает Б. Куртбаева: «На то время цены устраивали. Мы были молодые, если на мясо не хватало денег, то брали консервы. У нас у молодежи хорошо шла килька в масле. Очень был популярный продукт» [8]. Ю.Д. Охонько, отметила: «Цены тогда устраивали, было все тогда намного дешевле. Только нужно была главное достать, а не купить» [6]. Респондент Т. Жунусов: «Цены устраивали. В то время все было дешево. В 1960-1980-е гг. хлеб и различные булочные изделия стоили очень дешево. Булка хлеба стоила 16 коп., а белый хлеб – 24 коп. Были даже булочки по 3 коп. очень вкусные. Цены были приемлемые на продукты питания. В середине 1980-х начались проблемы с ценами, и стали магазины пустеть» [7]. Респондент Жакия Джашибекова: «Цены были приемлемые. Такие продукты

как хлеб, кефир, творог были дешевые и доступные. Широкий ассортимент был представлен в хлебобулочных изделиях: сайки, горчичный хлеб, булочки, пряники, печенья. Все эти продукты были настолько доступны, что на 1 рубль мы могли себе позволить купить хлеб, мороженное, пирожное и стакан сока» [19].

Таким образом, материалы интервьюирования подтверждают, что стоимость продуктов питания вполне удовлетворяла карагандинцев. Несмотря на дефицитность некоторых продуктов, они были по цене они были доступны каждому работающему советскому гражданину.

Для сравнения материалов интервьюирования горожан сопоставим с данными архивных документов. В начале 1960-х гг. эксперименты хрущевских реформ в области сельского хозяйства зашли в тупик. Нехватка продуктов стала настолько явной, что летом 1962 г. власти вынуждены были повысить цены на мясо, молоко, масло, яйца и сахар на 25-30%. [21]. Дефицит продовольственных товаров зачастую объяснялся в материалах отчетов тем, что «многие торгующие организации неумело организуют торговлю, плохо маневрируют имеющимися товарными ресурсами, допускают перебои в торговле достаточными товарами». Государственная инспекция по торговле при Совете Министров Казахской ССР при проверке в декабре 1961 г. установила случаи длительных перебоев в торговле достаточными товарами в городах Караганде, Сарани и Темиртау. Например, зафиксировано, что в филиале № 2 гастронома г. Сарани не было яблочного и виноградного соков, соусов всех наименований, концентратов каш, бараньего жира, советского и голландского сыров, килек соленого и пряного посолов, субпродуктов, детской смеси, соды пищевой, соли, овощных консервов, хотя эти товары имелись на оптовых базах и в подсобных помещениях магазина. В хозрасчетном магазине №11 Карагандинского горпищеторга не было в продаже мяса фасованного и субпродуктов при наличии их на мясокомбинате; томатов, яблочного сока, свежемороженой рыбы, концентратов каш, пшена, джема и др. товаров, хотя они также имелись в подсобном помещении магазина. Аналогичные факты вскрыты и в других магазинах горпищеторга и ОРСа: в магазине №3 горпищеторга г. Темиртау в декабре не было в продаже макарон, крупы, перца, повидла, джема, жиров животных, хлопкового масла и др. Перебои в торговле выявлены и в магазине №78 этого же торгова. Особенно серьезные недостатки в организации торговли вскрыты в сельской торговой сети» [17, л.11]. Эти частные примеры – типичны для всей системы советской торговли.

Тысячи граждан из всех регионов страны писали в высшие органы власти, и в первую очередь в ЦК КПСС, о неудовлетворительном снабжении городов, рабочих поселков хлебом, сахаром, жирами, мясом и другими продовольственными товарами, просили помощи, выражали недовольство. Кто-то предлагал ввести продуктовые карточки, кто-то советовал руководителям страны «чаще бывать там, где плохо, чтобы своими глазами увидеть жизнь страны». [22]. Некоторые просили «оказать воздействие на торгующие организации», другие предлагали «потрясти» секретаря обкома партии за плохую работу, встречались в письмах и такие просьбы: «Если можно, сообщите по радио и правдиво расскажите все трудности». [23, л.93].

Данные из конъюнктурных обзоров и сообщений торговых корреспондентов союзглавторга о состоянии розничной торговли по СССР за 1960-1962 гг. позволяют отследить продовольственное снабжение по Караганде: «Постоянно подсолнечное и хлопковое масло. В продаже постоянно широкий ассортимент круп и макарон изделий. Достаточно картофеля. Мало моркови, чеснока, соленых помидоров и огурцов. Не было фруктов, помимо лимонов. Сахара достаточно, кондитерские изделия, в основном, местного производства. Мало кондитерских изделий в обертке. Перебои в продаже водки, вина в узком ассортименте» [24].

Питание горожан Центрального Казахстана напрямую было связано с продовольственным снабжением в торговой сети и, как уже отмечалось, было значительно лучше, чем в ряде регионов СССР. Для сопоставления снабжения в разных городах разных

союзных республик приведем краткие выводы обзоров (по 24 учтенным городам СССР) по отдельным видам продовольственного снабжения. Торговля мясопродуктами в данные годы ухудшилась: нормально торговали мясопродуктами в 7 городах (г. Целинограде, Вильнюсе, Тбилиси, Ереване, Баку, Ташкенте, Ашхабаде), в остальных 17 спрос не удовлетворялся. В большинстве городов не хватало и колбасных изделий, они были в узком ассортименте. Молока и молочных продуктов в большинстве учтенных городов не хватало. Торговля молочными продуктами во многих городах проходила неудовлетворительно: из 24 учтенных городов постоянно в продаже молоко в 11 городах; не удовлетворялся спрос на молочнокислую продукцию и животное масло, было недостаточно маргарина, в ряде городов не было твердого сыра. В 14 городах не хватало сливочного масла. Яиц не было или не хватало почти всюду: спрос на яйца не удовлетворялся в 22 городах, из них в 7 городах яиц вообще не было в продаже. Постоянно в продаже сельдь и рыбные консервы, но в узком ассортименте. В ряде городов не хватало консервов в масле, рыбных деликатесов и гастрономии, жирных сельдей. Рыбы, особенно свежемороженой и копченой, недостаточно, ассортимент ее был ограничен. Из 24 учтенных городов в 20 масло растительное продавалось постоянно, в остальных городах его не хватало. Макароны в продаже были бесперебойно, в отдельных городах не хватает макарон высших сортов. Крупы в недостаточном количестве и узком ассортименте. Торговля овощами в основном проходила удовлетворительно (в продаже были лук, свекла, огурцы), но в ряде городов не хватало свежей капусты, моркови, чеснока, овощных консервов. Во многих учтенных городах мало было фруктов и цитрусовых. Спрос на картофель по-прежнему не удовлетворялся в ряде городов, в 6-10 городах не хватало картофеля. Постоянно в продаже сахар в ассортименте. Чай достаточно, но ассортимент его в ряде мест был ограничен. Не хватало кондитерских изделий в расфасовке и коробках, шоколада и шоколадных конфет, карамели в завертке, халвы, пастилы, зефира, вафель и конфет в подарочном оформлении. С перебоями продавалась водка в 8 городах, не хватало шампанского, коньяка, марочные вина в узком ассортименте. В отдельных городах не удовлетворялся спрос на ликеры, настойки, наливки [25].

Из конъюнктурного обзора о состоянии торговли Карагандинской области в 1959 г. следует, что торговля хлебом и хлебобулочными изделиями осуществлялась в относительно широком (для советской эпохи и провинциальных городов) ассортименте. Имелся в продаже хлеб из пшеничной муки, а также 4-6 наименований булочных изделий. Постоянно были в продаже крупы: пшено, манка, с перебоями – рис и горох. Макароны в продаже представлены 4-5 наименованиями. Периодические недопоставки были в продаже круп перловой, ячменной, гречневой и риса. Постоянно имелись в продаже капуста, огурцы, соленые помидоры, свекла, лук репчатый. Не было в продаже картофеля, моркови, чеснока, свежих фруктов [24, л.1]. Постоянно имелось в продаже мясо свиное, говяжье, баранина, субпродукты первой и второй категории, консервы мясорастительные, колбасные изделия 5-7 наименований. Незначительные перебои были по доставке молока и молочной продукции. Не хватало в продаже консервов, кулинарных изделий и мясных полуфабрикатов [14, л.2]. Перебоев с поставкой рыбы не было, она всегда имела широкий ассортимент, за исключением рыб осетровых пород и красной рыбы [14, л.61].

В 1964 г. ассортимент продовольственных товаров был более широк. Увеличились виды кисломолочной продукции, например, плавленые и твердые сыры, творог и т.д. Значительно расширился ассортимент кондитерских изделий. Постоянно имелись в продаже карамель в завертке, шоколадные и глазированные конфеты, мармелады, зефир, пастила [26, л.92-93]. Широким спросом среди населения городов пользовались высокосортные грузинский, индийский и цейлонский чай. [26, л.94]. Систематически ощущался дефицит детских продуктов питания: молочных смесей, каш, отваров, молочных концентратов, супов, сухих завтраков и кофейных напитков [26, л.94]. Из консервной продукции ощущался недостаток закусочных консервов – фаршированных (перец, кабачки), маринадов (огурцы, помидоры), обеденных блюд (рассольников, борщей, щей). Расширился ассортимент соков,

компотов, киселей. [15, л.96]. Таким образом, мы видим существенные изменения в расширении ассортимента продовольственных товаров.

Структура товарооборота и соотношения продовольственных и промышленных товаров претерпела изменения к концу 1950-х гг. Удельный вес промышленных товаров в 1959 г. составил 60,1% против 50,3% в 1956 г. [13, л. 3] и 43% в 1976 г. [17, л.290].

Одной из причин роста спроса на промышленные товары было улучшение материального состояния населения. У людей появилась возможность свои «излишние» деньги потратить на покупку товаров широкого потребления. В первой половине 1950-х гг. властями было проведено массовое снижение цен на товары широкого потребления. В итоге возросла покупательная способность советского рубля. Но чрезмерно высокие темпы снижения цен нарушали нередко экономически необходимое соотношение между ценой и себестоимостью товара. Производство потребительских товаров росло, не только медленнее промышленного производства, но и значительно ниже намеченных планом уровней. Ассортимент товаров расширялся, но их хронически не хватало: магазины были в запущенном состоянии, с длинными очередями, которые охотились на дефицитные товары, неожиданно появляющимися в продаже. Исследователи отмечают, что в обиход вошло понятие «достать», вытеснившее понятие «купить» [27, с.14]. Проблема потребления разрасталась в обществе до невероятных масштабов, и важнейшей частью повседневности советских людей было «доставание» необходимых вещей. В 1956-1958 гг. были снижены цены на детскую одежду, штапельные ткани, алюминиевую посуду, радиотовары, телевизоры и фотоаппараты. С 1 июля 1959 г. были снижены цены на часы, велосипеды, радиолы, детские игрушки, виноградные и плодово-ягодные вина. С 1 марта и 1 апреля 1960 г. снижены цены на электрические швейные машины, шелковые ткани радиоприемники медикаменты. В 1961 г. проводилось снижение цен на галантерейные и хозяйственные товары, на некоторые швейные изделия и культтовары.

Узкий ассортимент промышленных товаров в городах Центрального Казахстана так же являлся неотъемлемой частью повседневной жизни. Это можно отследить по материалам проверочных отчетов. Из конъюнктурного обзора за 1959 г.: «В течении года резко ощущался недостаток полотенчатой ткани, полотенец штучных, сатинов, ситцев, головных и носовых платков, мебельно-декоративной ткани и т.д. На протяжении всего года в продаже отсутствовали штапельные полушерстяные ткани, на которые имелся повышенный интерес среди населения [28, л.4]. Несмотря на то, что в 1959 г. ассортимент швейных изделий был значительно расширен по сравнению с 1957-1958 гг., розничные предприятия продолжали испытывать недостаток в зимних одежде, особенно улучшенного качества: к примеру, мужских и женских костюмов, мужские и подростковые брюки отечественного производства. Слабый спрос имелся на детские и женские пальто светлых тонов [28, л.4]. В большом спросе были трикотажные и меховые изделия. Отмечалось, что несмотря на повышенный спрос, торговое управление в основном отоваривалось шапками ушанками с матерчатым верхом. Шапки с кожаным верхом в продаже имелись очень редко, цельно-меховые изделия в течение нескольких лет совершенно отсутствовали. Резко ощущался недостаток мужской и женской кожаной обуви, как модельных, так и массового пошива [28, л.4].

Из конъюнктурного обзора Карагандинских торговых сетей за 1960-1963 г. следует, что в продаже имелись хлопчатобумажные ткани (саржа, бельевые ткани, полотенчатые), полушерстяные костюмы, драпы, мужские и женские полушерстяные пальто. Не хватало в продаже – мебельно-декоративных тканей, ситцевых, ворсовых, сатинов, байковых [29, л.118]. Периодически отсутствовали в продаже мужские и женские плащи из натурального и искусственного шелка, хлопчатобумажных мужских сорочек. Совершенно не было в продаже мужских фетровых и велюровых шляп, скудный ассортимент женских шляп. Из группы детской одежды не полностью удовлетворялся спрос на платья школьного, дошкольного и особенно ясельного возрастов; недостаточно шерстяных брюк для мальчиков дошкольного и школьного возрастов, детских пальто [30, л.18об.]. Перебои в торговле

майками, детскими комбинациями, мужскими и детскими теннисками, мужскими сорочками. В недостаточном ассортименте обуви: систематически отсутствуют мужская обувь 41-42 размеров, женская 37-38 размеров, для девочек-подростков – 36, детская – 30 размеров, школьная – 34, дошкольная – 22-25 размеров [31, л.51].

Об ассортименте и качестве промтоваров остались воспоминания старожил городов. «Денег на одежду уходило немного. На одну зарплату можно было детей одеть с ног до головы. Самое главное вещи были очень качественные. Например, у моей старшей дочери была шуба, так эту шубу носила и моя младшая дочь, и сын старшей дочери, и ее дочь. И до сих пор эта шуба целая. Вот сколько поколений пронесло, только реставрировали манжеты и воротник» [11]. «С вещами было очень проблематично. В магазинах одежды было много, но она была однообразная, не модная. По блату можно было купить какой-нибудь польский костюм или туфли. А наша советская одежда была одинаковой, немодной. Но люди носили, потому что она была качественная. Драповое пальто можно было носить несколько лет, оно было не изнашиваемое. Была своя обувная Карагандинская фабрика. Обувь была красивая, и ее было много. А вот в дефиците были меховые шапки, их покупали на базаре. Там кто-то занимался индивидуальным пошивом: шили и продавали там же и сразу. Молодежи, особенно нам, молодым парням, с модной одеждой было тяжело. Она была неразнообразная» [7].

Парадокс советской торговли заключался в том, что востребованные изделия были дефицитом, зато товарами, которые не пользовались спросом, были завалены все магазины. В избытке в магазинах были предоставлены валяная обувь всех размеров и кирзовые сапоги, тогда как утепленной кожаной обувью для мужчин, женщин и детей никогда не удовлетворялся спрос населения. Из детской обуви не было в продаже с 22 по 25 размер, хотя это были самые «ходовые» размеры. В ограниченных объемах поступали детские туфли и ботинки [32, л.20]. Анализируя отчет о потребительском спросе на непродовольственные товары за 1965-1966 гг., выявляется нехватка шерстяных и полушерстяных мужских костюмов, курток, пальто, детскую обувь и т.д. [32, л.47]. Из мебели не хватало в продаже стульев, табуреток, книжных, плательных и бельевых шкафов, кухонных, обеденных и письменных столов, тумбочек, столовых и спальных гарнитуров. Из посуды в продаже была ограничена железо-оцинкованная посуда, в том числе, ведра; не поступали регулярно в продажу тарелки фарфоровых и фаянсовых. Из электротоваров не было в продаже электрочайников, электрокофейников, нагревательных элементов, электроутюгов. Ограничено поступали светильники всех видов, не удовлетворялся спрос населения на холодильники и стиральные машины [33, л.21].

Большой спрос среди населения был на товары следующих марок: часы марки «Заря», «Мечта», «Весна», «Чайка» (по цене 23-28 руб.), фотоаппараты марки «Зенит», телевизоры марки «Рекорд-12», «Беларусь», «Волхов», «Радий», «Сигнал» [33, л.48]. Появление первых телевизоров в повседневной жизни для людей было уникальным событием, но и они стали дефицитом, несмотря на дороговизну.

Недостаток товаров широкого потребления вызывал массовое недовольство населения. Спрос на них в лучшем случае удовлетворялся на 40-50%. Низкое качество продукции легкой промышленности, однообразие и унификация в моделях и цветовой гамме одежды, крайне ограниченный ассортимент потребительских товаров способствовал восприятию советских людей сторонними наблюдателями, как плохо и безвкусно одетой в серо-коричнево-черные цвета однородной массы. Оценку внешнего облика советских людей и советских магазинов сторонними наблюдателями, например, зарубежными туристами, очень точно передал латиноамериканский писатель Г. Маркес, находившийся в 1957 г. на фестивале в Москве: «все одинаковы, все в старой и плохо сшитой одежде и дурной обуви», «пижамы выше качеством, чем обыкновенная верхняя одежда», «редкие витрины государственных магазинов – скудные и незамысловатые», «в Советском Союзе нет рекламы, поскольку нет ни частного производства, ни конкуренции» [34].

В 1950-1960-е гг. во всех городах Центрального Казахстана стали открываться специализированные магазины по реализации продовольственных и непродовольственных товаров. Однако, несмотря на незначительное увеличение ассортимента предлагаемых товаров городское население также остро нуждалось в промышленных и бытовых товарах первой необходимости. Дефицит тех или иных продуктов не ставил казахстанское население на грань голода, но по понятным причинам воспринимался достаточно болезненно и в воспоминаниях порой представляется большим, чем был в действительности. Проблема также усугублялась несбалансированной системой сбыта и распределения продуктов, которая порой приводила к значимым перебоям особенно в малых городах. И именно эти сбои в продовольственном и промышленном обеспечении населения приводили к неудовлетворенности и обострению конфликтов, в некоторых случаях создавая очаги напряженности и девиантного поведения. Одним из таких очагов стал развивающийся город Темиртау в августе 1959 г. После этих событий система снабжения и торговли стала работать значительно лучше, снабжение Караганды и Темиртау стало под особым прицельным вниманием партийных и советских органов.

Эгалитарные процессы в обществе неизбежно влияли на изменение ее организационных форм, сказывались на новых тенденциях пространственного размещения торговых объектов, в составе реализуемой потребителям продукции и, самое главное, во взаимоотношениях продавцов и покупателей. Таким образом, торговля оказывалась значимым фактором социокультурной модернизации советского города 1950-1960-х гг. Но в целом приоритеты советского государства в развитии экономики не способствовали развитию производства предметов потребления. Это порождало в практике повседневности горожан дефицит, однообразность в потреблении, блат и другие негативные тенденции.

Литература и источники:

1. Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. 2-е изд. - М., 2010. - 431 с.
2. Твердюкова Е.Д. *Contradictio in adjecto*: буржуазные ценности советской торговли 1950-1960-х гг. // Советский мегаполис: Ленинград в процессе модернизации: сб. ст. - СПб.: Северная звезда, 2014. - С. 152-187 / <http://rushistory.org/stati/contradictio-in-adjecto-burzhuaaznye-tsennosti-sovetskoj-torgovli-1950-1960-kh-gg.html>
3. Беловинский Л.В. Энциклопедический словарь истории советской повседневной жизни. - М.: Новое литературное обозрение, 2015 / <https://books.google.kz/books>
4. Иванова А. Изображение дефицита в советской культуре второй половины 1960-х – первой половины 1980-х годов / Неприкосновенный запас. – 2011. – №3 (77) / <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/iv18.html>
5. Интервью с Э.Ш. Кудайбергеновой, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
6. Интервью с Ю.Д. Охонько, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
7. Интервью с Т.Е. Жунусовым, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
8. Интервью с Б.Ш. Куртбаевой, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
9. Миниатюра Аркадия Райкина «Дефицит» (1972 г.) <http://moscvichka.ru/moscvichka/2013/12/16/7-luchshih-miniatur-arkadiya-rajkina>
10. Интервью с Н.А. Потаповой, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
11. Интервью с М.В. Фроловой, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
12. ГАКО. Ф.691. Оп.1. Д.1945
13. ГАКО. Ф.555. Оп.1. Д.279
14. ГАКО. Ф.555. Оп.1. Д.339
15. ГАКО. Ф.555. Оп.1. Д.1734
16. Интервью с М.Ф. Михайловой, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016г.

17. ГАКО. Ф.555. Оп.1. Д.216
18. ГАКО. Ф.555. Оп.1. Д.234
19. Интервью с Ж.Ж. Джашибековой, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
20. Интервью с А. Оспановой, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
21. <http://www.nlobooks.ru/node/2690#sthash.kX6tLuuP.dpuf>
22. Сил больше нет молчать о том тяжелом положении, в котором живут наши советские люди: Документы РГАНИ о социальном кризисе в СССР в середине 1950-х гг. / Альманах Россия. XX век. / <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1007373>
23. РГАНИ. Ф.5. Оп.30. Д.135
24. РГАЭ. Ф.81. Оп.1. Д.55
25. РГАЭ. Ф.81. Оп.1. Д.186
26. ГАКО. Ф.555. Оп.1. Д.499
27. Виниченко И.В. Перемены в повседневной жизни советских людей как результат новой социально-экономической политики государства в период «оттепели» // Омский научный вестник. – 2011. – № 3(98). – С. 13-16
28. ГАКО. Ф.555. Оп.1. Д.201
29. РГАЭ. Ф.81. Оп.1. Д.187
30. ГАКО. Ф.555. Оп.1. Д.311
31. РГАЭ. Ф.81. Оп.1. Д.658
32. ГАКО. Ф.555. Оп. 1. Д. 311.
33. ГАКО. Ф.555. Оп.1. Д.544а
34. Маркес Г.Г. СССР: 22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы // <https://www.livelib.ru/quote/296620-sssr-22-400-000-kvadratnyh-kilometrov-bez-edinoj-reklamy-kokakoly-gabriel-garsiya-markes>

ГЛАВА 5. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОЖАН

5.1. ОБРАЗОВАНИЕ

Значительное влияние на повседневную жизнь Центрального Казахстана оказывали такие социокультурные характеристики, например, как уровень образования горожан; он определял их дальнейшую занятость, доход, влиял на формирование мировоззренческих установок, ментальность. Образовательный процесс в 1950-1960-е гг. осуществлялся через дошкольные учреждения, систему начальных, средних и семилетних школ, а также средне-специальные и высшие учебные заведения. За период с 1957 по 1959 гг. несколько раз была изменена программа школьного обучения. В 1957 г. Президиум Верховного Совета КазССР принял указ «О всеобщем семилетнем обязательном обучении детей в Казахской ССР». Согласно изданному закону все дети в возрасте 15-16 лет обязательно должны иметь образование в объеме семи классов школы. Все юноши и девушки в возрасте 15-20 лет, не имевшие семилетнего образования, обязаны были учиться в школах сельской и рабочей молодежи или заочно. В 1959 г. семилетние школы были реорганизованы в восьмилетние. Законом Верховного Совета республики «Об укреплении связи школ с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в Казахской ССР», принятом в 1959 г. вводилось всеобщее обязательное бесплатное восьмилетнее образование для детей в возрасте от семи до 15-16 лет и переход на 8-летний всеобщий завершился к 1963 г. [1, с.335] В 1964 г. вводилось обязательное среднее десятилетнее обучение, разрабатывались новые учебные программы и планы.

В 1955-1960 гг. происходит рост школьной сети и детсадов. Согласно статистическим данным в Карагандинской области в 1955 г. функционировало 592 школ с охватом 110 тыс. учеников. В 1960 г. количество школ увеличилось до 618, где обучалось 172 тыс. учеников. Большая часть школ в области (70%), была размещена в приспособленных старых помещениях [2, л.63].

Важным шагом в претворении поставленных задач в области образования явилась четкая организация учета детей школьного возраста. Учет детей возложили на местные советы депутатов трудящихся, которые проводили работу совместно с родительскими комитетами и руководством школ. Все населенные пункты были разбиты на школьные микрорайоны. Учителя до начала учебного года совершали подворную перепись детей в возрасте от 6 до 16-17 лет. Запись детей в школу определялась, как правило, по территориальному принципу. Школьная жизнь для ребенка начиналась с торжественного празднования «Дня знаний», линейки, которая ознаменовала переход к «взрослой и самостоятельной» жизни и подчинение принятым в школе строгим правилам поведения. Вспоминая чувства, вызванные этим событием, информанты указывали на трепет, волнение с одной стороны и ожидание с другой.

«1 сентября – это всегда был торжественный день и праздник, для всех учащихся и родителей. На линейку обязательно надевали праздничную, нарядную форму. Всегда носили школьную форму, пиджак, брюки и белую рубашку. Ученики шли в школу с небольшим букетом цветов (астры, гладиолусы). На школьном стадионе было много учеников и их родителей, кругом цветы. День знаний начинался с торжественной общешкольной линейки, которую открывал директор школы. Он поздравлял всех с началом учебного года, давал строгие напутственные слова, связанные с успехом в учебе, с новыми достижениями и знаниями. Объяснял, что мы должны хорошо учиться, быть патриотами своей Родины. Потом выступал завуч, старшая пионервожатая и еще какие-то люди. Ученики пели гимн страны, первоклассники рассказывали стихи. После торжественной линейки все строились парами, и шли в свои классы, где обязательно проводили классный час, посвященный «Дню знаний»

[3]. Так, 1 сентября становилось своего рода ритуальным событием. Дети шли в школу в праздничной одежде, с букетом цветов, в сопровождении родителей. Линейка проходила, как правило, в школьном дворе, где мелом были расчерчены квадраты, на которых должен был располагаться тот или иной класс. После линейки ребенок шел в класс, в который его определили.

Архитектура и интерьер советских школ соответствовали стандартному образцу. С конца 1950-х гг. в связи с увеличением объемов финансирования происходило материальное переоснащение школ. Например, в конце 1950-х-начале 1960-х гг. старые довоенные наклонные парты с откидными крышками были заменены новыми [4].

Из воспоминаний: «Школа мне показалась огромным дворцом: большая, светлая, просторная: актовый и спортзал, столовая, школьная библиотека, кабинет домоводства, слесарные и швейные мастерские, огромная раздевалка, пионерская комната, кабинет иностранного языка» [5].

«Отдельное помещение в школе занимала столовая. Обязательным на большой перемене было посещение столовой. Для каждого класса устанавливалось особое расписание посещения столовой. На неделю мы сдавали 1 руб.20 коп. следовательно – на день хватало 20 коп. Еда была вкусная: коржики, колечки с орешками, глазированные сырки, а вкуснее всего – мармелад яблочный в маленьких ванночках, такого уже давно нет. В столовой на 24 коп. можно было купить и первое и второе и третье блюдо. Детям-сиротам выдавали талоны, по которым они бесплатно питались. В целом, питание в школе было разнообразным, и стоило символически, то есть очень дешево» [6].

Н.Т. Завотпаева о школьных годах: «Из воспоминаний первого класса: помню стены белого цвета, покрытые известкой; полы, покрашенные коричневой половой краской; деревянные парты, покрашенные голубой краской. Парты были простыми. Наверху была крышка, а под ней были потайные шкафчики. На лицевой стороне парт, вешали портфели. На каждой парте стояла чернильница, в которую мы макали перо. Чаще всего моя тетрадь была в кляксах из чернил. В третьем классе (1969-1970 гг.) к нашей великой радости у нас появились ручки со стержнем. Мы с ужасом вспоминали ручки с железными перьями. Помню, на стене была полка, которая называлась «Ленинский уголок». Там лежала тетрадка, в которой один из лучших учеников удостоивался сделать домашнее задание. Эта тетрадь выдавалась на дом самому лучшему ученику на один день. В этой тетради он должен был безупречно выполнить домашнее задание. Это вызывало чувство гордости. Еще одним достоянием, также вызывавшим чувство гордости, являлась печать с красной звездой, которая ставилась при проверке домашних заданий. Также в каждом классе было достаточно много цветов и растений. Каждый день за ними ухаживали дежурные по классу». [7]

Существовали специальные инструкции о санитарных правилах по устройству и содержанию общеобразовательных школ. Такие инструкции подробно оговаривали каждую деталь устройства школы. Например, для лучшего освещения необходимо было «протирать ежедневно влажным способом стекла окон с внутренней стороны и тщательно мыть их снаружи не менее трех раз в год и изнутри не менее одного раза в месяц». В примечании указано, что «к мытью окон безотносительно этажности здания, воспрещается привлекать учащихся даже старших классов». В действительности же это предписание нарушалось, и школьникам предписывалось самим следить за чистотой. Кроме того, подобные инструкции содержали рекомендации относительно цвета, в который должны были быть выкрашены стены, как должны располагаться шторы на окне, деревья близ здания школы, плакаты и стенгазеты в классе. Мощность ламп в местах временного пребывания школьников должна была отличаться от тех, что необходимо было иметь в учебных помещениях и т.д. В санитарных нормах говорилось о том, что каждая школа должна иметь школьный участок, предназначенный, в том числе и для игры детей на переменах. Однако на практике покидать

здание школы ученикам на перемене запрещалось, вследствие чего отдых учеников на переменах проходил в школьных коридорах.

«На переменах у нас никто никогда не скучал, было весело. С 1-го по 3-й класс во время перемены все девочки выходили на улицу и играли в скакалки, классики. Мальчишки играли в такие игры как догонялки, уголки, казаки – разбойники, а также бежали в спортзал поиграть в пионербол. На школьных переменах прыгали через резинку в высоту. Начинали с щиколотки и доходили до талии». [8]

Поддержанием порядка в школе занимались дежурные из числа учеников средних и старших классов. Их отличительным знаком была красная повязка на правой руке. «Дежурные классы дежурили по неделе, они приходили в школу за час до занятий. Классный руководитель в строгом порядке устанавливал график дежурства в школе в определенном месте. Два дежурных ученика стояли у входной двери и следили за сменной обувью». [9]

Одним из аспектов стандартизации школьной жизни была школьная форма. Довоенная форма, впервые введенная в 1943 г., была скопирована с дореволюционных образцов. Старожилы Караганды вспоминают: «В то время было обязательным ношение школьной формы. Мальчики носили синие костюмчики с алюминиевыми пуговицами, карманами на груди и шевроном на рукаве. Девочки носили коричневое платье, черный фартук, черные или коричневые банты, белые воротники и манжеты. В торжественные дни носили белые фартуки и белые банты. И заметьте, его носили круглогодично: осенью, зимой и весной. В этой одежде было холодно зимой и жарко весной. Для того чтобы как-то скрасить унылый вид школьных платьев, мамы пришивали черное кружево к стандартным повседневным фартучкам, строчили атласные и батистовые белые фартуки. Самые смелые и изобретательные мамы создавали чудеснейшие модели из кружевного полотна. В обязательном порядке была сменная обувь» [10].

Рассмотрим количество школ в Карагандинской области во второй половине 1950-х гг. (таблица 1)

Таблица 1 – Количество школ в Карагандинской области на 1 сентября 1959 г. [11, л.48]

Учебный год	Количество школ по типам по состоянию на 1 сентября 1959 г.						всего
	средних	в т.ч. казахских	семилетних	в т.ч. казахских	начальных	в т.ч. казахских	
1957–1958	101	23	212	81	299	158	612
1958 – 1959	113	10	209	68	308	160	630

Из данной таблицы видно, что в 1957/1958 уч. г. количество казахских школ в области составило: средних–23%, семилетних– 38%, начальных – 53%. В 1958/1959 уч. г. количество казахских школ составило: средних– 9%, семилетних– 33%, начальных – 52%. В целом за 1958/1959 уч. г. за счет реорганизации происходит увеличение сети средних школ на 12. Также в эти годы происходит уменьшение казахских школ на 13, в т.ч., средних. В данный период идет процесс постепенного закрытия национальных школ в республике.

С 1 сентября 1959 г. в области работало 3 школы-интерната, а с 1-го января стала функционировать четвертая школа-интернат в г. Темиртау в составе 1-4 классов с контингентом учащихся 115 человек. В 1958/1959 уч. г. количество школ, включая начальные, семилетние, средние, составило 630. Общее количество школ в г. Караганде – 81, в г. Балхаше – 33, в г. Темиртау – 15, в г. Джезказгане – 22.

Таблица 2 – Данные по народному образованию по Карагандинской области в разрезе городов [12, л.3]

Города и районы	1952 – 1953 уч. год	1953 – 1954 уч. год	1954 – 1955 уч. год	1955 – 1956 уч. год	1956 – 1957 уч. год	1957– 1958 уч. год	1958 – 1959 уч. год
Всего по области	565	561	576	592	607	618	630
г.Караганда	102	103	103	74	81	81	81
г. Балхаш	31	32	32	29	31	33	33
г. Темиртау	12	13	15	13	12	12	15
г.Джезказган	-	-	-	13	16	16	22

В начале 1960-х гг. на повестку дня вновь был поставлен вопрос о переходе ко всеобщему среднему образованию и необходимости обновления его содержания. В 1960/1961 учебном году в 424 школах обучалось 127767 учащихся и работал 5701 учитель. В 1960 г. происходило увеличение контингента учащихся. Это было связано с увеличением числа детей в 1-4 классах, а также введения всеобщего обязательного среднего обучения, как в городе, так и в сельской местности, в связи, с этим возросло и число учащихся 8-10 классов. Данная ситуация вызвала необходимость в увеличении количества ученических мест в школах, а также увеличение школьных площадей и потребность нового школьного строительства [13, л.94]. В последующие годы очень быстрыми темпами стала расти сеть средних школ. Так, в 1960/1961 уч. г. средних школ было 83, В 1959-1965 уч. году было построено и введено в действие 90 общеобразовательных школ, в 1966-1970 гг. – 51.

Согласно материалам о состоянии образования в Карагандинской области за 1962 г. общее количество школ в г. Караганде составило 102 школы с охватом учеников 78012 учеников, в г. Темиртау количество школ – 21, количество учеников – 17047, в г. Балхаше количество школ – 41, количество учеников – 15383, в г. Джезказгане количество школ – 24, количество учеников – 13031, в г. Абае количество школ – 11, количество учеников – 6433.

В 1963 г. был осуществлен переход к всеобщему обязательному восьмилетнему образованию. Восьмилетнюю школу окончили 3,7 тыс. чел., среднюю школу окончили 2,3 тыс. чел. В школах-интернатах, в школах и группах с продленным днем насчитывалось 17,7 тыс. чел. Общее число школ в городах и рабочих поселках в 1963 г. составило 272, из них, начальных – 47, восьмилетних – 135, средних – 90. Общий контингент учащихся составил 176490 чел., включая учащихся 14 школ-интернатов с контингентом – 5296 чел. Кроме этого в области работали 4 школы с продленным днем с контингентом учащихся – 891 чел. Из 2760 учащихся выпускников 8-х классов, часть поступили в техникумы, средние специальные учебные заведения, училища профтехобразования, остальная часть устроилась на работу в промышленных предприятиях, строительство. Средние школы окончили 1716 чел., из них поступили в вузы 576, в техникумы и другие средние учебные заведения – 124 человека, в училища и школы профессионально-технического образования – 25, работали на предприятиях промышленности строительства, транспорта и связи – 530 чел., в колхозах, совхозах и отделениях сельхозтехники – 68 чел., культурно-просветительской работе – 105 чел., и др. учреждениях – 164 чел.

В 1966 г. в г. Балхаше было 47 общеобразовательных школ, из них 14 средних, 15 восьмилетних, 19 начальных; в них обучалось свыше 19 тысяч учащихся. В школах работало 960 учителей. Функционировали музыкальная школа, детско-юношеская спортивная школа, Дом пионеров, станция юных техников, станция юных натуралистов, 5 детских дошкольных учреждений. В 1970 г. в г. Балхаше – 34 общеобразовательных школ, из них 16 средних, 12 восьмилетних, 6 начальных; в них обучалось около 19 тысяч учащихся. За четыре года были реорганизованы в средние 2 восьмилетние школы № 26, 21, закрыты малокомплектные начальные школы № 12, 19, 28, 33, 15, филиал восьмилетней школы № 6 п. Наурызбай,

начальная школа № 28 была реорганизована в восьмилетнюю. Улучшился и качественный состав преподавателей, в 1970 г. работало 1058 чел., всего 556 из них имели высшее образование, 381 – среднее-специальное. Если в 1968/1969 уч. г. в вузы поступило 22% выпускников, то в 1969/1970 уч. г. – 28% [14].

Успехи в воспитании и обучении молодежи были бы невозможны без активной помощи широкой общественности, трудовых коллективов, семей школьников. Но основная движущая сила советского народного образования – учитель. От его педагогического мастерства зависели, в конечном счете, судьба школы, дальнейшее направление прогресса в обучении и воспитании.

Вот как вспоминают своих учителей наши респонденты: «Учителя полностью выкладывались, передавая нам свои знания, хорошо объясняли темы. Учителя были строгие, требовательные и очень переживали за детей во время экзаменов. Одевались скромно, консервативно. Учителей в семье уважали. Моей первой учительницей была Александра Никифоровна. Это был человек строгих правил, жесткой дисциплины. Несмотря на большое количество учеников, она успевала после занятий подтянуть слабого ученика. Иногда она к этому процессу подключала учеников старших классов, которые у нее учились. Они добровольно и с удовольствием приходили в класс и выбирали себе ученика, чтобы помочь ему. Когда мы подросли, мы также приходили помогать отстающим ученикам. Мы это делали с большой гордостью и с большим удовольствием. Мои родители говорили о ней, что Александра Никифоровна напоминает актрису из советских фильмов. Это была очень красивая и видная женщина.

Следующим моим классным руководителем до десятого класса была Свичкарева Прасковья Ивановна. Это был активный и жизнерадостный человек. Я к ней относилась как ко второй матери. Она преподавала у меня географию. Особенно мне запомнилась ее методика преподавания. Она настолько интересно и доступно объясняла и преподносила материал, что можно было даже не заглядывать в учебник, поскольку все рассказанное ею быстро сохранялось в памяти. Помню один случай: я тогда училась в 8-м классе. В тот год у меня умер дедушка, который являлся для меня отцом, т.к. мой отец умер очень рано. На четвертый день Прасковья Ивановна вызвала меня с класса и дала в руки конверт, в котором было двадцать четыре рубля. На тот момент это была большая сумма. Больше всего меня удивило то, что это не поддавалось огласке. Она сказала, чтобы на эти деньги я купила себе вещь, которая останется на память. Это у меня сохранилось в сердце.

Особенно мне запомнился учитель истории – Шерстов Аркадий Андреевич. Он также одновременно являлся заведующим районо Октябрьского района. Мы очень боялись придти неподготовленными к этому предмету. Ради этого я вставала в пять утра и зубрила историю. Не дай бог, если не выучишь и придешь неподготовленным, он кричал так, что лопались барабанные перепонки. Многие родители жаловались на него за его деспотизм, но всегда был один ответ – он участник Великой Отечественной войны, бывший танкист, горел в танке, в результате чего у него сгорело пол уха, и поэтому они ничего не могут с этим поделать. А мне от страха приходилось дальше зубрить. Помню его излюбленную фразу: «Ты о лапше думаешь?».

С великой благодарностью вспоминаю учителя русского языка и литературы – Козловскую Людмилу Иосифовну. Те знания, которые она дала мне, я до сих пор не забыла. Эти же знания я передавала своим дочерям, если они чего-то недопонимали от своих учителей» [7].

«Моя первая учительница – Нина Александровна, была очень добрая, в меру строгая. Это учитель, у которого за спиной огромный багаж знаний и опыта работы. Она очень легко находила общий язык, как с детьми, так и с родителями, поэтому и дети, и родители понимали ее с полуслова и с полувзгляда. Первой в кабинет входила она и это нигде не оговаривалась, тем самым мы – маленькие ученики, выражали свое уважение, а также любовь! Перед тем, как войти в школу на первый урок, все одноклассники стояли именно на той тропинке, по которой наш учитель приходила всегда в школу. И завидев ее еще далеко

от школы, мы всей гурьбой бежали к ней на встречу, и каждый с любовью, трепетом, старался выразить ей свое приветствие, а она отвечала каждому своим вниманием» [3].

«О своем первом учителе: «Ее звали – Момонт Мария Андреевна. Женщина 30-35 лет, высокая, красивая, всегда ухоженная. Ее характер запомнился для меня так – в меру строгая и заботливая, как мать! Как со стороны учителя, так и со стороны родителей – абсолютное уважение друг к другу! Я хорошо помню, когда директор шел по школе, ученики расходились к стеночкам, не потому, что боялись, а потому, что действительно уважали!» [9].

«Учитель в наше время был непререкаемым авторитетом. И учительница первая моя – Александра Никифоровна Мединская, была интеллигентом, что называется, до кончиков ногтей. Степенная, размеренная, мудрая, имеющая диплом белорусского университета. После школы мы все бегали к ней домой. старались помочь, а она нас встречала, как мама. Совершенно точно могу сказать, что это была учительница от Бога. Строгая, но справедливая, требовательная, но заботливая. Мне повезло, она была из тех, про которых говорят: "вторая мама". И она показала нам первый и порою непростой путь в мир знаний. Наши учителя были из того времени, когда слова «сеять разумное, доброе, вечное» было их основным жизненным принципом, который они впитали вместе с высоким понятием учитель. Неустанное служение наших учителей этому завету не могло не отзываться в нас, ведь оно проявлялось в каждом нюансе их общения с нами, на каждом уроке, в каждом слове, обращенном к нам. Это выражалось и в той серьезности их отношения к своему предмету, и иногда в некоторой ревности по отношению к другим дисциплинам, и в искреннем желании передать нам знания, научить нас». [5]

Учительство Казахстана – это самый крупный отряд советской интеллигенции республики, насчитывающий в своих рядах около 200 тыс. учителей, воспитателей, работников народного образования. Об их профессиональном уровне говорили следующие данные: среди учителей Казахстана 60 % имеет высшее образование, 39,8 % – среднее, и только 0,2 % – неполное среднее.

Значительную роль в системе образования в Центральном Казахстане имели высшие и средние специальные учебные заведения. В 1963 г. в Карагандинской области в высших, средних учебных заведениях обучалось 25,4 тыс. чел., из них 13,8 тыс. чел. обучалось в высших учебных заведениях, принятых на дневные отделения высших учебных заведений, 47% составляли лица со стажем со стажем практической работы не менее двух лет. Без отрыва от производства обучались 35,8 тыс. человек, в том числе в вузах и техникумах, в школах рабочей и сельской молодежи – 23,6 тысячи.

Таблица 3 – Количество высших учебных заведений на территории Центрального Казахстана [15]

Годы	Вузы	В них студентов
1940–1941	1	532
1950–1951	2	1446
1960–1961	3	9470
1965–1966	4	17140
1969–1970	5	25303

Высшие учебные заведения Центрально-Казахстанского региона подготовили огромное количество специалистов различных отраслей народного хозяйства Казахстана. В целом высшие учебные заведения выпустили 1300 молодых специалистов, в том числе 365 инженеров, 437 врачей [16, л.63].

В период 1950 по 1960 гг. быстро развивалась система профессионально-технического и среднего специального образования. Важным звеном получения среднего образования

являлось средние профессионально-технические училища. Они возникли в Карагандинской области в начале 1940-х гг. в связи с созданием системы Государственных трудовых резервов СССР. В 1941 г. в области работали 3 ремесленных училища, в них по 17 рабочим профессиям обучалось 1405 человек. В годы войны быстрое развитие получила сеть ФЗО, которая готовила рабочих массовых профессий средней квалификации для угольной и металлургической промышленности и для строительства. В 1959 г. школы ФЗО и ремесленные училища системы трудовых резервов были преобразованы в профессионально-технические училища (ПТУ), в которых стали обучаться лица, окончившие 8-10 классов. Профтехучилища области ежегодно выпускали 19-20 тыс. квалифицированных рабочих кадров для работы в различных отраслях промышленности и сельского хозяйства, в строительных организациях, на транспорте и связи, на предприятиях торговли и общественного питания, коммунального хозяйства и бытового обслуживания. В этой системе работало около 2,5 тыс. мастеров производственного обучения, преподавателей и воспитателей [1, с.335].

Существенные качественные изменения происходят в работе высших и средних специальных учебных заведений. Важные перемены здесь коснулись и условий комплектования вузов и техникумов (конкурсная система, льготы для передовиков производства и лиц, имеющих производственный стаж, целевое комплектование), и учебно-воспитательного процесса, и научно-исследовательской работы студентов и преподавателей, и организации производственной практики студентов. Первым средним специальным учебным заведением был Каркаралинский педагогический техникум (1922 г.), переименованный в 1937 г. в Каркаралинское педагогическое училище им. Абая, а в 1952 г. объединенный с Карагандинским педагогическим училищем. В 1953 г. Карагандинское педучилище им. Абая было переведено в город Сарань и стало называться Саранское педучилище им. Абая.

Из воспоминаний респондента: «Училище находилось в городе Сарань (Карагандинская область). Дорога в училище занимала целый час езды. Сев на маршрут № 5, я доезжала до вокзала, а после садилась на Саранский автобус, который довозил нас до места обучения. Училась в первую смену. Учеба начиналась в 8 час. и заканчивалась в 15 час. В потоке было около 120 учащихся, всего было 4 группы. В каждой группе училось по 30 человек. К 1 сентября мы готовились заранее. Подготавливали песни, стихи и танцы. Наглаживали одежду, начищали обувь. Надевали нарядную одежду. Праздник начинался со слов директора училища. Для первокурсников был первый звонок. Далее все расходились по своим кабинетам.

В обычные дни студенты особенно не наряжались, а в праздничные дни девушки надевали белую блузку и черную юбку, а парни белую рубашку и черные брюки. Обязательно надевали комсомольский значок. Мы очень любили своего куратора – Моргачева Леонида Федоровича. В училище преподаватель пришел совсем молодым, в возрасте 23-х лет. Он преподавал математику. Он всегда был энергичным, веселым, но в то же время серьезным. Он вместе с нами, со своей группой ходил на все праздники, мероприятия, возил нас в Каркаралинск. После выпуска преподаватель стал директором Карагандинского педагогического училища. Мы на день рождения преподавателя всегда ездили к нему, каждый год, так и проходила встреча одноклассников ежегодно. Выйдя на пенсию, Леонид Федорович уехал в Киев.

Помню свой кабинет математики: светлый, чистый со столами и стульями, с портретами известных математиков и цветами на окнах. На переменах мы ходили компанией в буфет, сидели, общались или просто повторяли задания на следующие пары. После пар все расходились по своим делам, а я шла на гимнастику. Часто собирались вместе и ходили в кино. Вечером выполняли домашнее задание. На выполнение домашнего задания обычно уходило около двух часов. Ходили в библиотеку, как в училище, так и в Ленинскую, которая находилась в городе Сарань. Время в библиотеке пролетало незаметно, поэтому поход туда не ограничивался во времени. Было хорошо, что все книги студентам выдавали, а вот

канцтовары покупали сами. Мы очень уважали своих преподавателей. Группа у нас была очень дисциплинирована, пары мы не срывали.

Самым любимым местом в училище был буфет. Помню, на целый рубль можно было позавтракать, пообедать и даже поужинать. Было очень хорошее медицинское обслуживание. Медсестра и врач всегда оказывали помощь студентам, если она была необходима, делали прививки, принимали и выписывали справки.

Я входила в состав редколлегии, помогала организовывать мероприятия, помогала выпускать радиогазету «Лучик», читала текст на праздниках, сочиняла стихи и рисовала.

Мы очень любили свои практики, особенно летнюю. Каждое лето мы выезжали в совхоз и собирали там овощи. Практика длилась месяц. После второго курса мы ездили на спортивную практику в Каркаралинск. Там мы занимались спортом. После третьего курса была практика в школе. Я проходила месячную практику в школе № 63 города Караганды. Конечно, было сложно, но мы справились. Помню, как во время практики в школе, учитель заболел и мне как будущему специалисту, молодой студентке, пришлось самой проводить все уроки, составлять планы, проверять домашние задания. Я даже умудрилась сама провести родительское собрание. Родители были весьма удивлены, но им понравилось проведенное собрание. По окончании практики, родители учеников подарили мне книгу. Я была очень довольна. Ведь книга – это лучший подарок!

По окончании училища студентов трудоустраивали в зависимости от успеваемости каждого. Меня отправили в Осакаровский район, поселок «Шакай». Там я работала учителем математики. Я была очень довольна своим распределением. Там я подружилась с другими преподавателями, с которыми мы до сих пор поддерживаем связь.

И самое запоминающееся и интересное – это был наш выпускной вечер. Сначала все собирали деньги. Девушки шили себе платья, покупали туфли, а это было сложно, делали прически, начесывали волосы, красили тушью ресницы, красили губы маминой помадой. Всех студентов собирали в актовом зале, произнес речь директор, преподаватели, а потом уже и сами студенты. Далее концерт, а потом вручение дипломов.

После окончания торжественного мероприятия в училище, мы поехали в столовую, которая находилась на 15-м квартале. Там были конкурсы, небольшие номера со стороны студентов и учителей, танцы. Там студенты в первый раз попробовали шампанское. Прекрасные были студенческие годы!». [17]

В 1950-1960-х гг. стали функционировать около двух десятков техникумов: 2 индустриально-педагогических техникума (Караганда, Актау), 2 музыкальных училища (Караганда, Темиртау), 3 медицинских училища (Темиртау, Балхаш, Джезказган), в Джезказгане – строительный техникум, в Темиртау – химико-технологический и химико-механический техникумы, в Шахтинске – энергостроительный, технологический, горно-строительный техникумы, в Абае – горный техникум, в Караганде – торгово-кулинарный техникум, техникум физической культуры и спорта, культпросветучилище. Карагандинская область по количеству подготовки кадров со средним специальным образованием занимала среди областей республики первое место [18, с. 154-155].

Следует отметить, что большая роль в подготовке специалистов различных отраслей промышленности и сельского хозяйства в рассматриваемый период была отведена высшим учебным заведениям. Казахстан стал одним из крупнейших центров высшего и среднего образования в стране. История развития высшего образования в Центральном Казахстане началась с подготовки учительских кадров. В дальнейшем осуществлялась подготовка врачей, горных инженеров и кадров высшей квалификации для других отраслей, и сфер народного хозяйства. Были открыты в исследуемый период: в 1950 г. – медицинский институт, в 1952 г. учительский институт преобразован в педагогический, в 1953 г. – горный институт, в 1963 г. – завод ВТУЗ при Карагандинском металлургическом комбинате в г. Темиртау, в 1966 г. – кооперативный институт Центрсоюза СССР, в 1969 г. – Карагандинская высшая школа МВД СССР и в 1970 г. – Карагандинский педагогический институт физического воспитания, в 1972 г. – Карагандинский государственный университет [1, с. 335].

Вот как вспоминают студенческие годы наши респонденты: «1 сентября проходило зачисление студентов, а в середине сентября проводилось посвящение в студенты. Посвящение проходило так: линейка, поздравление ректора, выступление студентов-выпускников, дискотека. На занятия мы ходили кто в чем, так как обязательной формы не было. Девушки старались ходить в платьях. Из материалов применялась замша, сатин, атлас. Шубы носили редко, т.к. это было очень дорогое удовольствие [19]. «Носили пальто – солдатская шинель. В моде были платья-колокола, девушки делали высокие прически, хвостики, надевали шляпки, платочки, чуть позже появились парики. Что касается парфюма, то у девушек это однозначно были духи «Красная Москва», а у парней «Тройной одеколон». В основном одежду старались шить сами, либо в ателье» [20].

Педагогический состав в институте был очень сильный. У нас была очень строгая дисциплина. Помню, мы очень старались не опаздывать и не пропускать занятий, т.к. 3-4 пропуска могли привести даже к отчислению из института. Перемена между занятиями составляла 10-15 минут, самая большая – 20 минут. В это время мы с одноклассниками ходили перекусить в буфет, который был в главном корпусе, любили ходить в диетстоловую, которая находилась по Бульвару Мира, там можно было поесть и первое, и второе, и третье, все это стоило 1 руб. 20 коп. Иногда мы просто гуляли по парку» [19].

«После занятий я ходила в читальный зал, библиотеку. Очень часто ходили в библиотеку, читали Чехова, Шолохова, Достоевского. Ходили в спортзал, который находился при институте на спортивные секции по волейболу, лыжи, а также ходили на вокал. Это все было бесплатно. Часто собирались группой, отмечали дни рождения, ходили вместе в кино, в то время это был кинотеатр «Октябрь», ходили мы туда почти каждый день, так как билеты в то время были недорогие, где-то копеек пять». [20]

«На выполнение домашнего задания уходило примерно четыре часа. Готовились мы в основном в библиотеке, т.к. книг в свободной продаже не было. Помимо библиотеки при институте и общежитии, я еще ходила в библиотеку имени Н.В. Гоголя. Помню из общественных поручений у нас проводились комсомольские собрания, сектора – учебные, культмассовые. Мы сами очень часто ходили на концерты. В институте постоянно проводились мероприятия: организовывались вечера, проводился «Осенний бал», «Новый год», «Здоровое питание», «Танцевальные курсы». Помню как я заняла второе место в конкурсе «Лучшая талия». [20]

«Выпускной вечер проходил в ресторане «Караганда», где была живая музыка. Поскольку многие студенты на тот момент уже были замужем, женаты, то приходили они со своими семьями. Девушки были в красивых платьях со шлейфом, а парни в костюмах» [20].

«По окончании института нас всех трудоустроивали, многие по распределению были направлены в совхозы и колхозы. Там ты обязательно должен был отработать три года, и только после отработки трех лет, ты мог устраиваться там, где ты хочешь работать по желанию» [19].

В повседневной жизни советских людей образование играло огромную роль. Система образования в Центральном Казахстане развивалась достаточно динамично, но вместе с тем в развитии системы образования нарастали недостатки. Партийный диктат над школой нарастал, шло усиление идеологизации учебно-воспитательного процесса, усилилась деэтнизация школьного образования. Если в 1948/49 уч. г. 48% школ системы Министерства просвещения республики были казахскими, то в 1955/56 уч. г. 43% общеобразовательных школ функционировали на русском языке с охватом 66% учащихся. За 20 лет (1950-1970 гг.) число казахских школ сократилось с 3891 до 2577, тогда как число русских школ с преподаванием на русском языке увеличилось на 1500.

Таким образом, можно сделать вывод, что уровень образования в городах Центрального Казахстана в период с 1950-1960-е гг. был удовлетворительный. Советская система образования сочетала в себе позитивные и негативные стороны. С одной стороны, за годы советской власти Казахстан достиг впечатляющих успехов в области образования.

Ликвидация в исторически короткие сроки неграмотности, обеспечение доступности среднего и высшего образования сочетались с широкой системой социальных льгот. Определенную роль в данном случае сыграли высокие показатели уровня грамотности в Центральном Казахстане, которые были связаны, во-первых, с увеличением количества школ, а также улучшением качества преподавания. Происходило расширение системы среднего, средне-специального и высшего образования в городах Центрального Казахстана. С другой стороны, имелись и большие трудности, серьезные недостатки этого периода: слабость материально-технической базы учреждений народного образования, малочисленность, а иногда и отсутствие необходимых квалифицированных педагогических кадров и др. Следует также подчеркнуть, что наряду с общим увеличением числа учащихся, большим оставался отсев из школ по разным причинам, основной из которых была материальная необеспеченность семей учащихся. Но, несмотря на все существующие трудности, которые были обозначены выше, все же следует подчеркнуть, что советское образование в городах Центрального Казахстана все же добилось существенных успехов: высокий уровень грамотности, увеличение количества казахских, русских и смешанных школ, средне-специальных и высших учебных заведений. Несмотря на дефицит педагогических кадров, учебных помещений, учебных принадлежностей, оборудования и т.д. молодое поколение тянулось к знаниям, стремилось получить образование и специальность.

Литература и источники

1. Досмагамбетов С.К. Центральный Казахстан: природа и природные ресурсы, события и люди, реформы и развитие. – Алматы, 2003. – 562 с.
2. ГАКО. Ф.469. Оп.2. Д.124. л. 63
3. Интервью со Л.А. Строевой записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2016 г.
4. Борисова Т.О. Социально-историческая антропология советской школы конца 1950-начала 1980-х гг. // Материалы конференции «Актуальные проблемы науки, экономики и образования XXI века». – 2012. – С.19-25 / <http://bgscience.ru/lib/10856>
5. Интервью с З.З. Гилемхановой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2016 г.
6. Интервью с Р.А. Кленовой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2016 г.
7. Интервью с Н.Т. Завотпаевой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2016 г.
8. Интервью с К. Алмасовой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2016 г.
9. Интервью с М.А. Нурмагамбетовой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2016г.
10. Интервью с Р.М. Копейко, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2016 г.
11. ГАКО. Ф.691. Оп.1. Д.377
12. ГАКО. Ф.691. Оп.1. Д.485
13. ГАКО. Ф.469. Оп.1. Д.151
14. ГАКО. Ф.469. Оп.1. Д.744
15. Нурлигенова З.Н. Интеллигенция Центральный Казахстан // Вестник КарГУ. Серия история, Философия. Право. – 2006. – № 1(41). – С.35-39
16. ГАКО. Ф.469. Оп.1. Д.744
17. Интервью с О.К. Белой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2017 г.
18. Шахтинск – город шахтерской судьбы (к 50-летию города). Шахтинск – 2011. – 326 с.
19. Интервью с Т.И. Никитиной, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2017 г.
20. Интервью с Т.А. Голяковой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2017 г.

5.2. ДОСУГ ГОРОЖАН

Термин «досуг» большинство исследователей интерпретируют как свободное время, нерабочая деятельность, отдых, развлечение, удовольствие, игра и т.д. Считается, что досуг имеет более сорока основных структурных элементов, например, спорт, игра, театр, коллекционирование, музыка, туризм и т.д. В современной историографии термин «досуг» чаще всего употребляется в трех значениях: как синоним свободного времени, как синоним нерабочей деятельности, как синоним психологического состояния человека на данный момент. Некоторые исследователи считают, что досуг – это часть социального времени личности, группы или общества в целом, которая используется для сохранения, восстановления и развития физического и духовного здоровья человека, его интеллектуального совершенствования. Сферу досуга разделяют на несколько групп, как правило, связанных между собой: самообразование, культурное общение, физкультура и спорт, туризм, неорганизованный отдых и т.п. [1].

В советский период досуг выступал в роли придатка производственной сферы. Поэтому советские авторы определяли свободное время как часть внерабочего. Оно не было связано с разнообразной домашней работой, приемом пищи, сном. Это время, которое советские люди должны были использовать для учебы, самообразования, занятия общественной работой, воспитания детей, занятия физкультурой и спортом, для чтения различной литературы, слушания радиопередач, просмотра кинофильмов и телепередач, посещения театров и концертных залов, занятий художественной и технической самодеятельностью, для отдыха на природе, в санаториях, домах отдыха, а также это время для развлечений и общения с друзьями. Советские идеологи считали, что от правильной организации свободного времени и ее продуманности зависит восстановление, укрепление физических и духовных сил человека, снижение утомляемости нервной системы. А все это положительно должно влиять на качество труда человека, на его моральный облик и т.д. Власти считали, что они создали максимум условий для эффективной реализации свободного времени советскими людьми. Был осуществлен переход на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями. Научный подход в изучении рабочего и свободного времени трудящихся позволил констатировать факт о том, что около 37% календарного времени за год отводится внерабочему времени, которое можно считать максимально возможным свободным временем. Часть это внерабочего времени уходит на домашние работы, уход за детьми и т.д. В результате ученые посчитали, что у советского человека свободное время в среднем равно 1 тыс. 800 часов в год [2, с.103-104].

С помощью социологических опросов было выявлено, что с повышением уровня образования значительно возрастает не только творческая, но и социальная активность трудящихся, улучшается структура использования свободного времени. Например, с ростом образования происходит рост времени на чтение газет, журналов, книг. «Так, время, уделяемое этому занятию, у рабочих-мужчин с образованием от 5 до 9 классов больше в 1,3 раза, чем у рабочих с образованием до 4 классов (у женщин оно больше в 1,2 раза). У рабочих, имеющих среднее и незаконченное высшее образование, эти затраты времени больше в 1,5 раза у мужчин и в 2,8 раза у женщин, чем у рабочих с образованием до 4 классов» [3, с. 239]. Также советские социологи выявили, что трудящийся, активно занимающийся в свое свободное время общественно-полезной деятельностью, является активным потребителем так называемых культурных ценностей, то есть больше читает различной литературы, чаще посещает музеи, кинотеатры, театры, чаще смотрит телевизор, больше совершает прогулок, регулярно занимается спортом и т.д. [4, с. 41].

Советская пропаганда убеждала в том, что только социалистическая система предоставляет огромные возможности для проведения человеком своего свободного времени. Советская пропаганда преподносила заботу о полноценном досуге граждан как решение важных производственных вопросов, но на самом деле такая забота приводила к тотальному контролю со стороны властей личной жизни людей и навязыванию открытой

пропаганды социалистических ценностей через продукты культуры, потребляемые людьми именно во время реализации своего досуга. Содержательная часть общественных мероприятий зачастую носила ярко выраженный пропагандистский характер, и люди, естественно, уставали от этой навязчивой идеологической составляющей советской жизни. Например, в кинотеатре перед сеансом кинофильма зрителям демонстрировали небольшой ролик (10-15 минут, чаще всего документальный) о решениях очередного съезда ЦК КПСС, об очередных производственных достижениях в СССР и т.п.

Таким образом, в советский период уделяли серьезное внимание организации досуга граждан страны. Сам подход к решению вопросов досуга был построен на научной основе с учетом данных, полученных социологами, педагогами, психологами, физиологами, занимающимися изучением поведения личности в сфере свободного времени. Сфера досуга в стране Советов была частью культурной политики государства. По всей стране работали различные культурные учреждения – клубы, музеи, кинотеатры и театры, парки отдыха и т.д.

Это был «верхний этаж» построенный из слов, созданных «инженерами человеческих душ» по указанию партии. Речь идет об идеологической, или медиальной сфере: газетах, кино, литературе и др., в которых воплощался «готовый социализм». [5, с.256] Именно в этой сфере и «рисовался» автопортрет общества, созданный современной ему литературой, театром, киноискусством и др. Неслучайно исследователи подчеркивают, что этот создаваемый советской идеологией мифический мир обладал чертами, к которому стремился простой советский человек: гармония, простота, определенность и счастье. Это общество уверенно стремилось к дальнейшему совершенству, двигаясь по траектории, заданной коммунистической партией. В этой сфере создавалось некое «идеально-мифическое» образование, которое становилось идеалом, мечтой советского человека. Исследователь М. Чеготаева отмечает, что «над реальной жизнью, обволакивая ее, прорастая в нее и из нее, воздвигался призрачным фантомом сталинский «рай» – нечто прямо противоположное аду «архипелага Гулага»: там – небытие реального, здесь «реальность» небытия. Идеально-мифическое образовывало в советской стране словно бы некий слой, приподнятый над жизнью, – плавающий над землей, подобно облакам, как они видятся с самолета, когда, перекрывая землю, образуют поля, кажущиеся настолько плотными, что хочется ступить на них ногой» [6, с.20-23]. И эта сфера, эта область жизни советского человека иногда становилась реальностью его жизни. «Слова, услышанные из черной тарелки репродуктора, вознесенной над головами слушателей на рыночной площади, или в коммунальной квартире, подкрепленные кинообразами и плакатными изображениями обладали большей реальностью, чем увиденное собственными глазами в бараке, или в заводском цехе, в переполненном людьми продовольственном магазине, или на неосвещенной улице. Менялась оптическое восприятие действительности. Люди старались закрыть глаза на нищету, убожество и грязь производственного и особенно домашнего быта. Отдельные недостатки не должны были заслонять величие эпохи. Цензурное ведомство зорко следило, чтобы персонажи художественной прозы вели себя, как подобает советскому человеку: не вольничали с девушками, не злоупотребляли спиртными напитками, в общем, не представляли «извращенно быт советских людей» [5, с.258-259].

Советский человек окунался с головой в мир кино, кинофильмы обожали все. Популярности тогдашних киноактеров позавидовали бы даже современные голливудские звезды. Для простых людей артисты были «небожителями», а кинофильм был своего рода виртуальным миром, в который они хотели бы попасть. Несмотря на то, что почти все фильмы советских времен были идеологизированными, все-таки они были частью искусства, и, безусловно, духовно обогащали население. Походы в кинотеатр было не только культурным мероприятием, но и выступали в качестве ритуального действия: человек ощущал себя приобщенным к этому «верхнему этажу». Кинотеатр был популярным местом для назначения свидания, кино было самым доступным из искусств. Массовый характер кино давал возможность властям через кинофильмы пропагандировать советский образ жизни.

В исследуемый период появляются кинофильмы, заслужившие любовь большинства советских зрителей и вошедшие в золотой фонд советского кинематографа: «Свадьба с приданым», «Солдат Иван Бровкин», «Весна на Заречной улице», «Дело Румянцева», «Чужая родня», «Высота», «Девчата», «Дело было в Пенькове», «Исправленному верить», «Матрос с «Кометы»», «Иван Бровкин на целине», «Прощайте, голуби» и др. Советские зрители охотно посещали сеансы, на которых демонстрировали зарубежные фильмы, так как они хоть каким-то образом приоткрывали жизнь за «железным занавесом». В Советском Союзе демонстрировались французские, итальянские, австрийские, индийские, египетские, японские, мексиканские, аргентинские кинофильмы. В переполненных залах показывался индийский фильм «Бродяга».

В СССР увлечение кино, по массовости и распространенности, было сопоставимо только с чтением. В 1950-е и 1960-е годы, из-за нехватки стационарных кинотеатров, в стране были популярны так называемые передвижные киноустановки. Например, в 1965 г. число киноустановок с платным показом составляло 145,4 тыс. (13,8 тыс. передвижных). В последующие годы их количество стало сокращаться, так как государство стало строить стационарные киноустановки в максимальном количестве населенных пунктов. Кино было популярным еще из-за его доступности: детский билет стоил 10 копеек, взрослый – 50-70 копеек. Посещение кино было доступно большинству населения страны, за исключением разве тех, кто жил и трудился в отдаленных или труднодоступных географических точках [7, с.66].

В 1950-1960-е гг. в Караганде были открыты кинотеатры, некоторые из которых функционируют до сих пор: «Маяк» (1950 г.), «Родина» (1952 г.), «Железнодорожник» (1959 г.), двухзальный кинотеатр им. Ленина, им. Абая и «Спартак» (1960 г.). В 1955 г. только за время весенних каникул в кинотеатре «Октябрь» побывало свыше 20 тыс. школьников, которые посмотрели фильмы «Тимур и его команда», «Морской охотнике», «У полярного круга», «Дети партизан». Особенно понравились школьникам, как писала областная газета «Социалистическая Караганда», фильма «Два друга» и «Витя Малеев в школе и дома». [8, с.91]

В целом к 1960 г. в Караганде государственных кинотеатров было 9, киноустановок 5 с числом посадочных мест – 4930, профсоюзных установок с числом посадочных мест 12899. Бесплатный показ вели 56 установок всех ведомств, личных киноустановок было 3 [9, л.9-18]. К концу 1960-х гг. было 10 кинотеатров и более 100 киноустановок. Самым большим кинотеатром был «Юбилейный» на 1200 мест, а в Новом Майкудуке в 1970 г. был построен кинотеатр «Ботакос» [10, л.19]. Как вспоминают жители Караганды, были очень популярны индийские фильмы, на которые горожане ходили в кинотеатры целыми семьями.

Вспоминает Б.К. Адамбек: «В 50-60-е годы среди жителей Караганды и области очень популярны были индийские фильмы. Мы по несколько раз посещали кинотеатр «Октябрь» (нынешний концертный зал «Шалкыма») и ныне действующий кинотеатр им. Ленина для того, чтобы в очередной раз посмотреть такие индийские фильмы как «Мать Индия», «Господин 420», «Бродяга». Мы симпатизировали индийским актерам, особенно Радж Капуру – исполнителю главной роли в фильме «Бродяга». Кстати в фильме «Бродяга» песню исполнял известный певец Азербайджана и всего Советского союза Рашид Бейбутов. Этот фильм мне очень нравился и поэтому на базаре я за большие деньги приобрел грампластинку с этой песней. Одной из самых популярных комедий того времени был фильм Шакена Айманова «Наш милый доктор» 1957 г., в котором снимались известные казахстанские актеры и певцы Мулюк Суртубаев, Каукен Кенжетаев, Мухтар Бахтыгереев, Ермек Серкебаев, Бибигуль Тулегенова, Ришат Абдуллин и др. Также можно вспомнить не менее популярные фильмы «Девушка-джигит» (советский комедийный музыкальный художественный фильм, снятый режиссером Павлом Боголюбовым в 1955 г. на Алма-Атинской киностудии художественных и хроникальных фильмов.), «Песни Абая» 1946 г. (фильм посвящен Абаю Кунанбаеву, режиссеры Ефим Арон и Григорий Рошаль, в главных ролях Шакен Айманов, Капан Бадыров и др.), а фильм «Его время придет» был посвящен

Ш. Валиханову. Известными артистами театра и кино в этот период были Мулюк Суртубаев, Лидия Ашрапова, Канабек Байсеитов, Кененбай Кошабеков, Курманбек Джандарбеков, Шолпан Джандарбекова, Шакен Айманов, именем которого будет назван Казахфильм, Бикен Римова, Амина Умурзакова, Кадиша Букеева и др. [11]

Менее распространенным видом массовых зрелищ в советский период был театр. К 50-летию юбилею Казахстана в 1970 г. Караганда могла похвастаться двумя драматическими театрами – Русский драматический театр им. Станиславского и театр им. С. Сейфуллина [10, л.27]. Актеры театра и кино, известные артисты, музыканты ездили с гастролью по всему Советскому Союзу, приезжая и в города Центрального Казахстана. В частности, в феврале 1954 г. Караганду посетила Рина Зеленая, давшая несколько концертов, артисты театра им. Вахтангова, выступила Тамара Ханум (Узбекистан). В 1955 г. прошли гастроли Алтайского театра хора русских песен и т.д. [9, л.9-10]. В 1960 г. прошли гастроли Государственной капеллы КазССР, Туркменской филармонии, Московской эстрады «Здравствуйте, дорогие товарищи!», Московского театра кукол [9, л.9-18].

Но не все гастроли и концерты соответствовали заявленной рекламе и качеству. В областной газете за 1954 г. подвергаются критике «гастролеры-халтурщики»: «Понадобился взрыв общественного негодования, чтобы выставить за пределы области халтурщика Корнеева, засланный нам из Уральской концертной бригады... Бригада Тукнова на афише представлена как «Мастера эстрады Ленинградской филармонии». На самом деле вся бригада из Петропавловска. Жена руководителя бригады в дурной манере читала отрывки из поэмы «Зоя» М. Алигер, затем они сорок минут мучили зрителей своими фокусами... » [8, с.89]. Поднимался на страницах газеты вопрос о «непомерно вздутых ценах» на некоторые гастрольные концерты, хотя в целом культурные мероприятия в советское время отличались дешевизной и доступностью, не являясь затратной статьей расхода в силу дешевизны цен на билеты концертов и спектаклей даже заезжих знаменитостей.

В 1950-е гг. в Советском Союзе повсеместно открывались и пользовались огромной популярностью так называемые народные театры. Часто они именовались театральными кружками рабочей молодежи, многие из которых впоследствии удостоивались звания народных театров. Среди основателей таких кружков самодеятельности часто выступали известные актеры, режиссеры. Репертуар таких театров был разнообразный и не уступал репертуару профессиональных театров. И желание таких непрофессиональных, народных театров ставить серьезные классические спектакли отражается и в классике советских фильмов. Вспоминается одна из крылатых фраз руководителя такого народного театра из кинофильма «Берегись автомобиля»: «Не пора ли, друзья мои, нам замахнуться на Вильяма, понимаете ли, нашего Шекспира». Рабочие утром шли на завод, а вечером в театр для репетиций и выступлений. Финансирование народных театров было государственное, требовалось только иметь зал для выступлений, обширный репертуар и постоянных членов труппы. Государственные деньги тратили на костюмы, декорации, а вот зарплату народные артисты не получали, кроме профессионального режиссера. Перед народными театрами партия ставила задачу воспитания эстетических, художественных, нравственных качеств у советских людей. Самовыражение через театральное искусство приносило удовлетворение непрофессиональным артистам, и они с удовольствием отдавали все свое свободное время «служению театру». Популярность народных театров была настолько высокой, что выглядело совершенно убедительным слова все того же героя Е. Евстигнеева из «Берегись автомобиля»: «Есть мнение, что народные театры вскоре вытеснят, наконец, театр профессиональный. И это правильно!» [12].

В Темиртау в 1956 г. при Дворце культуры металлургов начал работу самодеятельный театр «Буревестник», в котором рабочие и молодежь города занимались основами актерского мастерства, ставили спектакли. [8, с.97]. А театру драмы при Каркаралинском Доме культуры в 1960 г. было присвоено звание «народный», на его сцене с большим успехом шли спектакли казахских советских классиков и драматургов. [8, с.117].

Многонациональность Казахстана и советский интернационализм в культурной политике определяли и ряд мероприятий интернационального характера, по взаимному обмену культур. Проходили декады советских республик: 1964 г. – русской литературы и искусства, 1966 г. – украинской, 1968 г. – армянской. Карагандинцы имели возможность посещать концерты советских и зарубежных деятелей культуры, приезжавшие в город на гастроли. Например, в 1969 г. в Караганде прошла декада венгерской литературы и искусства [9, л.13]. Также работали отделения культурных обществ советско-польской, советско-венгерской, советско-монгольской, советско-германской, советско-чехословацкой дружбы.

Большая ответственность на создании условий для досугового времяпрепровождения отводилась учреждениям культуры, так как они выступали проводниками государственной идеологии, являлись опорными пунктами в коммунистическом воспитании советских людей. К концу 1960-х гг. в Караганде действовали Дворец культуры горняков, Дворец культуры железнодорожников, дворцы спорта, дворец пионеров, дома культуры в ряде районов города, дом техники, выставочный зал, дом художника, два драматических театра, народный театр балета, филармония, телестудия, более 250 библиотек разных ведомств с миллионами книг, крупнейшие из них массовая библиотека им. Н.В. Гоголя, крупнейшая в республике научно-техническая библиотека, крупная областная детская библиотека. В Караганде работали творческие объединения писателей, художников, журналистов. Был фото клуб, студия кинолюбителей и т.д. [9, л.18].

Вспоминает Б.К. Адамбек: «В карагандинском областном казахском драматическом театре им. С. Сейфуллина местная труппа ставила различные спектакли: «Зауреш», «Кыз Жибек», «Айман-Шолпан», «Галия-Бану». Режиссером многих театральных постановок был Байтен Омаров. В конце 1950-х гг. как раз появилось здание театра по бульвару Мира, который на долгие годы стал домом для Карагандинского областного русского драматического театра им. К.С. Станиславского и казахского драматического театра им. С. Сейфуллина. Поход в театр был целым событием, поэтому люди надевали свои самые лучшие наряды.

Карагандинцы любили посещать выступления самодеятельной балетной труппы под руководством заслуженной артистки КазССР Валентины Филипповны Ипатовой. Под ее руководством люди разных профессий успешно занимались балетом и достигли в этом деле больших результатов. Балетный коллектив был даже удостоен чести выступить в Москве на сцене Кремлевского дворца съездов с балетом «Лебединое озеро».

В этот период очень популярны были пластинки с песнями в исполнении Клавдии Шульженко «Синий платочек» и Розы Баглановой «Ах, Самара-городок», Николая Сличенко из цыганского театра «Ромэн», Александра Вертинского, эстонского оперного певца Георга Отца, знаменитых теноров Ивана Козловского и Сергея Лемешева. Пластинки мы покупали в магазине «Культтовары», который находился на бульваре Мира, возле театра им. Станиславского.

Я сам, когда работал на шахте 121 в поселке Актас, записался в местный Дворец культуры в казахский ансамбль. В группе нас было 8 человек, и мы исполняли кюи казахских композиторов: Курмангазы «Адай», А. Жубанова «Би күй», Д. Нурпеисовой «Тойбастар». Наша группа была единственная самодеятельная творческая группа, которая исполняла казахские произведения, остальные коллективы пели только на русском языке. Для всех коллективов руководство дворца сшило костюмы, кроме нашего. И этот факт, конечно же, возмущал нас. Но, несмотря на обиду, мы старались выступать перед зрителями со всей отдачей. Все коллективы Дворца культуры поселка Актас участвовали в областном смотре художественной самодеятельности и заняли 1 место.

Приезжали на гастроли в Караганду и другие города известные артисты. Как-то в Актас приехал с концертом Иосиф Кобзон и с ним произошел курьезный случай. После концерта на выходе из дворца на певца сверху высыпались два ведра золы. Как потом выяснили, это организовали девушки, которым И. Кобзон отказал в автографе. Также в

Актас с концертом приезжала из Казани исполнительница народных татарских песен Альфия Абзалова.

За праздничными столами почти все карагандинцы пели песни на русском и на казахском языках. Особенно пользовались популярностью такие песни как «Каким ты был, таким и остался» из кинофильма «Кубанские казаки», «Геологи» в исполнении Майи Кристалинской, «Валенки» Лидии Руслановой, «Волга» Людмилы Зыкиной и почти все песни «короля казахского вальса» Шамши Калдаякова.

Ежедневно слушали казахское радио «Шалкар», который транслировал концерты, радиокomпозиции, спектакли Казахского драматического театра им. С.Сейфуллина, например, «Шұғаның белгісі» Бейімбета Майлина.

В Караганде до 1965 г. стационарного цирка не было, но часто город посещали с гастролями передвижные цирки». [11]

Несмотря на отсутствие специального здания цирка в Караганде (оно будет построено позже), приезжали цирковые коллективы, которые выступали на сценах ДК: программы ленинградских акробатов, Московского Госцирка, Московского передвижного цирка №1 и др. [8, с.139]

Среди городских и областных культпросветучреждений в ведении областного управления культуры находились зоологический парк, 4 городских парка культуры и отдыха (им. 30-летия ВЛКСМ, им. Костенко, парк старого города, парк в г. Темиртау) [9, л.18-19]. Одним из любимых мест для отдыха и проведения досуга были парки: в 1950 г. открылись парки культуры и отдыха в г. Темиртау, в г. Каркаралинске, ставшие популярными среди горожан. В середине 1950-х гг. значительно расширили парк г. Караганды, в центре его соорудили «прекрасное водохранилище с бетонными берегами, парпетом, набережной, купальнями, лодочной станцией и причалом». Одной из парковых достопримечательностей было строительство в парке детской железной дороги длиной более 2 км: настоящий маленький паровозик катал к огромному удовольствию детей и взрослых в настоящих маленьких вагончиках от Михайловки до Ботанического сада и назад. Открылись кружки, в которых школьники стали осваивать профессию железнодорожника, и обучившиеся в них юные железнодорожники обслуживали эту детскую железную дорогу. [8, с.83, 89]

У горожан Центрального Казахстана парки и скверы, ботанический сад и зоопарк стали любимыми местами отдыха, они с большим теплом вспоминают 1950-е-1960-е гг. Г.Т. Абдрахманова: «Нашим любимым местом в городе был парк. Там мы проводили много времени после учебы или работы. Так же мы любили ходить в театр. В 1972 г., когда кинотеатр «Октябрь» открылся после ремонта, он стал одним из любимых мест, куда мы часто ходили». [13, с.200]

Т.А. Алимбаев: «Сквер им. Орджоникидзе находился перед кинотеатром «Октябрь». Там любила собираться молодёжь. Эту территорию называли «пятак». В этой части города располагались: пивной ларёк и павильон национальных блюд, где можно было вкусно поесть. Для горожан не хватало парков и парковых зон. Центральный парк Караганды был самый большой, там вечерами играл оркестр и проводились танцы. Атракционов было мало, а желающих их посетить было слишком много.

Любимым местом моего отдыха был зелёный сквер, расположенный около памятника «Вечный огонь». Сквер располагался недалеко от моего дома, место тихое, нет машин. Я и многие другие горожане имели возможность почитать газеты, а дети поиграть в песочнице. С семьёй мы любили посещать театры им. Станиславского, Сакена Сейфулина, кинопремьеры в кинотеатре «Юбилейный». [13, с.202-204]

О.Н. Баранова: «Любимым местом моей семьи в городе был Ботанический сад. Мы здесь прогуливались без какой-либо оплаты или разрешения. Это был экологически чистый уголок Караганды. Здесь мы дышали чистым воздухом, беседовали между собой, ходили по траве босиком, любовались деревьями самых разнообразных пород, устраивали небольшой пикник со своими бутербродами. Мы любили ходить с семьёй и в Центральный

парк. Он полностью соответствовал своему названию – парк культуры и отдыха. Здесь можно было покататься на колесе обозрения и на других аттракционах, погулять по тенистым аллеям парка, послушать разнообразные лекции, посмотреть тематическую выставку, выступление коллективов художественной самодеятельности, потанцевать, посидеть в беседке, поесть мороженое». [13, с.206-207]

Воспоминания С.С. Маликова о Балхаше: «Любимым местом для семейного отдыха в Балхаше был Центральный парк. Здесь всегда было интересно взрослым и детям. Мы любили с женой ходить в Дом культуры на самодеятельные спектакли, а дети посещали разные кружки». [13, с.211-213]

С.В. Сапунов вспоминает о Темиртау: «Самый первый парк в Темиртау заработал в Старом городе. Он был самым любимым местом горожан. Здесь работали карусели, эстрадные площадки, танцплощадка, продавали напитки и мороженое. В парке можно было интересно отдохнуть летом и зимой. В зимнее время здесь заливали каток и горки, работал прокат коньков, лыж и санок, сказочный городок. Продавали вкусную выпечку и горячие напитки. Работал кинотеатр «Восток», многие любили ходить с семьёй на советские и зарубежные фильмы». [13, с.213-215]

Зоопарк в Караганде был достаточно людным местом, хотя не отличался в 1950-е-1960-е гг. особенным разнообразием представленных животных. Карагандинцы и гости города любили посещать в дни досуга свой зоопарк. Караганда являлась одним из 27 городов Союза, в которых имелся зоопарк, например, в 1964 г. зоопарк посетило 126679 человек [9, л.9]. Популярность зоопарка описывается в местных газетах: «В выходные дни и вечером, когда кипит трудовая жизнь, в зоопарке всегда людно. В Дальний парк, где эксплуатируется зверинец и птичник, приходят в свободное время после очередной смены шахтеры, строители. Группами посещают зоопарк школьники. Большинство экспонатов зоопарка пернатые. Здесь и павлины, и филины, и орлы, и страусы, и лебеди, и голуби, и индейка – 35 видов различных птиц. Ожидается прибытие новых пород и птиц, проживающих в Центральной Азии, Китае и Средиземноморских островах». [8, с.86]

Одним из значимых советских культурных учреждений выступали дворцы культуры и клубы, которые считались одними из главных организаторов свободного времени трудящихся. В малых городах клубы являлись единственными очагами культуры, где демонстрировались кинофильмы, читались лекции, организовывались встречи с различными творческими коллективами. Например, большинство гастролей проходило во Дворце культуры горняков, который был построен в 1950 г. В 1965 г. при нем даже была создана цирковая группа. При предприятиях открывались клубы: например, в 1952 г. открылся клуб при автопарке №1, на кирзаводе «Радуга» и на кондитерской фабрике; в 1958 г. построены здания клуба на 350 мест на 32 квартале и на 200 мест в Сортировке [9, л.9-18].

Самой важной функцией клубов и других учреждений культуры являлось формирование у советских людей марксистско-ленинского мировоззрения. Поэтому пред учреждениями культуры и клубами ставилась в первую очередь агитационно-пропагандистские задачи: наглядно объяснять преимущества социалистического образа жизни и социалистической культуры, а также в нужном для партии и идеологии направлении объяснять сущность событий международной жизни. Для решения поставленных задач действовали лектории, беседы на актуальные темы, организовывались тематические вечера, устные журналы, вечера вопросов и ответов на политические темы. Например, в университетах культуры, клубах любителей кино, театра, на занятиях литературных объединений активно обсуждали такие вопросы как искусство и политика, политика и личность современного художника [14, с.47]. Клубные учреждения являлись еще местами для проведения развлекательных мероприятий, к которым можно отнести дискотеки, танцы, игры, вечера отдыха, викторины и т.д. [14, с.51].

В Карагандинской области по состоянию на 1 января 1955 г. имелось 166 бюджетных учреждений клубного типа, из них районных домов культуры – 10, сельских клубов – 53, изб-читален – 77, красных юрт – 26. Еще одной из задач клубов считалась пропаганда

достижений науки и техники. Для успешной реализации данной задачи было принято решение о преобразовании ряда клубных учреждений профсоюзов во Дворцы (Дома) культуры и техники и создании при них специальных отделов научно-технической пропаганды. В результате все желающие в свое свободное время могли приобщиться к техническому конструированию, рационализации и изобретательству, считалось, что надо создать условия для развития советского человека духовно, чтобы он был не только потребителем, но и творцом культуры.

В советский период уделяли большое значение развитию художественной самодеятельности. Деятельность самодеятельных коллективов была актуальна в тех местах, где отсутствовали профессиональные коллективы, и встреча с ними была единственной формой живого непосредственного общения трудящихся с искусством. Для самодеятельных коллективов организовывали конкурсы различного уровня. Карагандинские артисты художественной самодеятельности принимали активное участие в таких смотрах. Например, в 1956 г. в Москве на Всесоюзном смотре художественной самодеятельности выступил танцевальный коллектив Дворца культуры горняков г. Караганды [9, л.10].

К концу 1960-х гг. стали популярными коллективные формы отдыха. Для этого создавались штабы выходного дня, которые организовывали отдых того или иного трудового коллектива. Даже выпускали «Бюллетени двух выходных» и сводные афиши «Где отдохнуть в субботу и воскресенье» [14, с.51].

В 1950-1960-е гг. одним из самых популярных и доступных видов досуга у советских людей было посещение библиотеки. Общественные библиотеки были доступны для всех. Библиотека являлась «очагом» знаний. Культ книги, знаний – это была «фишка» советского времени. Советская пропаганда с гордостью констатировала, что «СССР – самая читающая страна в мире». Советские библиотеки финансировались государством, поэтому серьезных проблем по закупке книг, оборудования и оплаты труда работников библиотеки не наблюдалось. В основном в советских библиотеках граждане могли ознакомиться с собранием классической литературы, с популярными произведениями советской и зарубежной литературы, газетами, журналами и другой печатной продукцией.

Российский исследователь Федченко М.Н. в своей монографии приводит результаты социологического опроса 1960 г. молодых рабочих четырех промышленных предприятий г. Свердловска на предмет их читательских предпочтений: из 250 молодых рабочих, охваченных анкетированием, 206 являлись активными читателями библиотек, а 144 имели личные библиотеки. Наиболее любимыми писателями русской классики были названы: А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, М.Ю. Лермонтов, Н.А. Некрасов, С.А. Есенин, А.П. Чехов, И.С. Тургенев. Из советских писателей больше всего нравились молодежи произведения М.А. Шолохова, А.М. Горького, В.В. Маяковского, А.А. Фадеева, Н.А. Островского, А.Т. Твардовского. В числе любимых зарубежных писателей были названы Т. Драйзер, Э. Золя, М. Твен, В. Гюго, Д. Лондон. Также молодежь не только читала авторов из школьной программы, но и интересовалась произведениями тех советских писателей, которые не совсем приветствовались властями – это работы Б. Пастернака, В. Дудинцева, И. Эренбурга, В. Пановой, Ф. Абрамова, Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Р. Рождественского, В. Аксенова, Б. Ахмадуллиной, Р. Казаковой, А. Кузнецова и других авторов. [4, с.73] Для карагандинцев литературные предпочтения были аналогичными.

Издания были на разных языках мира, но прошедшие цензуру на соответствие идеологическим нормам советского государства, этот критерий был и для советских авторов. Поэтому в этот период читатель не нашел бы на библиотечных полках произведений М. Булгакова. За литературными журналами «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Дружба народов», «Литературная газета», «Юность», «Аврора» читатели «охотились», «их давали почитать на одну ночь, на них всеми правдами и неправдами стремились оформить подписку – она была лимитирована и распространялась по научно-исследовательским институтам или райкомам партии [15]. Такой интерес к этим журналам был связан с тем, что они отличались от других советских журналов по концепции подбора произведений для опубликования. Они

в целом отражали так называемый «дух оттепели», «дух надежды» и т.д. Это было веянием всей хрущевской эпохи шестидесятников.

Советские люди стремились иметь у себя дома свою, домашнюю, библиотеку. Порой человек тратил весомую часть семейного бюджета на приобретение книг, журналов, газет. Популярные издания были в дефиците, поэтому они покупались у так называемых спекулянтов (как и другие дефицитные товары народного потребления), по знакомству или как говорили «по благу», а более терпеливыми собиралась макулатура, которую в пунктах приемов можно было сдать и получить желанный талончик на приобретение понравившейся книги. И фраза советских времен «Книга – лучший подарок» являлась отражением реальной ситуации со снабжением людей популярными изданиями. Набор экземпляров домашней библиотеки в основном был стандартный: Большая советская энциклопедия, собрание сочинений классиков марксизма-ленинизма, произведения советских и зарубежных фантастов. Только у избранных дома могли находиться собрания всемирной литературы или всемирной детской литературы. Например, в домашних библиотеках промышленных рабочих Казахстана преобладали книги русской классической литературы, причем в казахских семьях они могли быть переводные, на казахском языке. В зависимости от интересов членов семьи были книги о животных, научно-фантастические, военные мемуары, зарубежная классика, книги писателей различных республик, детская литература и т.д. Государство старалось удовлетворять потребности людей в печатных изданиях. Хотя в условиях «хронического» дефицита популярные книги необходимо было «доставать», как выражались в тот период. К тому же издавались только те произведения, которые соответствовали идеологическим требованиям.

Наивысшей ценностью в Советском Союзе была духовная пища – книги. Самая читающая в мире страна могла похвастаться миллионными изданиями газет, журналов, книг. Ни одно государство в мире не позволяло себе настолько огромные тиражи. Но как ни парадоксально – хорошая книга в СССР всегда была в дефиците. Особенно это касалось популярной литературы из серии фантастики или приключений. Классики мировой литературы пользовались спросом не меньше, чем Л. Толстой, А. Чехов, Н. Островский, А. Пушкин, Ф. Достоевский, Р. Рождественский, М. Цветаева. Такая литература считалась обязательной для изучения в школе и была доступна широкому кругу читателей. Очень модной была подписка на собрания сочинений. В начале 1960-х гг. стали охотиться за томиками В. Скотта, А. Дюма, Г. Мопассана – ими были увлечены все слои населения. Юношей и девушек интересовали «Приключения Шерлока Холмса» К. Дойля, люди старшего возраста зачитывались романом «Хождение по мукам». Всегда в почете была детективная литература: «Визит к Минотавру» А. И Г. Вайнеров, «Зеленый фургон» А. Козачинского, притягивающие острым сюжетом повести Ю. Семенова. Предметом гордости хозяев и восхищения, а иногда и зависти гостей было полное собрание Большой Советской Энциклопедии. [16]

Каждый второй гражданин страны Советов обязательно прочел Дж. Лондона, Р. Джованьоли, Э. Войнич. Встречаясь друг с другом, люди обязательно спрашивали, что можно почитать, обменивались книгами, одалживали их на время. Чем выше становился уровень образования в стране, тем более читающим становился ее народ. Старинные редкие издания можно было приобрести в магазинах «Букинист» – своеобразных книжных комиссионках, которые в те времена были во всех крупных городах. Даже низкие зарплаты не сдерживали рост продаж книг – духовная пища для советских граждан всегда оставалась на первом месте. Собственно, и стоили книги недорого: редко, когда цена одного тома переваливала за 1 рубль. Поэтому сформировать хорошую библиотеку в советские времена мог и профессор, и рабочий, и пенсионер. И только полки с политической литературой продолжателей идей Ленина всегда оставались заполненными. Наравне с ними не пользовались спросом книги, газеты и журналы, рассказывающие об отчетах партии и правительства, об их визитах в зарубежные страны, произведения писателей о пути в светлое

коммунистическое будущее. На такую литературу комсомольцев и коммунистов заставляли подписываться в принудительном порядке. [16]

Особенную роль играла детская литература. Детство советских ребяташек отличалось отсутствием интернета и дефицит информации восполнялся с помощью книг, телевидения, периодической печати. Традиционно каждая семья выписывала несколько наименований журналов и газет. И среди них всегда была детская периодика, выполняющая главную задачу партии – гражданское воспитание подрастающего поколения в духе коммунистических идеалов. Среди детских изданий были очень популярные, их не всегда можно было выписать, и дети ходили читать такие журналы в библиотеки. Журнал «Колобок» имел свою специфику. Юные читатели в каждом номере находили звуковые пластинки с популярными сказками, увлекательными историями. К выпуску издания подключались артисты разговорного жанра, музыканты, композиторы, известные детские писатели и художники. Главный герой, от имени которого шло повествование, был близок детям и понятен. Колобок не только рассказывал им интереснейшие истории из жизни бабушек, дедушек, но и погружал в мир классической музыки, приобщал к искусству театра, отвечал на их извечные «Почему?». У журнала было огромное преимущество – «живучесть» винила. Одно поколение вырастало, ему на смену приходило второе – и уже новые читатели и слушатели пользовались хорошо сохранным материалом. [16]

Одним из самых популярных и любимых детских журналов был журнал «Мурзилка». Рассчитан журнал был на дошкольный и младший школьный возраст. Красочно и доступно информировал о природе, жизни детей в школе, дома, о развитии страны. Помимо советских писателей для издания готовили статьи зарубежные мастера пера. Стихи, рисунки, головоломки увлекали детей с первых страничек журнала и удерживали внимание до конца. Необычный персонаж и друг Мурзилка – главный герой издания – обучал детей некоторым школьным предметам, давал углубленные знания по темам «Школа безопасности», «Галерея искусств». «Весёлые картинки» – один из детских журналов, которым искренне интересовались даже взрослые. Минимум текста, максимум иллюстраций, комиксов привлекали малышей от трех до шести лет, приобщая их к периодике. Юмористические герои были настолько популярны, что журнал выходил огромными тиражами. Окунувшись в мир сказки и творчества, ребёнок мог с лёгкостью осваивать окружающее пространство – знания давались ненавязчиво, в игровой форме. Новый номер всегда ждали с нетерпением. Для детей постарше любимыми изданиями были «Пионер», «Костер», «Юный техник», «Юный натуралист». Рубрики журналов были познавательными, развлекательными и развивающими одновременно. Среди авторов можно было встретить практикующих биологов, физиков, многочисленных ученых из других отраслей наук. Опубликованный материал воспитывал преданность коммунистическим идеалам, высокие морально-этические качества, любовь и верность стране, в которой они жили, учились и творили. [16]

Литературные журналы печатали произведения известных и современных классиков вперемежку с фантастикой, научно-популярными рассказами, стихами. Несколько поколений выросли на произведениях Кассиля, Успенского, Алексина, братьев Стругацких. Интерес к знаниям, трудолюбие закладывались с детства – так появлялась в Союзе прогрессивная молодёжь, задачей которой было «строить здоровое коммунистическое общество». [16]

Во многих рабочих семьях выписывали разнообразные газеты: «Правда», «Известия», «Казахстанская правда», областные, вечерние выпуски газет, молодежные, заводские или пришахтные и т.д. Также казахстанцы выписывали различные журналы: «Коммунист Казахстана», «Жулдыз», «Простор» и др. [17, с.84-85] Существовала определенная «разнарядка» на приобретение периодической литературы. Каждое учреждение, организация и т.д. должны были выписать газеты и журналы, особенно это касалось печатных органов ЦК КПСС: газета «Правда», «Казахстанская правда» и др. Например, в 1964 г. 5 тыс. газет и журналов на 22 тыс. рублей выписали горняки шахты № 47/48 [9, л.16]. Вспоминает И.А. Петрова: «На газеты и журналы на моем предприятии проводились годовые подписки.

В основном выписывали журналы «Юность», «Наш современник», «Иностранная литература» и такие газеты как «Комсомольская правда», «Социалистическая индустрия» [18]. Но нельзя утверждать, что повсеместно была жесткая разнарядка на газетные и журнальные издания. Многие советские граждане добровольно выписывали газеты и журналы, т.к. периодическая литература являлась, наряду с телевидением и радио, источником информации и служила, в какой-то степени, источником развлечений, интересным и полезным проведением досуга.

В библиотеке областного музея Караганды по состоянию на 5 декабря 1954 г. книжной продукции насчитывалось 2951 единиц. Из них по разделам было распределено: казахстаника – 510, общественные науки – 270, точные науки – 116, история и география – 120, археология – 70, справочная литература – 90, музейное дело – 90, методика краеведения – 110, научные журналы за 17 лет (издания Академии наук СССР), исторические и политические – 1515. Музейная библиотека выписывала для читателей следующие газеты: «Правда», «Комсомольская правда», «Казахстанская правда», «Социалистик Казахстан», «Социалистическая Караганда», «Советтик Караганды», «Комсомолец Караганды», «Балхашский рабочий», «За медь». А также журналы: «Культурно-просветительская работа», «Коммунист», «Коммунист Казахстана», «Блокнот агитатора Караганда», «Блокнот агитатора Алма-Ата», «Зоологический журнал», «Ботанический журнал» и др. В целом, за 1954 г. библиотекой музея было организовано 350 библиотек-передвижек, 460 книжных выставок, проведено 248 литературных вечеров и читательских конференций, оформлено 535 плакатов, сделано 778 рекомендательных списков литературы. Но были и проблемы: заместитель начальника Карагандинского областного управления культуры Ф. Фельдман в своем отчете указывал на недостаток помещений, низкий уровень посещаемости библиотек, малочисленность контингента читателей [10, л.7-8].

В 1955 г. в Карагандинской области насчитывалось 160 библиотек [19, л.133], среди которых городские библиотеки №7 и №8, открытые в 1953 и 1954 гг. соответственно. В 1961 г. открылась городская библиотека №12 в Новой Тихоновке. В 1962 г. 2860 читателей насчитывала библиотека шахты им. Кирова с книжным фондом около 30 тыс. книг. В 1963 г. в Караганде насчитывалось 22 библиотеки с книжным фондом в 755075 книг, профсоюзных библиотек – 41 с фондом в 416577 книг, школьных библиотек – 97 с фондом в 338730 книг, прочих библиотек – 52 с фондом 832597 книг. На общественных началах работало 11 библиотек. В 1964 г. городские библиотеки г. Караганды читателям выдали 6 миллионов книг. Для детей работала областная детская библиотека им. Абая, в которой в 1954-1956 гг. работало 9 человек [9, л.9-18].

Библиотеки вели активную лекторскую, выставочную, кружковую работу. Областная библиотека г. Караганды за 1954 г. организовала 47 книжных выставок, было прочитано для читателей 9 лекций, проведено 4 читательских конференций, 4 литературных вечера [20, л.3]. Библиотеки городов Темиртау и Балхаш также проводили просветительскую работу. Часто работники библиотеки посещали общежития рабочих, среди них проводились литературные чтения, беседы, демонстрировали диафильмы [19, л.5]. В детских библиотеках также велась просветительская и пропагандистская работа. В духе атеистической пропаганды были названия лекций, например, «Бабкины сказки о боге – вздор, зря ты поверил им – школьник Егор» [19, л.7]. К содержанию лекций относились очень серьезно. В целях контроля за качеством читаемых лекций при областном лекционном бюро (ОЛБ) были организованы 5 методических секций: естественнонаучная (рук. доктор медицинских наук тов. Уволес), общественно-политическая (рук. внештатный лектор тов. Долженков), литературно-искусствоведческая (рук. старший преподаватель педагогического института Мариконин), сельскохозяйственная (рук. тов. Писарева). Названными секциями в 1954 г. прорецензировано и обсуждено 36 лекций, из них 22 допущены к чтению в массовой аудитории. Такие методические секции существовали и при районных лекторских группах, но их работа часто носила формальный характер. В результате, лекции читались нерегулярно и на низком уровне [19, л.18-19]. Таким образом, библиотеки в повседневной жизни

советских людей играли важную роль. Библиотеки выступали не только хранители печатной продукции, они выступали центрами агитации и пропаганды, культурного просвещения и т.д.

В СССР библиотеки были: школьные, вузовские, заводские, общественных организаций, детские, юношеские, технические, городские, районные, областные, республиканские и т. д. В библиотеках была необходимость, они были очень востребованы и никогда не пустовали, так как книга являлась в 1950-1960-е гг. единственным источником знаний. Посему советские библиотеки были учреждениями, массово посещаемыми людьми любого возраста, профессии и социального положения. Дети записывались в библиотеки, как только научались читать. Многие дети дошкольного возраста при поступлении в школу уже умели читать, советские дети умели читать в 4-6 лет. Родители записывали их в детские библиотеки, и дети имели возможность читать книги, которых не было дома. [16]

Библиотека сопровождала советского человека всю его жизнь: читать любили академики, профессора, инженеры, учителя, врачи, таксисты, студенты, школьники и даже пенсионеры. У кого не хватало денег на подписку периодики (или кто не хотел тратиться «попусту»), приходили в библиотеку, что была поближе, почитать «Роман-газету», «Знамя», «Новый мир», «Литературную газету»: библиотеки выписывали множество разной периодики на любой вкус, начиная от «Правды» и «Работницы» и заканчивая «Мурзилкой» и «Юным техником». Студенты занимались в библиотеках стабильно и подолгу. И если для повседневной учебы хватало учебников на абонементе в вузовских библиотеках, то для написания докладов, рефератов и курсовых требовалась специальная литература. Брали книги, конечно, в библиотеке: на абонементе, если они были в достаточном количестве, выдавались книги на руки, и можно было заниматься дома. А вот специальная или литература повышенного спроса, или имеющаяся в ограниченных количествах выдавалась только в читальных залах работниками библиотеки. Ее выписывали или заказывали из книгохранилища. В читальных залах студенты работали, переписывая в тетради все, что было необходимо. Читальных залов при библиотеках было обычно несколько, в зависимости от специализации, выписываемой литературы (в том числе и периодики) и направлений. В читальных залах никто не шумел, не приходил с напитками и бутербродами, не сидел в куртках и шапках. Была некая священность посещения читальных залов и уважительное отношение к товарищам-студентам, незнакомым даже в лицо. [16]

Определенную долю свободного времени советские люди посвящали посещению музеев. Многие музеи были уничтожены в годы Великой Отечественной войны. Например, если в 1940 г. в СССР было 991, то в 1965 году – 954 музеев [21, с.67]. Карагандинский областной краеведческий музей в 1954 г. посетило 14297 тыс. человек. За этот год посетители смогли прослушать 48 лекций, принять участие в викторине «Знаешь ли ты Караганду» и т.д. [20, л.51а]. Карагандинский областной музей систематически организовывал чтение лекций для посетителей. Например, в 1950-е гг. было прочитано следующее количество лекций: 32 – в 1950 г., 50 – в 1951 г., 47 – в 1952 г., 27 – в 1953 г., 48 – в 1954 г. Тематика лекций была разнообразной, но в большей степени просветительского характера [20, л.51].

При этом необходимо отметить, что советские люди на добровольных началах входили в состав правлений инициативных групп, на общественных началах возглавляли народные университеты и факультеты, объединения по интересам. Любители музыки проводили музыкальные вечера, лекции и т.д. Кинолюбители выпускали и показывали фильмы, сюжет которых в основном касался трудовой и общественной жизни коллективов предприятий. Краеведы помогали создавать народные музеи, пропагандировать историю родного края, трудовые традиции области, района, предприятия и т.д. Например, в отчете Карагандинского областного музея за 1955 г. в разделе «Пополнение фонда» дается такая информация: «Ежегодно граждане из районов и города Караганды передают музею различные находки. Только за 1954 г. краевед Ясенецкая В.Е. из Каркаралинска передала безвозмездно музею ряд ценных находок по археологии, интересная археологическая коллекция поступила от студента мединститута т. Дубовицкого, жителя Каркаралинска

Деева, лесозавода т. Григорьева Г.В., сотрудник военкомата принес знак аульного старшины, шофер т. Бурдюков часть бивня ископаемого слона и быка, ученики школы села Колхозного сдали топор-молот каменный» [19, л.52]. Горожане не только посещали местные музеи, но и участвовали в пополнении их фондов и экспозиций.

Трудящиеся страны Советов любили проводить свой досуг дома. Эту возможность давали им телевизор, радиола, магнитофон, транзистор, домашняя библиотека. В 1960-е гг. в жизни советских людей появляется телевидение, ставшее с тех пор самым популярным видом проведения досуга. В 1960 г. в Караганде было зарегистрировано около 50 тысяч телевизоров [22, л.23-25]. В 1967 г. в Караганде было уже 73 тыс. телевизоров [9, л.9-18]. 1 февраля 1960 г. в Караганде была введена в эксплуатацию ПТС (передвижная телевизионная станция). Карагандинская студия телевидения показала 850 передач, из них около 300 на казахском языке. Кроме того, было показано 277 кинофильмов, 14 спектаклей и 22 собственных телепостановок [9, л.9-18].

Например, материалы социологического исследования свободного времени в среде промышленных рабочих Центрального Казахстана подтверждают эти данные. Опрос на выявление любимых телепередач среди рабочих показал, что особенно популярны в рабочей среде были спортивные передачи (23,3%), причем больше среди молодежи и мужской половины семьи. На втором месте стоит просмотр художественных кинофильмов, в основном всей семьей (15,3%). 12,9% семей любили в минуты отдыха послушать концерты, но если молодежь предпочитала эстрадные, то более старшее поколение семьи – народную музыку, песни советских композиторов. Представители разных этносов предпочитали концерты национальной музыки, особенно в казахской среде рабочих.

Всем поколениям всегда свойственно идеализировать своё прошлое, также идеализируют советское телевидение и в своих воспоминаниях интервьюируемые. На самом деле советское телевидение было достаточно ограниченным по жанрам, количеству каналов и передач, в большинстве своем скучным, неинтересным и оторванным от зрителей. Но при этом существовали сверхпопулярные передачи, причем их уровень популярности был огромным.

Огромной любовью зрителей пользовались передачи [23]:

- телевизионно-развлекательная программа «Голубой огонек», выходившая с 1962 г. Появились трансляции в официальные праздничные дни, а с 1964 г. и в новогоднюю ночь. Как это было тогда модным в 1960-е, в эфире шло непосредственное общение простых советских людей с их кумирами в виде концертной программы. С тех пор абсолютное большинство советских людей не пропускало праздничный «Голубой огонек».

- «Музыкальный киоск» выходил с 1960 г., программа рассказывала о новинках музыки, записанных на фирме «Мелодия», и в течение 35 лет бессменной ведущей «Киоска» была Элеонора Беляева.

- «Клуб кинопутешествий», выходивший с 1960 г. Простым советским людям в 1960-е гг. было крайне сложно выехать за границу, из-за этого с первых выпусков программа стала одной из самых любимых в стране, потому что показывала новые и незнакомые места, в которых они никогда не бывали, о которых зачастую даже не слышали. И «действительным членом» этого клуба путешественников мог стать любой, кто включал телевизор в воскресный вечер.

- «Здоровье» в эфире с 1960 г., более 20 лет Юлия Белянчикова была бессменной ведущей программы, которая при ее участии стала одной из самых популярных на советском телевидении. За то время, пока она вела «Здоровье», поток писем от телезрителей в адрес программы возрос с 60 до 160 тысяч писем в год. На вопросы телезрителей давались ответы как во время эфира, так и в личной переписке.

- «Клуб веселых и находчивых» или «КВН» стал выходить в эфир с 1961 г. КВН, как и «Вечер веселых вопросов» (1957 г.), пользовался огромной популярностью. По всей стране возникло КВН-движение. В подражание передаче игры КВН устраивались в школах, пионерских лагерях и т. д. Поскольку команды часто иронизировали над советской

действительностью или идеологией, эта передача шла не в прямой трансляции, а в записи, и подвергалась цензурированию: сомнительные с идеологической точки зрения шутки вырезались.

- «Кинопанорама» – с 1962 г. в эфире появилось ежемесячное кинообозрение и в нем рассказывалось о новинках кинематографа: ведущий в студии представлял новый фильм, рассказывал о его создателях, об артистах в главных ролях и т. д., демонстрировались отрывки из фильма.

- «Добрый вечер» или с 8 выпуска «Кабачок 13 стульев», выходил с 1966 г. По своему жанру это была юмористическая программа, все действие которой происходило в польском кабачке. Практически все основные роли играли актеры московского Театра сатиры. Передачу боготворили, ремарки и шутки из нее цитировались постоянно. Женщины всей страны разглядывали, а потом копировали прически и наряды «польских» модниц.

- детская передача «Спокойной ночи, малыши», выходившая с 1964 г. Каждый вечер маленькие советские зрители усаживались у экрана, чтобы вновь встретиться с главными персонажами любимой передачи псом Филей, поросенком Хрюшей, зайчонком Степашкой и вороной Каркушей. [23]

Карагандинцы, как и все советские люди, смотрели официальные «Последние известия» (с 1956 г.) и «Время» (с 1968 г.). Из разных телевизионных передач излюбленными в конце 1960-х являлись новые передачи: «В мире животных» (с 1968 г.), «Служу Советскому Союзу» (с 1967 г.) и др. [23]

Кроме общесоюзного телевидения работали и республиканские, и областные телеканалы. В 1968 г. редакция писем Карагандинской студии телевидения провела экспериментальный опрос группы телезрителей. Цель опроса – выяснить интересы телезрителей и отношение зрителей к телевизионным программам, узнать, в какой степени программы телевидения удовлетворяли интересы карагандинских зрителей. Некоторые итоги опроса «Наша программа и ваши интересы» телезрителей по анкете Карагандинской студии телевидения позволят нам выяснить досуговые интересы горожан-телезрителей. Ответить на вопросы анкеты были приглашены все взрослые жители г. Караганды дома № 30 по Советскому проспекту и дома № 8-а по улице 40 лет Казахстана (в том числе учащиеся 9-10-х классов средних школ, студенты вузов и техникумов). На вопросы анкеты ответили 200 жителей (из 248, остальные были в отпуске, командировке, больнице и т.д.). По ряду показателей опрошенная группа являлась приблизительной моделью населения Ленинского района г. Караганды (население района – около 200 тыс. чел.). [24, л.1]

Из числа опрошенных телевизионные передачи смотрели: регулярно (5-7 раз в неделю) – 34%; нерегулярно (3-4 раза в неделю) – 49,5%; редко (3-4 раза в месяц) – 16,5%. Эти данные являются свидетельством популярности телевидения. В опрошенной группе женщины составили 58%; мужчины – 42%; рабочие – 24%; ИТР и служащие – 50,5%; студенты и старшеклассники – 12,5%; пенсионеры и домохозяйки – 13%. Из числа рабочих, ИТР и служащих 94% (т.е. 70,5% всех опрошенных) работали непосредственно на предприятиях и стройках. Возрастные характеристики: до 25 лет – 7,5% опрошенных, от 25-40 лет – 55%; от 40-60 лет – 22%. [24, л.1-3]

Каков же был круг интересов телезрителей, на какие вопросы им хотелось бы получать ответы в передачах Карагандинского телевидения? Максимальный интерес у советского телезрителя вызывало кино: им интересовались почти все опрошенные – 97,5%. На втором месте по интересу были обозначены вопросы международного положения – 93,5% всех опрошенных проявляли живой интерес к актуальным проблемам международной политики. Вывод, который делается в анализе по опросу: «Это еще раз доказывает насколько ошибочны рассуждения об «аполитичности» зрителя» [24, л.3].

Действительно, интерес в 1960-е г. к проблемам международной политики стал возрастать. Еще в начале 1940-х г. интерес советских людей к мировым проблемам был незначительный. В своих дневниках Г. Эфрон в предвоенные годы писал: «Я живу мировой политикой, мировым положением, я живу судьбами Франции и Европы; я сильно переживаю

все международные события, пытаюсь объяснить их политическую и диалектическую взаимосвязь. Мои же товарищи этим всем очень мало интересуются, живут футболом и очередной плохой отметкой – они малокультурны, увлекаются пустяками, чушь» [25, с.336]. Но в 1960-е гг. советские люди все чаще и с большим интересом обращаются к международным вопросам, а государство активно ориентирует население на это. Активное обсуждение вопросов международного положения уводило от обсуждений острых и дискуссионных вопросов внутренней политики советского государства.

Таким образом, вопросы международных отношений занимали второе место (после кино) по интересам у рабочих, инженерно-технических работников, служащих, учащихся старших классов и студентов техникумов и вузов, но последние группы в такой же степени интересовались и вопросами литературы (96%). И только немногочисленная группа пожилых телезрителей – пенсионеры, а также домохозяйки (13%) считали, что телевидение должно прежде всего удовлетворять их интересы к вопросам театрального искусства, медицины и, конечно же, кино. На третьем месте среди вопросов, интересующих большинство телезрителей, стояла музыка (86,5%). Далее шли вопросы культуры и быта (85,5%), литературы (84,5%), театра (84%), внутренней политики (81%), воспитание детей и молодежи (61%), морали (79,5%). Меньше всего карагандинцы интересовались проблемами промышленности, транспорта и строительства (34,5-40%) и сельского хозяйства (27%) [24, л.4-5]. При анализе этих данных, слово «интерес» следует понимать, как «телеинтерес». То есть, эти цифры отражали жанровые интересы зрителей на различные темы, поднятые телевидением.

Специальное исследование было посвящено выяснению места, которое занимало у людей телевидение в общем потоке информации. Высокие оценки опрошенные телезрители дали программам художественного кино (92,5% заявили, что эта категория передач им нравится) и концертам по заявкам (91,5%). Положительную оценку большинство опрошенных дали литературным передачам (69%), общественно-политическим (68%), передачам по письмам телезрителей (68%), драматическим передачам (64,5%). Молодежные передачи интересовали 63% всех опрошенных, спортивные – 62,5%, музыкально-образовательные – 51,5%. Зато телевизионные новости, рассчитанные на всех зрителей, удовлетворяли только половину из них (50,1%). Анализируя обстоятельные ответы на телевизионную анкету и письма телезрителей, телевизионные работники объясняли такую низкую популярность телевизионных новостей следующими причинами: «узость тематики теленовостей, мелкотемье, отсутствие во многих выпусках информации – «изюминки», обилие языковых штампов и т.д.» [24, л.4-5]. Фактически эти новости не носили актуальный характер, не выходили за пределы официоза и зачастую не поднимали вопросов, реально интересующих население. Еще большую тревогу вызвала низкая оценка, полученная передачами на народно-хозяйственные темы. Из числа опрошенных почти 70% заявили, что эти передачи оставили их безразличными или вовсе не понравились. Оказалось, что у всех наиболее активных и деятельных групп зрителей популярность народно-хозяйственных передач очень низка.

И в этом случае о причинах таких низких оценок можно частично судить по письмам и ответам телезрителей на первую телеанкету. Вот некоторые из причин, которые помогут нам представить областное телевидение 1960-х гг.:

1. Однообразие жанров. Подавляющее большинство этих передач – беседы за круглым столом. Если они и сопровождаются кинокадрами, то это не больше, чем поверхностная иллюстрация, мало помогающая развитию, углублению или решению темы.

2. Замкнутость темы. Проблемы, поднятые в передачах, как правило, относятся только к одному, пусть даже очень важному, но все-таки частному объекту. Авторы и участники передач не пытаются исследовать и ставить вопросы, характерные для других подобных объектов. Поэтому люди, не работающие здесь, остаются равнодушными к таким передачам.

3. Служебная направленность передач. Действенно вторгаясь в частные, хотя и важные вопросы, эти передачи, к тому же, обращены лишь к узкому кругу хозяйственных

руководителей и высших командиров производства, в них ставятся обычно чисто организационно-хозяйственные вопросы, носящие не постоянный, а временный характер (проблемы одного дня).

4. Неопределенная позиция автора. Журналисты-авторы в таких передачах выступают часто в роли председательствующего на производственном совещании. Со своей, как правило субъективной точкой зрения, обычно выступают заинтересованные хозяйственные работники, не очень склоненные к серьезной критике собственных недостатков. Эти выступления, как выразился один из телезрителей, построены по принципу: «Иван кивает на Петра». А журналист-автор чаще всего не идет на глубокий анализ вопроса, затронутого в передаче, не выступает со своими объективными и аргументированными выводами. Поэтому многие народно-хозяйственные передачи, лишенные публицистичности и общественной остроты, не волнуют широкую аудиторию. В лучшем случае они выполняют функции публичного «толкача» в решении тех или иных частных хозяйственных вопросов.

5. Есть люди, нет человека. Во многих передачах, освещающих вопросы промышленности и строительства, о рядовых рабочих, младших руководителях – бригадирах и мастерах - говорится вскользь, поверхностно. Обычно их фамилии бегло перечисляются, таких людей снабжают трафаретными, обезличенными положительными характеристиками, пригодными для любого передовика любого производства. Глубокого проникновения в характеры людей, изучения их индивидуальных качеств, показ их сугубо личного отношения к труду, к коллективу в подобных передачах почти нет.

И в резюме делается вывод о необходимости учета интересов телезрителей: чаще готовить оправдавшие себя концерты-очерки, в которые наряду с музыкальными номерами включаются интересные рассказы об интересных людях и их делах; разнообразить жанры и тематику передач проблемными репортажами и интервью и т.д. [24, л.4-5]

Если говорить о тематике кинофильмов, то социопрос выявил следующие предпочтения: 35,7% ответивших предпочли кинофильмы на военные темы, 15,8% – на исторические, 9,3% – кинокомедии, 8,4 – приключенческие, 5,6% – детективы [17, с.86-87].

Практически все телевизионные передачи были «отшлифованы», то есть прошли через идеологическое рецензирование. Поэтому большинством советских граждан воспринимались как очередная сказка про «светлое» настоящее советских людей. Например, передачу «Служу Советскому Союзу» сами же военнослужащие называли «В гостях у сказки», так как все, что там показывали, не имело отношения к действительной воинской жизни. Армия в данной передаче показывалась исключительно с положительной стороны и не поднимались серьезные проблемы, например, связанные с «дедовщиной» или другими трудностями прохождения парнями воинской службы. Воинские части заранее предупреждались о том, что придут журналисты данной передачи, и поэтому у начальства части было время подготовиться для встречи съемочной группы. Журналисты не пытались поднимать системные проблемы, а ограничивались частными случаями. В результате советские зрители, начиная с середины 1960-х и до момента закрытия передачи в начале 1990-х гг., воспринимали советскую армию «глазами» этой передачи, и она носила «образцово-показательный характер».

Доступным и любимым видом досуга у советских граждан было прослушивание радио. Всесоюзное радио долгие десятилетия было массовым и основным источником информации и трансляции культурных ценностей. «В конце 1950-х годов в СССР на 208,8 млн человек имелось около 50 млн радиоприемников и радиотрансляционных точек. В течение суток по центральному радио передавалось 12 выпусков «последних известий», три обзора центральных газет, регулярно читались статьи и проводились беседы и лекции по марксизму-ленинизму. Ежедневно транслировалось по 45-50 концертов. Радио помогало провинциальной молодежи разучивать новые песни на слух» [4, с.76].

В 1950-1960-е гг. были распространены следующие модели радиоприемников: «Латвия М-137» (1950 г.), «АРЗ-49» (1951 г.), «Родина-52» (1952 г.), «Искра-53» (1953 г.), «Звезда-54» (1954 г.), «Москвич-3» (1954 г.), «Дорожный» (1954 г.), «Турист» (1955 г.),

«Воронеж» (1957 г.), «Новь» (1957 г.), «Волна» (1957 г.) и др., которые транслировали такие популярные радиопередачи как: «Пионерская зорька», «Время, события, люди», «Полевая почта «Юности»», «Поэтическая тетрадь», «Встреча с песней», «Здравствуй, товарищ» и др. Для любителей музыки существовали радиолы. Во многих советских семьях для прослушивания виниловых пластинок использовали следующие модели радиол: «Рекорд - 53» (1953 г.), «ВЭФ-Аккорд» (1954 г.), «Октава» (1957 г.), «Дайна» (1958 г.), «Чайка» (1958 г.), «Беларусь-59» (1959 г.), «Рекорд-60» (1960 г.), «Харьков» (1960 г.), «Рассвет» с часовым механизмом включения-выключения (1959 г.), «Сириус-М» (1965 г.), «Гамма-В» с цветомузыкальным устройством (1966 г.), «Миния-4», (1967 г.), первая советская стереофоническая радиола «Ригонда-стерео» (1964 г.) и др. [26]

Домашний досуг не совсем приветствовался властями, так как считалось, что домашние занятия бессистемны, социально неконтролируемы и эпизодичны. Поэтому всем культурным учреждениям давалась установка шире пропагандировать «общественное, организованное потребление культурных ценностей». Партия и правительство призывала работников, занимающихся организацией культурного досуга трудящихся, «применять научный подход к планированию досуга, так как от правильно организованного досуга зависит эффективность труда советских людей». Но большинство горожан все-таки выходные дни проводили дома. В субботу ходили по магазинам за продуктами (или стояли в очередях), делали уборку в квартире или доме, занимались стиркой и другими домашними делами. В воскресенье встречались со знакомыми, родственниками, играли с детьми в настольные игры: шашки, шахматы, лото.

Советские граждане отмечали такие популярные праздники как Новый год, дни рождения, 23-е февраля, 8 марта. Вспоминает житель Темиртау И.А. Петрова: «В Новый год было обязательно застолье, прогулки по «снежным городкам» металлургического комбината. В остальные праздники в основном встречались с друзьями и знакомыми, а чаще всего в семейном кругу» [18]. Горожане обязательно ходили на демонстрации в такие праздники как 7 ноября – годовщина Октябрьской революции, 1 мая – День солидарности трудящихся, 9 мая – День Победы. Демонстранты несли плакаты с лозунгами «Да здравствует КПСС!», «Народ и партия едины!», «Мир, труд, май!» и др. По воспоминаниям многих казахстанских граждан присутствие на таких парадах не было каким-то тяжким обязательством. Большинство горожан с удовольствием принимали участие в таких торжественных мероприятиях, так как всеобщее ликование передавалось всем, и участники парада с приподнятым настроением шествовали по главной городской улице. Парад после официальной части плавно переходил в народные гуляния: горожане пели песни, танцевали под звуки духового оркестра в городском парке, катались вместе со своими детьми на парковых аттракционах, ели сладкую вату, мороженое, различные булочки и пирожки, пили лимонад, квас, пиво. Ближе к вечеру собирались дома у друзей, родственников и за празднично накрытым столом все вместе отмечали праздник.

Среди советских пенсионеров или сидящих во дворах немолодых мужчин была популярна игра в домино, это называлось «забить козла», почти в каждом советском дворе «забивали козла». К таким безобидным элементам мужского досуга также относилась рыбалка, пойти «починить машину» в гараж. И все они, в основном, имели продолжение в виде распития алкогольных напитков. Это была своего рода целая философия – «уход от советской действительности», «стать на какое-то время самим собой» и т.д.

Автомобиль в советский период был роскошью, а не средством передвижения как в других странах. По воспоминаниям жителей Караганды приобрести автомашину было целым событием для среднестатистической семьи. На машину некоторые семьи «копили» деньги почти всю жизнь. Машины были очень дорогими, при этом сложно было их приобрести даже по очереди. В приоритете на покупку машины были, в первую очередь, передовики производства, орденосцы, герои социалистического труда. А те, кто не мог дожидаться очереди, покупали автомобиль на так называемом «черном рынке» у спекулянтов за большие деньги. Средние цены за новый автомобиль составляли в 1949-1953 гг.: Москвич-401 – 8000

руб., ГАЗ М20В «Победа» – 16000 руб., ГАЗ-12 – 40000 руб.; в 1959-1960 гг.: Москвич-401 – 9 000 руб., Москвич-402 – 15000 руб., Москвич-407 – 25000- 27000 руб. В 1961 г. была деноминация, соответственно машины стали стоить в 10 раз дешевле. Но вскоре произошло повышение цен – в 1964 г.: Москвич-403 – 3600 руб., ГАЗ-21 «Волга» – 5600 руб.». [26] И это при средней зарплате советских граждан в тот период – 601 рубль, когда за эту сумму можно было купить 751 килограмм картофеля [28].

Еще одним популярным средством передвижения для советских людей был велосипед, на котором они ездили на работу и на отдых за город. Велосипеды тоже стоили недешево, но все-таки были более доступны, чем автомобили. Например, в 1960-е гг. они продавались по следующим ценам: мужской – 49-80 рублей, женский – 43-50 рублей.

Счастливым обладателям советских моделей легковых автомобилей «Москвич», «Волга» гарантировался настоящий мужской досуг в гараже, который часто сопровождался распитием спиртных напитков. Советские автолюбители ревностно относились к своим авто, постоянно их усовершенствовали, разными способами украшали салоны машин, например, округлость лобового стекла оформляли однокопеечными монетами или бахромой. Гараж для советского мужчины выступал в роли мужского клуба, где собирались соседи по гаражам, двору или друзья, коллеги на «кружечку пива», чтобы обсудить местные и мировые новости.

Одним из активных видов проведения досуга у советских людей было занятие спортом и физкультурой. В архивных документах утверждалось, что каждый 10 житель Караганды занимался одним из 38 видов спорта [9, л.20]. В 1957 г. в городе был открыт Дворец спорта с плавательным бассейном [9, л.18]. В 1957 г. в Караганде построен центральный стадион «Шахтер» на 20 тыс. мест в Караганде, строился стадион на 5 тыс. мест в Сарани [8, с.83,107]. В 1965 г. закончилось строительство нового стадиона в г. Джезказгане на 12 тыс. мест, в его комплекс вошли спортивный городок с баскетбольными площадками, теннисными кортами, футбольным полем [8, с.130]. В советский период открывалось достаточное количество спортивных секций и групп здоровья, почти в каждом дворе были спортивные площадки. Зимой среди детей были популярны ледовые катки под открытым небом во дворах. Родители стремились к тому, чтобы их ребенок научился кататься на коньках, больше проводил времени на свежем воздухе и укреплял здоровье, поэтому среди карагандинцев катание на коньках на катке было весьма распространённым видом детского и взрослого досуга. Многие известные советские фигуристы, хоккеисты вспоминали, что попали в спорт через такие открытые катки, в которые их родители отдавали просто для того, чтобы укрепить здоровье своего ребенка, а не с целью сделать из него олимпийского чемпиона.

Физкультурой занимались все население страны, начиная от малышей в детских садах до пенсионеров. Для последних специально открывали так называемые группы здоровья. Как правило, такие группы здоровья были бесплатные, и пожилые граждане с удовольствием посещали их для поддержания своего здоровья и еще, что немаловажно, для общения со своими сверстниками. Нельзя не упомянуть о популярности и любви советских людей к шахматам. И эпизод из фильма «12 стульев», в котором герой участвует в сеансе одновременной игры, был не просто художественной выдумкой сценариста или режиссера. Действительно, в каждом населенном пункте страны функционировали шахматные клубы, не было ни одного пионерского лагеря, дома отдыха, учебного заведения, где бы не играли в шахматы. Это был самый доступный вид спорта и полезное времяпрепровождение, как для взрослых, так и для детей.

Массовостью отличался не только спорт и физическая культура, но и занятие туризмом, который был как организованным, так и «диким». Советские люди любили ходить в походы в составе больших и малых групп, с семьей, с трудовым коллективом, с друзьями. Если не было своего походного снаряжения, его можно было взять в пунктах проката, которые существовали даже на базе предприятий. Считалось, что походы укрепляют семейные узы, воспитывают коллективизм, дают географические и туристические знания и

даже готовят советских граждан «к будущему покорению других планет». Например, в Караганде в 1960-е гг. при обкоме комсомола работало туристическое молодежное бюро «Спутник» [9, л.13].

В 1960-е гг. стало популярным, особенно среди молодежи, турпоходы «дикарями», в которых присутствовали элементы романтики, преодоления походных трудностей и т.д. Поэтому культовыми стали кинофильмы, рассказывающими о таких походах. В пример можно привести знаменитый фильм «Вертикаль», снятый в 1967 г., главную роль в которой сыграл Владимир Высоцкий. Песни из этого кинофильма сразу же стали хитами, и исполнялись альпинистами и другими романтиками у костра.

Непосредственно к использованию свободного времени трудящихся относятся и вопросы организации отдыха, «чистого» или связанного с лечением в санаториях, профилакториях. Например, 8,4% промышленных рабочих Центрального Казахстана выезжали на курорты и в санатории. Многие рабочие ездили в отпуск на «малую родину», чтобы погостить у родителей, у родственников (21,7%), чаще в деревню или аул. Большинство опрошенных (36,5%), в основном старшее поколение, предпочитали дома отдыха или отводили досуговое время, чтобы поохотиться, порыбачить, поработать на приусадебном участке и т.д. Желание пожить на даче (4,5%), отдохнуть в домах отдыха (6,7%) также увязаны с потребностью пообщаться с природой. [16, с.87-88] Жительница г. Темиртау И.А. Петрова вспоминает, что в дни отдыха любила делать, как говорили, коллективные «вылазки» в дома отдыха «Дружный» (г. Темиртау), «Романтик» (г. Каркаралинск) [18].

Самая любимое досуговое время у советских людей – пора отпусков, когда они могли отдохнуть, поправить свое здоровье и с пользой провести свободное от работы время. В санатории, дома отдыха, в курортные места казахстанцы ехали по профсоюзной линии или «дикарями». За границу ездили отдыхать только по туристической путевке и только группами под присмотром представителей специальных органов. Советские люди в основном ездили на море в Крым, Сочи, на Кавказ и самым престижным было съездить на прибалтийское побережье, так как это было сродни поездке за границу. Туристическая поездка за рубеж была менее доступной для советских людей. Большинство советских трудящихся приобретали зарубежную туристическую путевку по так называемой «профсоюзной линии», то есть, «львиную» долю стоимости путевки оплачивал профсоюзный комитет. Провести досуг за границей было мечтой каждого советского человека. Но не всем это удавалось, так как не всех «выпускали» и не на всех желающих хватало путевок. Поэтому на «счастливчиков» смотрели с откровенной завистью, и их поездка приковывала к себе внимание коллег, соседей, друзей.

Часть свободного времени советские трудящиеся отдавали занятию хозяйством, на приусадебном участке, на даче и огородах. Были выявлены в таких занятиях некоторые этнические и половозрастные особенности. Так, подсобным хозяйством, особенно содержанием скота, в большей степени были заняты представители казахского этноса, а огородничеством, работой на садовых и дачных участках – представители русского и украинского этносов, причем и в том и в другом случае больше заняты мужчины. Женщины в основном были заняты домашним хозяйством, уходом за детьми. Надо отметить также, что в занятиях хозяйством участвуют в большей степени старшее поколение. Они же чаще занимаются на досуге рыбалкой, охотой, резьбой, женщины – рукоделием (вязанием, вышивкой, шитьем и др.). Вспоминает жительница Караганды А.С. Уйсембекова: «Свободного времени много не было, так как большую часть времени уделяла учебе в институте. В свободное время любила читать, вязать, за 1 неделю одну и ту же пряжу могла перевязать несколько раз в разные кофты, свитера, потому что пряжа была дефицитным товаром, очень сложно было достать. Посещала кружок народных танцев, также с друзьями еженедельно посещала кинотеатры, так как билеты были доступны для каждого молодого человека. Посещала театр, но редко, в год примерно 5-6 раз» [29].

Одной из особенностей досуговых занятий у казахстанцев становятся «походы по гостям». Например, в Центральном Казахстане посещали и часто принимали родственников 56,3% опрошенных рабочих семей, причем такого рода проведение досуга характерно преимущественно для представителей казахского этноса. Это связано в основном с тем, что казахи – местные выходцы и у них сохранились достаточно тесные родственные связи в отличие от других этнических групп. Довольно большая группа рабочих семей общалась с товарищами по работе – 24,4%, причем такого рода гостевые визиты характерны для всех групп этносов данного региона, но чаще практиковалось в русской среде. 15,5% рабочих практиковали гостевые визиты к соседям [17, с.85-86]. Казахские семьи уделяли большое внимание встрече и приему гостей. Гости всегда было много, так как традиционно у казахов поддерживались тесные отношения со всеми родственниками. Жилища горожан всегда выступали в роли «пристанищ» для сельских родственников, приезжавших в город по делам. Также сельчане часто размещали своих детей в семьях своих городских родственников на время учебы в училищах, техникумах, вузах и других учебных заведениях. В качестве компенсации родственники из села снабжали горожан домашними заготовками молочных продуктов – молоко, масло, творог, курт (сушенный творог), айран (кефир), кумыс (кисломолочный напиток, получаемый из парного кобыльего молока) и др., а также мясными продуктами. Часто горожане получали от своих сельских родственников в подарок «согым» (заготовка конского мяса на зиму, также «подношение» живым скотом). Навещая своих детей студентов, родственники из села становились частыми гостями у горожан-казахов.

Каждый год (чаще поздней осенью или зимой после заготовки мяса) горожане приглашали гостей (родственников и друзей) на «согым», то есть, звали гостей отведать национальные блюда из свежего конского мяса – бешбармак, куырдак и т.д. Такие приглашения и угощения были популярны среди городских жителей (как и у сельчан), это было особенностью национальной традиции и возвращало их к своим национальным корням. Застолья сопровождалось общением, чтением стихов казахских поэтов, пением казахских народных песен. Горожане-казахи традиционно и достаточно широко отмечали такие торжества, как свадьба, сватовство, рождение ребенка, «тусау кесу» (национальный обряд, при котором символически обрезают путы (веревку) на ногах годовалого ребенка для того, чтобы он быстрее начал ходить) и др. Причем количество гостей на таких празднествах могло быть от 50 до 100 и более человек. К таким мероприятиям начинали готовиться загодя, за месяц-два, чаще всего в 1950-1960-е гг. такие мероприятия проводились в квартире, для чего освобождали от мебели 1-2 комнаты. Иногда для проведения празднеств снимали столовые или кафе (что в 1950-е гг. было еще большой редкостью); владельцы частных домов во дворах ставили большую палатку. Размах и уровень таких мероприятий свидетельствовали о статусе семьи, их достатке и положении в обществе. Отмечались и религиозные мусульманские праздники, когда родственники собирались и угощались друг у друга.

Творческие личности, интеллектуалы и интеллигенция посещали выставки художников города, области, республики и фотолюбителей, организованный салоном при Союзе художников Казахстана (открыт в 1964 г.) [22, л.23-25].

В советский период уделяли большое значение организации досуга детей и молодежи. К «правильному» заполнению свободного времени советских граждан приобщали с самого детства. Родители старались отдать детей на всевозможные кружки, секции. Популярными были музыкальные школы и спортивные секции. Во Дворце пионеров и юношества создавались большое количество кружков по интересам.

Досуговые предпочтения советской молодежи можно отследить по данным социологических исследований, во время которых опросили 723 старшеклассника средних школ и 425 молодых рабочих Москвы, Ленинграда, Минска, Кишинева и Ферганы. По данным этих исследований структура досуга у молодежи СССР была такова: туристические походы (в том числе, по местам боевой и революционной славы советского народа) – 37,4%, экскурсии – 22,6%, занятия спортом или художественной

самодеятельностью – 21,9%, чтение книг, особенно по специальности – 10,8%, участие в общественных мероприятиях коллектива – 9,4, встреча с друзьями – 18,4%, бездеятельный отдых – 15,1% всех опрошенных [7, с.114-115]. Туристические походы и экскурсии составили интересы более половины (60%) опрошенных молодых людей, одна треть молодежи (33,4%) предпочитала свободное время проводить без какого-либо «культурного» или идеологического содержания (встречи с друзьями, бездеятельный отдых). Совершенно естественно, что молодежи была необходима «отдушина» от постоянных всевозможных форм агитации, пропаганды, борьбы «за светлое будущее» и т.п. Поэтому парни и девушки хотели и любили проводить свой досуг дома, тем более, что постепенно улучшались жилищные условия: если в 1950-е гг. не каждый молодой человек мог похвастаться отдельной комнатой, то уже к рубежу 1960-1970-х гг. это уже становилось нормой. Городские семьи в основном были малодетными (имели одного-двух детей), соответственно у большинства молодых людей были свои комнаты, где они могли уединиться, почитать книги и журналы, а также вместе с друзьями послушать зарубежную эстраду на магнитоле или транзисторе, то есть расслабиться и «быть самими собой». Потому что в других местах – в школе, в институте, на работе приходилось подчиняться образцам и шаблонам советской модели поведения, контролировать каждый свой шаг и т.д. Советская молодежь в 1950-1960-е гг. еще проявляла активность в процессе «строительства коммунизма», но им также, как и их родителям, часто приходилось «вести двойную жизнь»: на собраниях говорить одно, а дома «на кухне» – другое. Юношеский максимализм часто сопротивлялся этому конформизму, и тогда молодежь вела себя «по-бунтарски». Протесты иногда выражались в игнорировании всего «советского»: одежды, музыки, танцев, фильмов, спектаклей и т.д.

Советские дети в каникулярное время отдыхали и проводили досуг в пионерских лагерях. Оплату путевки производили сами родители или профсоюзные комитеты предприятий и учреждений, где работали родители. Для детей из малообеспеченных семей оплату производили частями или оплачивали часть путевки, а остаток денег обеспечивал профсоюзный комитет. Путевки распределялись местными властями, профсоюзными комитетами предприятий и учреждений. Многие пионерлагеря были ведомственными, то есть, при каком-либо заводе, шахте и т.д., поэтому в такие лагеря путевки в первую очередь давались детям работников этих предприятий. Путевка сопровождалась краткой памяткой для родителей, в которой перечислялись вещи, которые мог взять с собой ребенок в лагерь: пару футболок, шорты, головной убор, сменное белье, одежда для плавания, спортивный костюм, кроссовки и, конечно же, пионерский галстук. Пионервожатые (чаще всего студенты-практиканты педагогических вузов или учителя) организовывали для детей увлекательный досуг: пели, танцевали, рисовали вместе с подопечными, проводили различные развлекательные и спортивные мероприятия и т.д.

Распорядок дня в пионерском лагере был однообразным: утром в 7.00 дети вставали и заправляли свои постели, далее утренняя линейка, на которой поднимали лагерный флаг, после линейки дети шли на завтрак, меню которого было однотипным для всех советских детских лагерей. На завтрак – молочная каша, хлеб с маслом, кофейный напиток или чай, на обед – суп, котлеты с гарниром, компот из сухофруктов, на полдник – молоко с булкой или печеньем, а ужин напоминал обед, но без первого блюда. После завтрака детей ожидало занятие каким-либо трудом – уборка территории лагеря, дежурство на кухне и т.д. На отдыхе с детьми не забывали проводить мероприятия пропагандистского, воспитательного характера. Например, вожатая вместе с детьми читала детские газеты «Пионерская правда», «Пионерская зорька», обсуждала с ними статьи, новости из пионерской жизни советских школьников. Особенно радостным занятием для детей в лагере было купание в близлежащем водоеме или бассейне. Конечно же, дети делали попытки тайком сбежать, например, в «тихий час» на водоем и наплаваться вдоволь, но не всегда это удавалось, потому, что за детьми был строгий контроль, следили вожатые и воспитатели. Одним из «классических» развлечений мальчиков и девочек в советских лагерях было: после отбоя собраться в одной

комнате и пугать друг друга разными страшными историями. Традиционным советским детским лагерным развлечением было глубокой ночью пробраться в корпус чужого (иногда своего) отряда и намазать спящих ребят зубной пастой или разрисовать красками. В лагерях каждый отряд имел свое название, девиз, речевку; оформлялись красные уголки в корпусе или на улице. Проводились военно-спортивная игра «Зарница», «Веселые старты», КВНы, различные конкурсы, разучивали новые песни, поводились танцевальные вечера, завершающим и любимым мероприятием всех пионеров был прощальный костер в каждом лагерном сезоне. Практически все интервьюируемые с ностальгией и удовольствием вспоминали летние сезоны в пионерских лагерях. После них традиционно отряды собирались в городе и вместе ходили в парк, еще раз вспоминая общие лагерные проделки и приключения.

В самый знаменитый советский пионерский лагерь «Артек», который был создан еще в 1925 г., могли попасть только школьники, имевшие отличную успеваемость, активно занимавшиеся общественной деятельностью, победители различных научных, творческих конкурсов и т.д., и родители которых могли «достать» такую путевку. В известных лагерях всесоюзного значения «Артек», «Орленок» в международной смене трудовых повинностей не было, так как считалось негостеприимно заставлять зарубежных детей трудиться (в отрядах кроме советских школьников отдыхали и дети-иностранцы). После обеда дети младших групп отправлялись на так называемый «тихий час» – дети шли в свои корпуса и ложились спать. Старшеклассники в это время шли на репетиции и готовились к различным мероприятиям. В лагеря всесоюзного значения приезжали знаменитые личности Союза – деятели культуры, спорта, политики. Например, в 1961 г. в «Артек» приезжал в гости Юрий Гагарин. Часто посещал артековцев генеральный секретарь Л.И. Брежнев, так как его правительственная дача располагалась неподалеку от детского лагеря. Самым любимым досугом у ребят был лагерный костер, возле которого можно было петь песни под гитару, танцевать. Костер ассоциировался у ребят с концом смены и поэтому, несмотря на веселье, им было немного грустно, потому что заканчивалось приятное время и не хотелось расставаться с новыми друзьями. В целом, система пионерских лагерей способствовала оздоровлению школьников и была одним из любимых летних времяпрепровождений у советских детей.

Таким образом, сфера досуга являлась частью культурной политики Советского государства. По всей стране работали учреждения культуры. В городах были кинотеатры, дома культуры, театры, цирк, функционировали парки отдыха, музеи, выставочные павильоны и, конечно же, библиотеки. Каждый советский человек проводил свой досуг по своему усмотрению. Кто-то шел в театр, парк отдыха, кто-то ехал к себе на дачу, кто-то ремонтировал свой автомобиль, а кто-то просто проводил время дома, читая любимые книги или просматривая телевизионные передачи. Государство контролировало и регламентировало досуг советских людей, он имел ограничения, связанные и особенностями социалистического строя, и ограниченными материальными возможностями трудящихся, и существующим дефицитом в сфере культурного обслуживания. Но в целом, культура и искусство были доступными для народа. Главной особенностью в досуговой политике советского государства, на наш взгляд, становится его эгалитарный характер.

В целом, в 1950-1960-е гг. советские граждане свободное время проводили разнообразно, с пользой для физического и духовного развития. Некоторые формы организации досуга видоизменялись в зависимости от особенностей социальной политики государства, идеологии и других обстоятельств. В эти годы население региона активно посещало музеи, библиотеки, кинотеатры, театры, различного рода клубы, дома отдыха, спортивные стадионы и секции и т.д. Судя по источникам, с каждым десятилетием количество и качество культурных учреждений возрастало.

Литература и источники

1. Досуг и досуговая деятельность. Формы досуговой деятельности / <http://bukvi.ru/obshestvo/kulturologia/dosug-i-dosugovaya-deyatelnost-formy-dosugovoj-deyatelnosti.html>; Разновидности досуга и классификация досуговой деятельности / <https://www.proza.ru/2015/05/20/433>
2. Метельский Ф.М. Свободное время как одно из важнейших условий всестороннего развития личности // Известия АН СССР. Серия экономическая. – 1976. – №4. – С.131-135
3. Болгов В.И. Бюджет времени при социализме: теория и методы исследования. – М.: Наука, 1973. – 287 с.
4. Федченко М. Н. Повседневная жизнь советского человека (1945-1991 гг.): Монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. – 231 с. / <http://dspace.kgsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/4031>
5. Лейбович О. Дом о трех этажах, или как изучать повседневность поздней сталинской эпохи // Астафьевские чтения: конференция «Время «веселого солдата»: ценности послевоенного общества и их осмысление в современной России». - Пермь: Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36», 2009. – С. 250-265
6. Чегодаева М. Два лика времени. (1939: Один год сталинской эпохи). – М.: Аграф, 2001. – 336 с.
7. Шаленко В.Н., Левашов В.В. Культура проведения досуга у старшеклассников и молодых рабочих. – В кн.: Социологические проблемы культуры. – М.: Наука, 1976. – 134 с.
8. Жумашев Р.М., Сактаганова З.Г. и др. Хроника культурной жизни Карагандинской области 1936-2006 годов. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2008. – 320 с.
9. ГАКО. Ф.1363. Оп.1. Д.14
10. ГАКО. Ф.1363. Оп.1. Д.21
11. Интервью с Б.К. Адамбековым, записано Б.А. Досовой в Караганде в 2016 г.
12. Из передачи «Вспомнить все. Досуг в СССР». [ЭР]. Режим доступа: https://go.mail.ru/search_video?rf=e.mail.ru&sig=87a890eb7f&s=Youtube
13. Повседневность городов Центрального Казахстана в 1946-1960 гг. сб. документов и материалов // Сост. З.Г. Сактаганова, К.К. Абдрахманова, Б.А. Досова и др.; отв. ред. З.Г. Сактаганова. – Караганда: Издательство КарГУ, 2016. – 277 с.
14. Орлов В.Н. Культура и досуг. – М.: Профиздат, 1981. – 80 с.
15. Журналы в СССР / <http://fishki.net/2189157-zhurnaly-v-sssr.html>
16. Страна СССР: все о Советском Союзе / <http://strana-sssr.net/статьи/советские-книги-журналы-газеты/ностальгия-по-детским-журналам-советского-союза.html>
17. Кауанова Х.А. Образ жизни и быт рабочих семей (На материалах Казахстана). – Алма-Ата: Наука, 1982. – 166 с.
18. Интервью с И.А. Петровой, записано Б.А. Досовой в Темиртау в 2016 г.
19. ГАКО. Ф.571. Оп.1. Д.11
20. ГАКО. Ф. 572. Оп. 1. Д.11
21. Свининников Н.Н. Социализм и свободное время. Право на отдых. (Советский образ жизни: основные черты, сущность, преимущества). – М.: Высшая школа, 1985. – 216 с.
22. ГАКО. Ф.1363. Оп.1. Д.20
23. Советское ТВ: заметки из будущего. 60-е: время надежд и ожиданий / <http://mediasat.info/2015/03/12/soviettv60th>
24. ГА РФ. Ф.6903. Оп.4 Д.154
25. Эфрон Г. Дневники. В 2-х томах. 1940-1941 гг. – М.: Вагриус, 2004., Т. 1. – 560 с.
26. Радиоприемники и радиолы СССР (1950-1960 годы) / <http://savok.name/209-radio.html>
27. Цены на новое авто в СССР (Ностальгическая тема) / <https://www.drive2.ru/b/288230376151863597/>

28. Средняя заработная плата в СССР в 1950-е, 60-е, 70-е и 80-е годы / http://zarplatyinfo.ru/v_mire/srednyaya-zarabotnaya-plata-v-sssr-v-1950-e-60-e-70-e-i-80-e-gody.html
29. Интервью с А.С. Уйсембековой, записано Б.А. Досовой в Караганде в 2016 г.

5.3. РЕЛИГИЯ В ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

В центральных районах России воинствующий атеизм набирает обороты с первых же месяцев установления советской власти, в Казахстане же первые репрессии представителей мусульманского духовенства и верующих начались лишь с конца 1920-х гг. В советском государстве шли процессы, контролируемые тотально, причем «формы общественного контроля были интроектированы до такой степени, что стало возможным воздействовать на индивидуальный протест уже в зародыше» [1, с.13-14]. Но мусульманское население «демонстрировало безразличное и даже враждебное отношение при попытках наступления на ислам» [2].

В годы Великой Отечественной войны начался этап частичного возрождения религиозной жизни в стране и «оттепели» в религиозной ситуации. В 1946 г. на территории СССР насчитывалось 10547 соборов, церквей и молельных домов [3, с.79]. Начало консолидации антирелигиозного фронта произошло в 1947 г. с созданием общества «Знание», но его деятельность еще набирала обороты. С ноября 1948 по март 1953 г. в СССР не было открыто ни одного храма [4, с.43]. Потепление шло на спад, но агрессивных, полярно менявших общую тенденцию взаимоотношений институтов государства и религии, действий пока не происходило. В 1948-1953 гг. шел процесс некоторой стагнации, как в религиозной жизни советского общества, так и в церковной политике государства. И хотя многие современные российские исследователи говорят об «ужесточении антирелигиозной политики» в послевоенный сталинский период, на наш взгляд, репрессивный механизм сталинской машины в большей степени обрушился не на духовенство и верующих, а на интеллигенцию (творческую, научную и т.п.). Государство не изменило направление основного вектора религиозной политики военных лет и в сталинский послевоенный период, так что термин «оттепель» из лексики советологов о хрущевском периоде в «советской модели государственной церковной политики» закономерно использовать как «сталинская оттепель».

Десталинизация в религиозной политике «потепления» вылилась в хрущевское время в мощную антирелигиозную кампанию. Антирелигиозный курс политики стал доминантным и, хотя период правления Н.С. Хрущева называют «оттепелью», между государством и религиозными организациями наступило значительное охлаждение отношений. И уже после ряда постановлений ЦК КПСС и СМ СССР 1958 г. («О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды»; «О монастырях в СССР», «О повышении налогов на доходы епархиальных предприятий и монастырей») началась активная борьба с «религиозными пережитками» и ужесточение условий существования религиозных общин, что свидетельствовало о новом этапе наступления на церковь. Следует согласиться с известным российским исследователем религии и религиозной ситуации в СССР М.И. Одинцовым, который считает, что для государственно-церковных отношений «хрущевская оттепель» обернулось откатом в 1930-е гг. [5]. В новых условиях на госорганы возлагалась задача максимально содействовать сокращению числа религиозных организаций. В результате, если на начало 1954 г. в СССР насчитывалось 18474 действующих религиозных обществ, то в 1965 г. – 11702 [5], то есть, за 10 лет уменьшение более чем на треть (36%).

Видя в религии лишь эстетическую оболочку и силу некой этнической традиции, власти попытались заменить религиозные праздники советскими ритуалами (бракосочетание, регистрация рождения и т. д.), на это было направлено постановление 1964 г. «О внедрении в

быт советских людей новых гражданских обрядов». Но выкладки социологических исследований в советский период демонстрировали живучесть религиозных традиций [6]. Преследования в хрущевские годы подорвали лояльность многих верующих, страдания верующих привлекали к ним симпатии неверующих. Церковь ответила на гонения «модернизацией» (заочное отпевание, заочное венчание, исповедь по переписке и др.).

Новые уголовные кодексы, введенные в 1961 г. в союзных республиках, устанавливали три вида ответственности за нарушение религиозного законодательства: дисциплинарную, административную и уголовную. Уклонение руководителей религиозных объединений от регистрации и другие нарушения ими законодательства о культурах наказывались административным штрафом (до 50 руб.) Уголовная ответственность (до 3-х лет лишения свободы) предусматривалась за посягательства на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов, принудительное взимание сборов; изготовление и массовое распространение обращений, писем, листовок, призывающих к неисполнению законодательства о религиозных культурах и пр. [7, с.46]. Ужесточение проявилось в секретном постановлении от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культурах», которое требовало немедленного восстановления в полной силе законодательства 1929 г., обязывало местные советские органы обеспечить строгий контроль за его выполнением, своевременно принимать меры к ликвидации нарушений этого законодательства духовенством и религиозными объединениями. Все постановления 1940-х гг. признавались утратившими силу. [8, л. 2-2 об.]

После 1964 г. начался этап активизации «научного атеизма» в религиозной политике государства и партии, в брежневскую эпоху отношения государства и религиозных организаций приобретают более спокойную и «цивилизованную» форму. Ритм массивного наступления на религию несколько замедлился, а антирелигиозная пропаганда продолжалась в иной форме, претендующей на «научность». Антирелигиозная деятельность, включая пропаганду, представляла собой целую систему от исследовательских институтов научного атеизма Академии общественных наук ЦК КПСС до пионерских пропагандистских групп. Менялась лишь форма: от открыто репрессивной к «научно-атеистической». Для антирелигиозной пропаганды использовались все средства массовой информации: передачи по радио, фильмы, постоянные или передвижные выставки, статьи в газетах, специальные периодические издания и публичные лекции и т.п.

Несмотря на длительное атеистическое давление и репрессивные меры, верующие Казахстана в 1950-1960-е гг. продолжали исполнять религиозные обряды и отмечать религиозные праздники. В 1960 г. в Карагандинской области действовало 7 официально зарегистрированных общин (имелось 20 проповедников и 9000 верующих): две мусульманских, одна евангельских христиан-баптистов и четыре православных церкви [9, л.1]. Но государство делало все возможное для ограничения религиозных объединений и верующих. Так за 24 года – с 1946 по 1970 – в Карагандинской области было зарегистрировано лишь 10 общин (см. таблицу 1).

Религиозная палитра, официально зарегистрированная властями в регионе, представлена 5 конфессиями: ислам, православие, евангельские христиане-баптисты, католики, евангельско-лютеранская церковь и менониты.

Таблица 1 – Информация о динамике регистрации религиозных объединений по Карагандинской области за 1946-1969 гг. [10, л.37]

Год	№	Наименование общины, дата регистрации	Местонахожд.
1	2	3	4
1946	1.	Мечеть № 1; 19.10.1946	г. Караганда
	2.	Мечеть №2; 2.10.1946	г. Караганда
	3.	Религиозное общество христиан-баптистов	г. Караганда
1947	4.	Казанская русская православная церковь; 13.10.1947	Осакаровский район

1	2	3	4
1965	5.	Богородице-рождественская , русская православная церковь (РПЦ); 7.05.1955	г. Караганда
	6.	Религиозное общество евангельских христиан-баптистов; 6.10.1965	г. Сарань
1966	7.	Михайло-Архангельская РПЦ; 23.03.1966	г. Караганда
1967	8.	Евангельско-лютеранское общество 28.04.1967	г. Караганда
	9.	Религиозное общество братских менонитов; 28.04.1967	г. Караганда
1969	10.	Религиозное общество евангельских христиан-баптистов; 20.11.1969	Ульяновский район

Такое небольшое количество зарегистрированных обществ – свидетельство религиозной политики ограничений по отношению к конфессиям. Причем следует обратить внимание, что с 1948 по 1965 гг. не зарегистрировано ни одной общины. Неужели никто не обращался с заявлениями в госорганы за 17 лет? Православные Карагандинской области, также, как и мусульмане, и другие верующие неоднократно и настойчиво обращались в уполномоченные органы с просьбой о разрешении открытия церквей, мечетей и др. на территории их проживания. И хотя такие обращения были зафиксированы, власти делали все возможное, чтобы не допустить расширения конфессий в обществе.

Множество примеров можно отследить в архивных фондах ГАКО, одно из них – заявление организационной двадцатки Больше-Михайловской общины православных, адресованное первому секретарю карагандинского обкома партии С.Я. Яковлеву. Верующие писали следующее: «Члены нашей общины в основном престарелые, родители шахтеров и рабочих, у многих из которых пострадали и погибли дети на войне, находятся теперь в большой тревоге и волнении из-за опасения, чтобы нас не лишили права совершать богослужения, тем более в самые важные моменты для православных – Великий пост и в приближающуюся Пасху. Наша община безуспешно с 1948 г. добивается регистрации своей общины. Между тем, как магометанам разрешено в Караганде несколько мечетей, хотя они составляют не более 25% всего населения города, которое в основном православное русское, а православным не разрешают даже двух молитвенных домов на такой громадный город. Почему так? Наша община имеет несомненные преимущества на регистрацию. Наша община фактически существует с 1912 г., с момента открытия единственного в Караганде храма в Большой Михайловке, теперь занятого каким-то складом. Наша община обслуживает самый крупный район – Ленинский; наш молитвенный дом находится в 18 км от зарегистрированного Кировского молитвенного дома. В нашу общину входят 16 отдельных населенных поселков, подавляющее большинство которых удалено еще на 5-20 км от нашего молитвенного дома. Да разве возможно престарелым людям посещать Кировский молитвенный дом на такие расстояния? Уполномоченный по религиозному культу при Совете Министров КазССР тов. Вахменин требует от нас письменного подтверждения от местной власти, что она не возражает против совершения нами богослужений в молитвенном доме и регистрации общины. Но мы знаем, что уполномоченный облисполкома тов. Хлебов без согласования с Вами не решится дать требуемое нами письменное подтверждение. Почему мы вынуждены обратиться к Вам от имени всей массы престарелых верующих общины с убедительной просьбой не отказать срочно дать тов. Хлебову указания в отношении вышеизложенного в положительном смысле, чем избавите нас от необходимости беспокоить по данному вопросу тов. Понаморенко и Вышестоящих. Надеемся, что Вы не откажете в нашей просьбе» [11, л.42-43].

Такого рода обращений было немало и не только со стороны православных, но и мусульман, и других верующих. Например, в ГАКО сохранилось обращение к председателю областного совета депутатов трудящихся от представителей верующих мусульманской веры престарелых рабочих г. Балхаша Абильхасима Мырзабекова, Карима Салихова, Мухажина Копбаева, Молдабека Баетова и С. Муханова, в котором они пишут следующее: «Уже третий

раз просят Вас верующие мусульманской веры престарелые рабочие гор. Балхаша об разрешении открытия в г. Балхаше молебного дома.хлопоты по этому делу длятся с 1956 г. В декабре 1956 г. от Вас приезжал тов. Адиков, который будучи в Балхаше в присутствии председателя горсовета осмотрел купленный нами под мечеть дом, одобрил наше начинание и, захватив с собой документы о приобретении дома, пожарной безопасности, санинспекции и др., отбыл в Караганду, но никакого результата по сей день не дождались. Ходили узнавать в горсовет, но там нам долгое время ответ не давали, на днях же дали не вполне обоснованное решение, где говорится, что-де дом куплен для жилья, что нет вентиляции, запасного выхода, хотя прекрасно знают, что без разрешения для открытия мечети мы не имеем никакого права для такого рода приготовления. К тому же, несмотря на то, что мы подавали заявление на приобретение земельного участка под дом № 64 по ул. Школьной, где мы желаем строить мечеть, горсовет, явно не желая обоснования мечети, издает решение об отдаче земельного участка под дом № 64 другому лицу. Надо отметить, что с 1956 г. по сей день арендную плату за этот участок платили мы. В решении № 447 от 29.07.1957 г. указывается, что при доме № 62 есть пристройка и минарет. Никакой же пристройки нет, а минарет не достроен, а внешний вид улицы нисколько не портится. Если на то пошло, то колокольня и купол русской церкви тоже портят внешний вид улицы на рабочем поселке. Почему бы тогда не отнять и их. С другой стороны, хотели бы мы знать почему нам, престарелым рабочим, так долго приходится ждать разрешения, воспользоваться религиозным правом, которым уже пользуются русские и др. – правом молиться в молебном доме. Почему нас, стариков, посылают с облсовета в горсовет и обратно?». [12, л.41-44]

Власти часто отказывали религиозным общинам в открытии молебных домов. Обращения мусульман, православных и др. к властям региона говорит о том, что уполномоченные органы старались чинить различные бюрократические препоны верующим, затягивали принятие решений по их запросам, зачастую создавая спорные ситуации между различными конфессиями. Содержание приведенных документов достаточно четко свидетельствуют о результатах такой политики.

Характеристику религиозной ситуации и религиозной повседневности в начале 1950-х гг. можно почерпнуть из доклада уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Казахстану о состоянии религиозных культов на 25 марта 1951 г. «Основным религиозным культом в Казахстане является культ мусульман. Этот культ исповедуют казахи, уйгуры, дунгане, узбеки, татары и некоторые другие национальности, переселившиеся с Кавказа в годы войны (карачи, балкары и т.п.)». [13, л.57]

Уполномоченный Совета по делам русской православной церкви при СМ КазССР в 1946 г. сообщает, что по неполным данным совершение религиозных православных обрядов осуществлялось достаточно широко. Посещение церквей и молитвенных домов верующими постоянно увеличивалось и, особенно, в дни церковных праздников. [14, с.68] Значительное место в жизни славянских народов занимало православие, однако в докладе оно не отмечается, как наиболее значимый культ в Казахстане. В частности, в нем говорится: «Вторым местом после культа мусульман занимает культ евангелистских христиан и баптистов, а за ними идут группами и одиночками старообрядцы, лютеране, представители иудейского вероисповедания (евреи), адвентисты 7-го дня и др. [13, л.57]

О состоянии других культов материал представлен достаточно скупо: «Последователи иудаизма встречаются во всех городах Казахстана, на сегодняшний день они имеют только одну зарегистрированную общину в г. Кзыл-Орде. Кроме этой зарегистрированной общины в некоторых городах были незарегистрированные группы, они в своё время возбуждали ходатайства о регистрации, но были отклонены, а группы распущены. Старообрядцы в Казахстане проявляются небольшими группами в ряде городов и областей. Зарегистрированных общин они не имеют, ходатайств об открытии молитвенных домов не возбуждают, но совершают неотложные религиозные обряды (обмывание и отпевание покойников). Лютеране состоят из местных немцев и немцев, переселившихся в годы войны с Поволжья и других областей Союза. В основном они живут в сельских местностях.

Зарегистрированных общин они также не имеют, ходатайств об открытии молитвенных домов не возбуждают. Но неотложные религиозные обряды (отпевание покойников и т.п.) совершают, большие религиозные праздники (пасха, рождество и др.) отмечают. Адвентистов 7 дня в Казахстане мало. Религиозной деятельности они открыто не проявляют. Кроме представителей выше перечисленных культов в Казахстане имеются ещё последователи буддизма – это корейцы, калмыки, переселившиеся с Дальнего Востока и Приволжских степей в 30-х годах и в годы войны... По религии все они буддисты, но разница в совершении обрядов имеется. По сведениям, которые иногда поступают республиканскому уполномоченному, большая религиозность у корейцев не наблюдается, но в какой мере она проявляется у калмыков неизвестно» [13, л.59]. Как видим, сведения о незарегистрированных общинах весьма ограничены не только по исследуемому региону, но и в целом по Казахстану.

Уполномоченные органы на систематической основе выявляли незарегистрированные религиозные общины. Например, в архивных источниках указывалось, что в 1961 г. в Карагандинской области было выявлено «75 незарегистрированных религиозных объединений и групп, которые без официального разрешения действовали путем проведения организованного богослужения, с охватом более 6000 человек. Из них: в городах Караганде – 36 объединений, Балхаше – 5, Джезказгане – 6, Темир-Тау – 4, Сарани – 5. [12, л.4].

В 1966 г. действовали официально зарегистрированные молитвенные здания: русская православная церковь – 3, мусульманского вероисповедания – 2, евангельские христиане-баптисты – 2. Немалые суммы, поступившие в религиозные учреждения от исполнения обрядов, продаж предметов культа и добровольных пожертвований, – свидетельство посещения их верующими в городах региона (таблица 2), причем необходимо заметить, что официально зарегистрирована лишь незначительная часть поступивших средств, ведь финансовые средства от «75 незарегистрированных религиозных объединений и групп», которые без официального разрешения проводили организованные богослужения не фиксировались, кроме того неучтенными были средства, полученные категорией неофициальных мулл, которых в отчетах называют «бродячие муллы».

Таблица 2 – Сведения о поступлении средств религиозных объединений по Карагандинской области за 1966 г. [9]

Религия и церковь	Всего поступило	От исполнения обрядов	От продаж свечей	От продажи др.предметов культа	Добровольные пожертвования
Русская православная церковь	249440	78722	126626	30049	13162
Мусульманское вероисповедание	15636	15636	-	-	5710
Евангельские христиане-баптисты	17457	-	-	-	18549
итого	282533	94358	126626	30049	37421

Значительная часть верующих республики и региона исповедовала ислам, он в повседневной жизни казахстанского населения (казахи, уйгуры, дунгане, узбеки, татары, карачаевцы, балкары, чеченцы, ингуши и др.) играл ощутимую роль. Мусульманская община республики находилась в ведении САДУМ, административный центр которого находился в Ташкенте [15, с.9]. Культ мусульман в 1951 г. в Казахской ССР имел 20 зарегистрированных общин. В 1940-е гг. их было 22, но 2 общины в г. Караганда были ранее распущены [16, л.57]. По Казахстану в целом преобладали незарегистрированные мусульманские общины и молитвенные сооружения, верующие самовольно занимались строительством мечетей, устраивали массовые богослужения. Количественные данные, приводимые в отчетах не всегда отражают реальную картину состояния религиозности в обществе.

Таблица 3 – Количество мусульман-карагандинцев, посещавших в 1951 г. мечеть во время чтения намазов [16, л.61]

Местонахождение мечетей	Число верующих (чел.), посещающих		
	Пятикратные намазы	Жума-намазы	Айт-намазы
г. Караганда (Кировский район)	5-10	25-30	200-300
г. Караганда (Сталинский район)	20-30	150-200	2500-3000

Таблица 4 – Посещаемость мусульманами мечетей в день «Курбан-айта» [17, л.17-18]

Карагандинская мечеть (Кировского района)	В 1951 г.	450
	В 1952 г.	600
	В 1953 г.	600
Карагандинская мечеть (Сталинского района)	В 1951 г.	1200
	В 1952 г.	1000
	В 1953 г.	1050

Значительная часть верующих читала пятикратные намазы у себя дома, не посещая мечеть. Данные из таблицы 3 и 4 не совпадают с цифрами по другим отчетам, в частности, в одном из отчетов уполномоченного по делам религий говорится, что «посещаемость мечетей верующими мусульманами неодинакова в каждой мечети и зависит от местонахождения мечети. Так, в праздничные намазы «ураза-байрам» и «курбан-байрам» в крупных городах (Караганда и др.) посещают от 3 до 5 тысяч человек [17, л.148]

Из вышеприведенных данных видно, что айт-намазы, совершаемые в дни двух больших праздников «ораза-байрам» и «курбан-байрам», проходили с участием достаточно большого количества верующих. В докладе проанализирован контингент верующих: «Если взять пятикратные намазы (в день) и жума-намазы (в пятницу), то их посещает постоянный контингент верующих. Это старики и некоторые пожилые люди. Женщины не посещают пятикратных намазов, хотя в некоторых мечетях они появляются. Обычно женщины посещают только жума-намазы, но число женщин, посещающих жума-намазы, не больше мужчин. Люди младших возрастов от 20 до 30 лет не бывают как в пятикратных намазах, так и в жума-намазах. Правда, в некоторых мечетях во время жума-намазов встречаются люди в возрасте от 30 до 40 лет, но их немного по сравнению со стариками. Что же касается айт-намазов, совершаемых в дни двух больших праздников «ораза-байрам» и «курбан-байрам», то в этих намазах встречаются люди всех возрастов, но преобладающее большинство составляют опять-таки старики... бывают и женщины – они составляют 10-15% всех собравшихся. Это относится к городским мечетям, в мечетях, расположенных в сельских местностях, женщины составляют абсолютное меньшинство. Среди посещающих айт-намазы наблюдаются молодые люди в возрасте от 20 до 30 лет, но их число сравнимо со стариками и пожилыми людьми гораздо меньше. По национальному составу большой процент этих людей падает на уйгур, узбеков и на татар, что показывает степень религиозности этих национальностей». [16, л.61]

Уполномоченный описывает поведение группы молодежи, посетившей айт-намазы в день «ораза-байрама»: «Юноши пришли и стояли группами, переговаривались друг с другом, курили, но как только начался намаз все они встали в ряды, перевернули козырьки кепок и также как старшие выполняли всё то, что требуется по ритуалу» [16, л.61]. Судя по отчету и воспоминаниям интервьюируемых соблюдение религиозных ритуалов было воспитано в семьях, стало традицией и для молодого поколения, но степень их религиозности было определить сложно, иногда выполнение таких ритуалов носило формальный характер. Но все же исследователи отмечают устойчивость религиозных традиций в семье, в которой нередко старшие члены следуя мусульманским предписаниям, совершают пятикратную

молитву (намаз), постятся (оразы) и пытаются привлечь к выполнению религиозных обрядов и младших членов семьи.

В религиозных праздниках принимали участие от 20-30 до 400-500 человек в поселках и гораздо больше в городах: в 1951-1953 гг. посещаемость в дни мусульманских праздников составляла от 4000 до 5500 человек. В архивах имеются сведения о забое жертвенного скота в день «Курбан-айта»: в 1951 г. – 1155 баранов в 1952 – 1912. Причем следует отметить, что эти сведения охватывают лишь 6-8 областей Казахстана и по 3-4 населенных пункта из каждой области [17, л.16]. Хотя в Казахстане открытия отдельного духовного управления не последовало, однако позиции ислама в республике крепли. На наш взгляд, этот тезис подтверждается и частными фактами из повседневной жизни верующих Центрального Казахстана, например, г. Караганды. В архивах отслежены отправление культов в Сталинском районе Караганды, причем абсолютное большинство из них осуществлялось муллами на дому. Так, например, ритуал «жаназы» (отпевание покойника) в 1948 г. зафиксировано 163 случая, к 1953 г. – 363 (в 2,2 раза больше); «исим» (наречение имени) 33 и 69 соответственно (в 2 раза больше); «нке» (венчание) – с 6 до 14 (в 2,3 раза больше) [16, л.75]. Но это лишь единичные зафиксированные факты, в повседневной жизни их было гораздо больше.

Помимо вышеуказанных зарегистрированных мечетей, их имамов и азанчи в Казахстане имелось немало служителей мусульманского культа, проживающих как в городах, так же и в сельских местностях, которые исполняли религиозную потребность верующих. Всего таких мулл было учтено 515 человек, в Карагандинской области – 21, но не везде, как фиксируют отчеты, проведен полный учет таких служителей духовенства [18, л.86].

Поскольку власти отказывали в официальной регистрации священнослужителям, наибольшее распространение среди мусульман получили так называемые «бродячие» муллы. Их деятельность была связана с совершением обрядов при похоронах, венчании, чтении намазов в религиозные дни («Ораза-Байрам», «Курбан-байрам»). Термин «бродячий» в отношении этих мулл неправилен, однако им пользовались в советское время уполномоченные по делам религий. Советом по делам религиозных культов термин взят условно, на самом деле большинство этих мулл не разъезжали по региону, а проживали в каком-либо населенном пункте и обслуживали религиозную потребность верующих этого населённого пункта, изредка выезжая в те пункты, где нет муллы. О них в материалах уполномоченного по делам религий сказано: «Большинство этих «бродячих» мулл не имели духовного образования, а являлись лицами, занимавшими в своё время низшую должность служителя культа, однако среди них имелись лица, окончившие духовную школу (медресе) в г. Бухаре, но таких было всего несколько человек. Духовная деятельность этих «бродячих» мулл заключалась в исполнении обрядов, которые имамы и азанчи мечети исполняли на дому у верующих, но некоторые из них также выполняли и те обряды, которые совершаются в стенах мечети. Это проведение различных ритуалов, в том числе, намазов в дни религиозных праздников «Ораза-байрам» и «Курбан-байрам» под открытым небом. Указанные «бродячие» муллы на местах проводили свою деятельность скрытно. Многие из них в годы Отечественной войны и в послевоенные годы настойчиво ходатайствовали о разрешении открыть мечеть в том населенном пункте, где они проживают, но получив отказ за последние годы, за малым исключением, прекратили просить об открытии мечети, а проводят свою деятельность скрытно в явочном порядке, без уведомления местных органов власти». [17, л.20,150] Уполномоченным органом в результате проверки в г. Балхаше, например, были выявлены три «бродячих» муллы – Тулеген Битабаров, Абдыкарим-ходжа Кошманов, Аманбай Сарсенбаев. А в 1955 г. балхашский «бродячий» мулла Карим Салихов в своем 2-комнатном доме по ул. Гоголя, 22 проводил еженедельные пятничные намазы и другие мусульманские обряды [18, л.11-12].

Религиозная политика советского государства в хрущевское десятилетие характеризовалась гонениями на исламскую веру и верующих. Частные примеры

подтверждают это: резко уменьшается количество желающих выполнить паломничество (хадж) в г. Мекку. В 1958 г. на паломничество в Мекку было подано 53 заявления, в 1959 г. – 52, 1960 – 17; из них паломничество совершили в 1958 – 1 человек, 1959 – 1, а в 1960 г. не ездил никто» [19, с.152]. Следовательно, к 1960 г. количество желающих выполнить хадж сократилось в три раза, а совершивших паломничество не было ни одного. Сравним ситуацию с дореволюционной: в 1905 г. 500 казахов в Омске получили разрешение на выполнение хаджа [20, с.116].

Политика ограничения религии и ее «выдавливания» продолжала усиливаться. На основании постановления ЦК КПСС 1958 г. «О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам», в Казахской ССР было закрыто 13 из 26 святых мест. Святой источник «Аяк-Калкан» (Алматинская обл.) стал курортом, мавзолеей Укач-Ата – лагерем для пионеров, «Узун-Ата» – ветеринарным пунктом [21, с.37]. Если в 1959 г. на учете в СССР в органах власти состояло 839 мусульманских «святых» мест, то к 1974 г. их число сократилось до 612 [22, с.328]. Было закрыто большинство действующих мечетей в СССР, из 1500 в 1954 г. через десять лет, в 1964 осталось меньше 500. Массированная антимусульманская пропаганда была развязана в печати, по радио, на телевидении и в театре. Увеличилось издание литературы антирелигиозного характера на разных языках СССР, в период 1962-1964 гг. в СССР издано 210 произведений, в том числе 50 на казахском языке. В СССР за этот период было выпущено около тысячи антиисламских трудов на разных языках мусульманских республик. [23, с.10]

Но исламские и доисламские традиции в сфере семьи и семейно-родственных отношений оставались частью повседневной жизни верующих. Повсеместно были распространены погребально-поминальные и свадебные обряды, обряд обрезания, массово отмечались праздники жертвоприношения – Курбан-айт (особенно в сельских районах Казахстана), окончания поста – Ораза-айт. Практически во всех казахских семьях (даже в семьях коммунистов) в эти дни пекли баурсаки, шелпеки, поминали аруахов (предков). Казахстанские религиоведы на основе полевых исследований выделяют в 1950-е – 1960-е гг. две группы верующих. Первую группу представляли люди старшего поколения, которые искренне считали себя мусульманами, им были известны основы мусульманского вероучения, они совершали мусульманские обряды. Таким верующим было свойственно терпимое отношение к атеистическому мировоззрению других людей. Ко второй группе были отнесены люди пожилого и среднего возраста, среди них встречалась и молодежь. Они не отличались строгим выполнением религиозных предписаний, и в их сознании отрывочные, часто неопределенные религиозные представления сочетались с естественно-научными знаниями, причем нередко они даже были коммунистами. В печати мелькали сообщения о праздновании главного мусульманского праздника Курбан-айт: приводились случаи невыхода людей на работу в связи с празднованием Курбан-айта. Массовые невыходы на работу не были распространены повсеместно в Центральном Казахстане (в отличие от южных районов), но религиозные праздники отмечались так или иначе во многих казахских семьях.

В 1961 г. в Казахстане зарегистрировано 25 мусульманских объединений, имевших мечети. Общее количество мусульман, совершавших намазы в этих мечетях, оценивалось в 40 тысяч, из которых 10-20% составляли женщины. В целом в Казахстане по данным властей, действовало 66 незарегистрированных исламских общин, культовую деятельность в республике вели 521 «бродячий мулла» [15, с.10]. Нелегально действовали муллы, которые посещали дома казахов, чеченцев и ингушей для проведения мусульманских обрядов – чтение Корана на поминках, обрезание мальчиков, наречение именем новорожденного и др. Власти требовали от уполномоченных органов выявлять случаи проведения тоев (празднества) по случаю сундета – обрезания мальчиков. Ответственные за проведения такого вида контроля сетовали на то, что выявить такие случаи сложно, так как такой обряд в основном проводится скрытно и если проводится той, то под видом приглашения в гости родственников и дружных соседей [18, л.94]. Обрезание мальчиков проводилось по всей

области, особенно в сельской местности, где преобладающее большинство населения мусульманского верования (казахи, чеченцы и др.).

Интересным, на наш взгляд, является тот факт, что мусульман чеченской и ингушской национальности в КазССР иногда в отчетах приписывали к сектантам. Свидетельством такому утверждению является архивный документ, в котором было обозначено: «при выездах в районы обращать особое внимание на выявление и изучение деятельности групп сектантов «Кунтуходжа», «Баталходжа и «Галнарходжа» в местах, где проживают чеченцы и ингуши» [18, л.32]. Также в отчетах 1950-х гг. указывалось, что верующие, приехавшие из Кавказа, ежедневные пятикратные намазы в зарегистрированных мечетях Караганды и области не посещают, а молятся вместе со всеми мусульманами в дни «Жума-намазы» (пятничные намазы) и в дни религиозного праздника «Айт-намазы». В отличие от других мусульман после праздничного намаза они идут на мусульманское кладбище, становятся в круг и поют «Зикир» (Зикр – исламская духовная практика, заключающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей прославление Бога) [18, л.57].

В ходе реализации научного проекта по истории городской повседневности Центрального Казахстана во второй половине XX в. нашей исследовательской группой были проведены интервьюирования среди жителей г. Караганды, которые позволяют проявить и состояние религиозной ситуации, и общественные настроения, отношение к религии, роль религии в повседневной жизни людей и т.п. Как свидетельствуют интервьюируемые, воинствующий атеизм, не в такой мере, как в 1920-1930-е гг., но все же проявлялся. Верующие были вынуждены скрывать собственные воззрения, не могли открыто высказываться по вопросам религии, это могло привести к общественному ostracismу, давлению властей, сказаться на отношении к их детям в школе, во дворе и т.п. Атеистическая пропаганда не оставляла религиозных людей без внимания. Верующие были несогласны с властью, считая, что она нарушает их конституционные права, вмешиваясь в деятельность церкви и ее прихожан. Служители церкви, в свою очередь, пытались найти «общий язык» с властью, но не всегда успешно. В целом, все те, кто имел отношение к религии – верующие, служители культа или сочувствующие не доверяли власти и вынуждены были приспособливаться к сложившимся обстоятельствам. Как вспоминает житель г. Караганды Б.К. Адамбек: «Перед каждым религиозным праздником – Курбан-айт, Пасха и т.д. в областных газетах «Орталық Қазақстан» или «Социалистическая Караганда» печаталась большая статья атеистического характера, рассказывающая о «пагубном» пристрастии к религии некоторых советских граждан и призывающая советских людей бороться против проявления всякого рода «мракобесия» в лице всякого рода религиозных организаций» [24].

О том, что наступает мусульманский пост-ураза сообщалось всем райисполкомам и райкомам КПК по линии облизполкома и обкома КПК и настоятельно требовалось усилить культурно-массовую и политическую работу среди населения. И сразу же на страницах областных газет появлялись статьи «Что такое посты и их происхождение», «Пост и его вредные последствия» [18, л.58-59].

Воспоминания советских людей говорят о том, большинство из них старались не афишировать свое отношение к религии. Из интервью А.С. Уйсембековой: По городу было всего 2 мечети: одна в городе, другая в Майкудуке, но я их не посещала. Тогда пропагандировался атеизм, и религиозных людей осуждали. А верующие люди верили и служили, выполняли все каноны, но молча. Особенно старшее поколение, их было не сбить с этого пути... Родственники, знакомые праздновали религиозные праздники: праздновали «Курбан Айт», «Рамазан Айт». Эти праздники помню очень ярко, потому что видела поистине верующих людей...» [25; с.233-234]

Ее дедушка и бабушка были глубоко верующими людьми, в отличие от ее родителей. В семье тоже праздновали религиозные праздники «Курбан Айт», «Рамазан Айт». Три дня готовились, резали баранов, приглашали родственников и сами ходили по гостям. Эти праздники приносили много радости детям, которые подходили к старшим и говорили «айттык». За это они получали копейки и различные сладости. Верующие открыто не

пропагандировали религию, но своим поведением и действиями приобщали своих детей к религии, говорить открыто на эту тему боялись. Респондент вспоминает, что их семья и другие верующие делали личные пожертвования неимущим семьям, детям-сиротам, но не мечети. Религию она воспринимала спокойно, нейтрально, в атеистических мероприятиях не принимала участия, но и мечеть не посещала. Своему сыну она делала обряд обрезания (сундетке отыргызу). Респондент не помнит случаев, когда кто-то из ее родственников или знакомых пострадал из-за того, что он верующий или выполняет какие-то религиозные обряды. Религиозную литературу, которая попадала домой случайно, она читала, но не Коран. Как вспоминает Уйсембекова А.С., из религиозных предметов у них дома всегда были четки, которые передавались из поколения в поколение. Четки были сделаны из чистого жемчуга, привезенные из Мекки ее пра-пра-дедушкой. «Еще дома был «жайнамаз» (коврик для намаза). Мой дедушка перед смертью попросил сшить 200-300 жайнамазов, которые следовало раздать людям, пришедшим на его похороны. Он был убежден в том, что вместе с жайнамазом в их дома придет религия» [26]. А.С. Уйсембекова вспоминала, что она вместе с бабушкой выполнили просьбу дедушки и сшитые жайнамазы раздали людям на похоронах дедушки. «Думаю, что таким способом дедушка пропагандировал религию», – констатировала респондент [26]. А.С. Уйсембекова считает, что в советский период осуждали религиозных людей, но, несмотря на осуждение, большинство верующих людей не отказывались от своей веры и тайно выполняли все каноны. Таким образом, ислам и тесно связанные с ним доисламские культы вытеснялись в сферу влияния семьи и продолжали бытовать в жизни казахского общества. Анализируя религиозную ситуацию в послевоенный период советской истории необходимо отметить, что, хотя в ней были этапы достаточно жесткого выдавливания конфессий из духовной жизни, повседневность демонстрировала достаточно устойчивые позиции религии в казахстанском обществе.

В 1961 г. в Караганде действовали только две зарегистрированных мечети, они не вмещали всех желающих и часто богослужения в религиозные праздники проводились прямо под открытым небом. В ГАКО сохранился документ 1961 г. «Информация о прохождении мусульманского поста-оразы и религиозного праздника «оразы-айты»: «Среди мусульманского населения области пост-ураза соблюдался лицами престарелого и некоторой части среднего возраста обоего пола, он длился с 16 февраля по 18 марта 1961 г. В двух зарегистрированных мечетях г. Караганды в дни ураза проходили «тарауык намазы» (каноническая молитва), совершаемая в течение месяца Рамазан (месяц обязательного для мусульман поста), которые исполнялись имамами мечети ежедневно с 20 до 21 часов местного времени, с охватом от 15 до 50 человек....В течение месячного поста-ураза в кассу зарегистрированных мечетей от верующего населения поступали «фитир-садака» (пожертвования, которые традиционно выдаются нуждающимся в священный месяц Рамазан как выражение благодарности Всевышнему), который устанавливался по 50 копеек с каждого человека... Религиозный праздник «ураза-айты» (праздник разговения, знаменующий собой окончание месяца Рамазан и завершение великого поста) продолжался три дня с 18 по 20 марта с.г. В первый день праздника «ураза-айты» 18 марта в зарегистрированных мечетях прошли массовые намазы в помещении мечети, не вместившиеся в здание, молились во дворе мечети под открытым небом. Намаз в двух мечетях г. Караганды начался в 8 часов утра и продолжался около 15 минут. В числе принимавших участие в намазе мечети Сталинского района было свыше 200 женщин и около 10 человек молодежи до 30-35-летнего возраста, в мечети Кировского района женщины составляли около 70 человек и молодежи около 30 человек, в основном татарской национальности. Присутствующие на богослужении «ураза-айты» в мечети Сталинского района верующие чеченской национальности, около 40 человек, после намаза отправились на мусульманское кладбище, расположенное в 250 метрах от мечети, став в широкий круг в течении 15 минут молились по-своему. Факты участия на намазах коммунистов и комсомольцев не установлены. В дни праздника «ураза-айты» верующие ходили по домам своих единоверцев и поздравляли с днем «ураза-айты», угощались шелпеками (тонкие

лепешки, специально приготовленные на масле). Других случаев проведения общественных намазов на территории области не установлено» [9, л.13-15].

В первый и второй день праздника «Ораза-айт» и «Курбан-айт» лица, державшие пост-оразы и большое количество верующих поодиночке или группами от 3-х до 10-ти человек ходили по домам своих единоверцев, где поздравляли их с праздником, угощались шелпеками и бешбармаками. Имелись случаи, когда отдельные из верующих строго придерживались религиозного обычая обойти 40 домов в дни праздника... В дни праздника карагандинцы покупали и резали скот, мясо которого раздавали нуждающимся. Например, в 1954 г. в честь праздника было забито примерно 30 голов скота [27, л.114-115].

Таблица 5 – Посещаемость мечетей в одну из пятниц «ураза» [9, л.13-15]

Карагандинская мечеть (Кировского района)	В 1954 г.	550
	В 1959 г.	200
	В 1961 г.	150
Карагандинская мечеть (Сталинского района)	В 1954 г.	780
	В 1959 г.	350
	В 1961 г.	250

Таблица 6 – Поступление денежных средств в период поста «ураза» [27, л.21]

Мечеть	Годы	В рублях
Карагандинская мечеть (Кировского района)	1952 г.	5162
	1953 г.	2183
	1954 г.	4200
	1959 г.	1428
	1961 г.	1297
Карагандинская мечеть (Сталинского района)	1952 г.	6460
	1953 г.	7152
	1954 г.	6440
	1959 г.	2782
	1961 г.	1081

Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Карагандинском облисполкоме С. Адиков причину уменьшения денежных и людских показателей (см. таблицы 5 и 6) видит во влиянии проведенных партийными, советскими и другими органами массовых мероприятий воспитательного характера среди населения и принятие мер по пресечению нарушений духовенством мечети ограниченного района деятельности [9, л.13-15]. В определенной степени С. Адиков был прав: действительно, антирелигиозная пропаганда, особенно среди подрастающего поколения (октябрята, пионеры, комсомольцы) давала свои результаты. Строительство коммунистического будущего не предполагало веру в сверхъестественные силы. Молодежь учили, что нужно верить только в собственные силы: «человек – кузнец своего счастья» и т.д. Среднее поколение советских граждан не демонстрировало свою религиозность, так как это могло повлиять на карьеру, положение в обществе и даже привести к административным и уголовным наказаниям. В эти годы власти частенько устраивали показательные суды над так называемыми сектантами. Поэтому многие из них верили «тайно», скрывая свою религиозность. Большая часть представителей старшего поколения не прекращали верить и старались выполнять религиозные обряды и обычаи. Определенная часть молодого поколения исследуемого периода к религии относилось как к элементу прошлой жизни и, следовательно, она диссонировала с современной жизнью. Но среди всех возрастов советских граждан были истинно верующие, которые, не таясь, сопротивлялись идеологической машине и продолжали служить своей

религии. Они сразу же попадали в список неблагонадежных, подвергались демонстративным унижениям, становились «героями» различных фельетонов и преподносились в обществе как ретрограды.

Представители мусульманского духовенства в обществе играли среди верующих значительную роль. В большинстве казахских и др. семей к мулле обращались для выполнения важнейших в жизни мусульман ритуалов и чаще всего это был один и тот же мулла, которому в семье доверяли. Среди таких уважаемых священнослужителей был имам Бала Кажи. В архивных фондах содержится информация об имаме Сталинского района г. Караганды Мусине Мухамедкали по прозвищу Бала-хаджа (Бала Кажи): 1887 г.р., уроженец Каркаралинского района, среднее духовное образование получил в г. Каркаралинске. В 17-летнем возрасте вместе со своим отцом – имамом аульной мечети ездил в Мекку на паломничество. С 1926 по 1932 гг. был имамом мечети аула Аксары Каркаралинского района. С 1934 по 1946 гг. в Караганде действовал как «бродячий» мулла, в промежутках своей деятельности работал в разных организациях сторожем. После первого курултая духовенства Средней Азии и Казахстана в Ташкенте в 1943 г., М. Мусин вторично ездил на хадж в Мекку. С 1946 г. работал имамом мечети Сталинского района Караганды. В документе указывается, что М. Мусин неохотно шел на контакт с властями, а среди верующих пользовался высоким авторитетом, особенно среди выходцев из рода каракесек. [18, л.115] Биография Бала Кажи – достаточно типична для представителей духовенства в Казахстане, которые служили своей вере, несмотря на давление власти; в настоящий момент его именем названа мечеть № 2 г. Караганды. Такие служители как Бала Кажи способствовали укреплению мусульманской веры не только среди глубоко верующих людей, но и сочувствующих.

Таблица 7 – Сведения о религиозной обрядности мусульман по Карагандинской области в 1966 г. [28, л.38-42]

Наречение имени	Религиозные браки	Религиозных отпеваний					Др. обряды	Хатмы клоран	Мов-люд	Обрезание
		всего	в мечети	на дому	на кладбищ	зачно				
41	10	174	50	33	40	1	329	329	2	157

Архивы свидетельствуют, что ряд религиозных обрядов продолжали выполняться в некоторых семьях, но эти данные не отражают реального положения дел (см. таблицу 7), потому что часть проведенных ритуалов не фиксировалась, и они осуществлялись тайно, зачастую неофициальными служителями культов.

В Казахстане ведущими религиями были ислам и православие. К ним отношение со стороны власти было более лояльным, нежели к другим религиозным сообществам. Хотя, Уполномоченные Совета по делам религий и другие надзорные органы пристально следили и за представителями этих ведущих конфессий на территории Казахстана.

Состояние православной церкви в Казахстане отражено в отчетах. На 1 декабря 1953 г. общее количество действующих церквей и молитвенных домов русской православной церкви в республике составляло 54, из них в городах находятся 27, в рабочих поселках – 8 и в сельской местности – 19; из них в Карагандинской области – 3. Всего служителей культа в республике зарегистрировано 91 человек: из них архиереев – 1, священников 80 и диаконов – 10. Возрастной состав духовенства в городах: до 40 лет – 3 человека, до 55 лет – 10 чел. и старше 55 лет – 50 человек. По образованию: имеющие высшее духовное образование – 3 человека, высшее светское – 2 чел. Среднее духовное образование имеют 24 человека, среднее светское – 10 человек; остальные 52 человека являются малограмотными, окончившие начальную школу. [16, л.27]

В архивных документах отражается «длительный и упорный» характер ходатайств, идущих из многих городов Казахстана, в том числе, и из Караганды, об открытии православных церквей, но они не были удовлетворены. В частности, Лоскутов Егор

Сергеевич (как отмечено в отчете, бывший кулак), 1880 г.р., за последние 4-5 лет написал около 15 заявлений, несколько раз ездил в Алма-Ату и в Москву для решения этого вопроса [16, л.29-30].

Православие играло значительную роль в повседневной жизни преимущественно славянского населения городов Центрального Казахстана. Из интервью А.Ф. Самохиной: «Люди тайно молились (в основном старики), прятали иконы и т.д. Праздники религиозные открыто не праздновали, но тайно отмечали. Несмотря на трудные времена, мы старались на Пасху печь куличи и красить яйца. Этот праздник каждый справлял по своим возможностям. Так же отмечали и Рождество. В районе старого Рудника, в Михайловке, построили церковь. Это был обыкновенный барак, просто сделали как церковь. Люди тайно крестили детей». [25, с.231-232]

Из воспоминаний жительницы Караганды Л. Макроусовой, прибывшей в 1961 г. в шахтерский город из г. Минска: «В советское время я нечасто посещала церковь, так как в то время работала с утра до ночи, но на большие праздники я все равно ходила. В то время у нас было мало церквей. Наша церковь, куда я ходила, стоит с 1939 г. – церковь в Пришахтинске (район г. Караганды). Она была деревянной, просто ее сейчас обшили листами железа, покрасили. По размеру церковь была маленькая». По словам Макроусовой Л. существовали так называемые нелегальные церкви, в которые люди ходили и молились там тайно. Церкви разрешали строить при условии, что они не будут выше домов. Все ее родственники были верующими, но священнослужителей среди них не было. Религиозные праздники отмечали, хотя мать работала учительницей. Как вспоминает респондент, ее мама занавешивала окна и ночью пекла пасхи, яйца красила. «Я не знаю, почему было так, и церкви разрушали, и всех причастных наказывали, ссылали. Например, наш карагандинский святой Севастиан, был сослан в Караганду, а после реабилитации он остался здесь, и служил до самой своей кончины. И теперь его святые мощи находятся в православной церкви на Юго-Востоке (район г. Караганды). В советское время крестили детей, только тайно. Крестики носили так, чтобы никто не заметил. В то время можно было дома иметь религиозную литературу, только не открыто. То, что я верующая все спокойно воспринимали, кроме руководства и коммунистов. В общем, в советское время люди верили, только скрытно» – резюмировала респондент [29].

Судьба упомянутого респондентом православного священника Севастиана – это яркий пример судеб множества священников, которые даже под страхом смерти не предали свою веру. Жизнь православной церкви и ее прихожан в городах и поселках Карагандинской области в 1950-1960-е гг., прежде всего, связана с деятельностью отца Севастиана и его помощников. Отец Севастиан разделил судьбу многих священников своего времени: был арестован 25 февраля 1933 г. и отправлен в Тамбовское ОГПУ. На очередном допросе на вопрос следователя: «Каково отношение арестованного к Советской власти?», Севастиан ответил: «На все мероприятия советской власти я смотрю, как на гнев Божий, и эта власть есть наказание для людей... Нужно молиться, молиться Богу, а также жить в любви, тогда только мы от этого избавимся» [30]. Отец Севастиан был приговорен к 7 годам заключения в исправительном трудовом лагере, в мае 1934 г. был переведен в Карагандинский лагерь (Карлаг), в поселок Долинка. Местные жители относились к священнику с уважением, помогали продуктами, одеждой. В 1944 г. православной общиной был приобретен дом по улице Западной, в которой оборудовали домовую церковь для тайных богослужений. Разрешения на выполнение различных православных обрядов не было, но жители Михайловки приглашали отца Севастиана к себе домой для крещения, отпевания и других религиозных обрядов. [30]

Осенью 1946 г. православные жители Большой Михайловки подали заявление о регистрации религиозной общины и получили отказ. Но верующие не опускали руки и в течение нескольких лет добивались открытия храма: писали в Москву, ездили в Алма-Ату. И только в 1953 г. был зарегистрирован в Большой Михайловке на Западной улице молитвенный дом (без права совершения Божественной литургии). В 1955 г. было получено

разрешение и на открытие церкви, получившая название Богородице-Рождественской или в простонародье ее называли Большемихайловская. Дом переоборудовали в храмовое здание. Власти запретили поднимать здание даже на сантиметр. Тогда за одну ночь тайно прихожане углубили на один метр пол в церкви. Священников батюшка подбирал сам. Сначала приглядывался к человеку, потом призывал и говорил: «А вам бы надо быть священником» [30].

Отец Севастиан умер 19 апреля 1966 г. и был погребен на Михайловском кладбище на окраине Караганды. В октябре 1997 г. по решению Синодальной комиссии по канонизации святых и благословению Святейшего Патриарха Алексия II состоялось местное прославление в лике святых Севастиана Карагандинского, который служил церкви в 1955-1966 гг. [30] Источники и свидетельства очевидцев подтверждают тот факт, что в основании православной церкви в Караганде стоял отец Севастиан, который не по своей воле попал на карагандинскую землю, но она стала, по его признанию, второй родиной.

Единичные православные храмы были и в других городах Центрального Казахстана, например, в 50-е гг. XX в. в г. Балхаше имелась одна зарегистрированная община верующих с православной церковью вместимостью на 100-150 человек. «В 1960-е гг. зарегистрированные общины русского православного верования были расположены на территории: шахты 6-новая, с. Большая Михайловка, пос. Новая Тихоновка и в селе Осакаровка. Служителями культа ежедневно совершались обряды: крещение, бракосочетание, исповеди и др. По субботам и воскресеньям проводились богослужения с охватом от 50 до 600 человек, а в религиозные праздники – от 400 до 3000 человек в каждой общине» [9, л.1]. В архивных фондах имеются сведения о проведении религиозных обрядов, вряд ли в отчетах фиксировались все факты, но тем не менее считаем возможным привести официальные статистические сведения (см. таблицу 8).

Таблица 8 – Сведения о религиозной обрядности по Карагандинской области в 1966 г. [28, л.38-42]

	Крещение				Религиозн. браки	Религиозные похороны	
	всего	детей дошкол. возраста	школьн. возраста	совершенно-летних		очные	заочн.
Всего	5045	4856	144	94	131	519	1976
Русская православная церковь	4948	4756	14	58	131	357	1885
Евангельские христиане-баптисты	46	-	-	46	6	16	-

Необходимо отметить, что во многих отчетах и записках уполномоченного сведений о православной церкви немного. Более подробный материал представлен о евангельских христианах и баптистах (ЕХБ). Неслучайно, в этот период второе место после культа мусульман отводили культу евангелистских христиан-баптистов. Этот культ имел в Казахстане 8 зарегистрированных молитвенных домов, из них 1 – в г. Караганде. [16]

Во главе этих общин стояли пресвитеры, утверждённые центром этого культа в Москве (ВСЕХБ) и зарегистрированные уполномоченным Советом по республике. Общины ЕХБ в своих молитвенных домах совершали молебствия три дня в неделю, а также проводили религиозные обряды: водное крещение, бракосочетание, погребальные и поминальные обряды. Количество приверженцев евангельских христиан и баптистов в Карагандинской области представлено в таблице 9.

Таблица 9 – Численный состав общин евангельских христиан-баптистов по годам со дня их организации [13, л.75]

Область	1945 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.
Карагандинская	120	200	300	400	500	600
Всего по КССР	1202	1688	1995	2198	2349	2735

Как видно по таблице 9, община росла в своём численном составе, причем в отчетах отмечается, что рост общин, в основном, идёт за счёт старых (приезжие люди из других общин баптистов) и новых (люди, которые принимаются через водное крещение) членов. В 1953 г. карагандинским обществом ЕХБ было принято 36 человек. Среди них 9 человек – выходцев из семьи членов ЕХБ, остальные – из других верований. Основная масса членов общин – люди преклонного возраста, но имелись и 20-30 летние; женщины составляли большинство. Членом общины мог быть человек не моложе 18 лет, а после принятия в общину ему назначался испытательный срок в один год. По роду занятий состав общин был разным: домохозяйки, сапожники, пекари, монтера, слесари, переплетчики, портные, рассыльные, продавцы, шофера, машинистки, бухгалтера, инженеры, техники и др.

Зарегистрированные общины культа ЕХБ свою деятельность осуществляли в стенах молитвенных зданий. Верующие собирались 3-4 раза в неделю для богослужебных собраний. Собrania проводились под руководством зарегистрированного пресвитера, который читал с кафедры молитвенного дома проповедь по религиозным книгам. С проповедью выступали и другие люди, выделенные на это пресвитером. Кроме обычных богослужебных собраний, верующие проводили собрания в дни больших праздников Пасха, Вознесение, Троица и др. На этих собраниях принимало участие большое количество людей. [18, л.22] Община проводила свои богослужебные собрания в молитвенном доме, расположенном в пристанционном посёлке, по улице Октябрьской №28. Здание молитвенного дома общиной было куплено в 1946 г. и вмещало 600 человек. В воскресенье собрания посещали от 400 до 5000 человек, в будние дни от 100 до 150 человек; в соответствии с ростом прихожан выросли и денежные доходы общины: 1952 г. – 91383, 1953 г. – 109341, 1954 г. – 117401 руб.; в сентябре 1954 г. в общине проводился праздник «День жатвы», на который собралось примерно 800 верующих и во время праздника проводился тарелочный сбор добровольных пожертвований на нужды ВСЕХБ и было собрано 14364 руб. [18, л.10]

Численный состав общины ежегодно увеличивался и в 1953 г. составил 792 чел. Национальный состав общины: русских и украинцев – 363 чел. (46%); немцев – 417 (53%); мордвы – 4 (0,5%); поляков – 5 (0,6%); осетин – 2 (0,2%); евреев – 1 (0,1%) [16]. В 1954 г. община выросла до 828 чел., в 1960 – 1100. Рост общины шел главным образом за счёт женщин и молодежи, родившейся в советский период, что говорило, по мнению уполномоченного по делам религий в Казахстане, о значительном влиянии служителей этого культа на молодое поколение. Первоначально община состояла из лиц, прибывших в Караганду в порядке спецпереселения в годы коллективизации и более чем на 50% состояла из немцев. С 25 декабря 1955 г. в зарегистрированной общине ЕХБ разрешили читать проповеди на немецком языке и наложили ответственность за содержание проповедей на старшего пресвитера И.А. Евстратенко [18, л.79].

Пресвитером общины был Иван Андреевич Евстратенко, 1897 г.р., происходил родом из хутора Горкума Краснодарского края. Его отец ещё в конце XIX в. был видным проповедником баптизма, в 1899 г. он переехал в Омскую область, где его сын Иван Андреевич Евстратенко на всесибирском съезде баптистов в 1920 г. был избран в центральный орган баптистов в г. Омске. Начиная с того времени до 1931 г. (с перерывом с 1926 г. по 1928 г., когда он учился в Москве в духовной школе баптистов) вел миссионерскую работу по баптизму. Позже он уехал вновь на Северный Кавказ, в 1933 г. был осуждён на 10 лет. Отбыв срок наказания на строительстве канала Волга-Москва в 1938 г., он приехал в Казахстан и работал по 1942 г. на счётной работе в разных артелях в г.

Петропавловске. В 1942 году был призван в трудовую армию и отправлен в г. Караганду. Так, к попав в общину ЕХБ г. Караганда он сделался в 1948 г. пресвитером и многое сделал для поднятия активности этой общины. Как указывал уполномоченный, «по своему личному качеству Евстратенко человек крайне хитроумный, чрезвычайно скрытный, старается не попадаться на глаза работников местных органов власти». [16, л.85]

В отчетных документах уполномоченных органов 1960 г. о данных общинах писали следующее: «В зарегистрированном молитвенном доме баптистов Сталинского района, молитвенные собрания проводятся 3 раза в неделю. Посещаемость верующих по воскресным дням 600-700 человек, в остальные дни 300-400 человек. Кроме обычных молитвенных собраний в молитвенном доме ежегодно проходят религиозные праздники «Рождество», «Пасха» и др. с охватом до 1500 человек. Кроме проповеди и молитвы неотъемлемой частью богослужения является духовное пение (общее и хоровое). Хор – около 100 человек, большинство членов хора состоит из молодежи до 30-35 лет» [9, л.1].

Группа верующих ЕХБ г. Темиртау из 30 человек, не имея своего помещения, проводила свои обряды скрытно на дому. Также нелегально действовала до 1953 г. община ЕХБ в Балхаше из 30 человек, которые собирались в частном доме. Но она была распущена после того как ее руководитель Хренов А.И. был арестован органами государственной безопасности. [16, л.49]

В 1930-1950-е гг. Казахстан стал местом массовых ссылок и депортаций немцев, поляков, литовцев, украинцев, что привело к появлению католических поселений. В конце 1950-х гг. католические общины попытались легализовать религиозную деятельность, но наталкивались на стойкое административное противодействие органов власти. Официальные разрешения на строительство храмов католики смогли получить только в конце 70-х гг. XX в. [31]. Во второй половине 50-х гг. XX в. несколько освобожденных из лагерей католических священников начали нелегальную деятельность. Одним из них был украинский греко-католический священник Алексей Зарицкий, отбывавший наказание в сталинских лагерях в Казахстане и после своего освобождения организовавший тайные богослужения.

Отечественные авторы справочника «Религии в Казахстане» приводят биографию католического священника: «Блаженный отец Алексей Зарицкий родился в 1912 г. в с. Бильче, на Львовщине. Окончил Духовную семинарию Львовской Архиепархии Украинской Греко-католической церкви. Священническое рукоположение он принял в 1936 г. от митрополита А. Шептицкого. В 1948 г. был осужден на 10 лет официально за антисоветскую деятельность, а на самом деле – за отказ перейти в православие (в то время в СССР греко-католическая церковь была «самораспущена»). Большую часть заключения провел в лагерях Кемеровской, Омской и Карагандинской областей. Был освобожден в 1956 г., а в 1957 г. реабилитирован. После своего освобождения он проводил широкую пастырскую деятельность среди католиков как византийского, так и латинского обрядов, за что и был назначен митрополитом Иосифом Слипым Апостольским администратором Казахстана и Сибири. В 1962 г. был снова осужден за активную религиозную деятельность, но по статье «за волокитство». Отбывал наказание в лагере «Долинка», недалеко от Караганды, где и скончался в больнице 30 октября 1963 г. «Апостол Казахстана и Сибири», как называли его прихожане, был похоронен там же, но стараниями местных католических общин, родственников и своих бывших прихожан из Западной Украины был перезахоронен на кладбище с. Рясна Руська близ Львова» [32, с.91].

Католики, как и все верующие, подвергались гонениям, но им приходилось намного тяжелее на территории Казахстана, так как их было религиозное меньшинство. Большая часть католиков оказались на территории Казахстана в результате репрессий и сталинских депортаций 1930-х-1940-х гг. Уже после ослабления политики в отношении неудобных народов и конфессий с середины 1950-х гг. в республике образуются общины лютеранской церкви, адвентистов, меннонитов. Долгое время они действовали нелегально. Первая община лютеранской церкви была зарегистрирована в Акмолинске в 1955 г. Власти

крайне неохотно регистрировали эти религиозные объединения, тем не менее, их численность постоянно увеличивалась [33]. В 1954 г. уполномоченными органами в Шахтинском и Кировском районах г. Караганды были выявлены незарегистрированные группы верующих немцев лютеранской веры количеством 300 человек, 60% из которых составляли женщины. Карагандинские лютеране с 1952 г. регулярно подавали ходатайство на разрешение открытия молебного дома, но власти им отказывали «из-за отсутствия помещения».

Была выявлена новая группа верующих пятидесятников, которую возглавляли две женщины, приехавшие в Караганду из Украины в январе 1954 г. В эту группу вошли некоторые представители существующей группы пятидесятников и исключенные из группы ЕХБ [16, л.43,45]. Появление новой группы пятидесятников обеспокоило не только власти, но высшее республиканское руководство ЕХБ во главе со старшим пресвитером И.Д. Тихоновым. Он стал часто приезжать в Караганду и вместе со старшим пресвитером г. Караганды И.А. Евстратенко стал проводить мероприятия, направленные на сохранение общины, чтобы не было оттока во вновь открывшуюся общину пятидесятников.

Помимо вышеуказанных культов в Казахстане имелись культы старообрядцев, евреев, адвентистов 7-го дня и буддисты. Из этих культов лишь еврейский культ имел единственную зарегистрированную синагогу в г. Кзыл-Орде, остальные культы зарегистрированных молитвенных домов не имели. Они ходатайствовали об открытии молитвенных домов, но в виду их малочисленности получили отказ. И хотя все эти группы заметной активности не проявляли, однако, продолжали исполнять по требованию своего верования погребальные и прочие обряды.

С 1966 г. в г. Караганде официально действовала без регистрации в органах власти религиозная община меннонитов-церковников, а с 1968 г. верующие постоянно собирались и проводили свои богослужebные собрания и другие религиозные обряды в помещении молитвенного дома, переданного зарегистрированной религиозной общиной меннонитов, что находилась по ул. Дежнева, 36 на территории Кировского района города. Религиозная община меннонитов-церковников объединяла в своем составе 360 человек верующих. Из этих чисел верующих членов общины 68 человек проживали в разных городах и поселках близких к г. Караганде: г. Сарани – 16, пос. Актау – 15, совхоз им. Энгельса – 15 и от 1-6 человек – из поселков Токаровка, Актас и из городов Абай, Темиртау и Шахтинска. Остальные 292 члена общины проживали в г. Караганде. Возрастной состав общины: до 30 лет – 10, до 40 лет – 45, до 50 лет – 60, до 60 – 63, и свыше 60 лет – 195 человек. Среди членов общины 297 женщин, 81 мужчина. Все они имели лишь начальное образование. [8, 18]

Религиозная жизнь Караганды и области, конечно же, разнообразилась после появления на ее территории многочисленных представителей депортированных народов и спецпереселенцев. Среди них были даже представители христианских старообрядческих общин. Например, в середине 1950-х гг. в Караганде действовала община беглопоповцев (старообрядцы, отколовшиеся от Русской церкви после реформ Патриарха Никона во второй половине XVII в.; беглопоповцы в отличие от беспоповцев принимали священников, переходивших из православной церкви (беглых попов)). Члены данной общины в количестве 100 человек в основном проживали в городах Караганде, Сарани и Темиртау (21 семья). Под руководством спецпереселенца А.А. Иванова (репрессированный как кулак и высланный в Казахстан из Саратовской области) община без разрешения властей построила 2-комнатный дом для молитв в Сталинском районе г. Караганды по ул. 2-а Новая, 15. В этом доме по воскресениям проводили молитвенные собрания 2 раза в день на которых присутствовали 5-6 человек. В праздничные дни собиралось до 100 верующих. Община поддерживала связь со старообрядческим архиепископом древнеправославных христиан Московский и всея Руси Абрамовым Е.К. (Епифаний), который по приглашению единоверцев приезжал в Караганду 3 раза в 1954 и 1955 гг. В 1953 г. от этой общины отделились старообрядцы белокриницкого согласия, 26 семей этой общины проживали в Караганде. Община не имела своего помещения и священника [18, л.81-82].

В исследуемый период в Караганде проживали верующие иудеи. Но власти Караганды не могли выявить место и руководителя группы верующих евреев. Хотя в отчете уполномоченного органа писалось о том, что в Сталинском районе г. Караганды существует еврейское кладбище, где верующие евреи хоронят своих единоверцев [18, л.46].

С конца 1950-х гг. проводимая антирелигиозная и антицерковная политика проявилась в гонениях на верующих, священнослужителей и в усилении налогового давления на духовенство и церковь. В результате многие церкви закрывались из-за невозможности содержать здания, платить налоги и зарплату работникам. Представители духовенства высмеивались, образ верующих и священнослужителей преподносился в карикатурной форме, оскорблялись религиозные чувства людей и т.д. Власть ограничила верующим доступ к религиозной литературе, сделав ревизию в церковных библиотеках, ограничила или вообще запретила паломничество к святым местам. У властей было множество претензий к представителям нетрадиционных религиозных организаций. Об этом было написано в «Справке о деятельности религиозных объединений и групп в Карагандинской области» от 10 января 1961 г.: «Наиболее активно действующими сектами и религиозными объединениями являются меннониты, лютеране, католики, иеговисты, ильинцы, старообрядцы, адвентисты седьмого дня, пятидесятники, приверженцы ИПЦ (Истинно-православная церковь) и др. Руководители их организуют и проводят сборища, запрещают своим членам посещать кино, театры, клубы и другие культурно-просветительские учреждения, не разрешают читать художественную и политическую литературу. Отдельные сектантские группы воспитывают своих членов в духе неподчинения советским законам, препятствуют их службе в рядах Советской Армии, вступлению в профсоюзы и участвовать в голосовании во время выборов. В целях пресечения деятельности реакционных религиозных сект, групп и объединений за последние 2-3 года по области было арестовано и привлечено к уголовной ответственности 14 проповедников» [34, л.4-5]. За антиобщественную деятельность члены таких религиозных организаций даже выслались за пределы области, а некоторые лишались родительских прав. Например, в 1960 г. высланных таким образом насчитывалось 19 человек и 3 человека лишились родительских прав [9, л.7]. Осужденным-верующим инкриминировали антисоветскую деятельность.

Таблица 10 – Данные о наличии религиозных объединений, служителей культа, количестве верующих в Карагандинской области в 1967 г. [8, 18]

Конфессии	Всего	Зарегистр.	Незарегистр.	Служителей культа	Верующих
Русская православная церковь	3	3	-	8	4000
Лютеранская церковь	5	1	4	5	1593
Мусульманского вероисповедания	2	2		2	1700
Евангельские христиане-баптисты	2	2		24	2900
Адвентисты 7 дня	1	-	1	1	62
Молокане	1	-	1	1	43
Меннониты	2	1	1	2	700
Пятидесятники	4	-	4	4	230
Иеговисты	5	-	5	5	218
Католическая церковь	1	-	1	1	400
Итого:	26	9	17	53	11846
Примечание: Старообрядческая церковь и культ иудейского вероисповедания – данных нет, других сект нет.					

Данные таблицы 10 демонстрируют незначительный контингент верующих в Карагандинской области в конце 1960-х гг. Совершенно очевидно, что эти цифры не отражают реальной ситуации в обществе, даже исходя из текущих справок и отчетов этих же уполномоченных. Однако реальное отражение ситуации не ставилось задачей в подобных документах, они должны были демонстрировать результативность антирелигиозной пропаганды в советском обществе. И антирелигиозная пропаганда имела различные формы и осуществлялась различными методами, через различные социальные каналы: средства массовой информации, кино и телевидение, школу, техникумы и вузы, специально созданные институты, учреждения и организации и, конечно же, партийные и государственные структуры. В целом, законодательная база и вся религиозная политика Советского государства была основана на антирелигиозной идеологии. Проводилась целенаправленная работа органов власти по ликвидации деятельности религиозных организаций. Уполномоченные органы активно использовали средства массовой информации для проведения атеистической пропаганды, дестабилизировали ситуацию в общине через провокаторов, создавали в среде руководителей общин обстановку взаимного недоверия и т.д.

Атеистическая пропаганда помогала властям в борьбе против религии. Активно в этом направлении работало всесоюзное общество «Знание» по распространению политических и научных знаний, отделения которого находились по всей стране. Общество организовывало лекции, беседы и другие виды работы, доказывающие отсутствие Бога и других сверхъестественных сил. При Управлении культуры областных, городских и исполнительных районных комитетов также были организованы лекционные бюро. К чтению лекций были привлечены ученые, преподаватели, общественные и партийные деятели. В справке о состоянии библиотек областного музея Караганды приводится тематика лекций антирелигиозного характера, прочитанные лектором общества «Знание» Л.Ф. Семеновым в 1950-е гг.: «Брак, семья и религия», «Было ли начало и будет ли конец мира», «О преодолении религиозных предрассудков», «Происхождение жизни на земле», «Происхождение человека» и др. [34, л.47-48].

Наиболее важным направлением деятельности Совета по делам религий при Совете Министров СССР было осуществление контроля за соблюдением советского законодательства о культах и координация соответствующей работы уполномоченных. Например, в 1960-е гг. нарушением советского законодательства считалось: участие священнослужителей в хозяйственной деятельности исполнительных органов, проведение богослужений в запрещенных местах, например, служба у святых ключей. Священникам запрещалось отпевать покойника в домах верующих, участвовать в похоронных процессиях, прослушивать религиозные аудиозаписи у себя дома вместе с верующими. Властям необходимо было контролировать деятельность священнослужителей, и тотальный контроль за их деятельностью находил отражение в документах. Например, в Справке о деятельности религиозных объединений и групп в Карагандинской области от 10 января 1961 г. отмечено: «Духовенством зарегистрированных религиозных объединений в разное время допускались нарушения советского законодательства о культах. Систематически нарушался ограниченный район деятельности. Под предлогом посещения своих родственников служители культов и члены церковных советов зарегистрированных религиозных объединений выезжали в другие города и районы области, где одновременно с отправлением религиозных обрядов делают большие сборы (деньгами, скотом и другими материальными ценностями), большую часть которых присваивают, укрывая свои личные доходы. Создали кассы взаимопомощи и оказывали материальную помощь, занимались отправлением таких религиозных обрядов, как обрезание мальчиков, исцеление больных, за что получали определенную мзду. За такие нарушения были сняты с регистрации бывший пресвитер общины баптистов Колесников, имамы мечети Галеев, Нурмагамбетов, священник православных церквей Хилитинский, Богдан, а также многие члены церковных советов» [9, л.2].

С усилением антирелигиозной борьбы в хрущевскую декаду последовал госзаказ на создание целой серии антирелигиозных медиатекстов – в прессе, в кино, на радио и телевидении. Указание партии «развернуть наступление на религиозные пережитки» было использовано в первую очередь как «инструмент подавления инакомыслия почувствовавших дуновение «оттепели» масс». Почти полтора десятка антирелигиозных фильмов были сняты и показаны всего за 5 лет, в период 1959-1963 гг. И это свидетельство усиления «воинствующего атеизма» в хрущевскую декаду. Сравним: примерно столько же фильмов с антирелигиозными мотивами пришлось на 25 лет брежневской эпохи и периода перестройки. «Начиная с 1940-х гг. отношение сталинского режима к православной церкви стало куда терпимее, чем в 1920-1930-е гг., но все же антирелигиозный аспект фильмов «Заговор обреченных» и «Овод» был направлен в сторону католической церкви, которая воспринималась властями как инородный, западный инструмент влияния-давления на СССР и его граждан. В целом основной удар хрущевской волны антирелигиозных фильмов (1959-1963 гг.) был направлен не столько на католическую и греко-католическую (униатскую) церковь («Иванна» В. Ивченко), сколько на борьбу с различными религиозными сектами протестантского толка («Тучи над Борском», «Чудотворная», «Армагеддон», «Грешница», «Конец света», «Цветок на камне» и др.)». Один из классических вариантов антирелигиозных фильмов, снятых в 1962 г. киностудией Молдова-фильм – драма «Армагеддон». Краткое содержание фильма в аннотациях представлено следующим образом: «юная Наталица под влиянием матери попадает в секту иеговистов. И только преданным друзьям удастся освободить девушку от влияния секты». В этих фильмах перед зрителем не возникает вопрос о том, кто же представляет «темные силы», по сценарию понятно сразу же, что роль злых героев всегда играют священнослужители, а попавшие под их влияние советские люди – жертвы обмана; разоблачение этих злых сил и освобождение советского человека от «опиума для народа» – классический «счастливый конец» в этой антирелигиозной кинопропаганде. [35]

С уходом с политической арены Н.С. Хрущева число антирелигиозных фильмов существенно сократилось, т.к. антирелигиозная кампания, как и многие иные начинания хрущевского периода, были отнесены брежневским руководством к проявлению «волюнтаризма». Впрочем, радикально менять антирелигиозную политику советская власть не собиралась. К примеру, в приключенческом «Таинственном монахе» (1967 г.) священнослужители изображались пособниками белогвардейцев. В драме «Все остается людям» (1963 г.) режиссёра Г. Натансона, академик-орденоносец (Н. Черкасов) вступал в концептуальный спор (и, разумеется, в конечном итоге побеждал) с православным священником (А. Попов). [35]

В этот период появилось множество документальных фильмов, рассказывающие о жизни верующих людей или, как их называли, сектантов. Будто бы они отрицают всеобщий прогресс, подвержены эсхатологическим настроениям, лишают своих детей светлого будущего и сами не радуются тому, что им дает советская власть. В глазах общественности верующих людей показывали пессимистическими личностями, даже критиковали их манеру одеваться – во все серое, нерадостное. В одном из таких фильмов показали фрагмент суда над «сектантами», на котором бывшие члены религиозной организации признавались в том, что заблуждались и под влиянием своих руководителей критически относились ко всему советскому, так как их убеждали в том, что советская власть «безбожная» и «продукт дьявола». Говорили о том, что в секте им обещали светлое будущее в загробном мире, и поэтому они были оторваны от действительности. Авторы фильма «ретроградство» сектантов доказывали разными примерами, ярким из которых явилась история бывшей актрисы, которая до знакомства с сектантами была жизнерадостным человеком, приносящим радость своим зрителям. Но после того как она заболела и вместо того, чтобы обратиться к врачам, она «связалась» с сектантами и подверглась их влиянию. В результате стала надеяться на божественное исцеление. И, по мнению авторов фильма, потеряла драгоценное время для лечения у специалистов и, в конечном счете, умерла. «И таких примеров можно

привести множество», – резюмировал голос за кадром. Пропаганда срабатывала, часть советских людей верила таким историям и часто осуждала верующих за то, что они не живут полноценной жизнью, «здесь и сейчас», а верят в загробный мир, который никто не видел.

В архивных документах представлены данные об атеистической пропаганде и антирелигиозной работе в городах и рабочих поселках Карагандинской области в 1960-е гг.

В городах Карагандинской области в 1961 г. проводилась подготовка 330 атеистов, в 1962 т. в различных формах учебы прошли подготовку 1066 атеистов, в 1963-1964 уч. году в сети политпросвещения работали 26 кружков, 24 семинара научного атеизма, с общим охватом 1150 слушателей. Работали 4 городских двухгодичных школы атеистов, в них обучалось 200 человек. В двух вечерних университетах Караганды и Темиртау с их филиалами работало 5 факультетов научного атеизма, в них обучалось 175 слушателей. Всего в 1963 г. основы научного атеизма изучали 1525 человек.

Широко была поставлена лекционная научно-атеистическая пропаганда. За 1962 г. прочитано на научно-атеистические темы 2926 лекций, а за 9 месяцев 1963 г. – 2231 лекция. В основном с верующими велась разъяснительная воспитательная работа индивидуально, закреплены для индивидуальных работ 800 агитаторов-атеистов. Наряду с этим, использовались различные формы работы: проводились собрания в рабочих коллективах, где разоблачалась «враждебная деятельность» сектантов (в Темиртау, Шахтинске и других городах) [36, л.1-2].

Партийные органы неусыпно контролировали работу по усилению атеистической пропаганды, улучшению индивидуальной работы с верующими, по пресечению незаконной деятельности церковников и сектантов, считая, что именно это обеспечило отрыв части верующих и разложение некоторых групп сектантов. Такие мероприятия в некоторых случаях действительно давали определенный эффект по разложению церковно-сектантских формирований в городе. В частности, в августе-сентябре 1962 года в г. Сарани были прекращены нелегальные сборища меннонитов, а проповедники Классен и Вибе осуждены за незаконную деятельность, один из проповедников А.А. Цорн публично, на судебном процессе отрекся от секты и порвал с религией. Это было активно рекламируемым сюжетом передачи.

Широко использовались для разоблачения «антиобщественной деятельности сектантов» лица, порвавшие с религией и отошедшие от секты. В этом отношении большую помощь в разоблачении «антисоветской» деятельности руководителя секты иеговистов Котюжанского оказала бывшая сектантка М.М. Кубышкина и рабочие Пеннер и Савранчук, которых иеговисты пытались вовлечь в секту. После их выступления в печати административные органы привлекли к ответственности проповедника Котюжанского, который был осужден. [36, л3]

Многие агитаторы-атеисты путем проведения индивидуальной работы с верующими добивались отрыва верующих от сект. Так, агитатор-атеист Е.С. Афанасьева длительное время вела индивидуальную работу с баптистками Фенюшкиной и Гончаровой. Узнав, что Фенюшкина изъявила желание окончить среднюю школу, Афанасьева с помощью горкома КПК и учителями организовала у себя на дому подготовку её к сдаче экзаменов за 7 классов. И результаты такой работы активно тиражировались в газете: Фенюшкина и Гончарова порвали с религией, активно участвуют в труде и общественной жизни. [36, л.4]

Акцент делался на атеистическое воспитание учащейся молодежи и родителей школьников. В школах чаще стали организовывать вечера на антирелигиозные темы, обсуждение кинофильмов, разоблачающих сектантскую деятельность, читательские и зрительские конференции, велась индивидуальная работа с детьми и родителями, находящихся под религиозным влиянием. В дни религиозных праздников по поручению партийных органов педагогические коллективы, родительская общественность были вынуждены дежурить возле церквей и молельных домов, организовывали комсомольские и пионерские посты, которые препятствовали родителям брать с собой детей на молебен. Руководители школ совместно с родительскими комитетами и общественными

организациями предприятий и учреждений, где работали верующие родители, практиковали проведение родительских собраний, товарищеских судов, на которых обсуждалось «неправильное отношение» отдельных родителей к воспитанию детей.

Но работа такого рода не всегда давала результаты и это партийные структуры были вынуждены констатировать: «Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время в городах Караганде, Абае, Шахтинске, Темир-Тау и других наблюдается некоторая активизация антиобщественной и враждебной деятельности главарей сектантских формирований и групп, что говорит об ослаблении атеистической работы со стороны партийных комитетов. Только отсутствием целеустремленной атеистической и разложенческой работы среди верующих, неудовлетворительной постановкой индивидуальной работы с ними можно объяснить то, что предпринимаются попытки к активизации своей деятельности иеговистами-бруклинцами в городах Джезказгане, Абае, пос. Шахане и Карабасе, иеговистами-ильинцами в Ленинском районе Караганды, священниками-униатами в пос. Компанейск Железнодорожного района гор. Караганды. В этом году несколько увеличилось случаи крещений и венчаний в православной церкви в Ленинском районе Караганды, где только в одно из воскресений января сего года было произведено 20 крещений новорожденных. Некоторое оживление наблюдается и среди мусульман. Об этом свидетельствует то, что во время прохождения в январе - феврале сего года мусульманского поста «ураза» и религиозного праздника «ураза-айты» число участников намаза в мечети Октябрьского района Караганды составляло 800 человек, а в мечети Кировского района Караганды – 450 человек, из них 100 женщин. В этих мечетях в намазах участвовало около 30 человек молодежи. Обком КПК в настоящее время основной упор делает на организацию индивидуальной работы с верующими. Все партийные комитеты и первичные партийные организации имеют персональный список всех верующих и за каждым из них закрепили агитаторов-атеистов.» [36, л.6]

Антирелигиозная пропаганда и деятельность государственных, партийных, комсомольских и др. структур ставила задачей изжить из мировоззрения советских людей духовную составляющую, веру в бога. В различные периоды советской истории были этапы лояльного отношения государства к религии, религиозной жизни верующих и жесткого тотального уничтожения священнослужителей, конфессий, духовной жизни советских людей. Религиозная политика коснулась каждой советской семьи и, безусловно, сыграла значительную негативную роль в духовном развитии общества. Некоторой компенсирующей составляющей в духовности стали коммунистические ценности, которые пропагандистская машина имплантировала в советское общество. Со стороны коммунистов была сделана попытка заменить веру в «мифического» бога верой в «реальный» коммунизм. А преследование верующих, в какой-то степени, было продиктовано необходимостью избавиться от конкурента – религии, который своей тысячелетней «долгоиграющей» идеологией ставил под сомнение коммунистическую идеологию. Атеистический фанатизм часто приводил к личным трагедиям и невозможным утратам в процессе духовного развития советского общества. Но история в очередной раз доказала, что религия является частью духовной жизни человека, частью его повседневности и всякие попытки лишить его этой важной части рано или поздно потерпят неудачу.

Литература и источники

1. Маркузе Г. Одномерный человек. - М.: Refl-book, 1994. - 341 с.
2. Bennigsen A., Wimbush S.E. Mystics and Commissars. Sufism in the Soviet Union. - London: Hurst, 1985. - 195 p. Bennigsen A., Wimbush S.E. Muslims of the Soviet Empire: a Guide. - London: Hurst, 1986. - 294 p.
3. Дроботушенко Е.В. Динамика роста количества православных храмов и молитвенных домов Сибири и Приморья в середине 40-х гг. XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. - Вопросы теории и практики. - 2015. - № 3 (53). - С. 77-82

4. Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943-1948 гг. Автореф. дис. д. и. н. – М., 1999. – 24 с.
5. Одинцов М. И. Государственно-церковные отношения в России (На материалах отечественной истории XX века). Дис. в виде доклада ... доктора истор. наук. – М.: РАГС, 1996. – 50 с. / <http://rusoir.ru/president>
6. Конкретные исследования современных религиозных верований (методика, организация, результаты) / Отв. ред. А.И. Клибанов. – М.: Мысль, 1967 / <http://vipstudent.ru/index.php>
7. Иванов А.И., Лобазов П.К. Политика советского государства по вопросам религии и церкви. – М.: Знание, 1973. – 214с.
8. ГА РФ. Ф.6991. Оп.2. Д.302
9. ГАКО. Ф.1364. Оп.1. Д.52
10. ГА РФ. Ф.6991. Оп.6. Д.268
11. ГАКО. Ф.1364. Оп.1а. Д.25
12. ГАКО. Ф.1364. Оп.1. Д.32
13. АП РК. Ф.708. Оп.15. Д.296
14. Балтабаева А.М. Особенности религиозной жизни Казахстана в период Великой Отечественной войны. Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия. Право. – 2008. – № 2. – С. 67-71
15. Религиозные объединения в Казахстане: Справочник. – Астана: МЦКР КДР МКС РК, 2015. – 42 с.
16. АП РК. Ф.708. Оп.26. Д.344
17. АП РК. Ф.708. Оп.5/1. Д.617
18. ГАКО. Ф.1364. Оп.1а. Д.30
19. Султангалиева А.К. Ислам в Казахстане: история. Этничность и общество. – Алматы: КИСИ, 1998. – 188 с.
20. Мухтарова Г.Д. Ислам в советском Казахстане (1917-1991 годы): Дис... д-ра ист. наук. – Уральск, 2007. – 310 с.
21. Ауанасова Б.М. История эволюции религиозных отношений в Казахстане (на примере ислама 1941-1991 гг.). Дис. к.и.н. – Уральск, 2007. – 135 с.
22. Ислам и советское государство (1944-1990). Сборник документов. Выпуск 3 /Сост. Д.Ю. Арапов. – М.: Издательский дом Марджани, 2011. –528 с.
23. Бенигсен А. Мусульмане в СССР. – Казань: Иман, 1999. – 84 с. / <http://kitap.net.ru/benigsen>
24. Интервью с Б.К. Адамбек, записано Б.А. Досовой в Караганде в 2016 г.
25. Повседневность городов Центрального Казахстана в 1946-1960 гг. Сборник документов и материалов / Сост. З.Г. Сактаганова, К.К. Абдрахманова, Б.А. Досова и др.; отв. ред. З.Г. Сактаганова. Караганда: Издательство КарГУ, 2016. - 277 с.
26. Интервью с А.С. Уйсембековой, записано Б.А. Досовой в Караганде в 2016 г.
27. ГАКО. Ф.1364, Оп.1а, Д.32
28. ГАРФ. Ф.6991. Оп.6. Д.28.
29. Интервью с Л. Макроусовой, записано Б.А. Досовой в Темиртау в 2016 г.
30. Преподобный Севастиан старец Карагандинский / <http://www.eparhia.kz/node/23>
31. Католическая церковь в Казахстане // Религии в Казахстане. – Астана, 2011/Ответственный редактор: Абуов А.П. / <http://sdamzavas.net/1-6864.html>
32. Иванов В.А., Трофимов Я.Ф. Религии в Казахстане: Справочник. – Алматы: Аркаим, 2003. – 238 с.
33. Христианство в Казахстане. К истории христианства в Казахстане / <http://www.edinstvo.kz/content>
34. ГАКО. Ф.572. Оп.1. Д.11
35. <http://www.kino-teatr.ru/kino/art/kino/3011>
36. АП РК. Ф.708. Оп.36. Д.1500

ГЛАВА 6. ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ПРЕСТУПНОСТЬ ГОРОЖАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА В 1950-1960-Е ГОДЫ

6.1. ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ПРЕСТУПНОСТЬ

Отклоняющее от общепринятой нормы поведение всегда влечет за собой разрушительные для общества последствия. Поведение, как система взаимосвязанных действий, осуществляемых субъектом с целью реализации определенной функции и требующих его взаимодействия со средой, должно соответствовать определенным нормам и критериям общества. Любое несоответствие данным нормам считается девиантным, отклоняющимся поведением. Следует отметить, что существуют девиации позитивного и негативного характера. Первый тип девиации направлен на преодоление устаревших норм, стандартов, связан с социальным творчеством, способствует качественному изменению социальной системы (политическая активность, предприимчивость, научное или художественное творчество и др.). Негативные девиации дезорганизуют и ведут к разрушению социальной системы (насильственная и корыстная преступность, алкоголизм, наркотизм и т.д.). В данной главе объектом изучения станут негативные девиации в городах Центрального Казахстана в 50-60-е гг. XX в.

К формам девиантного поведения обычно относят уголовную преступность, алкоголизм, наркоманию, проституцию, азартные игры, психическое расстройство, самоубийство. Реализация и механизмы возникновения поведенческих аномалий в Советском Союзе в 1950-1960-е гг. во многом напрямую зависели от сложившейся в то время политической и социально-экономической ситуации. Особенности и специфика повседневной жизни советского человека становились одной из причин девиантного поведения. Советский человек был достаточно терпелив: взращенный и воспитанный в нем советской пропагандой «синдром жертвенности» [1, с.113] в большинстве людей выработал долготерпение. А. Зиновьев перечисляет: «Гомосос («хомо советикус» – З.С.) приучен жить в сравнительно скверных условиях, готов встречать трудности, постоянно ждет еще худшего; одобряет действия властей; стремится помешать тем, кто нарушает привычные формы поведения, всецело поддерживает руководство; обладает стандартным идеологизированным сознанием; чувством ответственности за свою страну; готов к жертвам и готов обрекать других на жертвы» [2, с.190]. Однако и у советского человека лишения и бедность вызывали неудовлетворенность. Основная масса воспринимала эту действительность как константу, неизбежность, изменить которую невозможно, но какая-то часть, необремененная моральными и нравственными барьерами (или от безысходности, что тоже имело место быть) пыталась ее менять. И зачастую это выливалось в каких-то формах девиации: ретризм – уход от реальности (алкоголизм, наркотизм, суицид и др.) или преступные действия (кражи, бандитизм, грабежи и т.п.). Например, острая нехватка продовольственных, хозяйственных товаров, неурожай 1946-1947 гг. и последующий за ним голод – явились основными причинами значительного роста девиаций в 1940-х гг. Однако нужно иметь в виду, что не только социально-экономические факторы являются причинами девиаций. Некоторые причины девиантного поведения, по мнению социологов и психологов, носят не социальный характер, а биопсихический. Например, склонность к алкоголизму, наркомании, психические расстройства, склонность к преступлениям могут либо передаваться от родителей детям, либо быть особенностями психотипа данного человека. Между различными формами девиантного поведения существуют взаимосвязи, при этом одно негативное явление усиливает другое, например, алкоголизм способствует усилению хулиганства или совершению иных правонарушений.

Интерес к работам по девиантному поведению и преступности в советскую эпоху усиливается. И вызван он, прежде всего тем, что данные темы являлись долгое время «закрытыми», исследователи, как правило, обращались к ним, как к исключению из правил. На сегодняшний день в российской историографии это достаточно популярный сюжет среди

обществоведов. Одним из авторов, чьи труды признаются, как классика, по анализу советской девиантности, нормам и аномалиям советского человека, является питерский историк и культуролог Н.Б. Лебина и ряд ее монографий. Автор считает, что повседневная жизнь, семейный уклад, система домашнего хозяйства, жилище, сферы досуга, – это все то, что оказывало непосредственное влияние на формирование облика советского «нового человека». В советской литературе писали, а партийные органы ставили задачи о быстром и «безвозвратном искоренении так называемых пережитков или родимых пятен капиталистического прошлого: пьянства, преступности, проституции, самоубийств» [3, с.321].

Исключительная редкость работ по аномалиям диктовалась несколькими причинами. Во-первых, в советское время сведения о количестве алкоголиков, наркоманов, бандитов, насильников, проституток и т. д. до недавнего времени относились к числу секретных и были практически недоступны. Во-вторых, отмечает исследователь, сказывалась и явная слабость внедрения в процесс исторического познания социальных теорий и, в частности, концепции девиантного поведения [3, с.321]. До середины 1980-х гг. существование этих явлений, считает Н. Лебина, историки объясняли в основном «остатками пережитков капитализма» в сознании людей. В условиях монополии коммунистической партии и идеи о безусловно прогрессивном развитии советского строя нереальна была даже постановка вопроса о возможности применения теории девиантности. Наличие пьянства, преступности, проституции, суицида в структуре советской повседневности историки в целом никогда не отрицали, понимая абсурдность подобного отрицания. Однако изучение их в историческом аспекте с позиций концепции аномии и ретритизма не велось. Любые отклонения от нормы рассматривались преимущественно с политических позиций. [4, с.7] Кроме того, историческая наука в советском варианте в основном носила описательный характер, ее обобщения являлись не столько результатом анализа источников, сколько констатацией наличия в них той или иной информации. Лишь сегодня в историографии, да и в обществе приходит понимание, что отклонения представляют собой «зеркало общественных норм».

Содержание дефиниции «девиантность» отличается в зависимости от этноконфессиональных особенностей того или иного общества, его исторических традиций, культуры, особенностей ментальности и т.д. Но при всей относительности социальных норм, по которым оцениваются отклонения, существуют формы поведения, всегда негативно характеризующиеся с позиций общечеловеческих ценностей – это пьянство, преступность, проституция, суицид. Для СССР такие поведенческие формы также принимались как аномалии, девиации. В большинстве случаев причиной высокого уровня преступности в советское время являлась материальная и жилищная необеспеченность отдельных слоев населения. Следует, на наш взгляд отметить единство и взаимосвязь бытовых потребностей и общественной морали. Свою роль играли и другие факторы. Так, сталинский тоталитарный режим, подавлявший все общество, в какой-то мере подавлял и преступность; «хрущевская оттепель», принеся послабление режима, дала послабление и девиантности, что объясняет бурный всплеск преступности в середине 1950-х гг. в СССР в целом, и в частности в городах Центрального Казахстана.

Согласно Положению о государственной статистике, в ЦСУ РСФСР, а затем в 1923 г. в ЦСУ СССР были созданы отделы моральной статистики. Сведения о преступности, судимости и иных негативных явлениях сосредотачивались в названных отделах, систематически публиковались в открытой печати и анализировались учеными и практиками. Так было до начала 1930-х гг., когда статистические сведения о преступности и других негативных явлениях стали засекречиваться, а отделы моральной статистики ликвидировали. Теоретической предпосылкой таких решений послужила идея «о закономерном отмирании преступности в процессе социалистического строительства», которой был придан политический смысл. А поскольку фактически положение дел в ситуации с преступностью не совсем соответствовало этой идеологеме, сведения о преступности, судимости, административных и иных правонарушениях стало тайной.

Информацию о них собирали, но она не выходила за пределы соответствующих ведомств. Не велись или же были уничтожены статистические отчеты об определенных видах проявлений девиантности, например, как наркотизм.

Итак, показатели девиантности в советском обществе послевоенного периода не имели широкой огласки в условиях тоталитарной системы СССР. Девиантным поведением в СССР считался «любой аморальный, несоответствующий социалистическому правовому государству поступок, повлекший за собой тяжкие последствия». При всей относительности социальных норм, по которым оцениваются отклонения, существуют формы поведения, всегда негативно характеризующиеся, как уже отмечалось выше, с позиций общечеловеческих ценностей.

На территории Центрального Казахстана в 1950-1960-е гг. так же, как и в СССР в целом, проявлялись такие же основные формы девиантности, причем, внеправовые формы девиаций, такие как пьянство, наркомания в основном явились основными причинами совершений уголовно наказуемых форм девиаций – преступлений. И также, как и во всем СССР, в Центральном Казахстане статистические данные по некоторым видам девиантности скрывались, сведения о проституции, наркомании, суицидах замалчивались. Об этих видах девиантного поведения не писали и не говорили, в частности, даже упоминания о проституции в 1950-1960-х гг. в Казахстане мы не нашли ни в российских, ни в казахстанских, ни в областных архивах. Сложно утверждать, что этого явления не было, однако отсутствие материалов не позволяет проследить эту форму девиации в городах Центрального Казахстана в исследуемый период.

В 50-60-е гг. XX в. правонарушений в городах, особенно в Караганде было огромное количество. Неслучайно в данный период Караганда считалась одним из самых криминогенных городов Казахской ССР. Анализируя уровень преступности в городах Центрального Казахстана, нужно учитывать факторы, повлиявшие на общественно-политическую обстановку в СССР в то время. После смерти Сталина произошел на определенное время отход от крайних проявлений тоталитарного режима. И как следствие этого «потепления» был Указ «Об амнистии» от 27 марта 1953 г., по которому были амнистированы заключенные не только по политическим статьям, но и по уголовным, что, разумеется, привело к увеличению преступности. Данный Указ оказал значительное влияние на динамику преступности в советском обществе, в условиях достаточно тяжелых по уровню жизни, комплексу социально-экономических, в том числе, жилищных и бытовых проблем, не все вышедшие на свободу имели возможность нормально обустроиться. Определенная часть амнистированных, вновь вернулась к прежним «уголовным» занятиям.

По данным статистических отчетов, следователями органов прокуратуры Карагандинской области было прекращено на основании Указа «Об амнистии» от 27 марта 1953 г. – 327 дел, из них: в 1-м квартале 1953 г. – 180 дел, во 2-м квартале 1953 г. – 140 дел и за июль-август 1953 г. – 7 дел. [5, л.112]

Также ряд исследователей указывают, что среди условий, способствующих совершению различных преступлений, особую роль сыграли недостатки в работе государственных органов и общественных организаций, выражающиеся в непринятии должных мер к трудоустройству и обеспечению жильем лиц, освобожденных из исправительно-трудовых учреждений в связи с отбытием наказания, по амнистии или в порядке условно-досрочного освобождения, а также в отсутствии контроля, за поведением условно осужденных и условно-досрочно освобожденных. [6, с.49]

Российские авторы более подробно акцентировали внимание на факторах, прямо или опосредованно создававших предпосылки для воспроизводства разнообразных преступлений в стране в исследуемый хронологический период [7, с.766]. Рассмотрим некоторые из них:

1) Отказ от индустриально-мобилизационной модели развития советской экономической системы объективно способствовал постепенному улучшению ситуации с производством и обеспечением советских граждан товарами массового потребления. Однако их ассортимент и качество оставались на довольно низком уровне. Дефицитность экономики

на фоне так называемой «потребительской революции» так и не была преодолена, что являлось подпиткой спекуляции.

2) Стремительная урбанизация и масштабная миграция населения серьезно осложнили социальный микроклимат советских городов. Отказ от методов жесткого социального контроля с середины 1950-х, характерных для системы государственного управления СССР в сталинский период, привел к всплеску общественной активности, росту различных форм асоциального поведения – пьянства и алкоголизма, преступности.

3) Нарастание проблем в социально-трудовой сфере нашло свое выражение в диспропорциях в оплате труда различных профессионально-квалификационных групп, что способствовало неудовлетворенности собственным социальным статусом отдельных наиболее предприимчивых граждан, хищениям государственной и общественной собственности некоторыми работниками предприятий.

4) На протяжении всего периода политической «оттепели» происходила дальнейшая бюрократизация системы управления. Постоянные реорганизации аппаратов управления на всех этажах властной вертикали и горизонтали создавали неуверенность среди значительной части советского чиновничества. Ослабление контроля над региональными партийно-государственными элитами создавало условия для широкого распространения местничества, коррупции и других всевозможных корыстных злоупотреблений.

5) Одной из причин широкого распространения различных корыстных правонарушений в торговых, снабженческих и заготовительных организациях: хищений государственной и общественной собственности, растрат, срастания с частнопредпринимательскими и спекулятивными элементами и т.п. являлась неудовлетворительная работа по подбору и контролю над кадровым составом. [7, с.766]

6) Критика культа личности И.В. Сталина способствовала кризису посттоталитарного сознания, который нашел свое выражение в идейной опустошенности, эрозии коммунистических идеалов, возникновении феномена массового хулиганства. [8, с. 52-53]

7) Нельзя исключать и следующие факторы: низкий уровень образования, недостаточность общего развития интеллекта и культуры у некоторых людей, их духовный «вакуум» приводил к значительному сужению и упрощению интересов, к огрублению нравов, развитию индивидуалистических тенденций и эгоистических инстинктов. У подобных людей было хуже развито чувство коллективизма, слабее критика собственного поведения; они обычно не считались с тем, что их потребности и желания могли противоречить интересам других лиц, элементарным условиям общественного существования человека. В результате такие люди относительно легко совершали различные посягательства против личности: телесные повреждения, изнасилования, убийства, хулиганство, кражи, разбой и т.п. [9, с.147]

Все вышеперечисленные факторы в совокупности влияли и на ситуацию в городах Казахстана. Рассмотрим состояние преступности в Центральном Казахстане. Уровень преступности, как свидетельствует документы, рос из года в год. Так, в 1952 г. было направлено в суд 634 дела, что было больше чем в 1951 г. на 148 дел [10, л.25]. Анализируя динамику преступности в Карагандинской области в первой половине 50-х годов XX в., мы видим то, что преступность имела тенденцию к увеличению, в особенности по таким опасным видам преступлениям как: хулиганство, убийства, изнасилования (таблица 1).

Таблица 1 – Количество дел по данным прокуратуры области [10, л.35]

Виды преступлений	1951 г.	1952 г.	Рост в %
Бандитизм	2	2	0
Умышленные убийства	35	40	14
Кражи личного имущества и разбой	385	428	11
Хулиганство	505	660	30,6
Изнасилование	27	33	22

Как видно из этих данных, количество дел об умышленных убийствах, кражах и хулиганстве увеличивалось – от 11 до 30% по разным видам. Имел место значительный рост дел о хулиганстве (на 30,6%), которое было чрезвычайно развито среди молодых рабочих, работающих в Карагандинском угольном бассейне, Балхашском медеплавильном заводе, Акчатауском, Коунрадском и Джезказганском рудоуправлениях.

В своей аналитической справке заместитель начальника следственного управления прокуратуры СССР отмечает, что «в Карагандинской области проживало большое количество лиц, ранее судимых, отбывавших срок наказания, спецпереселенцев, ссыльных в т.п. Однако прокуратурой области данные о составе лиц, привлеченных к уголовной ответственности за убийства, разбойные нападения, кражи и изнасилования, не анализировались. Наличие большого количества амнистированных дало некоторое увеличение преступности: из более чем 5000 освобожденных по амнистии привлечено к уголовной ответственности 140 человек (по данным облуправления милиции), что составляет 10% к общему числу лиц, привлеченных к уголовной ответственности на 5 месяцев 1953 г.» [10, л.36]. То есть, каждый 10-й преступник, привлеченный к уголовной ответственности по области, был из категории амнистированных. Какова же причина рецидива в действиях этих людей. Ответ дается в этой же справке. «Произведенной проверкой установлено, что органы местной власти недостаточно работали по исполнению постановления Совета Министров СССР от 28 марта 1953 г. «О мероприятиях по освобождению заключенных в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии». Облесполком в своей работе по этому вопросу ограничивался лишь сбором цифровых данных и никаких проверок работы райсоветов не проводил. По данным облесполкома, по состоянию на 10 сентября 1953 г. остался нетрудоустроенным 241 человек, по данным же облуправления милиции, число нетрудоустроенных амнистированных значительно выше и достигает 500 человек» [10, л.37]. Достаточно закономерно, что, не имея работы, не имея возможности устроиться на работу, часть из амнистированных людей вновь возвращались на преступную дорогу.

«В г. Караганде отмечалось значительное число фактов нанесения телесных повреждений, зарегистрированных в больницах (например, за 8 месяцев 1953 г. зарегистрировано 153 случая поступления граждан с огнестрельными и ножевыми ранениями), однако уголовные дела были возбуждены лишь в 51 случае (33%), а об остальных фактах ни прокуратуре, ни милиции известно не было и никаких мер по ним не принималось. Заведующему облздравотделом было направлено письмо с просьбой обязать руководство больниц, сообщать о каждом случае поступления в больницу лиц с огнестрельными и ножевыми ранениями соответствующему райпрокурору» [10, л.36]. Таким образом, преступлений этого вида значительно больше, считали работники прокуратуры, чем их зарегистрировано в органах милиции.

Автор данной справки считает: «Работа по раскрытию преступлений органами милиции должным образом не проводилась. Особенно неблагоприятно обстоит дело с раскрываемостью краж личной собственности граждан. Милицией зарегистрировано за 9 месяцев 1953 г. 476 краж личного имущества граждан, из которых раскрыто только 346. При изучении прекращенных дел о кражах установлено, что эти дела, как правило, состоят из заявления граждан и протокола осмотра места происшествия, после чего выносилось постановление о прекращении дела. За 9 месяцев 1953 г. из 37 убийств остались нераскрытыми 5, из 83 разбойных нападений – 15» [10, л.38]. Простые подсчеты позволяют определить, что процент раскрываемости краж личной собственности граждан составил 72,7%, убийств – 86,5%, разбойных нападений – 82%.

В секретных справках о состоянии законности и преступности в Карагандинской области и работе прокуратуры возможно отследить рост преступности в середине 1950-х гг. По данным регистрации УМВД Карагандинской области в 1956 г. состояние борьбы с особо опасными преступлениями характеризовалось показателями, представленными в таблице 2.

Таблица 2 – Количество дел в Карагандинской области в 1956 г. по данным регистрации УМВД области в 1956 г. [11, л.25]

Виды преступлений	Зарегистрировано	Раскрыто	Из них									
			Караганда		Сарань		Балхаш		Джезказган		Темиртау	
			зарег.	раскрыто	зарег.	раскрыто	зарег.	раскрыто	зарег.	раскрыто	зарег.	раскрыто
Бандитизм	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Убийства	61	57	25	22	3	3	7	7	8	8	-	-
Разбой	175	155	79	70	16	13	17	16	33	31	13	11
Изнасилования	40	39	21	20	3	3	-	-	7	7	-	-
Тяжкие телес. поврежд.	293	250	140	111	15	15	24	24	24	20	15	11
Хулиганство	882	879	251	249	83	83	117	117	127	127	85	84
Кражи гос. имущ.	296	196	94	63	41	29	25	22	36	23	13	10
Кража лич. собств.	641	557	257	229	89	86	58	50	147	122	60	58
Всего	2388	2065	867	764	250	232	248	236	382	338	186	168

По данным регистрации УМВД Карагандинской области в 1956 г. состояние преступности характеризовалось следующими данными: убийства – зарегистрированы 61, раскрыты 57 (93%); разбой – соответственно 175 и 155 (88,5%); изнасилования – 40 зарегистрировано и 39 (97,5%) раскрыто; тяжкие телесные повреждения – 293 и 250 (85%); хулиганство – 882 и 879 (99,6%); кражи государственного и общественного имущества – 296 и 196 (66%); кража личной собственности граждан – 641 и 557 (87%) соответственно. Всего по всем видам тяжких преступлений: зарегистрированы 2388 и раскрыты 2065 (86%) преступлений. [11] Из приведенных данных понятно, что самыми распространенными формами преступлений были хулиганство, кражи личной собственности граждан и тяжкие телесные повреждения. Анализ данной таблицы демонстрирует, что процент раскрываемости преступлений ни по одному из видов не составляет 100%, но хуже всего обстояло дело с раскрываемостью краж: по кражам государственного имущества раскрыты лишь 66% преступлений, раскрываемость по кражам личной собственности граждан – 87%. Причем процент раскрываемости был достаточно высоким по хулиганству (99,6%) и изнасилованиям (97%). Самыми криминогенными, судя по таблице, являлись города Караганда, Джезказган и Балхаш.

Таблица 3 – Количество дел в Карагандинской области в 1956 г. по данным статотчетов облпрокуратуры [11, л.25]

Виды преступлений	Окончено дел всего	Из них направлено в суд	В %	Прекращено в стадии следствия	В %
Умышленные убийства	83	66	79,5	17	20,5
Умышленные тяжкие телесные повреждения	135	121	89,6	14	10,4
Изнасилование	84	55	65,5	29	34,5
Хулиганство	956	917	96	39	4
Разбой	125	112	89,6	13	10,4
Кражи личного имущества граждан	559	504	90	5	10

В данной справке при изучении таблиц 2, 3 и 4 сделан вывод, что «в сведениях о регистрации преступлений занижено количество случаев убийств, изнасилований и хулиганства и завышена раскрываемость этих преступлений. В то же время данные о раскрытых разбоях и кражах личного имущества граждан имеют значительные расхождения против количества дел, направленных в суд (таблица 4).

Таблица 4 – Количество дел в Карагандинской области по данным учета в МВД и направленных в суд [11, л.26]

Виды преступлений	Раскрыто по данным учета МВД	Направлено дел в суд по данным облпрокуратуры	%
Разбои	155	115	74
Тяжкие телесные повреждения	250	121	48
Кражи личного имущества граждан	557	504	90,5

Причины таких расхождений в учете в отчетах не указывались и объяснения ограничились следующей констатацией: «причины расхождений следственный отдел не изучал и необходимыми сведениями не располагает. Бригада, проводившая проверку работы облпрокуратуры, ввиду ограниченности времени также не имела возможности проверить причины расхождений» [11, л.26]. Возможно предположить, что данные расхождения имели место неслучайно: органы милиции умышленно завышали «свои» показатели для демонстрации «эффективной работы».

Нами найдена докладная записка в Государственном архиве Российской Федерации «О работе прокуратуры Карагандинской области», подготовленная заместителю Генерального прокурора СССР генерал майору юстиции Г.Н. Новикову, по которой можно отследить уровень преступности в Карагандинской области в 1950-е гг. В 1956 г. наблюдается значительный рост отдельных особо опасных преступлений, что видно из следующих данных о количестве дел, направленных в суд (см. таблицу 5).

Таблица 5 – Количество преступлений в Карагандинской области в 1956 г. [11, л.27]

Виды преступлений	1955 г.	1956 г.	Рост в %
Умышленные убийства	35	66	89
Умышленные тяжкие телесные повреждения	94	121	29
Кражи личного имущества граждан	323	504	56
Хулиганство	628	917	46

Данные таблицы демонстрируют, что более чем на четверть выросло количество совершенных умышленных тяжких телесных повреждений, причем рост этого вида преступлений составил самый минимальный рост в 1956 г., максимальный рост составили умышленные убийства – 86%.

Убийства в 1956 г. были совершены: при разбойных нападениях – 4, на почве хулиганства – 34, на бытовой почве – 25, детоубийства – 3, прочие умышленные убийства – 18 [11, л.27]. Одной из причин неудовлетворительного состояния борьбы с особо опасными преступлениями, как отмечено в справке, являлась их недостаточная раскрываемость. Об этом свидетельствуют приведенные выше сведения о количестве прекращенных дел в стадии расследования (см. таблицу 6).

Таблица 6 – Количество преступлений в Карагандинской области в 1956 г. [11, л.27]

Виды преступлений	Направлено дел в суд	Возвращено на следствие	%	Оправдано и прекращено	%
Убийства	66	10	15	1	1,5
Разбойные нападения	112	8	7	2	1,7
Кражи личного имущества граждан	504	28	5,5	4	0,8

Как демонстрируют данные таблицы 6, количество дел, возвращённых на следствие по разным причинам в некоторых случаях было более четверти (28%). Состояние преступности и охраны общественного порядка в Карагандинской области вызывало у власти серьёзную тревогу.

Наиболее неблагоприятным являлось положение с преступностью в Ленинском и Сталинском районах г. Караганды и г. Темиртау, где в 1-м полугодии 1957 г. было совершено 608 преступлений, или 41,8% к общему числу по области. В этих населённых пунктах увеличилось количество убийств, краж из государственных объектов и личного имущества граждан. По разбойным нападениям, зафиксировано в отчетах, особенно выделялся г. Джезказган, где было совершено 34 против 32 за весь 1956 г.

В условиях такого роста преступности раскрываемость преступлений оставалась крайне неудовлетворительной. Если в целом раскрываемость с 89,5% в 1956 г., увеличилась до 91,2% в 1957 г., то по таким тяжким видам преступлений, как убийства, разбойные нападения и кражи личного имущества граждан она заметно снизилась. [12]

В некоторых городах и районах нарушения общественного порядка и особенно опасные преступления не только не уменьшались, а возрастали. Так, за 1961 г. по сравнению с 1960 г. число особо опасных преступлений увеличилось в г. Джезказгане на 25%, в г. Балхаше на 28,5%.

Проверяющий из союзной прокуратуры, анализируя работу карагандинской милиции и прокуратуры, обозначил ряд причин, по которым работа внутренних органов, по его мнению, была недостаточно эффективной [10, л.3]:

1) В большинстве случаев следователи ограничивались формальным выполнением требований ст.108 УПК РСФСР.

2) Следователи, как правило, на место происшествия не выезжали. Только с 1957 г. по г. Караганде для обеспечения выезда на место происшествия были установлены ночные дежурства следователей. Следственный чемодан следователями не применялся.

3) Наличие такого контингента несомненно обязывало органы милиции наладить четкую работу по патрулированию городов, по усилению наружной службы, борьбе с антиобщественными паразитическими элементами, однако работа эта должным образом не проводилась.

4) Прокуратурой области не анализировался состав лиц, привлеченных к уголовной ответственности за убийство, разбой, кражи и изнасилования и сделать какие-либо выводы о том, как влияет специфичность населения области на состояние преступности, не представлялось возможным.

5) Несмотря на значительное количество преступных проявлений, имевших место в Карагандинской области, и увеличение их из года в год, прокуратурой Карагандинской области не анализировалось состояние преступности в области и не выяснялись причины роста преступлений, особенно таких как убийства, изнасилования, разбойные нападения и кражи.

6) В г. Караганда имело место большое количество случаев нанесения телесных повреждений, зарегистрированных больницами, однако о ряде этих случаев не было известно ни органам милиции, ни органам прокуратуры, и никаких мер для установления виновных и привлечения их к ответственности не принималось.

7) Работа по раскрытию преступлений органами милиции должным образом не проводилась, особенно неблагоприятно обстояло дело с раскрываемостью краж личного государственного имущества.

8) Качество следствия по делам, предусмотренным приказом № 285с находилось на низком уровне, значительное количество дел прекращалось за необнаружением виновных, имели место грубые нарушения подследственности.

9) Прокуратурой области была проведена некоторая работа по обеспечению своевременного рассмотрения заявлений граждан о совершенных преступлениях, однако имели место факты длительного разрешения заявлений граждан.

10) Работа по выполнению Указа Президиума Верховного Совета СССР «О работе с антиобщественными паразитическими элементами» не велась.

11) Суды допускали случаи несвоевременного рассмотрения дел об убийствах, хулиганстве, разбойных нападениях. [10, л.9]

Данные причины были обусловлены и системными проблемами силовых структур, считали аналитики [13, л.164]:

1) Низкая раскрываемость преступлений была обусловлена, прежде всего, слабой работой аппаратов милиции. По-прежнему слабо работал уголовный розыск, среди личного состава милиции продолжали оставаться люди, «неспособные вести квалифицированную борьбу с преступностью, имелись нарушители законности и дисциплины, морально неустойчивые и недобросовестные работники».

2) Низкий профессиональный уровень работников органов. «Из общего числа 1974 работников учреждений внутренних дел (без ИТК), имевшие низшее образование составляли 913 человек, или 46,2% и незаконченное среднее – 753 чел. или 38%», то есть почти половина состава не имели не только специального образования, но и общего среднего. Даже «среди 34 начальников горрайорганов милиции только 12 человека (33%) имели среднее образование, в остальные 22 – незаконченное среднее и низшее». Управление внутренних дел не имело резерва на выдвижение, поэтому при необходимости замены работников предлагались случайные кандидатуры. Так, например, за один год в поселковом отделении милиции на металлургическом заводе в Темиртау было смещено 3 начальника, через полгода был снят за развал работы четвертый, более месяца отделение оставалось без начальника. [13, л.164]

3) Нарушения и злоупотребления, которые допускали работники МВД: за полгода работниками учреждений внутренних дел было допущено 120 различных нарушений, за которые наказано 152 чел., или 7,7% к общему числу работников. Наиболее распространенными видами нарушений являлись аморальные проступки, связанные с пьянством, халатное отношение к делу, злоупотребление служебным положением.

4) Нерешенные социальные вопросы работников милиции: не было выполнено постановление Совета Министров и ЦК КП Казахстана от 30 ноября 1956 г. в части обеспечения участковых уполномоченных служебными помещениями и квартирами на территории обслуживаемых участков. Так, в г. Караганде из 74 участковых уполномоченных служебными помещениями обеспечено только 15 человек, а квартирами – 32. Такое положение приводило к тому, что «участковые уполномоченные, не имея элементарных условий для нормальной работы, находились в отрыве от населения, трудящиеся были лишены возможности вовремя обратиться к ним порой по вопросам, требующим неотложного вмешательства. По этой же причине органам милиции о том или ином происшествии в ряде случаев становилось известно по истечении длительного времени, что исключало возможность принятия оперативных мер и затрудняло раскрытие преступлений». [13, л.164]

Еще одно обстоятельство, по мнению проверяющих, затрудняло работу органов МВД. «Неудовлетворительные показатели по раскрытию преступлений, кроме плохой работы органов милиции, в известной мере объяснялись тем обстоятельством, что наибольшее число преступлений совершалось лицами, ранее не судившимися и поэтому не находившимися под наблюдением органов милиции. Из общего числа 2291 чел., привлеченных в 1957 г. аппаратами милиции к уголовной ответственности, рабочие составили 1150 человек, или

47,5%, временно не работавшие 458 человек, или 20%. Что же касается лиц без определенных занятий и местожительства, то их участие в преступлениях было по существу незначительным и составило 160 человек, или 7%, а ранее судимых – 321 человек, или 13%. В числе привлеченных – молодежь до 25 лет составляет 1088 человек, или 47,5%». И в конечном итоге сделан вывод: «Таким образом, существующее не только у населения, но и у некоторых руководящих товарищей представление, что преступления совершаются главным образом уголовниками-рецидивистами, является ошибочным, поэтому необходимо занять население, особенно молодежь, полезным проведением досуга и совлечь неустойчивую часть с неправильного: пути, на который она становится или может стать». [13, л.164]

Городская общественность была тревогу и была озабочена криминальной обстановкой в городах. В архивах имеются письма от карагандинцев о проблемах с преступностью и криминогенной ситуацией в городе. В одном из них, анонимном письме отмечалось, что «в Караганде нет борьбы с преступностью», что там «существует преступная беззащитность личности; органы прокуратуры, суда, милиция сжились с существующим произволом; руководители, от которых зависит судьба граждан города, разъезжают в прикрепленных к ним государственных машинах, не смотрят и не видят настоящего положения дел». [14, л.18]

Отчитываясь по факту обсуждения данного письма, соответствующие службы отвечали: «Нельзя отрицать, что преступность в г. Караганде, как и ряде других промышленных городов Карагандинской области, продолжает оставаться высокой, а в 1956 г. даже имел место некоторый рост особо опасных преступлений. Однако утверждение о том, что в Караганде не ведется борьбы с преступностью не соответствует действительности. В январе месяце 1957 г. направлено в суд дел: об умышленных убийствах – 3, о разбоях – 5, о кражах личной собственности граждан – 18, об изнасиловании – 1, о злостном хулиганстве – 36, о кражах и растратах государственного и общественного имущества – 7. По этим делам привлечено к уголовной ответственности 118 чел.» [14, л.18].

Однако при этом же отмечалось: «Одним из серьезных недостатков в работе милиции и прокуратуры районов г. Караганды, как и других районов Карагандинской области, являлось то, что значительная часть преступлений не раскрывается. По данным регистрации УВД в 1956 г. не было раскрыто разбойных нападений 7, тяжких телесных повреждений – 29, краж личной собственности граждан – 28. Кроме того, в 1956 г. в г. Караганде было совершено 94 кражи из магазинов, складов, касс государственных предприятий, в том числе 33 крупных кражи (с ущербом свыше 10 тыс. руб.). Остались не раскрытыми до сего времени 31 кража, в том числе 16 крупных краж. Проверкой установлено, что милиция принимает необходимые меры к обнаружению преступников. В январе месяце в г. Караганде арестована группа грабителей, совершивших в 1955-1956 гг. 8 крупных краж из государственных объектов. Дело находится в Следственном отделе областного управления милиции». [14, л.18]

В анонимном письме также отмечалось, что «воры и убийцы в местах заключения являются хозяевами положения среди всей массы заключенных». В ответе на этот тезис в документах органов шло следующее объяснение: «В местах заключения, в частности, в Карагандинском лагере, имеется ряд серьезных нарушений законности, режима и условия содержания заключенных. В 1956 г. даже отмечались случаи беспорядков и групповых побегов. С уголовными проявлениями в местах заключения ведется соответствующая работа. В 1956 г. направлено в суд 155 дел, по которым привлечено к уголовной ответственности 225 чел., в том числе: заключенных – 1, административно-технических работников – 32 чел. Предано суду: за к.-р. преступления 6 чел., за побегии заключенных – 86 чел., за хищения социалистической собственности – 37 чел. (в том числе: заключенных – 27 и административно-технических работников – 10), за кражу личного имущества – 9, за разбой – 4, за бандитизм – 17, за убийства – 3, за умышленные тяжкие телесные повреждения – 11, за хулиганство – 11, за должностные преступления – 2. В январе месяце с.г. было расследовано и направлено в суд дела о преступлениях, совершенных в местах лишения свободы Карагандинской области» [14, л.18].

Анализ отдельных видов преступности позволяет говорить, что одним из самых распространённых уголовных преступлений в городах Центрального Казахстана было хулиганство. Областная прокуратура сделала некоторый анализ состояния борьбы с хулиганством в области, в частности, в нем отмечалось, что изучение дел о хулиганстве показало, что главной причиной его роста является «отсутствие должной политико-массовой и культурно-воспитательной работы среди молодых рабочих, работающих на шахтах Карагандинского угольного бассейна, Балхашском медеплавильном заводе, Акчетауском, Коунрадском и Джекказганском рудоуправлениях (гор. Караганда, Балхаш, Джекказган, Тельманский район)». Росту хулиганства, как обозначено, частично способствовало и «ослабление борьбы с хулиганством со стороны следственных и судебных органов». В основном хулиганские действия допускали лица в возрасте от 18 до 25 лет, одновременно наблюдалось и увеличение числа лиц, преданных суду за хулиганство, в возрасте до 18 лет. В течение 1950-1953 гг. было осуждено за хулиганство лиц в возрасте до 25 лет – 60% к общему числу осужденных, среди осужденных за хулиганство – 85,2% рабочих. Хулиганские действия, как правило, допускались лицами в нетрезвом состоянии, в выходные дни и после получения зарплаты. [10]

«Изучение показателей по хулиганским проявлениям показало, что если в целом по области число дерзких хулиганств, наказуемых в уголовном порядке, несколько снизилось (468 случаев в 1-м полугодии 1957 г. против 504 во 2-м полугодии 1956 г.), то в городе Караганде оно не уменьшилось, а возросло. И это при том положении, что активно применяется указ Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 27 декабря 1956 г. «Об ответственности за мелкое хулиганство», на основании которого за 7 месяцев по области наказано 5194 чел., в том числе по гг. Караганда – 1867, Джекказган – 875, Балхаш – 779, Сарань – 601, Темиртау – 400. Среди лиц, привлеченных по данному указу: рабочих – 4258, служащих – 282, учащихся – 248, лиц без определенных занятий – 412. Молодежь до 25 лет составляла 2796 человек, или 54% [13, л.40-41]. Таким образом, если представить типичный образ «карагандинского хулигана», то это, как правило, молодой рабочий до 25 лет с незаконченным средним образованием, работавший на шахте или на заводе, который хулиганит по выходным дням, чаще всего после получения зарплаты и в нетрезвом состоянии.

Одним из массовых видов преступности были хищения. Судебная статистика свидетельствует, что по числу осужденных в СССР хищения государственного и общественного имущества лидировали среди прочих правонарушений, по массовости уступая лишь хулиганству. Поэтому государством особое значение придавалось борьбе с хищениями и присвоением социалистической собственности, то есть, экономическими преступлениями, удельный вес которых во второй половине 1950-начале 1960-х гг. имел тенденцию к росту. В 1960 г. доля хищений и краж имущества составила соответственно 26,3% и 18,2% от всех зарегистрированных в СССР преступлений [15].

Нарушали закон не только люди материально необеспеченные, зачастую преступления совершались представителями элитарных слоев населения (в основном руководящими государственными или хозяйственными, торговыми работниками). Причина кроется в забюрократизированной системе советского чиновничьего аппарата, что порождало миф о вседозволенности и безнаказанности [15, с.13]. Но такие факты не афишировались советской пропагандой. Количество должностных хищений в 1964 г. в сравнении с 1956 г. увеличилось на 62%. При этом самыми «рекордными» по количеству выявленных фактов должностных хищений оказались 1961, 1962 и 1963 гг. [15]. Именно в этот период была развернута мощная государственная кампания борьбы с должностными преступлениями: взяточничеством, растратами, хищениями.

Жесткая линия советского государства в борьбе с экономическими преступлениями нашла свое отражение и в расширении числа статей уголовного законодательства, в которых предусматривалось применение смертной казни. Безусловно, что столь решительные действия государства против хозяйственно-корыстных преступлений способствовали снижению количества зарегистрированных крупных преступлений в сфере экономики.

По сведениям ряда исследователей, во времена хрущевского наступления на взяточников и расхитителей, около одной трети всех смертных приговоров выносились судебными органами в СССР за взяточничество в особо крупных размерах или за нелегальную предпринимательскую деятельность [15].

Наряду с крупными хищениями обычным, повседневным явлением были мелкие хищения государственной собственности, абсолютное большинство которых происходило в рабочее время, на глазах у сослуживцев. Лишь каждый десятый из уличенных в этом правонарушении задерживался администрацией. Призывы усилить борьбу с хищениями, превратить ее во всенародное дело, улучшить работу постов народного контроля не могли решить проблему «несунов» [16, с.13]. Наибольший ущерб от хищений социалистической собственности в республике в начале 1950-х гг. отмечался в областях: Карагандинской (где 1392 преступниками было расхищено 1679 тыс. руб.) и Целиноградской (где 916 преступниками было расхищено 1303 тыс. руб.) [17].

В Карагандинской области хищения были распространены в отделах рабочего снабжения предприятий угольной промышленности, потребительской кооперации и в системе областного торга. По указанным организациям только в 1954 г. было выявлено хищений и недостач на общую сумму 4093 руб. В сравнении с 1953 г. имело место увеличение хищений и недостач на 1092 тыс. руб. Рост растрат и недостач произошел за счет крупных хищений; мелкие недостачи в 1953 и 1954 гг. были на одном уровне (около 400-700 тыс. руб.). Также обстоит дело с мелкими недостачами и в 1955 г.

В 1954 г. увеличились хищения и недостачи в системе ОРСа комбината «Карагандауголь» 507 тыс. руб., в потребкооперации на 1347 тыс. руб. по Облторгу в 1954 г. было снижение хищений (на 762 тыс. руб.). По данным за 9 месяцев 1955 г. в система ОРСа комбината «Карагандауголь» было установлено растрат и хищений на 1011 тыс. руб., в 1954 г. за этот период – 856 тыс. руб.; по потребкооперации – 1262 тыс. руб., по Облторгу 288. [18, л.2-3]

Прокуратура области, по мнению авторов справки, не производила анализ своей работы по борьбе с растратами и хищениями в определенных хозяйственных системах. В результате изучения проделанной работы органами прокуратуры области по борьбе с хищениями в отдельных хозяйственных системах установлено, что борьба проводилась слабо, среди работников торгующих организаций не была создана атмосфера неотвратимости наказания и многие расхитители оставались совершенно безнаказанными. Работа, проделанная органами прокуратуры Карагандинской области, не дала должного эффекта. Положение с растратами и хищениями в области оставалось напряженным [18, л.3].

Но к середине 50-х гг. XX в. ситуация с хищениями несколько стабилизировалась и динамика пошла на убыль. Число оконченных дел и переданных суду по хищениям, спекуляциям, обману покупателей в 1955 г. по сравнению с 1954 г. несколько уменьшилось (см. таблицу 7).

Таблица 7 – Количество преступлений в Карагандинской области в 1954-1955 гг. [18, л.3]

	Окончено дел		Передано суду	
	1954 г.	1955 г.	1954 г.	1955 г.
Хищения	438	360	626	392
Спекуляции	84	77	109	94
Обман покупателей	24	8	27	9

Рассмотрим динамику этого вида преступлений в 1960-е гг. Данные о состоянии преступности показывают, что в республике 24,8% всех совершенных в 1962 г. преступлений составляли хищения социалистической собственности, число которых по сравнению с 1961 г. увеличилось с 10572 до 11088 или на 4,9 %. В связи с этим возросло и число лиц,

переданных суду за хищения, с 10436 до 11906 чел. или на 13%. Сумма причиненного ущерба по делам о хищениях, направленных в суды, в 1962 г. по сравнению с 1961 г. возросла с 10194 тыс. руб. до 15660 тыс. руб. или на 53,6%, в том числе: в государственной торговле – с 1879 тыс. руб. до 3160 тыс. руб. или на 68,2 %, в строительных организациях – с 473 тыс. руб. до 1888 тыс. руб. – на 250% или почти в 3 раза, в совхозах – с 823 тыс. руб. до 2198 тыс. руб. или на 167%, в колхозах – 454 тыс. руб. до 918 тыс. руб. или на 102%, в госпромпредприятиях – с 870 тыс. руб. до 2298 тыс. руб., что составило 378% или более чем в 3,7 раз. По системе потребкооперации сумма ущерба снизилась с 3936 тыс. руб. до 3836 тыс. руб. или на 2,5%. Таким образом, более 50% причиненного ущерба от хищений приходилось на долю потребкооперации, госторговли и совхозов. [19, л.3-4]

В отчетах фиксируется, что в 1960-е гг. более оперативно стали работать отделы борьбы с хищениями и спекуляцией. В 1962 г. ОБХСС разоблачено 119 организованных действовавших групп расхитителей и спекулянтов. За хищения и растраты в объектах госторговли возбуждено 252 дела на 307 человек, потребкооперации 65 дел на 84 человека и по линии сельского хозяйства 77 дел на 102 человека. Материальный ущерб государству по выявленным растратам и хищениям составил 855 тыс. рублей, из них изъято в порядке возмещения более 200 тыс. рублей. По линии борьбы с хищениями предупреждено 57 случаев хищений на сумму 45850 рублей. [19, л.3-4]

Одной из составляющих экономических преступлений было распространение спекуляции. Государственная распределительная система в виде советской торговли была не в состоянии обеспечить трудящихся предметами потребления. Поэтому советский человек, не обнаруживавший нужные ему вещи на прилавках магазинов обращался к услугам спекулянтов, у которых он мог приобрести все ему необходимое. Спекулянты торговали вещами на колхозных рынках городов; около и внутри магазинов во время продажи их работниками дефицитных товаров; на улицах, во дворах и подъездах отдельных домов. Государство усиленно боролось со спекуляцией, вплоть до применения жестких уголовных карательных мер, особенно за торговлю валютой и импортными товарами. Рядовые граждане, осуждавшие спекулянтов, все же были вынуждены прибегать к их услугам ввиду неспособности государства обеспечить население товарами и услугами.

В 1962 г. работниками ОБХСС проведено 56 рейдов с привлечением общественности по выявлению «тунеядцев и паразитических элементов», в результате которых привлечено к ответственности 219 мелких спекулянтов, 1402 человека, занимавшихся нелегальным кустарничеством и 220 пивоваров. Изъято и сдано в доход государства предметов спекуляции и кустарных изделий на сумму около 20 тыс. рублей [19, л.4].

В архивных материалах нами не обнаружены данные о преступлениях за торговлю валютой, в провинциальных городах (в отличие от столиц) «валютные операции» были редкостью, но торговля импортными и дефицитными товарами вне прилавков советской торговли была распространена достаточно широко. Рядовые граждане, осуждавшие спекулянтов, все же были вынуждены прибегать к их услугам ввиду неспособности государства обеспечить население товарами и услугами.

В конце 1950-начале 1960-х гг. правоохранительные органы страны все чаще стали выявлять факты нелегальных предпринимательских структур, действовавших на базе официальных государственных организаций и предприятий. Значительное количество нелегальных производственных структур было выявлено в Краснодарском крае, ряде областей Украины и Белоруссии, республиках Закавказья и Средней Азии, особенно в Грузии и Узбекистане, где они пользовались поддержкой отдельных местных партийно-государственных руководителей. В Центральном Казахстане также будут раскрыты громкие дела «цеховиков», но на десятилетия позже, в 1970-1980-е гг.

В азарте борьбы против спекуляции гонению подвергались и кустари. Отставание развития сети государственных и кооперативных мастерских и ателье бытового обслуживания от запросов и потребностей людей приводило (зачастую вопреки воле властей) к возрождению кустарно-ремесленных промыслов. Обращение к услугам частных

лиц вызывалось не только нехваткой бытовых мастерских и ателье, и низким качеством предоставляемых ими услуг. Люди договаривались с «частниками» насчет пошива того или иного платья, а также отдавали им в ремонт одежду и обувь. Это можно объяснить тем, что заказы частные лица выполняли за более короткие сроки и по более низким ценам, чем в государственных мастерских. [15, с.13-14]

В советском обществе понятия «предпринимательство» не существовало, человек, занимавшийся индивидуальной трудовой деятельностью, нелегальным производством, считался кустарем-спекулянтom и привлекался к уголовной ответственности. Такие факты зафиксированы в архивных документах: «В городах области, особенно в Караганде имело значительное распространение нелегальное кустарничество и спекуляция. Кустари-нелегалы, пользуясь отсутствием в системе торговли товаров широкого спроса населения, выжигали известь, изготавливали ватные и другие рабочие костюмы, тапочки, хозяйственные сетки, веники и т.д. и реализовывали их по спекулятивным ценам. Между тем все это можно было бы с успехом производить на предприятиях местной и кооперативной промышленности, однако реальных мер к обеспечению спроса населения не принимается. Одними же репрессиями по линии административных органов достичь пресечения нелегальщины и спекуляции трудно. Здесь же следует отметить, что со стороны милиции, прокуратуры и судов борьба с крупными спекулянтами, занимающимися перепродажей новых дефицитных товаров, ведется все еще слабо» [20, л.164].

В судебных материалах, документах правоохранительных органов постоянно акцентировалось внимание на том факте, что определенное количество осужденных за спекуляцию в крупных размерах или в виде промысла, нигде не работали и не учились (в 1962 г. таких, например, оказалось около 25%). Не случайно советское государство заняло довольно жесткую позицию в отношении лиц, ведущих «паразитический образ жизни». В системе мер по устранению причин существования преступности важное место отводилось компании по борьбе с тунеядством и ведением паразитического образа жизни. 4 мая 1961 г. Президиумом Верховного Совета РСФСР был принят Указ «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». Указ начал повсеместно претворяться в жизнь: только за 1961 г. по стране было выселено около 200 тыс. человек. [15]

Одной из причин роста преступности в Карагандинской области, по мнению органов милиции, было наличие большого числа неработающего населения: «Проведенным в начале 1957 г. учетом было установлено, что в городах и рабочих поселках области проживает свыше 30 тысяч временно неработающего трудоспособного населения, обеспеченного жильем, часть которого, не будучи занята общественно-полезной деятельностью, занималась спекуляцией и становилась на преступный путь» [13, л.164]. Партийные и государственные органы Карагандинской области использовали различные общественные формы воздействия, что отмечалось в отчетах: «индивидуальные беседы, товарищеские суды, местную печать и радио. Областная печать стала систематически печатать материалы о тунеядцах. За последнее время в области выявлено 159 тунеядцев. 11 человек из них осуждены по Указу от 6 августа 1961 г., более 70 человек приобщены к труду, за ними установлен строгий контроль» [20, л.91].

Социальном пороком, девиантностью в советском обществе считалось, если человек не работал. Советский принцип «кто не работает, тот не ест» вколачивался и через статьи уголовного кодекса и уголовные наказания. За тунеядство было осуждено по указу от 6 июля 1961 г. свыше 80 человек, приняты меры к трудоустройству 450 человек. [18, л.164] Таким образом, в советском обществе понятия спекулянт и тунеядец были тесно взаимосвязаны, и советская пропаганда внесла в мышление советских людей, что если человек не работает на государственном предприятии (или в каком-нибудь учреждении советской кооперации), то этот факт – проявление социальной аномалии или девиации.

Для советского режима было характерно достаточно жесткое отношение к преступникам, если факт преступления имел место быть. Причем имели место ошибки и в следствии, и судебные, и др. Были факты незаконного, ошибочного осуждения невинных людей, но они, как правило, не афишировались. «В Ленинском районе г. Караганды

необоснованно был привлечен и осужден к 2 годам лишения свободы гражданин Гребень по обвинению его в мошенничестве. Гребень работал шофером корреспондента казахского радиокомитета, никакими преступными делами не занимался, но к своему несчастью, носил бакенбарды, такие же как у разыскиваемого преступника, а остальное было подтасовано работниками следствия милиции» [19, л.16]. Подобные факты имели место и в других городах и районах.

В отдельных случаях судебные органы привлекали и осуждали к лишению свободы граждан, впервые совершивших менее опасные преступления. Например, в городе Дзезказгане был привлечен и осужден к 1 году лишения свободы гражданин Бондаренко за то, что он раствором кислоты удалил в паспорте штамп о принятии его на работу и подделал больничный лист. Бондаренко 1943 года рождения, ранее не был судим, занимался общественно-полезным трудом. Но осужден тем не менее был. Система предпочитала «пересолить, чем недосолить». [19, л.15]

Но проявлялись и факты иного плана, например, в отчетах прокуратуры отмечено, что еще не устранены случаи «проявления неоправданного либерализма к опасным преступникам и недооценки мер общественного воздействия и воспитания нарушителей в коллективах». Так, областным судом по необоснованному ходатайству руководства обувной фабрики был освобожден от наказания некий Вольфер, осужденный за хулиганство к 2 годам лишения свободы. После освобождения этот Вольфер при очередной пьянке убил рабочего фабрики Мухутдинова, за что осужден к расстрелу.

Советская общественность должна была зорко следить за поведением своих членов. Если это не происходило, власть сразу же реагировала: «во многих случаях суды правильно применяя к осужденным меры наказания, не связанные с лишением свободы, не передают осужденных на воспитание коллективов по месту работы и не осуществляют контроля за дальнейшим их поведением». Так, отмечается, народный суд города Балхаша в 1962 г. ни одного человека из числа привлеченных не передал на воспитание коллектива. Но было и множество фактов, когда руководители некоторых предприятий, секретари первичных партийных и профсоюзных организаций возбуждают ходатайства о выдаче на поруки и воспитание коллективов лиц, совершивших тяжкие преступления или неоднократно судимых. Такие меры партия и государства считали неверными и сразу же реагировали на подобные акции. В 1962 г. судебными органами было отклонено около 80 необоснованных ходатайств [19, л.16]. В целом система достаточно жестко относилась к правонарушителям, если таковой попадался на совершении преступления. Либеральное отношение к преступникам считалось проявлением слабости, а рецидивы преступлений подтверждали «необходимость жестких мер».

Таким образом, в большинстве случаев причиной высокого уровня преступности являлась материальная и жилищная необеспеченность отдельных слоев населения. Необустроенная повседневность горожан становилась одной из главных причин девиаций, приводила к созданию очагов социальной напряженности. Одной из причин, катализировавших всплеск преступности, как отмечается в литературе, стала масштабность амнистии, темпы ее проведения привели к многочисленным ошибкам, так как выпущенные из различных тюрем, исправительно-трудовых лагерей особо опасные преступники вновь становились на путь совершения преступлений. Кроме этого, на совершение преступлений амнистированных граждан также зачастую толкали бытовая неустроенность, жилищные проблемы, безработица, тяжелый гнет социальной отверженности. Все это в совокупности и спровоцировало всплеск криминальной активности в этот период времени. Думаем, что в полной мере этот вывод относится и к характеристике преступности в Центральном Казахстане. В целом можно констатировать, что в 1950-1960-е гг. в Центральном Казахстане идет волна роста преступности. В Карагандинской области доминировали следующие виды преступлений: убийства, разбой, изнасилования, тяжкие телесные повреждения, хулиганство, кражи государственного и общественного имущества, кража личной собственности граждан. Среди них самым массовым видом являлось хулиганство. Одной из значительных проблем в регионе являлась подростковая безнадзорность и преступность.

6.2. ДЕТСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Серьезной проблемой городской повседневной жизни являлась подростковая преступность. Городская повседневность характеризовалась большой скученностью, возможностью большего выбора в удовлетворении потребностей, интенсивностью общения, «территориальным» разьединением профессионального труда и досуга, резким ограничением визуального контроля за поведением подростков со стороны семьи, соседей, учебных и трудовых коллективов. Значительная часть подростков в неблагополучных семьях вообще была лишена такого контроля со стороны взрослых. Это, в свою очередь, объясняло состояние подростка, когда он предоставлялся самому себе, и, следовательно, мог попасть под отрицательное влияние своих сверстников или взрослых знакомых, вовлеченных в преступную или просто неблагополучную среду.

Статистика преступности среди малолетних правонарушителей свидетельствует о весьма неблагоприятной ситуации в городах Центрального Казахстана. В 1956 г. органами прокуратуры и милиции было расследовано и направлено в суды 61 дело на 120 человек. Такое же количество лиц предано суду по делам о несовершеннолетних было и в 1955 г. В таблице 8 приведены данные о привлеченных к судебной ответственности по возрасту и по категориям преступлений за 1956 г.:

Таблица 8 – Количество преступлений в Карагандинской области, совершенных молодыми людьми в 1956 г. [10, л.60-61]

Возраст	Всего преступлений	Хищ. Гос. И общ. Имуш.	Кража личн. Собственн.	Умышленные убийства	Телесные повреждения	За половые преступления
До 16	25	5	16	-	1	1
От 16 до 18	95	31	38	5	3	1

Как видно, наибольшее число несовершеннолетних были привлечены за кражи личного имущества граждан – 45%, за хищения государственного и общественного имущества – 3 %, за хулиганство – 12,4 %, за убийство привлечено 5 человек.

По Карагандинской области в 1956 г. органами милиции было задержано значительное число беспризорных и безнадзорных детей за хулиганство, «озорство» и другие нарушения. В течение года было задержано беспризорных 305 человек, в т. ч. сбежавших из детдомов 33 человека; сбежавших из школ – 30 и ремесленных училищ – 25 человек; из детских приемников и распределителей – 27 человек. За озорство и нарушение общественного порядка в течение года было задержано всего 2036 человек, в том числе 869 учащихся. Из общего количества задержанных беспризорных и безнадзорных детей органами милиции было направлено: на трудоустройство – 55 человек; в детский приемник распределитель – 227 человек; родителям – 2114 человек; оштрафовано родителей за безнадзорность детей – 610 человек на сумму 35675 рублей. [10, л.61]

Состояние преступности среди подростков в 1960-х гг. по республике оставалось высоким, рост преступлений среди несовершеннолетних наблюдался по тяжким видам. В 1962 г. подростками было совершено умышленных убийств 24, то время как в 1961 г. их было 20, убийств по неосторожности соответственно – 15 и 10, тяжких телесных повреждений – 59 и 42, изнасилований – 50 и 35, краж имущества государственных объектов – 400 и 340, краж личной собственности граждан – 535 и 456, грабежей – 103 и 60 [17, л.12].

Рост тяжких видов преступлений, совершаемых подростками отмечался особенно в Карагандинской, Павлодарской, Алма-Атинской, Джамбульской, Актюбинской и некоторых других областях. К уголовной ответственности подростков в 1962 г. привлечено 1906 или 7,3%, в то время как в 1961 несовершеннолетних было привлечено 1655 или 6,3% к общему числу привлеченных. Одной из основных причин правонарушений со стороны несовершеннолетних являлась, по мнению властей, безнадзорность. В результате этого

многие имели возможность проводить время по своему усмотрению, начинали хулиганить в общественных местах, употребляли спиртные напитки и наркотические вещества, занимались мелкими кражами, бросали учебу в школе и т.д.

В 1961 г. в детские комнаты милиции было доставлено детей и подростков за различные правонарушения 14189 человек, в 1962 г. – 15633 подростка, причем из них 10507 человек – учащихся школ. В опьяненном состоянии в 1961 г. было подобрано 2828, а в 1962 – 7195 подростков. [17, л.12]

За 1961-1963 гг. в трудовые колонии несовершеннолетних поступило 1885 чел. осужденных несовершеннолетних, в том числе: в 1961 г. – 849 чел., 1962 – 814 чел. и в 1 квартале 1963 г. – 222 человека. Кроме того, за злостное и систематическое нарушение общественного порядка за этот же период поступило в воспитательные колонии (неосужденных) 747 чел., в том числе: в 1961 г. – 469 чел., в 1962 – 215 чел. и в 1 квартале 1963 г. – 63 человека. В 1962 г. было привлечено к уголовной ответственности 1987 несовершеннолетних (на 13 % больше, чем в 1961 г.). [19, л.98]

В 1961-1963 гг. наибольшее количество подростков, содержащихся в колониях, прибыли из Алма-Аты и Алма-Атинской области – 20,3%, из Карагандинской – 13,7%, Кустанайской – 9,3% областей. Рассмотрим наиболее распространенные преступные проявления у подростков: поступило в трудовые колонии за 1961-1963 гг. 1885 человек: за умышленное убийство – 3,5%; за нанесение телесных повреждений – 6,4%; за разбой и бандитизм – 7,3%; за кражи и хищения – 57,4%; за хулиганство – 12,7%; за половые преступления – 3,7 %; прочие – 4, 0% [19, л.99]. Среди осужденных 32% школьников, 42% рабочих, не учащихся и не работавших – 26%, в детских воспитательных колониях содержится школьников 91%.

Таблица 9 – Количество подростков, содержащихся в колониях в 1960-е гг. в Казахской ССР [19, л.99]

	Трудовые колонии	Воспитательные колонии
Учились в школах Министерства просвещения	12 %	95,3 %
Учились в училищах профтехобучения	14,7 %	0,7 %
Работали	38 %	0,5 %
Не учились и не работали	35,3 %	3,5 %

Таким образом, из числа подростков, содержащихся в колониях в указанный период 35,6% ранее являлись учащимися школ Министерства просвещения (в воспитательных колониях 95,3%, в трудовых 12%). Содержащиеся в колониях подростки имели очень низкий образовательный уровень, несоответствующий их возрасту: отстали в учебе на 4 года и более 90,5% всего состава воспитанников, в том числе, отстали на 4 года – 16,2%, на 5 лет – 21%, на 6 лет – 23,5%, на 7 лет – 21,1%, на 8 лет – 12% [19, л.99]. В числе колонистов бывших пионеров – 97 человек, бывших комсомольцев – 62 человека, воспитанников детских домов и школ интернатов – 60 человек [19, л.100].

Весьма значительной в 1960-е гг. была безнадзорность детей, многие подростки употребляли спиртные напитки (в 1962 г. было доставлено в вытрезвители 4950 несовершеннолетних). Правоохранительные органы отмечают, что подростки «курят, сквернословят, ведут себя в общественных местах разнузданно, увлекаются иностранными фильмами, западными танцами». Причем увлечение западными фильмами считалось таким же значительным правонарушением, как хулиганство. «Многие из них не учатся и не работают, употребляют наркотики, занимаются мелкой спекуляцией, карманными кражами и совершают даже тяжкие преступления». [20, л.46]

Отмечены в справках и отчетах прокуратуры и органов милиции факты наркомании, что в данный период такого рода материалы – большая редкость: «В республике большое

распространение среди молодежи и несовершеннолетних получило курение анаши и употребление других наркотических веществ (но в документах преимущественно приведены примеры по г. Алматы и южным областям республики – З.С.). Только по г. Алма-Ате за последнее время работниками милиции выявлено более 500 подростков в возрасте до 18 лет, занимающихся курением анаши. В употреблении анаши замечены студенты вузов, учащиеся средних школ и школ профессионально-технического обучения, в том числе и комсомольцы» [19, л.122].

Чаще всего в материалах по детской преступности – сведений об учащихся профтехучилищ. «В Карагандинской области имелось много школ и училищ системы трудовых резервов. В этих учебных заведениях часто происходят случаи массовых беспорядков, выражающиеся в групповых драках, хулиганстве, а также в нападениях на работников милиции. Вот два примера. 28 января учащиеся горнопромышленной школы № 28 (гор. Караганда) в количестве 40-50 человек устроили дебош. Прибывшему на место происшествия дежурному наряду милиции учащиеся оказали физическое сопротивление: избили шофера Алексеева и милиционера Пенкина, побили в спецмашине фары, передние и роковые стекла, отобрали ключ от зажигания и пытались опрокинуть машину. Приехавшего в школу начальника Майкудукского поселкового отделения милиции т. Низамова также тяжело избили и отобрали у него личное оружие. 16 июня с.г. группа пьяных учащихся горнопромышленной школы № 12 в пос. Чурбай-Нура во главе с выпускником школы Левичевым ворвалась в общежитие стройуправления № 2, где проживают курсанты учебного комбината г. Караганды и нанесла четверем из них побои и ножевые ранения. Когда хулиган Левичев был задержан милицией, группа учащихся, примерно, около 70 человек пришла в поселковое отделение милиции и отобрала задержанного хулигана. Затем, возвратившись в клуб школы, учащиеся снова учинили массовый беспорядок, побили стекла и музыкальные инструменты, порезали портреты, избили директора школы. Эти и другие подобные факты можно объяснить только крайней запущенностью воспитательной работы с учащимися, бездеятельностью администрации, воспитателей и комсомольских организаций школ». [21]

Итак, данные факты демонстрируют проявление групповой девиантности, как отмечалось, чаще всего у учащихся профессионально-технических училищ, училищ системы трудовых резервов и т.п. Такого рода материалы о групповой девиантности мы не обнаружили о студентах высших учебных заведений или о старшеклассниках в средних школах. Причины, как правило, лежат на поверхности: в ПТУ чаще обучались дети из неблагополучных семей или семей рабочих; уровень жизни в таких семьях был значительно ниже, воспитанием детей в таких семьях родители не занимались; школы с радостью избавлялись от таких «неблагополучных» детей.

Изучение детей, поступивших в приемники, показало, что они уходили из дому по следующим причинам: из-за недостаточного внимания к их воспитанию со стороны родителей (40,3%); из-за недостаточной материальной обеспеченности (28,7%); из-за стремления к путешествию (14%). Из общего количества детей, поступивших в детские приемники – пионеров 271 человек (25%), бежавших из детских домов и школ интернатов 50 подростков. За первый квартал 1963 г. зарегистрировано 319 подростков, бежавших из дому, привлечено к уголовной ответственности 532, больше на 117 человек против первого квартала 1962 г. [19, л.100]

Основными причинами роста безнадзорности, по мнению милиции, являлись: «Во-первых, недостаточный контроль школ и местных советских органов за выполнением закона об обязательном восьмилетнем образовании, в результате чего тысячи ребят ежегодно не охватывались школьным обучением, некоторые бросали учебу в школе без уважительных причин. Большое количество детей исключалось из школ. Только этим объяснялось, что среди несовершеннолетних правонарушителей оказалось 19,4% подростков, которые до поступления в колонию нигде не учились и не работали (в трудовых – 26,4%, в воспитательных – 8%). Во-вторых, слабая постановка воспитательной работы в некоторых школах. Многие учителя школ ограничивали свою деятельность работой в классе, т.е. уроками в соответствии с программой и мало занимались внешкольной работой, не изучали быт и условия жизни учащихся, не принимали мер к устранению недостатков в этих

вопросах, в результате чего большинство подростков направлялись в воспитательные колонии по ходатайству педагогических коллективов школ. В-третьих, неупорядоченные семейно-брачные отношения супругов, вследствие чего в общем числе несовершеннолетних, содержащихся в колониях и поступивших в детские приемники, в 1963 г. оказалось: сирот 10%, детей, имеющих только мать – 40,1%, имеющих только отца – 5,6%. В-четвертых, слабый контроль за воспитанием детей в семье и отсутствие моральной ответственности родителей за это важное государственное дело. Многие воспитанники колоний для несовершеннолетних не имеют и отца, и мать (4,1%). Несмотря на то, что факты безответственного отношения к воспитанию подростков многочисленны и вызывали серьезную тревогу комиссии по делам несовершеннолетних; органы суда и прокуратуры не ставили вопрос перед родителями, школами, руководителями детских домов, предприятий и учреждений о их ответственности за воспитание детей». [19, л.100-101]

Именно подростками и молодыми людьми в большинстве своем совершались преступления и правонарушения. Причиной тому были бытовые и семейные проблемы, а также специфика переходного возраста. Постоянно пытаюсь снизить рост подростковой и молодежной преступности в городских условиях, власти и общественные организации, в большинстве случаев приходили к совершенно противоположным результатам.

С правонарушениями и преступлениями власть боролась традиционными способами. Активное участие трудящихся в борьбе с преступностью расценивалось как некая панацея против ее роста. Привлечение граждан к работе правоохранительной системы в рассматриваемый период, шло в трех направлениях. Первое заключалось в привлечении активистов в помощь милиции к охране общественного порядка. Второе – в привлечении общественности к работе следствия и судопроизводству. Третье – в участии граждан в перевоспитании преступников. Необходимо отметить, что оказание общественностью помощи органам правопорядка не было новшеством, характерным для «оттепели», а имело давнюю традицию. Еще с середины 1920-х гг. советской властью был взят курс на активное привлечение населения к охране общественного порядка, поощрение инициативы граждан к созданию общественных формирований.

Следствием выполнения серии партийных постановлений о повышении роли общественности в борьбе с преступностью стала реорганизация системы общественных формирований при милиции. За основу реформы была взята инициатива, проявленная ленинградскими рабочими в ноябре 1958 г. по созданию добровольных народных дружин, ДНД начали формироваться по всей стране. И пока работа эта строилась на энтузиазме и не была сведена к формализму, дружинники оказывали реальную помощь милиции. Также создание народных дружин позитивно сказалось на профилактической работе.

В Карагандинской области была создана 641 добровольная народная дружина с общим числом дружинников свыше 84 тысяч человек. В 1962 г. при активном участии народных дружинников было пресечено свыше 400 уголовных преступлений, раскрыто около 250 преступлений. Кроме того, дружинниками задержано и доставлено в штабы дружин и органы милиции до 10 тысяч нарушителей общественного порядка. Наряду с дружинниками по охране порядка и борьбы с преступностью большую работу проводили общественные участковые уполномоченные, которых в области имелось в количестве 300 человек. В городах и районах области на охрану общественного порядка выходили ежедневно свыше 1000 дружинников. Отмечалось, что хорошо работали многие дружины в городах Караганде, Темиртау, Сарани, Балхаше, Джезказгане и т. д.

В городах Караганде, Балхаше, Джезказгане, Сарани, Темиртау и в ряде районов горкома, райкома и исполкома городских и районных советов в 1962 г. были проведены слеты дружинников, которые прошли под знаком дальнейшего улучшения работы дружин, повышения роли общественности в борьбе с преступностью и охране правопорядка. Вместе с тем в ряде мест, как отмечалось в документах, народные дружины были малочисленными, на охрану общественного порядка выходили в малом количестве, а в

отдельные дни местами их и вовсе не бывало. Например, в городе Балхаше числилось более 4-х тысяч дружинников, а на дежурство ежедневно выходило не более 40-50 дружинников. Аналогичные факты имелись в других городах и районах области.

Кроме обеспечения правопорядка, еще одной важной сферой широкого привлечения общественности, была сфера судопроизводства. Создавались общественные товарищеские суды на предприятиях и учреждениях, в колхозах и при домоуправлениях, и на них рассматривались дела о нарушении трудовой дисциплины, появлении в общественных местах в нетрезвом виде, недостойном поведении и т.п. Наряду с усилением борьбы с особо опасными преступлениями больше стали принимать меры общественного воздействия на лиц, совершивших впервые менее опасные преступления. На обсуждение коллективов и рассмотрение товарищеских судов было передано в 1962 г. свыше 1000 дел и материалов [17]. За 1963 г. на предприятиях и учреждениях Карагандинской области работали 589 товарищеских судов, которые за 1962 г. рассмотрели более 3 тысячи материалов на нарушителей трудовой и производственной дисциплины, правил социалистического общежития [22, л.101].

Также одной из основных направлений профилактики преступности в городах Карагандинской области являлась политико-воспитательная работа, массово-агитационная работа на предприятиях, среди молодежи. Работники милиции проводили беседы и читали доклады в общежитиях, жилых массивах, на предприятиях и в учреждениях, мобилизуя общественность на борьбу с уголовной преступностью.

Как показывают архивные данные за 1957 г. проведено работниками прокуратуры области докладов и лекций среди населения по разъяснению советских законов – 333 против 249 в 1956 г. Лекции докладов прочитано по вопросам: о социалистической законности – 76; об охране социалистической собственности – 70; соблюдение закона о труде – 106; соблюдение Устава сельхозартели – 40 и т.д. [23, л. 19-20].

Но зачастую отмечались формальность и малоэффективность этих общественных институтов, все более частая замена принципа добровольности обязательным участием в них, а также растущая общественная апатия населения.

Несмотря на реализацию карагандинской милицией целого комплекса мер, направленных на решение поставленных задач борьбы с криминалом, существовал ряд причин, как объективного, так и субъективного характера, который не позволял остановить рост преступности в регионе, работать на опережение преступников и профилактику преступлений и заставлял путем корректировки отчетности занижать показатели преступности и демонстрировать эффективность работы милиции. Вовлечение в процессы борьбы с преступностью, охраны общественного порядка, осуществления правосудия и попытка подменить ими профессиональную правоохранительную систему, давало временные и локальные положительные результаты, но не решило проблемы ни в масштабах региона, ни в масштабах страны.

6.3. ПЬЯНСТВО И АЛКОГОЛИЗМ

Наиболее распространенными видами девиации в городах Центрального Казахстана кроме преступности были пьянство и алкоголизм. Проституция и наркомания не были столь масштабными, как это проявлялось в других регионах или же сведения о них не фиксировались отчетах правоохранительных структур. Такие асоциальные проявления, как преступность и алкоголизм оказывали негативное воздействие на повседневную жизнь городов региона и были тесно взаимосвязаны.

Одной из постоянных и трудноразрешимых проблем советской девиантной повседневности являлось пьянство. Алкоголь был частью обрядности, сопровождающей человека на протяжении всей его жизни (рождение, свадьба, юбилей, похороны и др.). Пили в СССР по всякому поводу (радостному и горестному) и без повода, пили на все праздники – семейные профессиональные, государственные; пили везде – дома, во дворе, в гараже, на

работе, на демонстрации, по телевизору; пили все – рабочие и руководители, пенсионеры и подростки, женщины и мужчины, пили много и всё – от одеклона до самогона. Поэтому борьба с пьянством в условиях сложившегося советского менталитета была связана с большими трудностями. В 1950-1960-е гг. в СССР стремительно увеличивалось потребление спиртных напитков: с 1,85 литра спирта на душу населения в 1950 г. до 6,7 литра в 1970 г. [24, с.27]. С 1955 по 1960 гг. потребление водки и ликероводочных изделий в расчете на 1 члена семьи в СССР возросло с 16,0 до 19,5 литров в год. С учетом же потребления вина потребление вино-водочных изделий увеличилось до 28,6 литров в год [25, с.109].

Государство на протяжении всего исследуемого периода заявляло о необходимости снижения потребления спиртного. С этой целью осуществлялись запретительные меры, меры воспитательного и профилактического порядка, направленные на пропаганду здорового образа жизни, внедрения «культуры потребления спиртного». Но государство всегда было заинтересовано в изготовлении и продаже алкоголя, являвшегося при советском режиме государственной монополией на спиртные напитки важным источником пополнения национального бюджета. Однако озабоченность повальным бытовым пьянством государство и власть проявляли. Властям приходилось лавировать между двойственными государственными интересами: с одной стороны, необходимость борьбы с массовым пьянством и алкоголизмом, с другой – продажа спиртных напитков значительно пополняла бюджет страны, это была значительная статья государственного дохода. Кроме того, запрещение или резкое ограничение продажи спиртного могло сказаться в многопьющей стране, как фактор социальной напряженности и дестабилизации, чего государство также желало избежать. В этих условиях понятно и объяснимо, что принятое постановление 1958 г. «Об усилении борьбы с пьянством и наведении порядка в торговле спиртными напитками» не публиковалось в газетах и оставалось закрытым.

Изучение причин высокого уровня преступности и нарушений общественного порядка показало, что одной из них является широкое распространение пьянства. В отчетах участковых милиции отмечено: «Не говоря уже о хулиганстве, которое почти на 100% связано с пьянством, на этой же почве совершаются и многие тяжкие преступления, особенно такие как убийства и изнасилования. Кражи, совершаемые работающими, также в ряде случаев является результатом того, что отдельные лица на почве пьянства сближаются с уголовными элементами и, подпадая под их влияние, становятся на преступный путь». [26, л.43]

Между тем надлежавшей борьбы с пьянством не велось; в городах, рабочих поселках и районных центрах не были ликвидированы его очаги, существующие под вывесками разных закусочных, буфетов и т.д. Следует отметить, что руководящие партийные и советские руководители признавали отсутствие должной борьбы с пьянством в стране, республике и регионе. Насколько широкие размеры получило пьянство можно определить хотя бы по тому, что только по г. Караганде за 1-е полугодие 1957 г. органами милиции было подобрано пьяных 3813 человек, из которых находилось в бесчувственном состоянии и пропущено через вытрезвитель 2905 человек. Пьянство и непристойное поведение граждан горожанам приходилось встречать не только на окраинах, но и в центре Караганды, в столовых, кафе, ресторанах, администрацией которых, как писалось в отчетах, не выполнялось постановление Совета Министров и ЦК КП Казахстана от 30 ноября 1956 г. о запрещении допуска в общественные места лиц, находящихся в нетрезвом состоянии. [25, л.43]

В 1958 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении борьбы с пьянством и наведении порядка в торговле спиртными напитками», в котором был закреплен запрет продажи алкоголя несовершеннолетним и усилена ответственность продавцов за реализацию им алкогольной продукции. Одновременно была ужесточена уголовная и административная ответственность за самогонование. Принятый в 1960 г. новый уголовный кодекс установил, что совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения является обстоятельством, отягчающим вину. Кроме того, этот УК впервые предусматривал возможность принудительного лечения от алкоголизма. Параллельно

государство принимало меры по укреплению материально-технической базы наркологических служб. Наконец, в духе тех лет к борьбе с пьянством было решено подключить широкую общественность. [24, с.27-28]

Принятое в 1958 г. постановление № 1365 «Об усилении борьбы с пьянством...», стало отправной точкой в начале антиалкогольной кампании 1950-1960-х гг. Как писали исследователи: «это была не первая и не последняя попытка победить «зеленого змия» в СССР» [24, с.109] Одной из главных причин начавшейся антиалкогольной кампании была резко возросшая преступность и правонарушения. Судебная практика свидетельствовала, что абсолютное большинство преступлений были совершены в состоянии алкогольного опьянения: 90% хулиганских действий, 70% убийств и нанесения тяжких телесных повреждений, изнасилований и около 30% краж [24, с.110]. Пьянство негативно сказывалось и на экономических показателях, травматизме на работе, падении производительности труда и т.п. В 1960-х гг. в СССР принимается еще ряд постановлений и указов, связанных с борьбой с самогонварением и другими спиртными напитками домашнего изготовления, ужесточением наказания за самогонварение и т.д.

В 1958 г. Президиум Верховного Совета Казахской ССР по поручению бюро ЦК КП Казахстана разработал указ о борьбе с пьянством и вынес на «всенародное обсуждение». В коллективах трудящихся проводились лекции, доклады и беседы о вреде алкоголизма. Так, в Караганде за 2 месяца 1958 г. года было прочитано 50 таких лекций, в Темиртау – 29 и т.д. [25, л.140]. В клубах и домах культуры проводили вечера вопросов и ответов, показали 48 сеансов кинокартин «Злодейка с наклейкой» и «Береги сердце», эти фильмы были также показаны по телевидению. Выпускали листовки о вреде алкоголя тиражом 20 тыс. экземпляров. В общественных местах вывешивали красочные плакаты, в витринах магазинов – сатирические фото-окна. Однако люди пили и пили, как обычно много.

Периодически наводился порядок в торговле крепкими спиртными напитками. В городах изымали из продажи спирт и водку в магазинах, ларьках, расположенных в непосредственной близости к предприятиям, учебным заведениям, больницам, местам отдыха. Запрещали реализацию спирта и водки во всех предприятиях общественного питания, кроме ресторанов, находившихся вне мест отдыха. В Темиртау число магазинов, торговавших крепкими спиртными напитками, было сокращено до 7. Но все эти меры носили локальный, ограниченный и кампанейский характер. Государство в целом, как уже выше отмечалось, монополизировав торговлю спиртными напитками, имела эту статью в бюджете, как весьма прибыльную, и терпеть убытки из-за резкого ограничения продажи спиртного не собиралось.

Но кампании по борьбе с пьянством тем не менее велись: на предприятиях и стройках стали практиковаться открытые показательные судебные процессы над хулиганами и пьяницами. «Так, 26 февраля в клубе шахты №101 гор. Сарани состоялся такой процесс над тремя молодыми рабочими, которые в пьяном состоянии учинили драку в красном уголке, где проходил комсомольско-молодежный вечер. 11 марта на рабочем собрании был обсужден начальник участка управления «Стальконструкция» гор. Темир-Тау т. Ретинглер за организацию коллективной пьянки с рабочими в столовой. По решению рабочего собрания администрация объявила ему строгий выговор. Органам здравоохранения в городах и селах было поручено взять на учет лиц, злоупотребляющих спиртными напитками и организовать принудительное их лечение. В городах и районах вскрывались факты самогонварения, производства браги, домашнего пива. [27, л.140]

При этом, как показали обследования, в числе пьющих социальных групп преобладала молодежь. Одной из выявленных исследователями тенденций стал не просто высокий, но растущий во второй половине 1960-х гг. уровень пьянства среди несовершеннолетних. При этом наметилась в СССР опережающая динамика алкоголизации подростков по сравнению с взрослыми: с 1964 по 1968 гг. количество доставленных в вытрезители взрослых увеличилось в 0,8 раза, а несовершеннолетних – в 2,5; это означало,

что пьянство «помолодело»: Минздрав СССР зафиксировал в период 1964-1967 гг. десятикратный рост заболеваемости хроническим алкоголизмом у детей до 14 лет. [24, с.28-29]

Анкетирование учащихся старших классов позволило установить, что более половины из них, хотя и не достигли совершеннолетия, уже пробовали спиртное, а 39% признались, что употребляют алкоголь «эпизодически» и что не видят ничего зазорного в том, чтобы отмечать праздники и значимые события со спиртным. Еще более неблагоприятная картина складывалась среди нигде не работающих и не учившихся подростков и учащихся ПТУ. В молодежной среде в 1960-х гг. к выпивке относились как к норме, считая ее типичной формой проведения досуга. При этом денег на покупку спиртного подросткам не хватало: и, как следствие, по статистике 40% подростков, совершивших кражи, и половина уличенных в грабежах и разбойных нападениях шли на преступление с целью добычи спиртного или денег на его приобретение.

Советская статистика скрывала результаты исследований, так как они могли дискредитировать систему. Но показатели были удручающими: среди «трудных» подростков, состоящих на учете в детских комнатах милиции, 50-55% систематически выпивали; среди совершивших преступления доля пьющих подростков еще выше – 84%, причем 29% из них начали употреблять спиртное в возрасте до 14 лет. Неудивительно, что около 40% подростков в момент совершения преступления находились в состоянии опьянения. [24, с.28]

Притом, что взрослые на словах осуждали молодежь, в пьяном угаре идущую на преступления, исследование показало, что на деле именно они не только показывали подросткам дурной пример, но также покупали им спиртное и приобщали к выпивке. Совместное с взрослыми распитие спиртных напитков получило распространение не только в подворотнях, но и во многих семьях и в трудовых коллективах. В глазах несовершеннолетних взрослая жизнь, к которой они стремились, во многом ассоциировалась с доступностью алкоголя, и поэтому запретный плод казался сладок. Несмотря на наличие в уголовном кодексе соответствующих санкций, в Москве в 1967 г. за спаивание подростков было привлечено к ответственности только 4 взрослых [21, с.28]. В архивах подобных данных ни по Казахстану, ни по Караганде мы не встретили.

Нами в фонде Прокуратуры СССР в ГАРФ были обнаружены любопытные материалы: результаты первого отечественного исследования алкоголизации советской молодежи и связи алкоголизма с преступностью, проведенного в течение 1967-1968 гг. Всесоюзным институтом по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Прокуратуре СССР [26, л.68]. Данное исследование проводилось сотрудниками сектора № 2, который назывался «Сектор по изучению причин и разработке мер предупреждения преступлений несовершеннолетних». Само по себе создание подобного специализированного сектора, а также поступление заказа на данное исследование свидетельствовали о том, что к середине 1960-х гг. власть не только была обеспокоена проблемами молодежной преступности в СССР, но и нуждалась в получении объективной информации и предложениях ученых [21, с.28].

Сотрудники сектора использовали, сравнивая информацию сразу из нескольких источников, в том числе созданных разными ведомствами, которые частично пересекались и дополняли друг друга. Естественно, все данные, на которых строилось исследование, носили закрытый характер. Это, во-первых, статистическая отчетность МВД СССР о несовершеннолетних, задержанных и помещенных в вытрезвитель в 1964-1968 гг.; во-вторых, отчетность Минздрава СССР за 1965-1967 гг. о детях в возрасте до 14 лет, заболевших алкогольным психозом и хроническим алкоголизмом; в-третьих, статистика МВД СССР 1966-1968 гг. о подростках, совершивших преступления в нетрезвом виде. Четвертым источником стали выборочные данные МВД по несовершеннолетним, доставленным в вытрезвители, отделения милиции, детские комнаты милиции в связи с алкогольным опьянением. Также исследователи обращались к статистике Института психиатрии АМН СССР об употреблении спиртного детьми, состоящими на учете в детских

комнатах милиции, в также на данные Московского городского психоневрологического диспансера для детей и подростков, куда ставились на учет несовершеннолетние алкоголики. Наконец, важным дополнительным источником оказался анонимный анкетный опрос, проведенный сотрудниками сектора № 2 Института среди 16–17-летних старшеклассников одной из школ (всего было опрошено 168 подростков) с целью выяснения распространенности среди них употребления спиртного [24, с.28].

Проведенный анализ статистических показателей дал основание сделать предварительный вывод о наибольшей распространенности этого явления в РСФСР и трех Прибалтийских республиках. В Казахстане это явление имело место быть, но в несколько меньшем масштабе, чем в вышеназванных республиках. Недостатки системы статистического учета не позволили получить точные сведения о реальном уровне распространенности употребления спиртных напитков несовершеннолетними. Проведенные с целью выяснения этого вопроса выборочные исследования дали следующие результаты:

а) среди доставленных в детскую комнату или дежурную часть отделений милиции несовершеннолетних одна треть была задержана либо за пребывание в общественных местах в нетрезвом виде, либо покупку спиртного. В вытрезвитель эти подростки в большинстве случаев не доставлялись.

б) среди подростков, помещенных в вытрезвитель, работающих было 70%, тогда как их доля в общей численности населения возраста 14-17 лет не превышала 15%. Применительно же к учащимся Министерства просвещения соотношение этих показателей противоположное.

в) доля школьников, эпизодически употребляющих спиртные напитки, была равна 39%, среди правонарушителей она увеличилась более чем в 2 раза (80%). При этом меняется характер употребления, оно уже становится систематическим. [26, л.67-68]

Изучение динамики явления за период 1964-1968 гг. показало увеличение количества несовершеннолетних, помещенных в вытрезвитель в расчете на 10000 подросткового населения, на 120 %. Помимо этого, с 1962 г. почти наполовину выросла доля подростков, совершивших преступления в нетрезвом виде, и число несовершеннолетних, признанных хроническими алкоголиками. Приведенные данные дают основание предполагать увеличение распространенности изучаемого явления и рост влияния его на преступность. [28, л.68]

Изучение непосредственных причин и условий распространенности употребления спиртных напитков несовершеннолетними показало, что более чем в половине случаев на них отрицательно влияла семья, 40% – товарищи. Нередко вовлекали в пьянство несовершеннолетних взрослые – знакомые, товарищи по работе. Распространенности употреблению спиртных напитков среди несовершеннолетних способствовали недостатки работы школы, слабое проведение антиалкогольной пропаганды средствами массовой информации, особенно ориентированными на молодежь.

Сотрудниками сектора № 2 делался вывод о том, что проблема профилактики молодежной преступности и алкоголизма лежит во многом в области общей культуры, укоренившихся традиций и обычаев, общественных представлений, которые складывались столетиями и не могли быть изменены в одночасье. В их числе представление о том, что без обильных «возлияний» немислимы дни рождения и юбилеи, праздники, свадьбы, проводы в армию и поминки; что получение первой зарплаты, новой квартиры, очередного звания, должности или рождение ребенка и прочее, и прочее обязательно должно «обмываться».

Помимо родителей и окружения, как выяснилось, важную роль в «легитимации» алкоголя в подростковой среде играли СМИ. В них отсутствовала запоминающаяся и убедительная пропаганда трезвого образа жизни. Зато привлекательное описание употребления популярными актерами и героями разной алкогольной продукции вызывало стремление приобщиться к бутылке. Сотрудники Института не ограничились констатацией фактов, а предложили конкретные меры, направленные на борьбу с подростковым пьянством. Их предложения касались не только правоохранительных органов, но и

Министерств просвещения, здравоохранения, а также общественности. Важно было для начала выявить, поставить на учет и приступить к лечению регулярно пьющих детей и подростков, что было невозможно без усиления материально-технической базы наркологических служб и предоставления им полномочий по регулярному медицинскому обследованию несовершеннолетних. Милиции предлагалось также ужесточить меры к взрослым, спаивающим подростков, вплоть до привлечения их к уголовной ответственности.

6.4. ТЕМИРТАУСКИЕ СОБЫТИЯ 1959 ГОДА

О Темиртауских событиях 1959 г. накоплен определенный пласт историографии: с 1990-х гг. появляются первые упоминания и публикации о причинах, хронологии, итогах этих событий [29]. На рубеже веков интерес к проблеме растет, и объем этих материалов уже различен – от отдельных фрагментов о выступлении рабочих в Темиртау [30] до специально посвященных этой проблеме статей или глав в монографических работах [31-32]. К сожалению, отсутствуют специальные исследования, посвященные данным событиям. Авторами вышеобозначенных публикаций использованы, как правило, документальные материалы из российских архивов. Но значительная часть материалов казахстанских архивных фондов (в том числе, архивов прокуратуры и КГБ) до сих пор не рассекречены и находятся под грифом «секретно». Крайне ограничено в этих работах использовались возможности интервьюирования участников или свидетелей событий 1959 г. В публикациях авторы дают различное обозначение данным событиям: социальный протест, бунт, выступление рабочих, массовые беспорядки, конфликт рабочих с властями и т.д. Достаточно детально прослежен ход событий 1-3 августа 1959 г. в последних трудах российских исследователей [32].

Но эта проблема, безусловно, еще будет привлекать новых исследователей, например, число погибших во время разгона участников событий с применением оружия до сих пор не уточнено. Но в данном разделе мы хотели бы остановиться лишь на одном сюжете: проследить влияние повседневных проблем на создание очага социальной напряженности, приведшее к одной из форм группового девиантного поведения (выступлениям) в августе 1959 г. в Темиртау.

Это противостояние, как проявление социальной напряженности в регионе, было вызвано причинами социально-экономического характера. При сооружении гигантов индустрии руководство республики игнорировало интересы, потребности населения, форсируя строительство промышленных объектов. Крупнейшей стройкой в республике стало сооружение «казахстанской Магнитки», на которой в 1959 г. произошли трагические события, продемонстрировавшие сущность функционировавшей политической системы. Система продолжала оставаться тоталитарно-коммунистической, антиправовой, способной решать любые социально-экономические и политические конфликты исключительно в контексте привычных репрессивных методов.

Причины, которые казахстанские исследователи обозначают в качестве основных, можно свести в общий комплекс: игнорирование задач усовершенствования организации труда, культурно-бытового и жилищного строительства, слабое снабжение; спекуляция на энтузиазме молодых, чрезмерное число строителей, пренебрежительное отношение руководства к созданию необходимых условий для строителей, количественный потенциал рабочих, существенно превышавший возможности его рационального использования и т.д. [29-31].

Считаем, что более полно обозначен весь спектр причин в монографиях российского исследователя В. Козлова. Он отмечает: напряженность социоконфликтной ситуации, косвенно связанной с быстрой урбанизацией страны, определялась, прежде всего, массовыми миграционными потоками молодежи, вырванной из привычной среды обитания и вышедшей из обычного контроля семьи и локальных сообществ... Часть молодежи попала в места нового строительства по комсомольским путевкам, была преисполнена энтузиазма и слабо

представляла себе масштаб будущих бытовых трудностей и испытаний – неустроенная жизнь, часто начинавшаяся практически на пустом месте, палаточные городки..., перебои в снабжении продовольствием, иногда нехватка простой питьевой воды, необычные половые пропорции во вновь возникавших сообществах (преимущественно мужской состав) и т.п. Затронутые процессом массовой маргинализации..., эти группы... молодых строителей в принципе были сравнительно устойчивы к разным криминальным влияниям... Однако в результате длительных неурядиц, связанных в глазах молодых людей уже не с неизбежными для зон нового строительства объективными трудностями, а субъективной деятельностью «начальства», бюрократов и т.д., а нередко и с должностными злоупотреблениями, эти молодежные группы могли стать агрессивной и неуправляемой толпой, восстанавливающей нарушенную, по ее мнению, социальную справедливость с помощью криминальных и полукриминальных коллективных действий [32, с.31].

Полностью соглашаясь с точкой зрения данного автора, детализируем и анализируем весь комплекс причин, изучив повседневную жизнь строителей нового гиганта металлургии.

Сооружение Карагандинского металлургического завода в г. Темиртау Карагандинской области было объявлено всесоюзной молодежной стройкой, ЦК комсомола направлял на стройку из всех уголков СССР большое количество молодежи. Если в 1953 г. коллектив предприятия состоял из 3,5 тысяч человек, то уже в 1959 г. на строительстве Карагандинского металлургического комбината работало 25,5 тысяч человек. За короткое время на работу было принято около 3 тысяч рабочих, в том числе около 1500 юношей и девушек, не достигших совершеннолетия. Накануне событий в тресте было более 3 тысяч человек сверх государственного плана, а нажим на увеличение приема новой рабочей силы со стороны вышестоящих органов продолжался. В результате этого на стройке сложилось такое положение, когда приток рабочих кадров опережал возможности его размещения и использования.

Опыт массовых миграций трудовых ресурсов без всякого просчета и подготовки «трудового фронта» был типичен для республики и центра. В районах строящихся предприятий, как правило, имелось определенное количество нетрудоустроенного местного населения, но несмотря на это центр объявлял трудовую мобилизацию, и по разнарядке (по комсомольским путевкам, распределению, оргнабору и т.п.) на новостройки приезжала рабочая молодежь. Таких фактов в республике было достаточно. Так, по комбинату «Карагандашахстрой» в 1956 г. принято по оргнабору 9713 чел., по тресту «Казмедьстрой» (г. Джезказган) в первом полугодии 1957 г. – 1502 чел. и т.д. Привлечение рабочей силы по оргнабору дорого обходилось государству (приезжим выплачивались подъемные), тем более что многие из завербованных по различным причинам не закреплялись на производстве (часть рабочих, получив подъемные, и не будучи удовлетворенными условиями проживания, работы или оплаты уезжали). Например, в том же тресте «Казмедьстрой» из 1502 чел., прибывших по оргнабору, за полгода «дезертировало» 1363 чел. (90,7%) [26, л.164]. Руководители предприятий вынуждены принимать на работу большое количество рабочих, прибывших из разных регионов СССР по оргнабору, местные жители же оказывались «за бортом», что также создавало напряженность и конфликтную ситуацию между «пришлыми» и «местными». Все это в совокупности обостряло ситуацию и создавало очаги напряжения и конфликтов в республике.

Погоня за «длинным рублем» (устойчивый миф «об астрономических заработках рабочих на новостройках страны») приводила к весьма специфичным категориям среди приезжих рабочих: наряду с комсомольцами-романтиками и трудягами-прагматиками оказалось достаточно много людей с уголовным прошлым, иногда даже скрывающихся от правосудия. Поэтому среди прибывающих по оргнабору был высок уровень преступности. Так, по г. Темиртау из общего числа привлеченных милицией в 1-квартале 1957 г. за уголовные проявления, лица прибывшие по оргнабору составили 63,8%, а по городу Джезказгану за 7 месяцев 1957 г. из числа прибывших по оргнабору привлечено 218 человек, или 64,7% к общему числу привлеченных [26, л.164]. В связи с обстоятельствами такого рода, по мнению руководителей местных партийно-советских органов, дальнейшее пополнение

Карагандинской области рабочей силой за счет оргнабора, как не оправдывающее себя, целесообразно было прекратить или же коренным образом изменить всю систему оргнабора. Однако это решение так и не было реализовано, рабочая миграция продолжала расти.

Действительно ли столь значительными были «подъемные» на казахстанской Магнитке? Рассмотрим, какие суммы платили прибывшим в Темиртау. Работникам, приехавшим на стройку по комсомольским путевкам или переводом по согласованию с администрацией, выплачивались: стоимость проезда самого работника и членов его семьи; стоимость провоза имущества на работника 240 кг, и на каждого члена семьи до 80 кг; суточные на работника за время пути по 10 рублей (в сутки); заработная плата за время пути и дополнительная оплата за 6 дней для устройства домашних дел; единовременное пособие на работника из расчета его месячного оклада, зарплаты (тарифной ставки) по новому месту работы и по 25% на каждого члена семьи. Прибывшим по комсомольским путевкам выплачивались дополнительно к перечисленным средствам еще 300 рублей. Общая сумма выплачиваемых денежных средств не превышала хорошую месячную зарплату (например, продавец хозрасчетного магазина имел зарплату 600-800 рублей в месяц). Но на подобную выплату могли претендовать лишь строители, приехавшие по комсомольским путевкам. Тем же, кто ехал по собственной инициативе, полагалось более сокращенное обеспечение. Работникам, которые переезжали в связи с переводом по их собственной просьбе, указанные компенсации могли выплачиваться по соглашению администрации с работником полностью или частично. Рабочим, прибывающим на стройку по призывам печати, администрация выплачивала часть этих компенсаций: проезд к месту работы; суточные за время следования [33]. Так что слухи «об астрономических заработках рабочих на новостройках» действительно являлись мифом, но даже такие «подъемные» становились причиной для трудовой миграции определенной категории рабочих.

Ряд серьезных производственных и социально-бытовых проблем и абсолютное игнорирование партийными и советскими функционерами этих проблем вызвали появление в этом регионе очага социальной напряженности. Обратимся к ним.

Проблема первая – организация производства. Крайне нерационально осуществлялся производственный процесс строительства завода. В результате неквалифицированного руководства использование рабочей силы и техники находилось в крайне неудовлетворительном состоянии. Например, простой экскаваторов на стройке составлял от 50 до 80%, в то же время четверть всех земляных работ в 1959 г. выполняли вручную. Систематически нарушалась производственная дисциплина: редкий день обходился без простоев, поломок техники, аварий; постоянно срывался график поступления стройматериалов, оборудования, инструментов, спецодежды. Эти простои сказывались на оплате труда, 60-70% рабочего времени не оплачивалось из-за простоев в связи с отсутствием строительного материала [34, л.12]. Не соблюдалась техника безопасности. Происходило много несчастных случаев, но за них практически никто не нес ответственности. На стройке неоднократно бывали партийные и хозяйственные руководители как областного, так и республиканского масштаба, но проблемы нормализации производственного процесса на строительстве не решались.

Темиртауские газеты изредка поднимали наиболее острые проблемы, например, что строителей с дипломами специалистов разных профессий направляли работать разнорабочими. Необходимость «набраться опыта» и «знакомство с производством» для молодых специалистов затягивалась, работа по специальности так и не находилась. И молодые люди со специальным образованием были вынуждены разбивать щиты, опалубки, очищать от мусора строительные площадки. Все заявления, просьбы о переводе оставались без внимания. Один из таких молодых специалистов В. Погореляк писал в газету «Темиртауский рабочий» о нерациональном использовании трудовых ресурсов: «Хорошо понимаю: такие случаи на больших, да еще расширяющихся стройках вполне возможны. Явления такие – временные. Вероятно, и мой вопрос разрешится. Но когда? Никто мне не хочет ответить. Думается, что допущена какая-то недоработка руководства. Это предположение подтверждается целым рядом фактов, когда вновь прибывших на стройку людей распределяют по

участкам как попало. Сейчас на участках сплошь и рядом можно встретить людей, использующихся не по специальности. Пусть руководители строительных участков выяснят, у кого сколько людей и каких специальностей лишних, а у кого их не хватает. Тогда можно было бы сделать перестановку. Работать хочется, но работать там, куда лежит душа, где можно было бы принести больше пользы государству и себе» [35].

Фронт работы к приезду молодежи также не был подготовлен, многие из новобранцев по 2-3 недели вообще не приступали к работе. Рабочие палаточного городка часто были загружены работой 2-3 часа в день, соответственно их трудовому вкладу закрывались наряды, заработная плата была очень низкой.

Неудовлетворенность работой приводила к массовому оттоку приезжей рабочей силы. Текучку кадров на строительстве Карагандинского металлургического завода подтверждают следующие факты. В 1956 г. на казахстанскую Магнитку прибыло 6 тысяч человек, убыло 3,5 тысячи (58 % прибывших), 1957 г. – прибыло 7 тысяч, убыло 5 тысяч человек (71 %), 1958 г. – прибыло 11 тысяч, убыло 7 тысяч (64%), 1959 г. – прибыло 14 тысяч, убыло более 9 тысяч рабочих (64 %) [34, л.12]. Люди приезжали за тысячи километров, получали подъемные и из-за плохой организации труда, отсутствия жилья и ряда других причин уезжали назад. Но у оставшихся на стройке накапливалось недовольство не только работой, но и нерешенными проблемами с жильем и бытом.

Проблема вторая – жилищная. В течение 1957-1958 гг. строители города ввели жилые площади, однако потребности в ней росли значительно быстрее и потому благоустроенных квартир не хватало. С целью выхода из сложившейся ситуации, в апреле 1958 г. трест «Казметаллургстрой» в качестве вынужденной необходимости начал строительство деревянных двухэтажных сборно-щитовых домов. Тресту оно обходилось дорого, вызывало расширение границ города и коммуникаций [36]. 14600 человек жили в общежитиях, но их не хватало. Разместить всех прибывших в общежитиях, ввиду недостаточности их жилищного фонда, оказалось невозможным. Однако и у тех, кого размещали в общежитиях, положение было не многим лучше. Некоторые из этих зданий не соответствовали своему назначению: в общежитиях не было возможности для приготовления пищи, с большими перебоями поступала вода, не была организована стирка белья. В комнатах не было радиоточек, доставки местных и центральных газет. При общежитиях имелись воспитатели, но свои обязанности они выполняли формально, никакой воспитательной или культурно-досуговой работы не проводилось.

Ежедневно прибывавшие на стройку люди оставались без жилья, и с 1958 г. в Темиртау для рабочих стали ставить палатки. Хотя резко континентальный, холодный климат Караганды не благоприятствовал таким условиям размещения, в городе возник целый палаточный городок, в котором разместили добровольцев-строителей с разных районов страны. В качестве места установки палаток была выбрана крупнейшая возвышенность на холмах в черте города, насквозь продуваемая ветрами. С того времени и закрепилось название этой местности – «Горка дружбы». Отсюда хорошо просматривались окрестности и сама гигантская строительная площадка: изрытая, изборожденная тяжелыми бульдозерами и экскаваторами, самосвалами и автокранами. Палатки были неблагоустроенные, промокали, не хватало постельных принадлежностей, умывальников и т.п. Палатки подходили лишь для ночевки, да и то лишь в тёплое время года, умываться после работы приходилось на улице привозной водой, пищу готовить здесь было невозможно, приходилось питаться в столовых, в которых были огромные очереди, притом, что качество пищи в столовых было очень плохим. Численность жителей палаточного городка к 1959 г. достигла 2100 человек. [37, л.88]

В справке начальника следственного управления КГБ при СМ СССР генерала-майора юстиции Н. Чистякова отмечалось, что в мае-июле 1959 г. на строительство Карагандинского металлургического комбината из различных областей и республик страны прибыло большое количество молодежи, преимущественно от 17 до 20 лет. Руководство строительства не было готово к массовому приёму рабочей силы. 2000 приезжих были размещены в так называемом «палаточном городке». Причем в общих палатках вместе с молодежью оказались еще и

семейные рабочие. Многие палатки были порваны и в дождливую погоду протекали. [32, с.43]

Проблема третья – благоустройство, быт, питание. В отдельных кварталах заводского поселка отсутствовал водопровод, канализация. При остром недостатке воды строительство дополнительного водопровода тянулось с 1955 г. Нерешенными оставались проблемы организации питания. На 31 тысячу человек, проживавших в восточной части Темиртау, имелось лишь 1300 посадочных мест в столовых, что едва покрывало возможности обеспечения питания половины рабочих, в итоге столовые могли обслужить лишь 18 тысяч человек (отсюда и часовые очереди в попытке перекусить в обеденный перерыв). «Ситуацию усугубляло отвратительно организованное питание, в столовых не хватало мест, и рабочие были вынуждены по часу стоять в очереди. В столовой не хватало вилок, ножей, ложек. Были случаи, когда рабочие обнаруживали в пище червей, тухлое мясо, испорченные продукты» [32, с.43].

Были нередки перебои в работе магазинов. Магазинов требовалось на 204 рабочих места, было только на 142, в них не хватало продуктов и предметов первой необходимости. Тотальный дефицит в стране с продуктами питания и товарами первой необходимости усугублялся в Темиртау с проблемой «трудового перенаселения» на всесоюзной стройке. Случались частые перебои в снабжении и хлебом, и с подвозом питьевой воды.

По воспоминаниям очевидцев, в палаточном городке отсутствовали коммуникации, привозная питьевая вода не отвечала санитарным нормам. Молодежь жила в больших палатках на 18-20-40 человек, которые делились на две комнаты большой белой простыней и столом. Из комфорта и обустроенности таких жилищ – земляной пол, матрацы, спальные мешки. Вокруг – непроходимая грязь. Летом еще было более-менее терпимо и строители как-то мирились со своим положением, но вот когда начало холодать, жить в палатках становилось невыносимо. В палатках не хватало элементарного – стульев, столов, тумбочек для личных вещей. Воды не хватало даже для питья, не говоря уж об умывании. Иногда жители городка в течение 3-5 дней не могли умыться. Белье молодые рабочие стирали около бачка с питьевой водой, сушить его было негде, часто люди были вынуждены надевать мокрую одежду. Постельное белье не менялось иногда в течение 20 дней. Не хватало освещения, не работало радио, газеты поступали нерегулярно. [32, с.43]

Водопровод в палаточном городке также отсутствовал, привозная вода была не всегда. Приготовить в таких условиях пищу было невозможно. Питались в деревянной столовой, сколоченной из горбыля, которая находилась за три версты от палаток. К тому же и питание было некачественным, готовили из плохих продуктов и воды. Досуг молодых строителей был совершенно не организован, события кипели в центральной части города, до которой 12 километров пути в условиях малоразвитой транспортной системы. Жители палаточного городка оказались за бортом темиртауской культурной жизни. Жить в палаточном городке было непросто, не все могли выдержать длительное проживание в таких условиях.

В Темиртау не хватало больничных и детских учреждений (школ, детских садов и т.п.). Дома отдыха в городе Темиртау находились в крайне запущенном состоянии. На важных стройках области не хватало более 60 врачей. Несмотря на увеличение простудных заболеваний, в области не было медикаментов пенициллина, сыворотки и т.д. [38, л.72]

Воспоминания Олейника Владимира Никифоровича, 1934 г.р., житель г. Темиртау с 1949 г. в 1959 г. слесарь «Темиртауского завода синтетического каучука»: «В палаточном городке питание плохое было, и вода. Варили и готовили все из плохих продуктов. О плохом снабжении жители палаточного городка жаловались, а толку не было никакого. И начался бунт». [39]

Воспоминания Рыскаля Владимира Михайловича, 1928 г.р., житель г. Темиртау с 1950 г., в 1959 г. мастер на «Темиртауском заводе синтетического каучука»: «После смерти Сталина волонтеризм Хрущева привел к тому, что ни в магазинах ничего не стало, ни в подсобных хозяйствах. Людям казалось, что войну выиграли, уже постепенно должна налаживаться

жизнь, а оказалось хуже, чем в военное время. Это все накапливалось. Народ роптал. Еще до вспышки, люди с благими намерениями, с просьбой или требованием вышли к тресту. Говорили о плохом питании, грязной воде. Требовали улучшить снабжение: кроме макарон, соли и воды не было ничего. Мясных продуктов не было, овощи только иногда. Хотя бы мясо, яйцо, то, что есть в наличии, должно было быть. Люди требовали именно улучшения питания, улучшения бытовых условий. Вспоминая о палаточном городке, и клопы были, вот такие бытовые условия. И все это нарастало, как снежный ком». [40]

Тогда еще совсем небольшой город Темиртау состоял из 2 крупных частей, расположенных на значительном удалении друг от друга. В центре города располагались здания администрации города, зеленые скверы с памятником В. И. Ленину, объекты культуры, жилые дома сталинской архитектуры. Расстояние от центра Темиртау до его восточной части, где располагались строительные площадки Карагандинского металлургического завода, палаточный городок, общежития строителей, и жилые дома, составляло около 12 километров. По существу, эти две части одного города представляли собой отдельные районы, связанные друг с другом грунтовой дорогой. Благоустройство Темиртау даже в центре оставляло желать лучшего. Одной из больших проблем были коммуникации, в том числе, дорожные. Не случайно в критических статьях местной газеты о дорогах в Темиртау писали: «во многих местах шоссе пришло в негодность. Шоферам поневоле приходилось быть виртуозами, чтобы вести правильно машину. Много времени они тратили на то, чтобы дождаться своей очереди на проезд в таких местах, где вместо хорошего шоссе осталась одна узенькая колея. Переваливаясь с боку на бок на ухабах и рытвинах, автобусы с трудом преодолевали глубокие лужи и ямы, буксовали. Водители нервничали, пассажиры зачастую ругали недобрым словом тех, кому надо бы уже давно привести в порядок дороги» [41].

Проблема четвертая – неравенство. Еще одно из обстоятельств усиливало социальную напряженность. На всесоюзной комсомольской стройке работали представители дружественной социалистической страны – болгары, из 2 тысяч болгар, трудившихся в Казахстане, более половины работало в Темиртау [42, с.276]. Трудились болгары, как вспоминают старожилы-темиртауцы, действительно хорошо. Но и условия жизни, быта, снабжения были у них гораздо лучше. Во-первых, никто из гостей-иностранцев не жил в палаточном городке, не жили они и в общих общежитиях с советскими рабочими. Общежития, мебель, обустройство быта у болгар были гораздо лучше, радиофицированы были все комнаты, в их общежитиях были магазины, где они отоваривались продуктами и товарами первой необходимости. Не было у них многочасовых простоев в производстве, лучше и систематичней подвозились на строительную площадку материалы, соответственно и зарплаты у болгар были гораздо лучше. Их повседневность заметно отличалась от условий жизни остальных рабочих. Интервьюируемые отмечают трудолюбие и доброжелательность болгар, но в условиях, когда ситуация была обострена до предела из-за повседневных проблем, это вызывало и негативную реакцию, и зависть, и озлобление тех рабочих, кто находился в худшем положении, чем болгарские рабочие. В условиях всеобщей жертвенности, люди редко выносят чье-то, на их взгляд, «незаслуженное» благополучие. Это обстоятельство, несомненно, служило катализатором или дополнительным детонатором социального взрыва. Такого рода конфликты иногда возникали между группами болгар и советскими рабочими, так как неудовлетворение проявлялось не по отношению к власти, а к «братскому народу». Иногда эти конфликты оказывались достаточно масштабными: неслучайно в мае 1959 г. зафиксирована массовая драка с участием более сотни человек между болгарскими и советскими рабочими.

Социально-бытовая неустроенность и неудовлетворенность разницей в условиях жизни между болгарскими и местными отслеживается в воспоминаниях жителей г. Темиртау. Воспоминания Струкова Ивана Тимофеевича, 1936 г.р., житель г. Темиртау с 1958 г, в 1959 г. был водителем самосвала: «Было неравноправие. Тогда болгары работали на стройке. У них одно было обеспечение, лучшие условия жизни. Они жили в благоустроенных общежитиях – там были и ковры, и дорожки, а такие рабочие, простые – наши, которые приезжали, жили в палатках. Столовая была из горбыля сделана, условия в этой столовой

были страшные. Неравноправие было большое, вот это и было основной причиной. И потом болгарам закрывали наряды, я точно не знаю, но в общем говорили, что им очень хорошо закрыли, а нашим – по одному рублю всего. В столовой еда некачественная была, кормили отвратительно. Там в столовой трубы были разморожены, даже сосульки внутри зала висели. Ну и в палатках – холодина, а люди в палатках жили. Все это вот и всколыхнуло народ». [43]

Проблема пятая – преступность и девиации. В середине 1950- гг. волна преступности охватила всю Карагандинскую область, об этом уже писалось в предыдущем разделе. Криминализация была характерна и для Темиртау. В городе, особенно в рабочей среде, было распространено пьянство. Если в 1959 г. за 1 полугодие было доставлено 1463 человека в медвытрезвитель, за полугодие 1960 г. было доставлено 1834 человека, что больше на 25%. Причем пили не только «несознательные», беспартийные рабочие, среди попавших в медвытрезвитель в 1960 г. было 63 коммуниста, членов ВЛКСМ – 210, рабочих завода СК – 48, СтройГРЭСа – 91, Казметаллзавода – 67, Казэлектромонтажа – 33, АГТК Казметаллургстроя – 33 и т.д. [44, л.43]. За 2 полугодие 1959 г. было зафиксировано 282 уголовных преступления, то есть в небольшом городе численностью в 76 тысяч человек каждые два дня совершалось 3 преступления. За первое полугодие 1960 г. в целом по городу зарегистрировано более 200 уголовных преступлений, в том числе тяжкого характера 23: убийства 4, разбой личного имущества – 3, тяжких телесных повреждений – 6, изнасилований – 10 [45, л.32]. Среди руководителей властных структур также распространены правонарушения, особенно по части растрат, хищений и приписок, о чем регулярно идут докладные записки и отчеты в область и республику [37, л.88]. В 1958 г. в суды Темиртау было направлено 5 дел за злоупотребление служебным положением [32, с.44].

Самым криминальным местом в Темиртау стал палаточный городок. В вечернее и ночное время появляться там было опасно. Местные прозвали этот городок «Тайвань» – это было автономное образование, которое жило в городе по своим «законам». Группа жителей палаточного городка, не имевшая прописки и неработающая, приехала на строительство из мест заключения после отбытия наказания. Они пьянствовали, хулиганили, но самое главное: они диктовали «правила жизни» на темиртауском «Тайване», терроризируя молодежь, обыгрывая их в карты, обворовывая и т.п.

В палаточном городке, отмечает в справке генерал-майор юстиции Н. Чистяков, на почве безделья и неустроенной жизни началось пьянство, картежная игра, драки. О двух наиболее крупных драках МВД СССР накануне развернувшихся событий информировало ЦК КПСС. В центре было известно о коллективной драке, вспыхнувшей 24 мая 1959 г. между работавшими на строительстве комбината болгарскими и русскими, в которой участвовало более 100 человек. И еще одна коллективная драка с участием более 200 человек – столкновение между рабочими из Одесской области и учащимися строительной школы 2 июля 1959 г. [32, с.43].

Подогревало без того опасную ситуацию и то, что среди поселенцев палаточного городка были и уголовные в прошлом элементы. Еще до августовских событий, на палатках городка появились надписи: «Одесса-мама», «Ростов-папа» и др. Сложилась ситуация, при которой в дневное время еще можно было появляться в палаточном городке, а в вечернее и ночное это было небезопасно. Об этом говорили между собой жители других районов города, стараясь обходить палаточный городок стороной, они уже хорошо знали, что такое «Тайвань» в Темирау.

Как пишет В. Козлов, криминальные элементы «сумели взять под контроль поведение части молодых рабочих, навязать остальным стандарты подчинения неформальной групповой иерархии и законам круговой поруки. В их лице доведенная до бешенства бессмысленными трудностями, бытовыми испытаниями и издевательствами «начальников» молодежь Темиртау получила готовых вожаков...» [32, с.45].

Проблема шестая – реакция власти на проблемы, точнее отсутствие реакции. Безусловно, что власть – партийные, советские, хозяйственные руководители всех уровней

(от областного до союзного) знали о катастрофической ситуации на стройке, которая официально считалась всесоюзной и комсомольской, что должно было обеспечить более пристальное внимание руководства ко всем проблемам на стройке. Но равнодушие и пренебрежение к повседневной жизни простого советского человека («винтика» по сталинскому определению) стали нормой для правящей элиты, и это продолжалось до тех пор, пока «винтик» не «стопорил» ход этой машины или пока не пытался «вывести из строя» весь механизм советского государства.

Материалы Государственного архива Карагандинской области позволяют сделать вывод о том, что власть ориентировалась в ситуации. 1 секретарю Карагандинского обкома КП Казахстана П.Н. Исаеву в справке УКГБ «О некоторых недостатках в развитии промышленной базы треста «Казметаллургстрой» от 10 января 1959 г. сообщаются недочеты в работе треста, приводятся цифры понесенных убытков. В июне 1959 г. секретарю Карагандинского обкома КПК поступает спецсообщение УКГБ «О фактах приписки объема невыполненных работ и перерасходе средств на строительстве Карагандинского металлургического завода». Данные этого спецсообщения свидетельствуют об объемах растрат государственных средств посредством различных приписок. В июле заместитель начальника УВД исполкома Карагандинского облсовета трудящихся Жумадилов обращается с докладной запиской к секретарю Карагандинского обкома КПК «О фактах приписок в тресте «Казметаллургстрой». Согласно приводимым УВД данным шло расхищение крупных сумм денежных средств, нанося государству значительный материальный ущерб. Также замначальника УВД сообщает и о крупных растратах и хищениях в жилищно-коммунальной конторе треста. 31 июля, за день до начала беспорядков с докладом о крупных хищениях к Секретарю Центрального комитета Коммунистической партии Казахстана тов. Ф.К. Карибжанову обращается Министр внутренних дел Ш. Кабылбаев [37, л.88].

Документы из фондов Архива Президента РК отслеживают степень информированности партийными и государственными органами ситуации на стройке. В частности, в октябре 1959 г. на областном пленуме во время обсуждения событий августа 1959 г. и поиска виновных во время выступлений секретаря Саранского горкома партии Зиминной выяснилось, что «вина бюро областного комитета партии состоит в том, что мы по существу молчаливо соглашались с ошибочной линией бывшего председателя Карагандинского совнархоза т. Оника, который настойчиво добивался направления на строительство Казахской Магнитки большого количества молодежи, без учета наличия жилой площади, трудоустройства их, создания им элементарных культурно-бытовых условий... Все это случилось потому, что у нас слабо критиковали недостатки, и главное, не реагировали на замечания. Мы долго терпели ненормальные отношения между тов. Исаевым и тов. Оника. Действительно, за последнее время в областной партийной организации создалось нетерпимое положение, особенно это чувствовалось, когда присутствуешь на бюро. Я не защищаю т. Исаева, но считаю, что если бы он был более твердого характера, то не терпел бы такого поведения Оники. Ведь т. Оника не давал никому говорить, никогда ничего не выполнял из того, что обещал» [27, л.81].

А главный инженер треста «Казметаллургстрой» Ходос сообщил, что «в мае месяце, когда у нас был Н.И. Беляев, мы хотели ему показать всю стройку, чтобы у него сложилось правильное впечатление о положении дел с пуском доменной печи. Но некоторые товарищи нам это запретили. Например, т. Тажиев – секретарь ЦК КПК высказал такое соображение, что на пуск доменной печи будут выделены необходимые ресурсы и поэтому нет необходимости показывать отстающие участки. Поэтому т. Беляев и не побывал на всех объектах» [27, л.85].

На заседании бюро ЦК КПК в октябре 1959 г. выяснилось, что «секретарь ЦК Козлов Г.А., был на стройке накануне событий, но не вникал глубоко в работу партийных, советских, хозяйственных организаций, не ознакомился тщательно с бытом и настроениями рабочих, в связи с чем он не разобрался в обстановке и некритически отнесся к крупным недостаткам, имевшимся на стройке» [46, л.17]. Бывал на стройке по поручению Бюро ЦК

КП Казахстана и секретарь ЦК КП Казахстана Ш.Т. Тажиев, но он «недобросовестно относился к выполнению поручений Бюро ЦК, поверхностно занимался делами строительства, необъективно и неправильно информировал ЦК о положении дел на стройке» [46, л.17].

Власть проявила преступное равнодушие и никак не реагировала на явные признаки наступающей конфликтной ситуации. Попытки поднять и вынести проблемы на открытое обсуждение пресекались достаточно жестко. Редакция многотиражной газеты «Строитель» (печатный орган управления треста «Казметаллургстрой») была подвергнута критике, ее обвинили в неправильной линии при освещении положения дел на строительстве Карагандинского металлургического завода. Основанием к такому рода выводу послужила «наметившаяся тенденция к замалчиванию героики труда строителей Казахской Магнитки и выпячивания недостатков». Порицая редакцию, партийные критики пишут: «Обращает на себя внимание то, что при освещении недостатков газета соскальзывает на их смакование, делает ставку на факты случайные, мелкие, и всем этим искажает положение дел на стройке. Происходит это потому, что редакция отказалась от анализа, критического подхода к явлениям, событиям и фактам в жизни строителей, по-партийному подходит к оценке всего совершающегося на большой стройке» [47, л.202].

За какие статьи газета была обвинена в «неправильном освещении» положения дел? Названия статей говорят сами за себя: «Нескорая помощь», «Вор за рулем», «В облаках пыли», «В тесноте...и обиде», «Брак – бич стройки», «Бетон пошел на свалку», «Стыкстрой», «Людей надо уважать», «И думать об их нуждах», «Как добраться на работу?», «Так не руководят», «Когда труд организован плохо», «Работать, а не простаивать! – для этого ехали мы в Темир-Тау», «Киоск без газет», «Упорядочить движение автобусов», «Когда же выдают премию», «Стыдно так делать», «А на чем же писать? Мрачная передовая о столовых», «Улучшать условия труда и быта рабочих», «Механизмы есть, а работают вручную», «Армия большая – а работы не видать», «Пора покончить с приписками», «Мы хотим слушать другое». Заголовки газетных статей отражали проблемы, которые привели к социальному взрыву в августе 1959. Открытое обсуждение проблем, критика были недопустимы. Газеты должны были отражать лишь достоинства системы, трудовые подвиги и героизм советских людей [47, л.202]. Власть бездействовала, газеты молчали.

Действительно, в справке генерала-майора юстиции Н. Чистякова отмечалось, что местное начальство никак не реагировало на жалобы, даже отказывалось выслушать претензии. Отсутствовала взаимосвязь и взаимоответственность в связке «власть и народ». Не случайно отмечается, что фактически в Темиртау полностью отсутствовала необходимая для поддержания стабильности и жизнеспособности советского бюрократического государства система «обратной связи» с населением – вялая реакция «начальства» на жалобу закрывала для людей последнюю легальную возможность изменить положение к лучшему [32, с.43].

В целом проблемы, возникшие при строительстве Карагандинского металлургического завода, являлись типичными для индустриального развития не только республики, но и страны в целом. Государство всегда делало ставку на энтузиазм, альтруизм и способность к жертвенности советских людей. Нетипичной оказалась реакция рабочих в данной ситуации. Система была не готова к подобной реакции общества, соответственно и скрывала собственную агрессивную «беспомощность», неспособность конструктивно и адекватно реагировать на подобные явления.

События начались с того, что в субботу 1 августа 1959 г. вечером группа рабочих направилась в столовую, но все столовые оказались закрытыми. Это вызвало возмущение рабочих и некоторые из них приняли участие в разгроме столовой. Во время погрома было задержаны милицией два участника. Неуправляемая толпа попыталась их освободить, но это им не удалось. Утром и днем 2 августа проводились стихийные собрания и митинги. Но ни партийные, ни хозяйственные органы, ни руководство стройки действенных мер для решения конфликтного вопроса не предприняли. Вечером 2 августа ситуация стала еще

более напряженной и неуправляемой. По данным 1 секретаря Карагандинского обкома партии в событиях приняли участие более 3 тысяч человек [34, л.48]. Начался погром милиции и универсама. Секретарь Темиртауского горкома партии А.Г. Коркин известил об этом обком. В обкоме было принято решение поднять силы милиции и солдат вооруженной охраны КарЛАГа и направить их на стройку для наведения порядка. На протяжении всей ночи с 2 на 3 августа к универсаму подъезжали подразделения конвойной охраны мест заключения, военнослужащие, которые были вооружены карабинами и автоматами с боевыми патронами. Ночью 2 августа с устного разрешения областного партийного руководства и руководства МВД республики силовые структуры стали применять оружие. Солдаты и милиция, как было зафиксировано в обвинительном заключении, вели беспорядочную стрельбу из карабинов и автоматов в сторону собравшихся вокруг универсама жителей поселка. Стрельба особенно усилилась на рассвете и утром 3 августа после прибытия к универсаму большинства подразделений конвойной охраны [48].

К утру 3 августа в г. Темиртау находилось уже около 600 человек из личного состава конвойной охраны МВД, горотдела милиции, УВД области и других подразделений. О массовых беспорядках на стройке было доложено в ЦК КПК и ЦК КПСС. По указанию МВД СССР в город Темиртау с 3 на 4 августа на самолетах было доставлено 1400 солдат и офицеров частей внутренних войск МВД [49, л.175]. 3 августа на работу не вышли 25 тысяч человек. К концу дня 3 августа беспорядки были ликвидированы.

В работе Абылхожина Ж. [50, с.263] констатируется, что кровавыми итогами «умиротворения» этих волнений стали 16 убитых и более 50 раненых. Исследователь Лельчук В.С. сообщает, что если верить данным, которые позднее фигурировали в материалах прокуратуры и судебных органов, среди «мирного населения» 11 человек были убиты и 5 умерли от огнестрельных ран. По свидетельству полковника М.П. Васютина (в 1959 г. он занимал должность заместителя начальника управления внутренних дел по Карагандинской области и непосредственно возглавлял в те дни милицейский отряд в Темиртау) «от рук хулиганов и грабителей пострадало 111 военнослужащих и работников милиции; из них 30 человек получили огнестрельные раны, а 13 человек – тяжелые ранения; однако ни один военнослужащий и милиционер не погиб» [38, л.291]. В записке секретаря Карагандинского обкома КП Казахстана П. Исаева в ЦК КПСС было отмечено, что «оружие применялось только против участников грабежа магазинов, против тех, кто стрелял из огнестрельного оружия в солдат, офицеров, работников милиции и дружинников, нападал на них с ножами, камнями и палками» [49, л.176]. П. Исаев при выяснении обстоятельств применения оружия первоначально сообщал, что было лишь 2 случая применения оружия в Темиртау. Первый факт применения был, когда 2 грузовых автомобиля подъехали к динамитному складу, чтобы разоружить охрану, тогда военизированная охрана применила оружие. И второй случай применения – у магазина сторож применил оружие против грабителей. О том, что оружие применялось для расправы с рабочими, П. Исаев умолчал [51]. В числе пострадавших оказались невиновные, случайные люди. В архивных документах отмечено, что 27 человек получили тяжелые и средние ранения [49, л.176].

При подавлении массовых беспорядков в Темиртау было задержано 190 человек, большинство из них отпустили, 42 было взято под арест с возбуждением на них уголовного дела. Семь человек были определены следствием, как наиболее активные участники: Заговский, Аплоцинь, Маньшин, Жиряков, Шилов, Сухинин и Югов. Еще двое, которых тоже квалифицировало следствие, как организаторов (Бескоровайный и Макеев) были убиты вовремя подавления беспорядков. Из этих девяти – двое были комсомольцами, трое имели уголовное прошлое. Как отмечает исследователь В. Козлов, они не имели никакой политической программы, ясных целей, выражали протест против несправедливости местной власти и скорее были не руководителями волнений, а их «голосом» [32, с.55-56]. Двое из них – Маньшин и Заговский были приговорены судом к расстрелу, но позже им заменили расстрел на 15 лет лишения свободы, остальные обвиняемые получили разные сроки тюремного заключения.

Безусловно, что об этих событиях не сообщалось ни в одной центральной газете, ни в одном журнале, последствия событий в Темиртау власти постарались замять. Министр внутренних дел КазССР Ш. Кабылбаев и начальник УВД Карагандинской области Н.Н. Любых были обвинены по статье 144 ч. 2 УК Казахской ССР (превышение власти), но дело до суда не дошло, и следствие было прекращено. Ряд руководителей (Н.И. Беляев – первый секретарь ЦК Компартии Казахстана; П.Н. Исаев – первый секретарь Карагандинского обкома партии и др.) лишились свой постов. А прошедшие трагические события трактовались как хулиганская вылазка уголовных элементов из Темиртау. Фактически эти события были очередным проявлением экономического, политического, социального кризиса, тупика в развитии Системы, демонстрацией необходимости коренных изменений в обществе.

В целом проблемы, возникшие при строительстве Карагандинского металлургического завода, являлись типичными для индустриального развития не только республики, но и страны в целом. Государство всегда делало ставку на энтузиазм, альтруизм и способность к жертвенности советских людей. Нетипичной оказалась реакция рабочих в данной ситуации. Система была не готова к подобной реакции общества, соответственно и скрывала собственную агрессивную «беспомощность», неспособность конструктивно и адекватно реагировать на подобные явления. Поэтому ни в средствах массовой информации, ни в научной литературе в советский период о событиях в Темиртау не говорилось ни слова.

После событий 1959 г. в Темиртау на некоторое время стабилизировались поставки строительных материалов, техники, частично были решены и социально-бытовые проблемы. Был решен вопрос нехватки жилья для молодых строителей: в срок меньше, чем две недели 2100 жителей палаточного городка были расселены в общежитиях. Построены десятки магазинов, универмаг, столовые, овощехранилища и т.п. События в Темиртау заставили руководство республики задуматься о реальной опасности массовых беспорядков.

Это был один из самых крупных случаев девиантного поведения среди горожан Центрального Казахстана, вызванного повседневными проблемами социально-экономического характера, подавление которого произошло с помощью оружия.

Литература и источники

1. Сактаганова З.Г. Экономическая модернизация Казахстана. 1946-1970 гг. – Караганда, 2012. – 365 с.
2. Зиновьев А. Гомо советикус. – Лозанна, 1982/ www.zinoviev.ru/zinoviev-homo-sovieticus
3. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. - Москва, 2015. – 488 с.
4. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. – СПб.: Журнал«Нева», 1999. – 320 с.
5. ГАКО. Ф.205. Оп.6. Д.87
6. Курицына Е.В. Амнистия 1953 г. и её влияние на криминализацию общественной жизни в СССР (На материалах Пензенской области) // Известия Пензенского Государственного Педагогического Университета имени В.Г. Белинского. – 2012 г. - № 27. – С. 764-768
7. Михайленко П.П., Гельфанд И.А. Предупреждение преступлений - основа борьбы за искоренение преступности. – Москва: Юридическая литература, 1964. – 203 с.
8. Пашин В.П., Богданов С.В., Емельянов С.Г., Зюбан О.П. Экономическая преступность в СССР: от Хрущева до Горбачёва (проблемы детерминации, масштабы, формы и особенности государственного противодействия). – Курск, 2012. – 372 с.
9. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. – Москва: Госюриздат, 1961. – 279 с.
10. ГА РФ. Ф.8131. Оп.32. Д.2347
11. ГА РФ. Ф.8131. Оп.32. Д.4795

12. АП РК.Ф.708. Оп.34. Д.125
13. АП РК. Ф.708. Оп.30. Д.2543
14. ГА РФ. Ф.8131. Оп.32. Д.463
15. Богданов С.В. Попытки Н.С. Хрущева активизировать борьбу с экономической преступностью в СССР / Российский историко-архивоведческий журнал «Вестник архивиста.ru» / <http://www.vestarchive.ru/issledovaniia/1964>
16. Доценко А.М. Повседневная жизнь советского города начала 1950 - первой половины 1980-х годов: на материалах г. Куйбышева и городов Куйбышевской области. – Самара, 2007. – 260 с. Автореф. диссер...к.и.н. // dissercat/www.dissercat.com
17. АП РК.Ф.708. Оп.36. Д.1355
18. ГА РФ. Ф.8131. Оп.32. Д.4045
19. АП РК. Ф.708. Оп.36. Д.1555
20. РГАСПИ. Ф.591. Оп.1. Д.12
21. АП РК. Ф.708. Оп.30. Д.2543
22. ГАКО. Ф.205. Оп.6. Д.322
23. ГАКО. Ф.205. Оп.6. Д.245
24. Краснов Д.А. Общество и Власть. «Собранные данные позволили констатировать...». Документы Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Прокуратуре СССР о распространенности употребления спиртных напитков несовершеннолетними. 1969 / Исторический Архив. – 2013. – № 1. – Стр 27–29 / http://www.mkal.ru/publication/6_04-04-2012/
25. Фокин А.А. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками» и антиалкогольная кампания 1960-х годов / Вестник Челябинского государственного университета. История. Выпуск 60 – 2014. – № 12 (341). – С. 109-115 / <http://cyberleninka.ru/article/n/postanovlenie-tsk-kpss-i-soveta-ministrov-sssr>
26. АП РК. Ф.708. Оп.30. Д.2543
27. АП РК. Ф.708. Оп.32. Д.1392
28. ГА РФ. Ф.9523. Оп.1. Д.162
29. Назарбаев Н.А. Без правых и левых. - М., Молодая гвардия, 1991. - 254 с.; Кунаев Д.А. О моем времени. – Алма-Аты: Даур, 1992. - 306 с.; Горизонт. – 1991 - № 21, 22, 24, 26.
30. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т. 4. – Алматы: Атамұра, 2009. – 767 с.; Абылхожин Ж. Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. – Алматы: Университет Туран, 1997. – 360 с.; Сактаганова З.Г. Экономическая модернизация Казахстана 1946-1970 гг. – Караганды: Глассир, 2012. – 364 с. и др.
31. Лельчук В.С. 1959 г. Расстрел в Темиртау// Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. – М., 1997. – С. 273-327; Сактаганова З.Г. 1959 год. События в Темиртау// Вестник КазНУ. Серия Историческая. – 2006. – № 3 (42). – С.51-56 и др.
32. Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. – 416 с.; Козлов В.А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953-1985 гг. – Москва: Олма-пресс, 2006. – 446 с. и др.
33. Темиртауский рабочий. – 1958. – 9 мая (№ 91)
34. РГАСПИ. Ф.17. Оп.89. Д.337
35. Темиртауский рабочий. – 1958. – 20 мая (№ 99)
36. Темиртауский рабочий. – 1958. – 14 мая (№ 95)
37. ГАКО. Ф.1. Оп.7. Д.714
38. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 89. Д.228
39. Интервью с В.Н. Олейником, записано В. Кусовым в Темиртау в 2015 г.

40. Интервью с В.М. Рыскалем, записано В. Кусовым в Темиртау в 2015 г.
41. Темиртауский рабочий. – 1958. – 20 мая (№ 99)
42. Лельчук В.С. 1959 г. Расстрел в Темиртау// Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. – М., 1997. – С. 273-327
43. Интервью с И.Т. Струковым, записано В. Кусовым в Темиртау в 2015 г.
44. ГАКО. Ф.178. Оп.1. Д.2125
45. ГАКО. Ф.178. Оп.1. Д.2515
46. АП РК. Ф.708. Оп.32. Д.161
47. ГАКО. Ф.1. Оп.7. Д.713
48. Материалы обвинительного заключения из семейного архива генерала Ш. Кабылбаева (в 1959 г. занимавшего должность министра внутренних дел Казахстана). – Горизонт. – 1991. – № 24. – 15 июня
49. ГАКО. Ф.1. Оп.7. Д.715
50. Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. – Алматы: Университет «Туран», 1997. – 360 с.
51. Лельчук В.С. 1959 год. Расстрел в Темиртау// Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. – М., 1997. – С.273-327; Российские вести. – 1994. – 5 марта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ историографии по истории повседневности позволяет утверждать, что «в гуманитарном направлении исследований начался процесс «антропологического поворота» и междисциплинарного синтеза, перенос акцента с исследования государственных институтов, экономических структур и больших общностей на изучение небольших групп, стратегий поведения индивидов, а также переход от описания значимых событий к анализу повседневности». Главное, что сегодня отличает особенности серьезных исследований, – междисциплинарный подход к анализу исторических проблем и особое внимание к обычному человеку, «его обыденным проявлениям во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах». В российской историографии истории повседневности серьезные разработки осуществляются в ряде направлений, среди которых внимание исследователей акцентируется на проблемах женской повседневности, изучении девиантного поведения и преступности в обществе, экстремальной (революционной и военной) повседневности. Закрепилась тенденция изучения повседневной жизни различных социокультурных групп, включая никогда ранее не бывшие объектом внимания историков. Городская повседневность стала одной из центральных проблем современных мультидисциплинарных исследований по повседневности, она избирается темой монографий, диссертационных исследований, обсуждается в периодических изданиях и становится темой книжных серий. Но в Казахстане история повседневности до сих пор остаётся недостаточно разработанной отраслью исторического знания.

Что же касается повседневной жизни горожан Центрального Казахстана, то она во многих своих характеристиках соответствовала общесоюзным тенденциям, но имела и некоторую собственную специфику. В 1950-1960-е гг. Центральный Казахстан представлял собой регион с достаточно высоким уровнем урбанизации: удельный вес городского населения стал превышать долю сельского населения по всему региону. Абсолютный прирост численности населения объяснялся положительным миграционным приростом. Миграционный прирост был представлен преимущественно добровольной миграцией и оказал непосредственное влияние на формирование многонациональной структуры городского населения. Возрастная структура городского населения региона характеризовалась высоким удельным весом лиц трудоспособного возраста, на промышленное строительство в основном были направлены люди трудоспособного возраста. Особенности демографического развития были обусловлены индустриальным характером развития городов. Высокие темпы роста численности населения в них намного превышали этот показатель в других регионах республики вследствие бурных миграционных потоков на гигантские стройки социализма. Привлечение рабочей силы со всех уголков Советского Союза стало причиной резкого падения удельного веса казахов в национальном составе городов, низкого естественного прироста населения, вследствие более низких показателей у некоренных жителей и процессами урбанизации, доминирования в социальной структуре населения городов рабочего класса. Прибытие в города большого количества людей, обострило жилищную проблему, дефицит дошкольных учреждений, школ, культурно-массовых, бытовых и медицинских учреждений.

Анализ системы здравоохранения и медицинского обслуживания городского населения Центрального Казахстана свидетельствует о том, что существующая сеть медицинских учреждений не удовлетворяла потребности резко возросшего населения. Города Центрального Казахстана нуждались в строительстве новых лечебно-профилактических учреждений, а также в развертывании дополнительных коек в существующих больницах. Остро стоял вопрос об увеличении медицинских кадров, особенно квалифицированных врачей. С середины 1950-х-1960-е гг. развитие системы городского здравоохранения Центрального Казахстана происходило в направлении укрепления материальной базы учреждений здравоохранения, профилактики заболеваний,

развития детской медицины. Несколько повысилось качество оказываемых медицинских услуг, как в результате углубления специализации, так и за счет лучшего обеспечения больниц, здравпунктов и поликлиник современной медицинской аппаратурой и оборудованием.

Благоустройством и особой эстетикой архитектуры города Центрального Казахстана в послевоенный период не отличались. Не наблюдалось стремление к созданию города как носителя эстетических ценностей. Слабое развитие водопроводных магистралей и канализационных сетей, банно-прачечного хозяйства, частая антисанитария в больницах, общепите, общежитиях и т.д. – все это было типичными чертами жизни советских городов 1950-х гг. В послевоенное время люди жили в полуподвальных помещениях, ветхих домах, бараках, землянках, ютились в коммунальных квартирах. Жилищное строительство было самой важной задачей в области подъема материального благосостояния населения, в середине 1950-х из всех потребностей советских граждан наиболее острой была жилищная. В хрущевское десятилетие начался необычайный размах жилищного строительства на основе индустриализации всех строительных процессов. И в повседневной жизни советских горожан произошли значительные изменения, связанные с прежде всего развернувшимся широкомасштабным жилищным строительством и массовым переселением людей из «коммуналок» и бараков в отдельные квартиры. Максимальное удешевление строительства обусловило борьбу с «излишествами в архитектуре» и привело к одинаковости и монотонности застройки, сокращению размеров жилых и подсобных помещений. Однако, при всех недостатках «хрущевок», они позволили в какой-то мере смягчить жилищный кризис и обеспечить благоустроенным жильем миллионы людей.

В 1950-е гг. города Центрального Казахстана характеризовались крайне низким уровнем жизни, причем это было характерно не только для Казахской ССР, но и в целом для Советского Союза. Остро стояли вопросы, связанные с дефицитом продовольственных товаров, нестабильностью цен, продовольственным распределением и т.д. Существующая система торговли и общественного питания были развиты слабо. Специфика национальной республики наиболее ярко в советское время проявилась в особенностях домашнего питания. Если благоустройство городов, коммуникации, новостройки хрущевок, общепит и торговля были типичными для всех провинциальных союзных городов, и российские и казахстанские города мало чем друг от друга отличались, то эта сфера бытия – питание имела серьезные отличия. Казахстанцы питались лучше, разнообразней, употребляя больше мясных продуктов (более тесная связь горожан-казахов с сельскими родственниками): на домашнем меню сказывалась интернационализация жизни казахстанцев, казахстанское общество и в повседневной жизни было «лабораторией дружбы народов». В домашнем питании почти всех горожан были и русские, и казахские, и корейские, и украинские, и немецкие блюда, и блюда других национальностей.

Сфера розничной торговли товарами широкого потребления характеризовалась дефицитом, была представлена однообразным и скудным ассортиментом товаров, перебойным снабжением и большими очередями. Горожане остро нуждались в одежде, обуви, а также товарах, используемых в быту. Заверения «о заботе партии и правительства о благосостоянии народа», развитии сферы торговли и общественного питания в течение исследуемого периода не соответствовали действительности и традиционно относились к разряду второстепенных дел. Ускоренная индустриализация, форсированное возведение промышленных комплексов привели к большому притоку населения, что также отрицательно сказалось на резком увеличении нагрузки на имеющуюся торговую сеть и общественное питание в регионе. Резкие изменения в лучшую сторону в городах Центрального Казахстана (особенно в Караганде и Темиртау) произошли после событий 1959 г., когда власть стала более внимательно следить за вопросами снабжения, несколько изменив ситуацию в этом плане.

Досуг являлся составной частью политики советского государства. Все культурно-просветительские и массовые мероприятия, получившие широкое распространение в

середине XX в., носили идеологический характер. Культурные учреждения (библиотеки, клубы, кружки, кино, театры и др.) помимо выполнения основных своих функций стали мощным средством политической агитации и пропаганды советского строя. Все формы досуга были направлены на воспитание «советского патриотизма и коллективизма», а также приобщение человека к советской культуре. На протяжении рассматриваемого периода власть постоянно контролировала проблему свободного времени и досуга трудящихся. Многие советские люди свое свободное время посвящали культурному общению, умственному и физическому развитию, общественной деятельности, художественному творчеству. Не случайно в городах в праздничные и выходные дни на стадионах и площадях, в парках и других общественных местах проводились массовые гуляния. Организовывались коллективные прогулки, экскурсии в музеи, походы на природу. Передовикам производства профсоюзы обеспечивали бесплатные или льготные путевки на эти курорты. Организовывался летний отдых для школьников в пионерских лагерях, для молодежи и остальной части населения на туристических базах. Несколько отличало горожан центрально-казахстанского региона (это было характерно для многих областей республики) религиозная повседневность. Многие казахстанцы сохранили традиции соблюдения религиозных праздников, выполняли определенные религиозные ритуалы и т.д., хотя скрывали это от власти. В отличие от православия, ислам в меньшей степени был подвержен гонениям до хрущевского десятилетия, что и способствовало сохранению многих мусульманских и доисламских верований и традиций в семьях восточных народов республики (казахи, чеченцы, ингуши, узбеки и др.).

Состояние преступности и девиаций отражало общесоюзные закономерности. В большинстве случаев причиной высокого уровня преступности в советское время являлась материальная и жилищная необеспеченность многих групп населения. Сталинский тоталитарный режим, подавлявший все общество, в какой-то мере подавлял и преступность, ослабление режима, амнистия и еще ряд причин привели к резкому росту преступности в середине 1950-х гг. в СССР в целом, и в частности в городах Центрального Казахстана. Одной из постоянных и трудноразрешимых проблем советской повседневности являлись пьянство, алкоголизм, массовые хищения и спекуляция, подростковая преступность и др. Нерешенные социально-экономические проблемы, необустроенная повседневность стали причиной появления в регионе очагов социальной напряженности. Одним из массовых, нетипичных проявлений девиантного поведения в 1950-е – 1960-е гг. стали Темиртауские события августа 1959 г.

В целом, повседневная жизнь населения городов Центрального Казахстана 1950-1960-х гг. отражала особенности советской повседневности. Изучение ее позволяет понять мышление советского человека, который в истории XX в. оставил глубокий след. Понять его можно, лишь возвратившись к советской истории, то есть, возвратившись в прошлое. А прошлое, по определению М. Блока, есть некая данность, которую уже ничто не властно изменить, но изучение прошлого развивается, непрестанно преобразуется и совершенствуется. В этом стремлении к совершенствованию мы видим задачу историков.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМН	Академия медицинских наук
АН	Академия наук
АП РК	Архив Президента Республики Казахстан
ВАК	Высшая аттестационная комиссия
ВЛКСМ	Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи
ВСЕХБ	Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов
ВСНХ	Высший совет народного хозяйства
ВТУЗ	Высшее техническое учебное заведение
вуз	высшее учебное заведение
г., гор.	город
га	гектар
ГАЗ	советский автомобиль, производившийся на Горьковском автомобильном заводе
ГАКО	Государственный архив Карагандинской области
ГА РФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАСК	Государственный архитектурно-строительный контроль
ГК	городской комитет
главмясомолсбыт	Главное управление по сбыту мясной и молочной продукции
горкомхоз	городское коммунальное хозяйство
горотдел	городской отдел
горсовет	городской совет
ГРЭС	гидроэлектростанция
ГУЛага	Главное управление исправительно-трудовых лагерей
Д.	дело
д.и.н.,	доктор исторических наук
док. истор. наук	
дис., диссер.	диссертация
ДК	дом культуры
ДНД	добровольная народная дружина
ЕХБ	евангельские христиане-баптисты
ЗАГС	органы записи актов гражданского состояния
зеленстрой	управление по благоустройству и озеленению
ЗИЛ	грузовой автомобиль производства завода им. Лихачева
ЖБИ	завод железобетонных изделий
ИПЦ	истинно – православная церковь
ИЛ	советский самолет, спроектированный конструктором Илюшиным
ИТР	инженерно-технические работники
ИТЛ	исправительно-трудовой лагерь
Казметаллургстрой	Казахский металлургический строительный трест
КарГУ	Карагандинский государственный университет
Карлаг	Карагандинский исправительно-трудовой лагерь
КВН	Клуб веселых и находчивых
кг	килограмм
кирзавод	кирпичный завод
КССР, КазССР	Казахская Советская Социалистическая Республика
кв м	квадратные метры
к.и.н.,	кандидат исторических наук
канд. истор. наук	
кирзавод	кирпичный завод
ккал	килокалории

км	километры
КМК	Карагандинский металлургический комбинат
коп.	копеек
КП(б)К	Коммунистическая партия большевиков Казахстана
КПК	Коммунистическая партия Казахстана
КПП	контрольно – пропускной пункт
КПСС	Коммунистическая партия Советского Союза
КСК	Комиссия советского контроля
л.	лист
Лиазы	советский и российский городской автобус производства Ликинского автобусного завода
ЛКСМ	Ленинский Коммунистический Союз Молодежи
М.	Москва
м	метр
МВД	Министерство Внутренних дел
млн.	миллион
МОН РК	Министерство образования и науки Республики Казахстан
медьпродснаб	государственная контора по снабжению рабочих медных рудников и заводов
моботдел	военно-мобилизационный отдел
НИИ	Научно-исследовательский институт
НСШ	начальная средняя школа
наркомпрос	Народный комиссариат просвещения
облмаслопром	областной трест маслосырodelьной промышленности
облторготдел	областной отдел торговли
ОБХСС	отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности
облздравотдел	областной отдел здравоохранения
облторг	областное торговое управление
общепит	общественное питание
ОК	областной комитет
Оп.	опись
ОРС	отдел рабочего снабжения
ОРУД –ГАИ	отдел по регулированию уличного движения Государственной автомобильной инспекции
паз(ик)	советский автобус малого класса, производившийся Павловским автобусным заводом
пос.	поселок
ПТУ, профтехучилище	профессионально-техническое училище
р.	река
РАН	Российская академия наук
РК	Районный комитет
РГАНИ	Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
	Российский государственный архив экономики
РГАЭ	Русская православная церковь
РПЦ	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РСФСР	
руб.	рублей
РФ	Российская Федерация
рыбкооп	кооператив по сбыту рыбы
с.	село

САДУМ	Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана
СК	завод синтетического каучука
СМ	Совет Министров
Спб	Санкт-Петербург
Сов.	совершенно
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
СУ	строительное управление
СШ	средняя школа
т., тов.	товарищ
тыс.	тысяч
ТЭЦ	тепловая электростанция
УВД	Управление Внутренних Дел
УИТК МВД	Управление исправительно-трудовых колоний Министерства Внутренних Дел
УРС	Управление рабочего снабжения
УПК	учебно-производственный комбинат
уч. г.	учебный год
Ф.	фонд
ФЗО	фабрично-заводское обучение
ХРМ	хозрасчетный магазин
ЦГА РК	Центральный государственный архив Республики Казахстан
ЦК	Центральный Комитет
ЦСУ	Центральное статистическое управление
цум	центральный универсальный магазин
чел.	человек

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдрахманова Кымбат Казалиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан.

Веременко Валентина Александровна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (ЛГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Досова Бибигуль Аралбаева – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан.

Елеуханова Светлана Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Казахстана и Ассамблеи народа Казахстана, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан.

Карсыбаева Жулдыз Алпысовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Казахстана и Ассамблеи народа Казахстана, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан.

Козина Валерия Викторовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана и Ассамблеи народа Казахстана, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан.

Сактаганова Зауреш Галимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории, директор Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан.

Утебаева Айгерим Дауленовна – старший преподаватель кафедры истории Казахстана и Ассамблеи народа Казахстана, магистр гуманитарных наук, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан.

Научное издание

**Абдрахманова Кымбат Казалиевна,
Веремченко Валентина Александровна,
Досова Бибигуль Аралбаева,
Елеуханова Светлана Викторовна,
Карсыбаева Жулдыз Алпысовна,
Козина Валерия Викторовна,
Сактаганова Зауреш Галимжановна,
Утебаева Айгерим Дауленовна**

**ГОРОДА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА
В 1950-1960-Е ГОДЫ:
ИСТОРИЯ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ**

Монография

Технический редактор *Д.Н.Муртазина*

Отпечатано с авторского оригинала

Подписано в печать 17.05.2017 г. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Объем 14,0 п.л.
Тираж 300 экз. Заказ № 39.

Отпечатано в типографии Издательства КарГУ им. Е.А.Букетова
100012, г. Караганда, ул. Гоголя, 38